

В. И. Смирнов

**Цветок клюквы
и веточка
карликовой березы**
Судьбы краеведов

Сергиев Посад
2016

УДК 929.5
ББК 63.3(2)6
С50

Приношу большую благодарность за помощь в работе с архивами
Ирине Валентиновне Белозеровой
Ярославу Евгеньевичу Смирнову.

Смирнова Т.В.

С50 Цветок клюквы и веточка карликовой березы.
Судьбы краеведов. Сост. Т.В. Смирнова – Сергиев Посад:
ООО «Все для Вас “Подмосковье”», 2016. – 392 с.: фот.
ISBN 978-5-9976-0092-1

Эта книга о судьбах краеведов 1920-х гг. и о настоящей любви двух человек в трудные времена. Основу книги составляют письма краеведа В.И. Смирнова к жене, Лидии Сергеевне Кितिцыной, написанные им из тюрьмы и ссылки (1930–1931). В книгу включены также его письма к жене из геологической экспедиции (1941 г.), письма В.И. Смирнова к брату М.И. Смирнову (1938–1941), письма Л.С. Кितिцыной к М.И. Смирнову о кончине мужа, текст брошюры Смирнова «Архангельск начала 1930-х годов. Записки иностранца», некоторые его этнографические работы, а также воспоминания Т.В. Смирновой, его дочери, о жизни в Архангельске.

Эта книга для тех, кто интересуется историей краеведения и историей нашей страны периода 1930 – начала 1940-х годов.

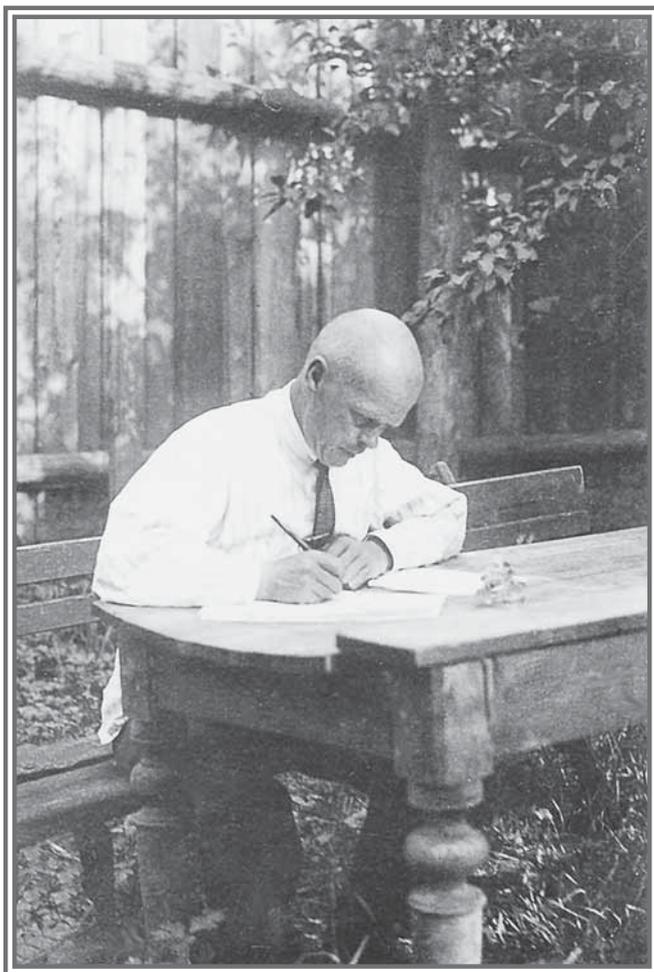
Издание осуществлено на средства автора

ISBN 978-5-9976-0094-5

УДК 929.5
ББК 63.3(2)6

© Составитель Т.В. Смирнова, 2016

В.И. Смирнов. 1929 г., Кострома

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Историк-краевед Василий Иванович Смирнов (1882–1941) долгие годы жил и работал в Костроме, занимаясь изучением археологии и этнографии края. Он был председателем Костромского научного общества (КНО), заведующим Этнологической станцией и директором Костромского музея. В конце 1928 г. усилились нападки местной власти на работу КНО и музея. В.И. Смирнова уволили с должности директора, а в следующем году полностью лишили работы в Костроме. Он нашел место в Ивановском областном музее, но в ночь с 15 на 16 сентября 1930 г. был арестован, разделив судьбу большинства краеведов. Краеведение, которым они занимались, было объявлено старым и «буржуазным» в противоположность новому, «советскому» краеведению. В.И. Смирнов в заключении находился восемь с половиной месяцев, пока шло следствие, успев при этом побывать в тюрьмах нескольких городов. Был приговорен к трем годам административной высылки в Северный край.

Будучи вдовцом, в конце 1928 г. он женился на Лидии Сергеевне Китицыной, сотруднице Этнологической станции. Находясь в разлуке, они писали друг другу каждый день. Письма В.И. Смирнова из заключения и ссылки и составили основу этой книги. В тюремный период послания поневоле очень кратки: приходилось писать их в основном на открытках, так как корреспонденция проходила через цензуру.

Общение с соседями по камере дало ему, как ученому, немало новых впечатлений. И, отсидевши в тюрьме 100 дней, он, помимо открыток, начал писать большое письмо о своих наблюдениях, надеясь передать его жене при встрече. Продолжением стали записи, сделанные им в ссылке. Со временем у него появилась мысль о книге с названием «Народ в тюрьме». Это намерение удалось реализовать только через 70 лет после кончины автора. Письмо-дневник опубликовано: Смирнов В.И. Народ в тюрьме (1930–1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882–1941)/Сост. Т.В. Смирнова (Сергиев Посад, 2011), а также выложено Михаилом Мельниченко на сайт личных дневников «PROZHITO.ORG».

Однако ежедневные послания также представляют определенный интерес. В них больше проявились личные отношения, что позволяет назвать их письмами о любви.

Сейчас издано немало воспоминаний тех, кто прошел лагеря в сталинское время. Административная высылка, к которой был приговорен автор писем, была гораздо менее жестоким наказанием. И некоторые даже считают ее вовсе не наказанием. Письма В. И. Смирнова дают представление о том, чем была в те годы административная высылка, в которую попадали ни в чем не повинные люди, пройдя в течение нескольких месяцев тюремное заключение.

Дополнением к этим письмам служат описание города Архангельска начала 1930-х годов, сделанное В. И. Смирновым. Письма из Архангельска брату М. И. Смирнову 1938–1941 гг. и письма жене из геологической экспедиции 1941 г. рисуют картину жизни Северного края в конце 1930 – начале 1940-х годов.

В книгу в качестве приложения включены также воспоминания дочери В. И. Смирнова о детстве в Архангельске.

Для представления о широте интересов В. И. Смирнова как краеведа в книгу вошел его небольшой очерк об одной экспедиции по Костромскому краю, совершенной им вместе с Л. С. Кितिцной во время летнего отпуска 1928 г., незадолго до изгнания из Костромы и ареста.

Письма В. И. Смирнова к брату находятся в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО), фонд Р-913. Остальные публикуемые материалы хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), фонд 547. В. И. Смирнов понимал ценность писем, как исторических источников, и специально заказал несколько деревянных ящиков для их хранения. Л. С. Кितिцына вынуждена была их оставить на чердаке дома у М. А. Амосовой, когда уезжала из Архангельска летом 1945 г. В 1960-х гг. та написала, что уезжает на родину, в республику Коми, а дом будут ломать. Кितिцной с большим трудом удалось вывезти из Архангельска ящики с письмами. Все письма из тюрем и ссылки, понимая их важность, она попросила надежного человека перепечатать на машинке. Впоследствии передала архив мужа в ОПИ ГИМ. Но тогда, в 1977 г., Музей побоялся принять письма из тюрьмы и ссылки. Их в 1988 г. передала в ОПИ ГИМ Т. В. Смирнова.

В книгу включена только небольшая часть этого архива. В нем содержится несколько тысяч писем. Это и семейная переписка, и письма, полученные В. И. Смирновым от разных лиц, в том числе сотни писем от краеведов. Архив еще ждет исследователей.

Татьяна Васильевна Смирнова

ПИСЬМА О ЛЮБВИ

Сегодня люди почти не пишут писем – так, как это было прежде, перышком по бумажному листу. И даже шариковой ручкой не пишут. Гораздо проще и быстрее позвонить, набрать на телефоне СМС или написать по электронной почте... Тем ценнее письма из прошлого, которые хранятся в семьях. В них отразились самые сокровенные движения души, подробности быта, оттенки отношений между людьми, восприятие событий в стране и в мире. Когда человек пишет воспоминания, прошлое деформируется, в письмах же оно предстает не искаженным памятью...

Письма в семье Василия Ивановича Смирнова (1882–1941) сохранились с давних пор, некоторым из них уже более ста лет. Много раз приходилось переезжать с места на место: он учился в Переславле, Владимире, Москве, долго и успешно трудился в Костроме – преподавал, в 1920-х гг. возглавлял краеведческое общество и музей... Гонения на краеведение заставили его перебраться в соседнее Иваново, а оттуда через многие тюрьмы – в ссылку, в Северный край. Там в Архангельске он и умер. И где бы он ни был – дома или в экспедициях, в тюрьмах или в ссылке, – он писал и получал письма.

Собственно, удивительно другое: все эти письма удалось сохранить, от огромных, многостраничных – до маленьких, казалось бы, ничего не значащих клочков бумаги. После смерти мужа этот архив (не только эпистолярный, разумеется) стала бережно хранить Лидия Сергеевна Китицына, и вслед за ней эти шесть тяжелых деревянных ящиков, выкрашенных морилкой, проделали немалый путь из Архангельска в подмосковное Хотьково.

Что заставляло их делать это? Можно ответить одним словом – любовь. Братская, сестринская, сыновья и дочерняя, любовь жены к мужу и его к ней... А еще – любовь к месту, в котором ты оказался волею судеб, к своему делу, которое считаешь важнее собственной жизни...

Сегодня трудно это понять. Подобно несчастному коту Шредингера, который во время мысленного эксперимента был в одно и то же время ни жив, ни мертв, современный человек все время мучается от одиночества, постоянно находясь среди людей, задыхается от обилия информации, не имея возможности сосредоточиться на чем-то одном. Но только сравнивая можно понять, что возможны иная жизнь, иные отношения между людьми. Именно здесь, на этих страницах.

Знаменательно, что первую публикацию писем подготовила дочь В. И. Смирнова и Л. С. Кितिцной, Татьяна Васильевна Смирнова, рожденная в «местах, не столь отдаленных». Эта книга – продолжение ее трудов.

*Лариса Сизинцева,
кандидат культурологии,
доцент Костромского государственного
технологического университета*

В СЕВЕРНОМ КРАЕ...

Читаю гранки еще неизданной книги. Она – о судьбе моего однофамильца – Василия Ивановича Смирнова, в далекие предвоенные годы отбывавшего часть незаслуженного наказания в нашем городе. Судьба его отражена в письмах к родным, а письма – из тюрьмы, из ссылки. О чем можно писать оттуда, зная, что цензоры будут вчитываться в каждое слово? О жизни и любви, о планах на будущее, невзирая ни на что! В каждом письме – трогательная забота о своих любимых, которые остались в той, счастливой жизни. «За себя я спокоен. Чувствую хорошо себя. Не носите мне много провианта – я сыт...». Он успевает давать простые житейские советы: «Не забудь 20 октября отдать 20 руб. за квартиру», «Тасе, пожалуй, лучше взять уклон чертежный, если не прельщает строительный». Он просит присылать необходимые книги и статьи, чтобы продолжить начатую работу: «Обработка материала по народным приметам идет туго – нет нужных книг». И работа, действительно, идет: «Занимаюсь обработкой программы по изучению крестьянской стройки. Ее можно будет устроить в ближайшее же время в издательство “Работник просвещения”». Но ведь это – тюрьма, заключение, арест по непонятной причине: «Недоразумение, надеюсь, скоро разъяснится». А «разъяснилось» оно высылкой в Северный край. Так Василий Иванович оказался в Архангельске: «Я в “вольной” высылке. Нас высадили на ст. Исакогорка, северной железной дороги в 10 километрах от Архангельска».

Город Архангельск – старинный российский порт, всегда был включен в жизнь страны. Созданный по указу Ивана IV (Грозного), он почти полтора века был единственным международным портом России, достиг наивысшего расцвета при царе Алексее Михайловиче, был обласкан любопытством и вниманием царя Петра I, но им же и задвинут в угол при появлении Санкт-Петербурга. В трудные для страны годы, которые обычно случались в военное время, Архангельск становился необходимым для выполнения важных государственных задач. Так было в царское время, так осталось и во время советское. А еще город традиционно был местом ссылки и тоже – во все времена.

В 1929 году Архангельск, выдержав конкурентную борьбу с Вологдой и Котласом, стал центром Северного края, и это событие изменило тихую провинциальную жизнь города. Строительство новой жизни началось на обломках старой. Закрылись церкви и монастыри, исчезли красиво одетые люди. Быстро восстановили порт и лесопильные заводы, разрушенные в Гражданскую войну. Стали открываться новые учебные и научные заведения, музеи, создавались научные и просветительские общественные организации. В городе развернулось строительство жилых и административных зданий, уже не только деревянных, но и более благоустроенных каменных. Хотя проблема жилья, особенно для административно ссыльных, была очень острой, да и для многих других, активно заселявших новый краевой центр, тоже оказалась проблемой. Ближе и понятнее стала Арктика, отсюда отправлялись экспедиции по Северному морскому пути. Сюда прилетали знаменитые летчики. В городе заметно прибавилось населения. Но это были непохожие на открытых северян люди. «Бывшие», «уплотненные», «административно ссыльные», «пораженные в правах», «спецпереселенцы», «враги народа», «члены семей врагов народа» – так постепенно нагнеталась атмосфера репрессий. На территории Северного края разворачивался печально знаменитый ГУЛАГ.

Здесь проходили трудные годы административной ссылки Василия Ивановича Смирнова. Можно считать, что ему повезло – он сумел найти работу. Официально это было запрещено. Но далекий Север всегда развивался за счет ссыльных – и в дореволюционные, и в советские годы. Создать в короткое время экономический, культурный, научный центр без ссыльных было невозможно. А они направлялись сюда по приговорам – «высылка в Северный край» – в огромном количестве: специалисты всех профилей, артисты и архитекторы, инженеры и врачи. Согласные работать на любом поприще, за любые гроши или даже за элементарную еду. «Цены здесь невиданно низкие для заработка взрослого мужчины». А еще надо найти жилье, а «ссыльных боятся и потому на квартиры пускают неохотно».

Описание Архангельска того времени сделано В. И. Смирновым от лица некоего «иностранца», но он и сам был приезжим «и чувствовал себя почти иностранцем», как указывает во вступительном слове его дочь – Т. В. Смирнова. Город показан реалистично, этнографически точно подмечены детали, привычные для местных, но необычные для приезжих. И в записки о городе, и в письма к родным Василий Иванович все время вставляет описание своих впечатлений от увиденного, иногда – грустные, иногда – ироничные, иногда – восхищенные. Истинный краевед, этнограф, ценитель природы и истории, он прекрасно понимает уникальность края, куда его забросила судьба: «если бы здесь вплотную заниматься этнографией, очень можно было бы собрать интересного, хотя здесь побывало немало этнографов и фольклористов». А судьба становилась все благосклоннее – удалось устроиться на работу в Геологический трест, что дало возможность участвовать в экспедициях, писать статьи. Снова началась музейная деятельность, геологическая, археологическая. Но уже близко – война, а еще – бесконечные очереди за продуктами, которых так мало было в Архангельске. И вдруг – скорострельная смерть! Сколько осталось недоделано! «Мне так хотелось, чтобы он вырастил Танечку. Он так ее любил, так много с ней занимался», – писала Л. С. Кितिцына брату Василия Ивановича, сообщая печальную весть о его кончине. «Не сердцем, а умом» поняла маленькая Таня утрату любимого отца.

Логичное завершение сборника – воспоминания Татьяны о своем детстве в военном Архангельске. Детская память избирательна, сохраняет только самое яркое. Маленький ребенок взрослеет, знакомится с окружающим миром, невзирая на войну, голод, холод и болезни.

Сборник, составленный из писем и воспоминаний, легко читается, хотя и повествует о суровом времени. Судьба семьи, включенная в историю страны, обычна, но в то же время уникальна. Добрый, умный, талантливый Василий Иванович Смирнов прожил трудную, но интересную жизнь. Краеведческое мышление, которым он блестяще владел, перешло и к его дочери Татьяне Васильевне, подарившей нам прекрасную книгу о своем отце, о своей семье. Спасибо за этот подарок и крепкого Вам здоровья!

*Марина Александровна Смирнова,
кандидат исторических наук,
ст. преподаватель кафедры гуманитарных наук
Северного государственного
медицинского университета (Архангельск)*

В. И. Смирнов

**ОТКРЫТКИ, ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ
ИЗ ТЮРЕМ**

с 16 сентября 1930 г. по 20 мая 1931 г.
(через цензуру)

Несмотря на краткость посланий В. И. Смирнова, проходивших через цензуру, они представляют интерес, прежде всего, потому, что писал он их с первого дня, в отличие от письма-дневника. Они дают представление о чувствах человека, уверенного, что на нем «нет ни пятнышка», и оказавшегося вдруг в тюрьме, человека, который полагает, что недоразумение скоро закончится, и успокаивает родных. Он весь еще полон забот о незаконченных научных трудах и просит присылать их для обработки. Беспокоится о жене и о дочери от первого брака Насте. Пишет, что ему надо передать. Заключение то и дело переводят из одной тюрьмы в другую – тюрьмы переполнены. Так что он успевает побывать в восьми тюрьмах Иванова, Ярославля, Владимира, Вологды. Это создает немалые трудности для родных. Каждая поездка с передачей в другой город связана с большими сложностями. Лидия Сергеевна работает, надо отпрашиваться да не опоздать вовремя вернуться, иначе могут уволить. Посылки же, собранные с таким трудом, теряются, потому что арестанта снова и снова этапируют на новое место.

К беспокойству жены В. И. Смирнова, о бесконечно любимом муже добавляются и серьезные материальные трудности. Ей приходится работать на двух работах, стоять в очередях, заботиться о 15-летней Насте, и распродавать вещи – ведь скоро становится ясно, что его вышлют, и придется менять место жительства – оба они не могут представить жизни врозь. Проблемой является и огромная библиотека, в состав которой включена еще библиотека брата – Сергея Ивановича Смирнова, профессора Московской духовной академии, скончавшегося в 1916 г. Надо искать покупателей, решать, какие книги продавать, и по какой цене, а какие, договорившись с кем-то, оставить на хранение и т.п. Все это есть в ее ежедневных письмах. (В этой книге они не приводятся).

Вопрос о деньгах также имеет большое значение. Цены растут. Нормы хлеба по карточкам вскоре урезают. А посылки приходится отправлять не только мужу, но и его брату Михаилу Ивановичу Смирнову, и жене брата Наталье Викторовне – они также находятся в заключении. Проблема с деньгами становится исключительно острой, когда в январе 1931 г. Л. С. Китицыну увольняют из Ивановского музея.

Близится вынесение приговора. И В.И. Смирнов, понимая, что окажется в ссылке, пытается из заключения давать советы, что из вещей продать, как распорядиться библиотекой и т. п.

И в этих письмах о мучающих их хозяйственных заботах, у него встречаются порой такие строки: «Во всех положениях мне хочется одного: отдать все силы делу. И еще: хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь согреть твою жизнь».

Т. Смирнова

* * *

Письма В.И. Смирнова из заключения хранятся в ОПИ ГИМ:Ф. 547. Оп. 2, ед. хр. 42, а перепечатанные на машинке: оп. 1, ед. хр. 4.

Цифры в начале каждого письма – это №№ комнат следователей. Адрес, откуда послана корреспонденция, установлен по почтовому штемпелю. На письмах пометки: «От следственного В.И. Смирнова» или «От срочного В.И. Смирнова» и другие.

Записка

Сейчас особенно необходимо, чтобы ты сохранила присутствие духа. От этого будет зависеть не только твое и Настино благополучие, но и мое.*

За себя я спокоен. И если что меня смущает, так это Ваше внешнее благополучие. В случае нужды продавай разное барахло. Во всяком случае, питайтесь получше, чтобы сохранить силы.

Переезжайте на квартиру, не дожидаясь, когда окончательно освободят ее всю. Я сегодня об этом говорил.

Очень советую поискать тебе другое место.

По поводу моего положения не советую предпринимать никаких шагов.

Можешь, впрочем, написать ...Нет, как хочешь. Только не траться, не ездь сама ни в Москву, ни в Ленинград.

Рассчитайся за меня в авансовом отчете. Лучше всего передай документы Тине Яковлевне – она сделает это лучше. Передай ей и остаток.

С собой я взял 21 руб., возьму чаю, сахару, чашку, белье, зубной порошок и т. д.

Целую крепко.

Будь здорова. Береги себя.

Твой В. Смирнов 16/IX. Час ночи.

^{*}Настя (Тася, Стася), Анастасия Васильевна Смирнова (1915–1993), дочь В. И. Смирнова от первого брака.

82

Иваново-Вознесенск

Дорогие мои.

Я забыл захватить подушечку. Передайте. Больше пока как будто ничего не надо.

Передайте две или три книжки. Не знаю, найдешь ли ты квитанцию от сберегательной книжки. Она розового цвета, должна быть в среднем ящике стола.

За себя я спокоен. Чувствую хорошо себя.

Не носите мне много провианта – я сыт.

Поскорее переезжай на квартиру – одну комнату вам уступят.

Целую. Будь здорова и спокойна.

До скорого свидания.

17/IX

82

Иваново-Вознесенск

Милая моя. Чувствую себя хорошо. Отдыхаю и отсыпаюсь, сыт. Обо мне не беспокойся. Недоразумение, надеюсь, скоро разъяснится.

Рассчитываю почитать здесь и поработать.

Перешли мне металлическую чайную ложку и столовую деревянную.

Будь здорова. Береги себя. Питайтесь. Твое здоровье и присутствие духа особенно нужны теперь. Целую.

18/IX 30

82

Иваново-Вознесенск

Милая Лидук! Не унывайте – ничего страшного нет за мной.

Спасибо за заботы о питании моем, но они слишком велики – повторяю, я сыт. Не забывайте питаться сами.

Пока ничего не надо за исключением книг. Хорошо бы вроде последней книги «Этнографии».

Рад, что вы переезжаете на квартиру.

Будьте здоровы и счастливы, мои родные. Целую.

19/IX 30

82

Иваново-Вознесенск

Милые мои. Табаку мне не носите. Поменьше всякой съедобы – не обездоливайте себя. Чувствую себя хорошо.

Пришлите кусочек простого мыла для бани. Простыню.

Пишу Аннушке, чтобы переслала старые башмаки и сапоги. Надо будет починить мои ботинки, когда получишь

Будьте здоровы и счастливы.

Не унывайте.

Целую крепко.

20/IX 30

82

Иваново-Вознесенск

Дорогие мои. Мне не пришло в голову, когда виделся с вами, попросить переправить мне, если найдутся, мои медицинские бумаги. Хочу показаться врачу – времени достаточно.

Попроси нашего столяра теперь же исправить подоконники в вашей комнате, а, может быть, разрешат хозяева и в других. Не торгуйся – я с ним сделаюсь, когда выйду.

Вот что хорошо бы принести мне – это винегрета (в стеклянной баночке). Больше мое воображение ничего не может придумать.

Будьте здоровы и счастливы, мои милые.

Чувствую хорошо себя.

21/IX

82

Иваново-Вознесенск

Милые мои. Не прочь был бы еще раз повидаться – хочется просто посмотреть.

В четверг после передачи не худо бы дождаться отсюда белья.

Вместо рукописи «Власть земли и культа» переправить бы мне «Приметы». На досуге, может быть, сумею обработать этот материал.

Чувствую себя хорошо.

Передачу получил.

Будьте счастливы, мои родные.

22/IX 30

82

Иваново-Вознесенск

Родные мои.

Не худо бы при случае передать мне линованной бумаги листов 10.

Прошу еще вот о чем. Найти сказку «Солдатское счастье», отдать перепечатать ее на машинке. Сказку я обещал для «Антирелигиозного сборника», выложил ее отдельно от прочих.

Масла у меня еще достаточно. Сахар есть. Пожалуй, немного хлеба переправьте.

Опасаясь, что сами вы сели на одну картошку...

Не скорбите и берегите силы.

Я чувствую себя хорошо, Счастливо! Целую.

23/IX 30

82

Иваново-Вознесенск

Милые мои. Книги я прочел. Пришлите что-н. еще, но не беллетристики.

Жратвы много не посылайте. Масла еще много. Брюква, морковь и пара яблок очень на тему

Знаю, сколько хлопот и горя причиняет эта история. Но что поделаешь?

За будущее я спокоен. Будьте счастливы и мужественны.

Я очень люблю вас

Целую. 24/IX 30

82

Иваново-Вознесенск

Родные, милые мои!

Я был бы счастлив, если бы знал, что вы не упали духом. За себя я спокоен. Сплю много, чувствую себя бодро.

Если не присылали из Костромы денег, может быть, не узнает ли мама, почему это?*

Тасе очень советую, не откладывая, заняться немецким языком.

Какие бы ни были затруднения, я буду больше и больше любить вас. Здесь вы кажетесь мне еще более дорогими.

25/IX 30

*Мамой В. И. Смирнов называет Елизавету Михайловну Китицыну (1881–1966), мать жены. Она жила в Костроме.

82

Иваново-Вознесенск

Милые, дорогие.

Теплые штиблеты пока мне не нужны, не нужна и фуфайка. Здесь тепло.

Чаю, сахару и масла больше не присылайте.

Передайте как-нибудь немного черных ниток.

Чувствую себя хорошо. Занимаюсь, читаю.

Мечтаю о том, что скоро будем продолжать начатые нами научные работы.

Будьте счастливы. Берегите силы, питайтесь.

6/IX 30

82

Иваново-Вознесенск

Милые мои и дорогие.

Как вы там живете? В моей жизни ничего нового не случилось. По-прежнему сплю, питаюсь, читаю ... Так катится день за днем.

Хочется согреться около вас и согреть вас.

Сейчас мне ничего не надо – все есть.

Я спокоен. Будьте мужественны.

Целую. 27/IX 30

Проверено

Иваново-Вознесенск

Милые мои. Как вы живете? Питаетесь ли? Покупайте молока, не жалейте на это денег.

Я не успел купить дров. Как бы ни было это трудно, придется с этим поспешить теперь же.

С трудом закончил обработку взятых материалов. Рассчитываю еще за что-нибудь приняться – лишь бы переслали сюда, как я просил в письме и лично.

Чувствую себя хорошо и спокойно.

Крепко целую.

28/IX 30

Проверено

Иваново-Вознесенск

Дорогие, родные мои. Вчера, кроме всякой снеди, получил от вас 6 открыток.

Не помню точно, где мои медицинские документы. Но особой надобности в них пока нет. Столяр знает, что сделать, и деньги подождет. Книжный шкаф подожди продавать. Лучше начать с распродажи ненужных книг. Я думаю, что кое-что мог бы купить Союз безбожников. Но на все это нужно время, которого у тебя немного...

Денег мне не нужно. У меня пока все есть.

Чувствую себя хорошо.

Пропустите ближайший четверг – ничего не передавайте. У меня все есть.

Целую крепко.

29/IX 30

82

Иваново-Вознесенск

Родные мои, любимые. Знаю, что доставлю вам большое удовольствие, если попрошу принести что-нибудь. Так вот, при случае передайте немного соли, не отказался бы от винегрета. Больше ничего пока не надо. Когда у тебя бывает выходной день? Можно попросить передать не в обычный день.

Хорошо бы ты устроила фотографирование за музейный счет кафелей и каменного молотка из Юрцевского озера.

Поблагодари автора от меня за интересную книгу и попроси прислать статью «Сельскохозяйственная магия».

Будьте здоровы и спокойны. Хотелось бы написать большое теплое письмо.

Целую.

30/IX 30

82

Иваново-Вознесенск

Дорогие, любимые мои. Знаю, как тяжело все переживается там, во всяком случае, значительно тяжелее, нежели здесь. Меня поддерживает сознание, что на мне нет ни одного пятнышка... Но скоро все кончится – вместе будем работать и отдыхать.

Не забудь 20 октября отдать 20 руб. за квартиру.

Пожалуйста, попытайся добиться свидания.

Мне ничего не надо, я здоров.

До свидания, мои хорошие. 1/X 30

82

Иваново-Вознесенск

Милые, дорогие, я здоров. Хотел бы очень повидаться.

Не забудь отдать в переделку свою шубу. Что касается зимней одежды для Таси, так посоветуйтесь, может быть, можно переделать из чего-нибудь старого.

Из съедобного принесите мне немножко масла и белого хлеба. Больше ничего не надо.

Целую вас крепко. 2/X

82

Иваново-Вознесенск

Дорогие мои. Я не согласен, чтобы вы кормили меня здесь на убой, а сами довольствовались обедом за 12 копеек. Не нужно мне сахару и конфект, ватрушек и т. п.

Думаю, что лучше тебе перебраться на педагогическую работу.

Тасе, пожалуй, лучше взять уклон чертежный, если не прельщает строительный.

Здоров. Работаю и читаю с увлечением.

Целую. 3/X 30

82

Иваново-Вознесенск

Милые мои. Знаю, как трудно со службы и с учебы вырваться, чтобы попасть сюда на свидание, но все же разок попытайтесь добиться свидания.

Трех книг хватит мне надолго, поэтому больше пока не передавайте.

Хорошо бы переправить программу по изучению крестьянской стройки.

Конечно, выгоднее перейти на педагогическую службу и надо это делать, если представится случай.

Не откажись от чемодана или еще лучше от корзиночки.

Целую вас, моих родных.

4/X 30

82

Иваново-Вознесенск

Родные мои. Хочу переслать через уполномоченного составленный мною очерк. «Обреченные дни». При случае спросите у него. Работу надо перепечатать и послать по тому же адресу в журнал «Атеист». Обработка материала по народным приметам идет туго – нет нужных книг.

Меня очень беспокоит, продолжается ли работа после меня по устройству выставки «На путях к коллективизации»?

При случае передайте мне деревянную ложку и штук 5–10 конвертов.

Будьте здоровы. Целую.

5/X 30

82

Иваново-Вознесенск

Милые мои. Приношения всякие мне по возможности сократите, так как жалованья в таком разе не хватит. Притом же я не успеваю всего потреблять. Можно вполне пропустить одно воскресенье, оставив его без передачи. Деньги здесь совсем не нужны.

Спроси при случае директора, нельзя ли рассчитывать получить за неиспользованный месячный отпуск и за переработанные 15 дней. Я тогда написал бы доверенность. Знаю, как нужны вам там деньжонки. А мне ничего не надо. Впрочем, пришлите какого-нибудь чайного напитка.

Целую вас крепко. 6/X 30

82

Иваново-Вознесенск

Милые, дорогие. Самое главное, самое нужное – сохраните свои силы, берегите себя, будьте спокойны. Как-нибудь потом проживем, а сейчас хотя бы по частям продавайте книги и вообще, что найдете возможным.

Прошу возможно сократить приношения – я сыт.

Сегодня был в бане. Здоров. Чувствую себя спокойно. Люблю, и это дает мне силы.

Две книги прочел. В четверг перешлю. Дайте что-нибудь другое.

Целую крепко. 8/X 30

82

Иваново-Вознесенск

Мои дорогие. Чувствую себя хорошо. Ничего мне надо. Работаю. Интерес к жизни не потерял. Думаю о вас.

Мне кажется, хорошо бы отдать в переписку на машинке очерк мой «От Молвитина до Буя»*. Его можно будет послать в один из журналов. Придется также перерисовать рисунки.

Надеюсь, скоро увидимся. Будьте спокойны. Живите, не горюйте.

Целую очень крепко. 9/X 30

*Очерк «От Молвитина до Буя» см. стр. 266-285.

82

Иваново-Вознесенск

Дорогие мои. Занимаюсь обработкой программы по изучению крестьянской стройки. Ее можно будет устроить в ближайшее же время в издательство «Работник просвещения». Необходимо лишь будет там у вас на месте заполнить некоторые пробелы в библиографии вопроса и вставить одну табличку в предисловие (бланк изд. ЦБК – хорошо бы

его переправить сюда). Жизнь моя совершенно заполнена работой. И если вы будете продолжать пересылать столько разной жраниды, я совсем не уйду отсюда.

Думайте о себе. Это страшно важно. Продавайте книги и разное барахло. Но не голодайте, питайтесь, как следует.

В последнее время меня беспокоит вопрос с вашей обувью, с дровами. Как вы там? Целую крепко.

10/X 30

Родные мои, милые. Получил три открытки от 5, 6 и 7 числа. Жалею, что так тяжело вам приходится жить в настоящее время, но я нисколько не сомневаюсь за будущее. Нужно сейчас не надорвать силы. Поэтому продайте что-нибудь, купите дров, справьте зимнюю одежду и не голодайте.

Не падайте духом – это сейчас самое главное.

Тасе надо купить все учебники. Ты должна учиться очень хорошо и заниматься языками.

Теплая одежда мне пока не нужна.

Как мне жаль вас, мои любимые. Целую крепко.

11/X 30

82

Иваново-Вознесенск

Милая моя Лида.

Меня сегодня перевели в Домзак – это около Бурьлинского кладбища. Передачи и свидания по средам и воскресеньям от 11 до 3.

Милые мои, как мне вас жаль! Я же лично спокоен.

Целую вас крепко. 1/X 30

82 ОГПУ

Милые мои, дорогие! Живу в Домзаке. Новая обстановка мало меня занимает, стараюсь думать о своих делах, о вас и о работе. Заниматься здесь, к сожалению затруднительно.

С передачей теперь будет труднее, так как расстояние значительно дальше. Но в здешней лавке иногда можно кое-что купить: селедку, хлеб, яблоки и т. д. Не носите совсем мне масла или очень понемногу –

оно горкнет. Не надо конфет – здесь можно их купить. Запасать много вообще пока не надо, поэтому шубу перешлете позднее, зато простые сапоги, портянки, запасная чистая рубашка, кальсоны и носки нужны. Простыни не надо. Хорошо бы засушить для меня сухарей. Как ты все выносишь? Где почерпаешь силы? Принесите соды.

Будьте здоровы, берегите себя. Целую крепко. 12/X 30

По ОГПУ ком. 82

Милая Лида, жалею, что просил тебя хлопотать о свидании. Для тебя ведь это очень неудобно из-за службы. Поэтому не спеши пока с этим вопросом.

Несмотря на то, что мне очень не хочется обрастать здесь вещами, все-таки я решил попросить тебя сшить из мешковины чехол для матраца в виде мешка несколько длиннее моего роста и четверти три шириною. Рукопись «Быт рабочих на лесосплаве» получил, но до обработки ее очередь дойдет еще не скоро.

Очень опасаясь за тебя, что ты совсем измотаешься с такими нагрузками. Рассчитывай силы.

Дорогая Тася! Напиши мне, как у тебя идут дела в школе, какой выбрала уклон. Писал ли твой брат о себе – где он работает – об этом тоже сообщи мне.*

Будьте счастливы, не горюйте.

13/X 30.

Целую.

*Брат А. В. Смирновой – Глеб Васильевич Смирнов (1909–1939), сын В. И. Смирнова от первой жены.

По ОГПУ ком. 82

Милые мои, дорогие. Когда я думаю о широкой просветительной программе Музея с лекциями и докладами, начинаю очень беспокоиться – как ты справишься при наличии загруженности работами и заботами?

Пришлите мне ватную тужурку вместо пальто, которое я отошлю домой, и похуже брюки взамен этих. Полученную отсюда одежду хорошенько вытрясите и вычистите. Белье мое стирайте отдельно.

Купите мне записную книжку. Больше как будто ничего не надо. В коробочке соли. Еще зубную щетку.

Берегите себя, не горюйте.

Целую крепко. 14/X 30

По ОГПУ ком. 82

Иваново-Вознесенск

Милые мои, хорошие. Никто так часто не делает передач, как вы. В воскресенье не приносите ничего, разве только белье. Нельзя ли нанять кого-нибудь сделать передачу, чтобы не терять самим времени. Вот еще что прошу вас: хлеб разрежьте, хотя бы на 4 куска, так как здесь ножа нет.

Сегодня хотел переслать книгу «Общественные науки», но заторопился и забыл.

Не присылайте мне таких вещей как виноград. Это меня очень расстраивает.

Поручи маме сдать квартиру. В то же время сегодня я попытаюсь засвидетельствовать доверенность.

Целую вас крепко, крепко. 15/X 30

По ОГПУ ком. 82

Иваново-Вознесенск

Милые вы мои. Свидания, как я узнал, в дальнейшем для меня будут разрешаться на общем основании, т. е. по воскресеньям и средам. Должен сознаться, что повидаться очень-таки захотелось.

Маме я написал письмо, в котором просил ее взять на себя заботу о сдаче квартиры. По словам юриста, письмо такого порядка является вполне законной доверенностью.

Будьте здоровы. Целую вас крепко. 16/X 30

По ОГПУ ком. 82

Иваново-Вознесенск

Милая Лида! Попроси, пожалуйста, тов. Уполномоченного передать тебе мой тюремный дневник 1905–6 гг.* Быть может, когда-нибудь соберусь его обработать.

Последнее письмо, полученное мною от тебя, датировано 11 октября.

Очень прошу передать мне нафталина, шариками, штук 10. Еще раз попрошу почаще передавать белья (кальсоны, рубашки, носки, полотенце и наволочку).

Сейчас пишу отчет об археологич[еских] обследованиях этого лета. Но работать здесь очень трудно.

Как вы выносите, где находите силы?

Целую вас, любимые мои, крепко.

17/X 30

---

*В 1905 г. В. И. Смирнов был арестован по делу Переславль-залесского социал-демократического кружка и несколько месяцев находился в тюрьме. Дневник, который он в ней вел, так и не был ему возвращен, несмотря на все просьбы.

По ОГПУ ком. 82

Иваново-Вознесенск

Милые, славные мои. К отчету археологических разведок нужно будет приложить выкопировку из общей карты и карту окрестностей озера Сахтыш. Первую можно сделать из общей 10-верстки, которую очень прошу взять у Тины Яковлевны, вторую заказать Елене Николаевне скопировать с карты, находящейся на выставке производительных сил.

Хорошо бы костный материал переслать в Зоологический музей Академии Наук. Если пересылку наш Музей возьмет [на себя – Т. С.], я составлю препроводительную бумагу.

Продали ли вы что-нибудь, чтобы не беднеться настолько, что нанять переписать работу является уже событием?

Целую вас.

18/X 30

---

*В летний отпуск 1929 г. В. И. Смирнов провел археологические разведки и обнаружил в окрестностях озера Сахтыш стоянку, богатую культурными остатками. В 1960-х гг. ее раскапывал сотрудник Института Археологии АН СССР Д. А. Крайнов.

По ОГПУ ком. 82

Иваново-Вознесенск

Милые и хорошие мои. Меня очень расстраивает, что вы так чрезмерно заботитесь о моем питании. Молока приносите поменьше, конфет совсем не надо, у меня еще очень достаточный запас сахара, яйца

не съедены еще прежние. Я знаю, что питаю меня в два горла, сами вы сидите впроголодь. Жаль мне вас нестерпимо...

Плохо здесь идет моя работа. Но все-таки завтра закончу отчет свой об археол. разведках. Примусь опять за программу.

Как я вас люблю, милые мои, милые! 19/X 30

По ОГПУ ком. 82

Иваново-Вознесенск

Милые мои, дорогие, хорошие.

Когда вы уже ушли, я понял, что забыл вас спросить, как же вы живете, в частности, как идут служебные дела и учеба? Досадно, что я больше думал в то время о себе.

Сейчас был в бане – чувствую себя хорошо. Беспокоят только несколько мои обычные боли в желудке. Но вы не пугайтесь – повидаю врача.

Отчет об археологических разведках прочти и отдай переписать за мой счет в 4-х экземплярах – один для Академии, другой в Главнауку, третий Облмузею.

Будьте спокойны. Целую. 20/X 30

По ОГПУ ком. 82

Иваново-Вознесенск

Милые мои, родные. Получил сейчас передачу.

Надо посылать меньше молока, очень немного белого хлеба, совсем не надо конфект и яблок – все это мы достаем здесь в лавочке.

Был у врача – дал лекарства.

Больше мне ничего не надо. Обо мне не беспокойтесь.хлопотать не советую.

Купите себе дров. Дальше будут дороже.

Будьте счастливы, мои любимые.

Целую вас. Вчера не писал вам. 22/X 30

По ОГПУ ком. 82

Иваново-Вознесенск

Милые, любимые мои. Попрошу я вас при передаче прислать мне какой-нибудь платок или кусок материи, чтобы завязывать на день одеяло, подушку, плед и простыню, а то очень пылится все это.

Все у меня есть. Лишь изредка бывает, что хочется чего-нибудь вроде помидоров или винегрета.

Между прочим, я хотел попросить вот о чем. На выставке «Старое и новое Иваново» есть мои книги и книги, взятые на мое имя из библиотеки*. Хорошо бы последние сдать, а первые взять.

Несмотря на то, что живу в таком своеобразном доме отдыха, мне кажется, что дни бегут очень быстро, хотя заниматься стал меньше.

Будьте спокойны и терпеливы. Люблю вас крепко и жалею больше, чем себя.

23/X 30

*В.И. Смирнов успел сделать в Ивановском музее выставку «Старое и новое Иваново».

По ОГПУ ком. 82

Иваново-Вознесенск

Милые и дорогие. Сегодня впервые я был на работе – копали траншею для водопровода. Работа на воздухе доставила мне большое наслаждение. Жаль, что эти гастроли выпадают нечасто на мою долю.

Чувствую себя спокойно. Жизнь заполняется новыми впечатлениями. Но научные занятия пришлось бросить.

Будьте спокойны. Делайте свое дело. Если свидание сопряжено с затруднениями – в смысле, например, потери времени, не стремитесь это сделать.

Целую.

24/X 30

По ОГПУ ком. 82

Милые мои. Сегодня я выезжаю во Владимир. Тебе послал телеграмму. Если увидеться не удастся, то поимей в виду, что в Домзаке я оставил у отделенного бутылку, баночку стеклянную и две книги.

Чувствую себя очень спокойно. И вас прошу не горевать и не беспокоиться. Владимир, конечно, неудобен для свиданий и передачи. Но что же делать?

Целую крепко. 25/X 30

У меня нет деревянной ложки.

Если поедешь туда, здесь заручись пропуском.

Телеграмма

Здоров Ярославль Домзак Отделение Спешу привезти теплые вещи
Смирнов
25/Х

Письмо

Ярославль

Милая, родная моя детка. Я здоров, чувствую себя спокойно. Жалею, что много затрудняю тебя.

Сейчас не знаю еще, что меня ожидает. Но что бы ни было, за себя я не унываю. Ко всему понемногу приспосабливаешься.

Немного занимаюсь своей работой.

Очень мне хочется чем-нибудь и как-нибудь помочь тебе, разделить твою тяготу. Особенно денежная сторона вопроса должна быть как-то разрешена. Рассчитываю заняться литературной работой. Это не даст много, а главное – нескоро и нерегулярно даст деньги. Поэтому совершенно необходимо пока перебиться, продав что-нибудь из барахла. Особенно необходимо, хотя бы частично, освободиться от библиотеки. Не сможешь ли кого-нибудь за плату приспособить сделать списки. Вообще-то можешь действовать в этом отношении, как найдешь лучше.

Я дал тебе телеграмму отсюда, чтобы получить шубу и валенки. Еще сухари. Это самое главное, и прочего мне не надо.

Белья, сахару и чая у меня запас достаточный. Не расходуйся на сласти – мне очень тяжело их получать.

Физически чувствую себя хорошо и спокойно переживаю эту передрыгу. Работу найду, и жизнь устроим вместе

Милая, любимая. Сколько же ты хлебнула горя и заботы. Будь мужественна. Береги себя для более лучшей жизни.

Еще одну заботу хочу назвать тебе. При случае попроси уполномоченного Тихомолова отдать тебе мой тюремный дневник 1905 года – это он обещал мне сделать. Скоро юбилей, и дневник мог бы пригодиться мне.

Хорошая моя, будь спокойна – все образуется. Целую тебя крепко.

Насте одновременно шлю открытку.

Свидания и передачи здесь бывают по средам и четвергам для следственных (пока я следственный) и по воскресеньям для осужденных.

Еще раз желаю тебе всего хорошего. Береги себя. Обо мне заботься поменьше.

4/XI 30

Разрешение на свидание надо получить у начальника Ярославского секретного отдела ОГПУ, причем в разрешении надо просить поставить, что свидание дается личное и не менее, как на полчаса.

Ярославль

Милая моя, родная. Не успел, как следует, переговорить с тобой во время свидания. Между прочим, не успел предупредить тебя – не передавать разных сладостей. Меня это обилие положительно удручает: 5 кусков мыла, большой запас чая и т. д. – и это в то время, когда вы сидите полуголодные

Очень прошу тебя продолжать помогать маме.

Отдохни, не ездь пока на свидание, так как это сопряжено с расходами. Вообще расходуйте на меня поменьше.

Целую тебя крепко.

Будь здорова, не горюй.

7/XI.30

Ярославль

Родная. Посылку, отправленную тобой во Владимир, еще не получил. Варешек и теплых чулок не покупай. Посылки тоже не стоит посылать – пока я ни в чем не нуждаюсь, все есть. Здесь в лавочке свободно покупаем сахар, толокно, огурцы, иногда конфеты и т. д.

В Ивановском домзаке я забыл только галоши, но и то не совсем уверен – не передал ли их вам.

Доверенность моя тебе, по словам начальника, послана. Получила ли ты ее? От тебя получил открыточку, посланную с вокзала. Чувствую себя бодрее.

Целую крепко.

Твой Вас. Смирнов

11/XI 30

Письмо

Ярославль

Милая Лидуня. Посылаю тебе четыре расписки времени нашей экспедиции. Может быть, по ним Музей оплатит. Должны бы быть также, по моему мнению, оплачены, хотя бы в части, наши расходы, связанные с добыванием этих материалов. По распискам ты, во всяком случае, получи. Иначе я не согласен отдавать материалы Областному музею и прошу их переправить в Исторический музей в Москву.

Сегодня я посылаю тебе еще открыточку. Твои письма от 7 и 9 получил. В случае выезда отсюда, как только узнаю приговор, обязательно телеграфирую, а пока что буду писать.

Раздумывая о дальнейшем, прихожу все к выводу о необходимости, по возможности, поскорее ликвидировать громоздкое барахло. Во всяком случае, письменный стол и одну кровать можно продать теперь же. Нужно однако рассчитать еще одно. Меня могут направить в такую дыру, где для тебя не может найтись никакой работы. В таком случае, не будет ли целесообразнее тебе не связывать пока свою судьбу с моей?.. Впрочем, обо всем этом подумаем, когда вопрос будет яснее.

У меня к тебе просьба – купи мне безопасную бритву. Прежнюю у меня отобрал конвой и присвоил себе.

Толокно, сахарный песок и сухари очень мне помогают. Первого я закупал с избытком, сухарей тоже хватит до места.

Очень тебе благодарен, что послала отчет в Академию. Хорошо, если бы ты собралась послать статью «Обреченные дни». Хочется числиться в сущих людях.

Передай мой привет семье директора и сослуживцам.

Тебя же, моя любимая, целую крепко-крепко.

14/XI.30

Твой Вас. Смирнов

Ярославль

Милая, родная моя. Я здоров сейчас, более чем когда-либо, спокоен. Владимирскую посылку так и не получил. Добивайся от почты выдачи ее. Хочу попросить тебя снабдить меня персидским порошком. На всякий случай – пузыречек валерьянки.

Мне приходит в голову, что ты могла бы предложить организовать в Музее доисторический отдел. Это дало бы тебе возможность некоторое время заняться интересным делом. Вообще-то я представляю, каково тебе приходится там ...Все-таки не грех, если бы Музей сделал за свой счет некоторые снимки с добытых нами вещей, у меня есть еще несколько расписок, по которым надо получить с Музея.

Будь счастлива. Все будет хорошо. Целую тебя крепко.

14/XI 30

Ярославль

Дорогие мои. Я жив и здоров. Очень беспокоюсь о вас – есть ли дрова, как питаетесь.

Более подробно о себе напишу завтра.

Целую крепко. 18/XI 30

Ярославль

Милые мои. Последняя передача оказалась очень кстати. Меня перевели из Отделения Домзака в Ардом при ОГПУ, а вещи все там остались. Поэтому не мог передать обратно освободившейся посуды. Жалею, что не повидался: может быть, удастся как-нибудь добиться свидания. Попробуйте.

Пишите по адресу на ОГПУ. Писем не получал с 9 ноября. Целую. Здоров. 19/XI 30

Ярославль

Милая, дорогая. Знаю, что ты измучена, истрепана. Это особенно меня мучит. В отношении всего другого я совершенно спокоен. Во всех положениях мне хочется одного: отдать все силы делу. И еще: хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь согреть твою жизнь.

Будь спокойна и уверена, что все кончится...

Сними как-нибудь на досуге для меня копию послужного списка.

Целую. Будь счастлива.

20/XI. 30

88

Иваново-Вознесенск

Милые мои, дорогие.
Хочется узнать, как вы живете. Купили ли дров?
Я здоров. Жду спокойно разрешения вопроса.
Пришлите мне зубную щетку – я потерял.
Целую вас крепко. 30/XI 30

88

Иваново-Вознесенск

Милая Лидуня! За доверенностью побывай у Лепорского в 88 комнате.* Она готова.

Белья не надо пока. Запас сухарей большой. Консервы лучше поберечь. С этой стороны вообще я устроен.

Сами вы, вероятно, очень плохо питаетесь – и это меня больше всего беспокоит. Целую вас обеих крепко. Я здоров. 1/XII 30

*Лепорский – один из следователей В. И. Смирнова.

88 к.

Иваново-Вознесенск

Дорогие мои, любимые.

Я здоров. Еще раз прошу вас – не тратьтесь на мое питание. Денег мне совершенно не надо – за все время здесь я истратил лишь несколько копеек на газеты. Спасибо за лекарство.

Мне нужны печатные отчеты Научного Общества за три последние года (за 1926, 1927 и 1928 г.). Их, вероятно, сможешь достать.

Целую вас. Беспокоюсь – достали ли вы дров. 2/XII 30

88

Иваново-Вознесенск

Милые, родные мои. Позавчера получил открыточку от 29-го. Очень был рад. Белья не надо. Пришли мне русскую или верхнюю рубашку. Черного хлеба совсем не присылайте, денег тоже. Пять руб. 80 коп. получил.

Не присылайте много еды, особенно соленого. Сахар есть. Сухари тоже.

Чувствую себя спокойно.

Очень жалею вас – намучились вы со мной. Бедные вы мои, знаю, что сами вы живете впроголодь. Будьте счастливы.

Целую. 4/XII 30

88 к.

Иваново-Вознесенск

Милая моя. Представляю себе, как нелегко тебе устроить отдел «Труд и его организация в производстве». Как бы я помог тебе. Вообще очень хочется поработать...

Поменьше присылайте мне еды. Я сыт. Купи мне коробочку толокна.

Беспокоюсь, как ты устроилась с квартирой. Напиши.

Пришли «Путеводитель по Костромскому музею» и отчеты за 1926, 1927 и 1928 годы.

Милая Тася! Устроилась ли в ячейку комсомола? Напиши. Получила ли 25 руб.?

Целую обеих крепко. 5/XII

88 к.

Дорогие, милые мои! Подпись под доверенностью, может быть, заверит Музей; если он этого не сделает, попроси тов. Лепорского.

С передачей молока не хлопочи – я не очень бы охотно стал пить. Вообще прошу меньше мне присылать еды: я сыт. Желудок не страдает.

«Русскую книгу 19-го века» еще не получил. Но все-таки пришлите еще что-нибудь прочитать по историческому марксизму.

Вчера получил от тебя вторую открытку от 4 декабря. Я тоже буду писать пореже – не каждый день. Белья пока не надо.

Целую вас крепко, мои любимые. 7/XII 30

88

Иваново-Вознесенск

Милые мои. Нельзя ли прислать смену белья, кроме простыни, и верхнюю рубашку. Я как-то просил прислать мне коробочку толокна. Молока не надо. За простоквашу спасибо, ее присылайте изредка и дозами поменьше. Хорошо бы несколько вареных картофелин.

Книг до сих пор не получил. Пока подожди передавать.
Не купите ли мне 400 гр. сахарного песку.
Я здоров. Целую вас, мои любимые. Жалею, что так много причиняю горя. 10/XII

81

Иваново-Вознесенск

Милые мои.

Пришлите мне смену белья, без простыни, а полотенец два. Книжек.
Насушите сухарей, но пока не пересылайте.
Занимаюсь немного, так как утомляются очень глаза, Здоров и спокоен. Хочется знать, помогаешь ли, Стася, нести общее горе.
Нечаянно разбил стеклянную банку. Кувшин пока оставляю у себя.
Целую вас. 13/XII 30

88 к.

Иваново-Вознесенск

Милая Лида. Мне нужно чистое белье: две пары, плюс одна рубашка. Простынь не надо. В баню ходим часто. Как ты и Стася? Мерзнете, вероятно, в такие холода. Купите дров, хотя бы пришлось за бесценок для этого продать книги – все равно наукой мне заниматься не придется.
От тебя получил только две открытки, от Стаси ни одной.
Жалею и люблю вас. 16/XII 30

81 к

Иваново-Вознесенск

Родные мои, славные, хорошие.

Как вы живете? Здоровы ли? Как идут служебные дела у одной, как учится другая – все это беспокоит меня, обо всем этом я ничего не знаю.

Мне ничего не надо сейчас. Пришлите какую-нибудь книжку по историческому марксизму или по яфетидологии. Но не покупайте, а возьмите в библиотеке.

Пришлите белья, но без простынь и наволочек.

Хорошо бы сахарного песка еще одно кило.

Целую вас крепко-крепко. 20/XII 30

88

Иваново-Вознесенск

Милая Лида. Получил еще две твоих открытки – от 10 и 18-го. Мыло, чай и сахар у меня есть. Нужно полотенце. Открытки.

Материалы для литературных работ пока не присылай, так как не могу еще получить на руки прежние. О книге «Русская книга XIX века» сделал еще раз заявление.

Меня беспокоит и неясен вопрос о том, как ты обходишься с деньжонками, и еще серьезный вопрос, как живете с Настей? От нее писем не получал. Очень большие запасы сухарей и консервов меня стесняют – поэтому сегодня я возвратил часть того и другого назад. Всего много, я здоров и спокоен. Целую вас крепко. 25/XII 30

88

Иваново-Вознесенск

Милые, славные мои, хорошие.

Как я рад был получить вчера открытку от 29 декабря, как она подняла мой дух!

В новом году хочется пожелать счастья, которого так мало выпало на нашу долю в конце прошлого. Теперь конец моего вопроса уже не за горами, и когда-нибудь мы будем вместе. Поэтому я хочу вас видеть неугнетенными и здоровыми. Заботьтесь не только обо мне, но и о себе. Берегите себя.

Будьте счастливы, мои родные. Целую крепко-крепко.

31/XII 30

88к

Иваново-Вознесенск

Милая, родная моя. Не падай духом, как-нибудь устроишься. Часто повторяю твоё утешение: все будет в прошлом.

Большая просьба: поменьше передавайте съестного. Здесь сытно. Жалею, что не могу передавать вам назад хлеб, сахарный песок и пр. У меня еще много всего: 4 банки консервов, целы все сухари и т. д.

Спасибо за рыбу и творог. Последнего посылай тоже пореже.

Попроси маму предложить квартирантам в рассрочку купить домишко. Сообщи, сколько они могли бы дать. Все оставшееся барахло не жа-

лей продавать и не голодайте. Все, все, кроме того, что найдешь нужным сама оставить.

Передай мне линованной бумаги. Целую крепко-крепко.

Не горюй.

10/I 31

Письмо

Ярославль

Милые мои, дорогие, родные.

Сегодня посылаю вам телеграмму и это письмо. Я нахожусь в отделении Ярославского домзака на Тутаевском шоссе. Здоров и бодр. У меня так много съестных запасов, что присылать и привозить не надо, тем более, что неизвестно – долго ли здесь пробуду: вероятно, возвращусь еще раз в Иваново.

У меня непочатый мешок сухарей, три банки консервов, масло, толкно, печенье, достаточно сахара. Кроме того, здесь в лавочке можно купить разный продукт. Деньги есть.

Таким образом, за меня не волнуйтесь, не нервничайте. Я в очень чистой и теплой камере. Спокойно смотрю в будущее.

Устраивайте себя, устраивай себя на службу – это придаст мне новые силы, потому что одно меня беспокоит, это ваше материальное положение и настроение.

Будьте мужественны, переносите, мои любимые, это несчастье стойко.

Белья у меня много. Здесь можно отдать его в стирку. С этой стороны, значит, что можете быть спокойны.

Писать буду вам по вторникам и пятницам. Тася, очень советую тебе не бросать школу – получится то же, что и с братом – останешься недоучкой. Помогай Лидии Сергеевне – вместе легче перенести горе.

Целую вас крепко-крепко, мои хорошие, мои несчастные.

20/I 31.

Телеграмма 23/I

из Ярославля

Нахожусь Ярославском Домзаке Приезжать не надо возвращусь Все есть здоров

Смирнов

Из ОГПУ от В. И. Смирнова

Иваново-Вознесенск

Родная моя. Попал я в хорошую камеру. Покупаю в лавочке консервы, воблу и постный сахар. Мне нужно чистое белье. От тебя и Таси не получал писем от 21 января. Можешь представить, как это беспокоит меня.

Желаю вам всего хорошего. Целую всех. 12/II 31

От следственного В. И. Смирнова

Иваново-Вознесенск

Дорогие, славные мои. Спасибо вам за передачу. Теперь у меня все есть. Не тратьтесь особенно, так как в три горла есть не могу. Чувствую себя хорошо. Хочется очень работать ...

Денег не надо. Варезки также не нужны, как и шарф. Сама запасись на случай экспедиции бельем, теплой одеждой, сухарями и т. д. За тебя я очень беспокоюсь.

Принесите опять немного творожку. Целую вас, моих самых любимых крепко. 14/II

От следственного В. И. Смирнова по ОГПУ

Иваново-Вознесенск

Родные мои. Спасибо за ваши заботы. Только зачем вы так помногу всего пересылаете? Я не успеваю съесть, и мне негде держать продукты. Работаю я до полчаса четвертого, благодаря чему чувствую себя хорошо. Обо мне не скучайте.

Денег мне не нужно. Я сыт. С удовольствием ем творог и пью толокно.

Хотелось бы мне иметь твою, Тася, карточку. Может быть, как-нибудь разоритесь сфотографироваться. Жалко, что свидание не удастся. Напишу подробнее потом.

А пока целую вас крепко

19/II 31

От следственного В. И. Смирнова по ОГПУ

Иваново-Вознесенск

Милые мои. Я представляю, как сложились ваши материальные дела, и мне все время хотелось бы прийти вам на помощь. Мне кажется, что две мои работы можно было бы напечатать. Но они остались у следо-

вателя. Поэтому прошу вас от моего имени при встрече с ним просить передать их вам.

Будьте добры, купите для меня штук 5–6 десятикопеечных марок. Мне удалось здесь купить несколько хороших селедочек.

Целую вас крепко.

26/II 31

От следственного В. И. Смирнова по ОГПУ Медникова*

82

28 февр. Дорогая моя. Получил две твоих открытки от 27 февр. Досадная история с посылкой. Как хорошо было бы повидаться 4-го. Рассчитываю, что к этому времени будет известен приговор. Сухари все целы. Вчера еще купил белого хлеба – треть буханки. Наволочку переменили в стирке в Ярославле. Доверенность, значит, осталась у следователя. Вероятно, она и не нужна особенно. Во всяком случае, при встрече спроси его или пусть это сделает Тася. Я здоров. По-прежнему работаю на воздухе.

Обнимаю и целую вас обеих крепко. Нюту поблагодари за вкусные вещи.** Сегодня получил еще несколько селедочек.

Целую. В. Смирнов

*Медников – один из следователей В. И. Смирнова.

**Нюта – Анна Сергеевна Кितिцына, сестра Л. С. Кितिцыной.

От следственного В. И. Смирнова по ОГПУ Медникова

82

2/III 31. Родные мои. По-видимому, процедура разрешения на свидание упрощена: делается это по списку, должно быть, имеющемуся здесь. Ты пишешь, что мне надо побольше сухарей и денег. Я думаю, что у меня того и другого достаточно. Попытаюсь проситься поехать на свой счет, мотивируя тем, что я хватил досыта этапов. При следующей передаче я возвращу шубу и валяные сапоги. Припасите мне, пожалуйста, две пары портянок и простые сапоги. Но пока что передавать подождите. Не знаю, что делать с чемоданом – меня связывает. Я здоров и бодр. Целую вас, моих хороших.

От следственного В. И. Смирнова по ОГПУ

Иваново-Вознесенск

Милая Лида. Какая же ты бледная и расстроенная! Сомневаюсь, чтобы свидание доставило тебе то удовольствие, на которое ты рассчитывала, может быть. Когда я пришел и развернул передачу, тоже расстроился: зачем вы все отдаете мне? Милые мои, не делайте этого больше. Не торопитесь снаряжать меня. Главное, не носите сюда много вещей. Знайте, что ни у кого нет такого тяжелого багажа, как у меня. Целую вас, родные мои, крепко.

4/III 31

Иваново-Вознесенск

Милые мои. Сейчас в 6 ч. 30 м. вечера меня куда-то направляют. Попробуйте получить мои рукописи. Я здоров и спокоен. Завтра pošлю телеграмму.

Целую крепко. 7/III 31

Притиска другим подчеркиком.

Послан, вероятно, в Ярославль. Придите за посудой в Домзак ком. № 11.

Ярославль

17/III 31 Милые мои, дорогие. Как же я браню себя за то, что не взял пальто и плед. Теперь этого не случится, тем более что становится с каждым днем ближе к теплу. Из белья, в случае поездки сюда, захватите только рубашку и кальсоны. Я был в бане, и теперь на руках у меня есть грязное белье.

Пока относительно литературной работы, пожалуй, лучше подождать. Опустил при свидании спросить – получили ли листок, на котором были записаны заглавия книг и статей о деревянной стройке.

Адрес магазина ГИЗа, который покупает целые библиотеки по всем отраслям знания: Москва, уг. Тверской и Моховой, Центральный книжный букинистический магазин ГИЗа, д. 11/17.

Хорошо бы предложить Солнцева – Древности Российского государства.

Целую.

Ярославль

Милые мои.

Получил посылку. Большое спасибо. Когда-нибудь снабдите меня нитками, зубной щеткой и чайной ложкой.

Я здоров. Целую вас крепко. 27/III 31

Ярославль

Дорогая Лидук! Получил бандероль и две открытки от 19 и 24 марта. Теперь все, значит, в порядке. Напрасно ты обездолила себя, прислав мне все ваши небогатые запасы провианта. У меня еще не съедены прежние – вобла, селедки, консервы. Сухарей гора. Сахару очень много.

Родная моя, относительно книг я только теперь стал устанавливать точку зрения, которую разовью при личном свидании. Между прочим, если для ГИЗа представят интерес «Декабристы» и др. книги по вопросам истории освободительного движения, уступи руб. за 300–400. Там полный комплект «Былого».

Я здоров. Но беспокоюсь за тебя. Целую крепко. 31/III

*От следственного по ОГПУ
Смирнова*

Ярославль

Милая Лида. Здоров. Отсчитываю деньки, оставшиеся до твоего приезда. Чувствую себя бодро. Все есть – так что с этой стороны за меня не беспокойтесь

Понемногу стал заниматься статьей. Материалы для нее и две открытки, как я уже сообщал, я получил. Будь здорова, береги себя.

Целую крепко. 3/IV 31.

*От следственного по ОГПУ
Вас. Ив. Смирнова*

Ярославль

Милая, родная, хорошая.

Как я мало тебя видел! Совсем не успел поговорить. Потом я расстроился, когда увидел передачу: зачем столько ты всего привезла?

Ведь половину придется отдать или продать. Хлеб уже продал. Больше ничего мне не привозите и не присылайте, если я еще буду здесь продолжительное время. Получил повестку на посылку. Приговора еще не объявляли.

Заявление о переезде на свой счет посылаю.

Целую тебя крепко-крепко. 7/IV 31.

От следственного по ОГПУ

Ярославль

Вас. Ив. Смирнова

Дорогая Лидунинька. Деньги получил. Теперь у меня около 50 руб. Этого хватит вполне, и больше не присылай. Посылку тоже получил. Открытки твои от 6/IV и 7/IV получены. Приговор еще не объявляли. Думаю, что в этап попаду еще нескоро. Хорошо бы еще разок повидаться с тобой, чтобы поговорить насчет книг – ничего я не успел в прошлый раз. Но очень жалко на разезды денег. Хорошо, что продали кровать. Только ничего мне не привозите, в крайнем случае, если уж нельзя с пустыми руками, захватите немного жареного мяса. Гребень и консервы не успел передать. Целую тебя, моя родная.

10/IV 31

От следственного по ОГПУ

Ярославль

В. И. Смирнова

Дорогая Лидук! Милая, пиши почаще, а то я беспокоюсь. Приговора еще нет, и, видимо, еще не скоро отсюда поеду. С провиантом у меня благополучно: 10 коробок консервов, 2 мешка сухарей, 1^{1/2} банки масла, есть еще порядочно сахара. Послал в посылке Кронида Ивановича Либеровского грязное белье: 1 рубашка верхняя, 1 нижняя, кальсоны, носовой платок, простыня, носки, полотенце, головной твой платок. Жену его зовут Ксенией Александровной. Скорее всего, по его словам, она сама занесет. Но на всякий случай сообщаю ее адрес: ул. Розы Люксембург, д. 21.

Если соберешься когда-нибудь сюда, хорошо бы предупредить об этом. Но как мне вас жалко, сколько это у вас отнимает сил!

Целую тебя. 14/IV 31

От следственного по ОГПУ
Вас. И. Смирнова

Ярославль

Милая, дорогая Лида. Получил старую твою открыточку от 5-го апреля только сегодня, 17-го. Открытки 6 и 7-го апреля получены были раньше (10-го). С тех пор не имею от вас вестей. Беспокоюсь. Пишите почаще. Узнай, что с моим приговором. Приговора еще не объявляли. У меня все есть. Здоров. Поездки сюда дороги, поэтому не спешите ездить, хотя повидаться и очень хочется.

Я числюсь за СО ПП ГПУ по ИПО, поэтому пропуск на свидание личное на 40 минут берите там.

Целую тебя крепко, мою родную, любимую.
17/IV 31

Телеграмма

Ярославль

20 апр. 1931. Приезжай. Приговор получил. Лида выбирай Архангельск Настя Кострому
Смирнов

От срочного В. И. Смирнова
Ком. 17.

Ярославль

21/IV 31. Милая, ненаглядная моя Лидуненька. Очень жалею, что о твоих делах узнал я раньше, чем ты, жалею, что приготавливая меня, ты не собрала себя. Поэтому надо позаботиться о себе: запастись консервов и сухариков, собрать белье, одежду и разное барахлишко. Главное, не надо торопиться уезжать в Архангельск. Если туда не удастся, выбери Вологду или В. Устюг. Это одна сторона дела. Другая – самая важная – устроить Настю, если не удастся дотянуть тебе до каникул. Можно это сделать, или отправив ее в Кострому, если примут ее там в школу и если Елизавета Михайловна найдет ей местечко. Или, найдя ей квартиру. Очень готовно предлагает Кронид Иванович и пишет об этом жене и Ел. Анат. Рыбаковой. Сходи к той и другой – посмотри и решите вместе. Вещи можно частью передать им. А часть продавай (беллетристику и местные издания). Часть в Кострому. Целую тебя и жду в мае.

От срочного В. И. Смирнова
Ком. 17

Ярославль.

21/IV 31 # Родная, милая моя

Пишу дополнительно, так как не уписалось все, что надо. Мне кажется, что если можно поместить что-нибудь из вещей Елене Анатольевне Рыбаковой (Новая улица, д. 69) или к Ксении Александровне (ул. Розы Люксембург, д. 21), так не спеши с продажей. А главное не форсируй своего выезда из Иванова. Но как же ты поедешь – ничего у тебя нет – ни сладкого, ни хлеба, ни консервов. Жалею, что не возвратил с Настей часть передачи. Если поедешь сюда, а я надеюсь еще порядочно здесь посидеть, не захватывай ничего в плошках (не возьму) и вообще лучше ничего не привози – мне за глаза на месяц хватит. Мне нужно повидать тебя, и в начале мая я буду ждать. Милая, это уже последние препятствия к нашему счастью. Вези часть барахла с собой, а часть можно оставить и попросить дослать. Очень бодро смотрю на будущее и очень люблю тебя. Целую милую, хорошую.

От срочного Вас. Ив. Смирнова

Ярославль

Милая моя, дорогая. Пока еще неизвестно, пойдет ли мой этап завтра. Чаще всего об этом сообщают накануне. Таким образом, ты, может быть, успеешь еще повидать меня до следующей субботы, 2 мая. Жалко, конечно, деньжонок, но что же делать.

Мне не хочется подавать советы, что брать тебе с собой, так как тебе виднее. Придется жить долго, поэтому многое может понадобиться: значит, оставленное надо в таком виде запаковать, чтобы могли нам переслать. Не вызвать ли тебе маму, чтобы она помогла собраться. Лидуня, милая моя, как я тебя жалею и люблю. Будь мужественна и здорова.

Целую твои глазки. 24/IV 31. Ярославль, 8 ч. вечера

От срочного В. И. Смирнова
Ком. 17

Ярославль

Милая, родная моя. Вероятно, выедем в самые ближайшие дни. На всякий случай о своей судьбе черкни открыточку и сюда, и на Вологодский домзак. Хотя возможно, что проеду сразу дальше. У меня

непоколебимая уверенность, что все образуется, что где-нибудь удастся устроиться на работу, и что мы, в крайнем случае, после хлопот настоячивых будем вместе.

Если не дадут Архангельска, переезжай в В. Устюг. Тогда я буду ловиться перебраться к тебе. Хуже, если и это не удастся.

Если тебе не будет трудно, захвати с собой из рукописей: лесосплавной словарь, программу о стройке с книгой Соловьева и листком библиографии этого вопроса, наконец, хорошо бы захватить пояски.*

Моя любимая, как ты теперь успеваешь все делать? Много надо сил, чтобы все это вынести. Советую багажом с собой отправить примус, самоваришко, немного чайной и кухонной посуды и утвари. Сейчас узнал: еду сегодня.

Целую тебя всю – глазки, ручки.

28/IV31

*В.И. Смирнов пишет о неоконченных работах. В 1929 г. он ездил в экспедицию по изучению лесосплава на реке Костроме. Подготовленная работа не была опубликована. Работа о тканых костромских поясах опубликована в 1940 г. в «Советской этнографии».

Телеграмма 30/IV 31

из Ярославля

28 выехал здоров Смирнов

Вологда

Родные мои. Прибыл в Вологду. Чувствую себя хорошо. Здоров. Говорят, что оставят в Вологде. В Архангельск теперь не едут. Но это только слухи. Во всяком случае, это поимейте в виду. Адрес: Вологда, Домзак № 1, мне.

Целую вас крепко. 29/IV

Вологда

Милые мои, дорогие. Все, что на этот раз могу сообщить вам – это, что продолжаю находиться в Вологде. Здоров, бодр. Здесь можно купить колбасы, консервов, хлеба, конфет. Но у меня все есть. Ничего неизвестно, когда и куда тронемся. Самое неприятное, что от вас, наверное, уже

не получу известий – таков порядок. Между тем, для меня самое важное теперь знать, что происходит с вами. Попробуйте спешной почтой на домзак № 2. Это вторая открытка моя.

Целую вас, моих родных, любимых. Будьте бодры.

3/V 31

Записка, вложенная в письмо к Насте.

Милая Лидуня, родная моя. А, может быть, ты еще в Иванове? Все равно пишу – пусть Настя перешлет.

Вся внешняя сторона моего существования довольно благополучна. Но беспокойство за вас все больше и больше меня начинает угнетать. Ты подумай только – не редкость, что письма заключенных лежат в конторе по 40 дней.

Три недели я не имею представления о твоей судьбе. Только сознание, что у тебя на плечах есть голова, которую ты не потеряешь, что бы ни случилось.

Будем смотреть на всю эту историю, как на случайное, не так уж большое несчастье, потому что главное осталось с нами. И еще больше я тебя люблю, жалею и стремлюсь всеми силами души видеть тебя, быть с тобой. Это рано или поздно будет.

Целую тебя, мою милую: будь здорова и спокойна.

20/V 31

P.S. Узнал от начальника, что в Архангельск нас не пошлют, а рас-суют в вологодских пределах.

Открытка без штемпеля с места отправления.

Милые, дорогие мои. Пишу с дороги в Архангельск. Неизвестно, доедем или высадимся где-нибудь на пути. Бывает и так. Здоров и бодр. Телеграмму получил накануне выезда. Хочется думать, что теперь уже недолго осталось до момента более устойчивого существования.

Целую вас, за которых больше беспокоюсь, нежели за себя, так как мне что-то везет фортуна: лежу у самого окна, а оно одно.

Милые, милые мои, еще раз целую.

25 мая.

Ст. Лепша.

В. И. Смирнов

**ПИСЬМА
ИЗ ССЫЛКИ**

с 26 мая по 6 августа 1931 г.
(через почту)

Полученная возможность посылать письма через почту позволила В. И. Смирнову гораздо подробнее сообщать жене о своей жизни. Он пишет о положении административно высланных, о встречах со знакомыми краеведами, также оказавшимися в этом городе. Его тревожит, что ее не отпустят – ведь у нее «минус», то есть ограничение мест проживания.

Но больше всего в письмах описаний того, как напряженно, не сдаваясь перед трудностями, он ищет работу и жилье. И то, и другое необходимо, чтобы могла приехать она, его любовь. Может быть, ярче всего характеризуют его личность такие строки одного из писем: «Милая, милая. Уж, конечно, я не дам тебя в обиду, я который боюсь лошадей, коров, собак, паровозов, лязга рельс, я найду в себе силы защитить и пожалеть тебя».

А еще: в любых обстоятельствах он не может оставаться равнодушным к природе. И посылает ей в письме цветок клюквы и веточку карликовой березы.

Письма из ссылки хранятся в ОПИ ГИМ: Ф. 547. оп. 2, ед. хр. 43 и 44, а перепечатанные на машинке – оп. 1, ед. хр. 4.

|| Милые, дорогие мои. Наконец я без конвоя и не за решеткой. Я в «вольной» высылке. Нас высадили на ст. Исакогорка, северной железной дороги в 10 километрах от Архангельска. Живем пока в вагоне. Я уполномоченный, веду сношения с администрацией и таким образом зарабатываю себе карьеру. Весь эшелон вольно-высланных брошен на железнодорожные работы. Надо устроиться табельщиком или десятником. И, по-видимому, это удастся.

Пока не могу сообщить свой адрес, потому что в вагоне проживем недолго: день–два. Можно устроиться жить и на частной квартире.

В город – с разрешения коменданта. Я думаю, что, попав в город, я сумею как-нибудь найти там протекцию и перевестись. Во всяком случае, пока что не приходится вам связывать свою судьбу с моей. Но, по совести говоря, я очень соскучился.

У меня всего хватило – хлеба, сухари еще остались, две банки консервов еще есть и апельсин, который я решил съесть вместе с вами. Довольно много сахара. Завтра получу рабочую книжку в ЦРК, таким образом, продукт будет.

Обед из 2-х блюд здесь стоит 30 коп. Приличный.

Себя пока что прокормлю, одним словом.

Самая большая забота – сдать белье в стирку – накопилось много грязного. Но завшивел я не очень сильно, и то лишь в последнее время, в вагоне от одного чувашина, который владел прямо таки вшивым колхозом.

Это письмо не в счет – на досуге я написал большое, но пока не посылаю. О всяких изменениях в своей судьбе буду извещать.

Милые мои, хорошие, любимые. Ведь только из-за вас я и живу. Как бы я хотел жить теперь для вас.

Целую бесконечное число раз.

26/V 31

|| 27 мая 31 г. Телеграмма

Из Исакогорки.

Свободен здоров адрес временный Исакогорка до востребования

|| Родные мои, хорошие. Даже такая, очень относительная свобода, какой я сейчас пользуюсь, доставляет некоторое удовлетворение.

Нам предложили работу и довольно ясно подчеркнули, что отказываться нельзя. Работа на ремонте дороги. Помещаемся в товарном вагоне. Холодно, так как здесь заморозки и ветры с Ледовитого океана жестокие. Вчера порхал снежок. Раз зашла речь о метеорологии, скажу пару слов о белых ночах. Понимаете ли – ночи нет. Закатится солнце, не успеет померкнуть заря, занялась одновременно другая. Впечатление

такое, как бы по нашим широтам часов 9 вечера, оказывается 12 или 1 час, в 2 уже совсем светло – солнце высоко.

Но не только холодно, еще и грязно, хотя нары мы подметаем. Однако сами мы грязны. Сегодня обещают баню. Вчера обедали в столовой на ст. Бакарица. Обед 12 коп. очень хороший. Здесь много сахарного песку – по 3 руб. кило, продается свободно, много консервов, сравнительно недорого по вольной цене хлеб – 5 руб. буханка.

Итак, свою карьеру я начинаю чернорабочим. Сегодня буду работать на разгрузке балласта – говорят, что выгрузка двух вагонов дает заработок в 3 руб. Это одна из самых легких работ. Балластный поезд приходит два раза в сутки. Самая разгрузка занимает 1 час. Таким образом, у меня два рабочих часа.

Пробовал поискать квартиру и нашел в деревне Заручье комнату очень хорошую на двоих по шесть рублей. Один уже живет в ней, человек довольно приличный. Хозяева тоже. Но деревня эта далеко, я один буду ходить отсюда на работу, а время нашей работы неопределенное. Значит, надо сначала переменить работу. А главное – получить документы.

Вообще я не собираюсь навсегда остаться здесь и в этой роли. В первый день отдыха поеду в Архангельск попытать счастья перебраться туда. Думаю, что мне это удастся.

Белье отдал в стирку.

Деньги у меня целы. Как видите, все могу добыть себе. Поэтому, хоть эта сторона – пока в благополучном состоянии.

Пишите мне пока по адресу ст. Исакогорка, сев. ж. д., Почтовая контора, В. И. Смирнову до востребования.

Теперь несколько слов о вас. Перво-наперво, питайтесь вы получше. Об этом я очень прошу вас, так как силы нужны, а копить деньги смысла большого нет.

Второе, не загружайся лишними работами из-за денег, по тому же самому – надо беречь силы.

Наконец, не спешите сюда, если только еще сюда разрешат выезд.

Надо мне приобрести устойчивое положение. Не знаю, что значила в твоей телеграмме фраза: «старайся остаться Вологде». Я делал, хотя уже было это поздно, отчаянные попытки в этом направлении, но не вышло дело. Если Вологда назначена тебе, а в Архангельск не позволяют, тогда я поведу уже отсюда линию о переезде моем в Вологду.

Теперь, как водится, самое интересное припас к концу. Целую вас, целую крепко-крепко моих милых, любимых, единственных.

Из Вологды я послал 13 писем и одно с пути. Интересно, сколько вы получили. 28/V 31

|| Милая моя, родная, крошка.

В моей судьбе пока мало что переменялось. Разве только то, что вчера разгружал балласт, а сегодня нагружал шпалы.

Ты не думай, что я удручен или измучен. Нет, я умею беречь себя.

Неприятна неопределенность: сегодня мы работали на ст. Архангельск, а вчера на ст. Бакарица, завтра еще куда-нибудь пошлют. После работы приезжаем или приходим в свое логово – в товарный вагон на нары.

Со мной рядом помещается Беляев Вадим, студент, его брат Валерий из какого-то Костромского техникума,* далее учитель из Хабаровска Мих. Ив. Пшеничников и Лощинский Брон. Тимоф., железнодорожный техник.

Остальные 23 человека крестьяне. Впрочем, есть еще один китаец-торговец Ци-га-ли.

Кое-кто утек искать лучшей доли. Но я хочу получить сначала документ, потом уже попытаться устроиться в Архангельске.

Туда поеду послезавтра.

Говорят, что нашу партию в 40 человек, работавшую сегодня на ст. Архангельск-Пристань (на левой стороне Двины, а на правой – напротив нее самый Архангельск), разместят до осени на этой «Пристани». Это будет очень хорошо. Здесь можно будет найти квартиру и общаться с городом на пароходе. Многие служащие города живут здесь.

Недавно Архангельск разгрузили от высланных, поэтому, как передают, спрос на рабочую силу очень большой. Милая, любимая моя Лидунинька – все пустяки. Одна только мысль, как бы нам свидеться? Как бы устроить жизнь нашу вместе. И то, и другое не за горами.

А пока целую твои ручки, и губки, и глазки и прошу тебя – береги себя. 29/V 31

Посылаю письмецо также Насте.

*Вадим и Валерий Беляевы, братья, юные костромские краеведы.

|| Милые, родные мои. Перебрался из вагона на жительство в канцелярию. Тепло и чисто, хотя спать приходится на полу. Сегодня выдали сахарный песок на 6 дней (стакан с четвертью), трески и хлеба по 750 гр. Обед здесь едва съедаю, а хлеба остается. Буду сушить сухари.

Сегодня с дележкой продуктов, с переноской вещей что-то устал. Поэтому посылаю такое скудное содержанием письмо. От вас еще вестей не получал. Целую, как полагается, крепко.

30/V 31

|| Родная, хорошая, добрая моя, нежная деточка. Где ты? Как живешь? Зоренька светлая, звездочка моя милая.

Мне кто-то сказал недавно: умные люди о своих планах не говорят никому. Я не причисляю себя к умным людям. Но дураком прослыть тоже не хочется. Поэтому, имея в виду, что письмо может стать достоянием не твоим только, я буду краток в изложении своих дел и намерений.

Мне удалось благополучно побывать сегодня в городе. Был я там всего 3 часа, даже немного меньше. Но это не важно. Важно то, что устроиться здесь можно, хотя, быть может, и не сразу. Случайно на улице я встретил одного знакомого краеведа – он предложил использовать его квартиру и поселиться пока что с ним, как только добуду вид на жительство. Говорят, что удостоверения личности (собственно говоря, волчий паспорт) выдадут 9-го июня. Не позднее. Место найти не так, видимо, трудно. Я успел уже нащупать кое-что.

Может быть, уже на почте лежит твое письмо, которое прольет свет на телеграмму: «Пока что без перемен. Устраивайся в Вологде».

Но мне не удалось сегодня и вчера побывать на почте. Как мне хочется знать, что и как там у вас делается.

Не беда, если я переберусь в другое место из Исакогорки (всего вероятнее – сначала на Пристань-Архангельск, а потом уже в самый город). Сюда я буду ездить, и письма ваши получу.

Сейчас я устроился очень недурно в смысле квартиры. Живем мы троим в комнате, в которой, кроме печи, установлены 3 кровати, стол, 2 табурета, наши вещи, и еще остается аршина 3 свободного пространства. Смею сказать, что так хорошо редко и едва ли кто-нибудь устроился. Моими сожителями являются Н. Н. Кузнецов, товарищ председателя Общества мироведения,* и В. И. Зайцев – агроном. Оба они работают

в канцелярии штаба, а я так себе примазался. Первый раз ночью на кровати с того момента как выехал из Ивановского подвала. Но там я ночевал вдвоем с Керезом, а здесь буду один. Сейчас пойду набивать соломой наволочку, под перину. Понемногу мое положение улучшается. И я начинаю верить, что как-то все образуется.

Лидуня, родная, как я тебя люблю, как мне хочется пока что знать, что ты цела и здорова. Пиши мне.

Может быть, пошлешь мне бритву и теплую Настину рубашку. Здесь очень большие холода. Холодно не в комнате, а на улице. Больше ничего не посылай, кроме кофе. Здесь сахару сколько хочешь, хлеб у меня остается, есть консервы и у меня, и в магазинах.

Роднулька моя, целую тебя в губки и в спинку.

Ты меня не разлюбила?.. 31/V 31

---

*Кузнецов Николай Николаевич (1970–1942), член Русского Общества Любителей Мироведения (РОЛМ), основанного в 1909 г. В 1927–1930 гг. – товарищ (заместитель) председателя РОЛМ. В начале 1931 г. арестован вместе с большой группой членов этого общества и выслан на 3 года в Архангельск.

Открытка

|| Милые мои. Беседовать с вами в письме или в думах стало потребностью моей. Но вот беда: от вас не получал до сих пор здесь ни одной весточки. Сегодня позабыли, несмотря на мою просьбу, справиться на почте – есть ли мне письма.

Когда-нибудь я вам расскажу многое, что за недостатком места, сообщить сейчас не в состоянии.

Покойной ночи. Целую.

1/VI 31

|| Милая моя деточка. Получил сейчас твою телеграмму и два письма. Не получил раньше телеграммы и первого письма, потому что доверил это дело другим лицам, которые отнеслись к вопросу халатно. Послал телеграмму: «переезжаю служить Архангельск». Ты догадаешься, что выбирать надо Архангельск и письма адресовать в дальнейшем туда же. Из телеграммы ты поймешь, что я начинаю устраиваться.

Адрес перепутал телеграф, а не то, чтобы я рехнулся, хотя рехнуться и не так уж трудно.

Если случится, что тебе предложат на ближайших днях «выбирать» город, все же, выбери Архангельск, постарайся выторговать время на устройство дел или до конца ученья Насти. Этот отрезок времени даст мне возможность устроиться более прочно, может быть, и в квартирном отношении в Архангельске.

Деньги у меня есть, и все вообще есть. Я писал как-то, просил, чтобы ты выслала мне бритву и теплую рубашку. Если выслала – ладно, а если не выслала, так приложи часы. Но отдельно их не высылай и, пока что, кроме писем, мне вообще ничего не надо.

Да, книги – вопрос один из трудных. Мне приходит в голову – не переправить ли их на чердак к маме в Кострому.* С Ивановым нам, вероятно, в будущем придется иметь дела меньше, нежели с Костромой. Допустим, перевозка будет стоить 100–150–200 руб. Этим смущаться не следует, так как библиотека стоит значительно дороже.

Относительно Насти мои соображения такие. Не сжигать ей корабли в Иванове, а ехать сюда с удостоверением от школы об отпуске на лето. Может случиться, что я еще не успею закрепиться прочно в Архангельске, и меня перебросят куда-нибудь. Нельзя выезжать из Иванова, пока я не найду квартиры. Дело в том, что я подыскал, это – угол, и ни тебя, ни Настю там принять и поселить нельзя.

Нельзя ей бросать квартиру и потому еще, что, может быть, погостивши здесь, если не удастся устроиться в архангельском техникуме или в другом учебном заведении, придется ехать или в Кострому, или в Иваново.

Скверно, что нет пока твердого адреса у меня. Впрочем, почему бы не писать пока на адрес Алексея Алексеевича Золотарева, у которого я рассчитываю прожить некоторое время, и к которому могу всегда побывать, если, паче чаяния, найду сразу что-нибудь получше: Архангельск, Соломбала, Набережная речки Соломбалки, д. 1, кв. 1. Золотареву для меня.** Но можешь также писать: Архангельск, до востребования. Я и сам не знаю, что лучше – в том смысле, как скорее буду получать.

Мой совет: спроситься о поездке в Архангельск, в виду того, что у тебя отпуск, но не упоминать о том, что сюда хочешь переехать, потому что «выбираешь». Надо ехать сюда обязательно с удостоверением с места службы, что ты в отпуске. Значит, надо подогнать свой выезд таким образом, чтобы он совпал с отпуском на той или иной службе.

Без этого документа и особенно без паспорта не проедешь. Нельзя говорить, что едешь к высланному мужу или отцу. «Еду к родственникам гостить». Никаких справок о зачете двух месяцев не наводи. Там надо только получить разрешение на выезд, которого у тебя, согласно подписке о невыезде, нет. Имей в виду, что это запрещение о невыезде, может быть, с тебя уже сняли, ибо постановление коллегии от 28 февраля по моему делу в этой части могло быть не утверждено Москвой. Недаром до сих пор тебя не трогают.

Ты прости, что мои письма до сих пор мало очень вносили ясности в представления твои об Исакогорке и прочем. Но я писал после работ на железной дороге страшно усталый. Сегодня я дневальный, и у меня несколько больше свободного времени и сил, чтобы написать кое-что подробнее.

В Вологде я получил одну только телеграмму. Об этом я уже писал. Сам я отправил оттуда 14 писем. Одну открытку я послал с дороги 25 мая, начиная с 26, пишу каждый день или открытки, или закрытые письма.

Какой климат? – спрашиваешь ты. Отвратительный. Из 7 дней, которые я здесь пробыл, в течение 3-х дней шел снег, и все время дули холодные ветра с Ледовитого океана. Сегодня теплее, но идет дождь. Сапоги обязательны. Надо отправить багажом сундук с одеждой. Особенно нужно все теплое, в том числе и валяные сапоги.

Милая, родная, ненаглядная. Я писал вам, что не следует связывать свою судьбу с моей в том смысле, что, пока я не нашел пристанища и не осмотрелся, нельзя бросаться сюда. В вагоне и особенно на улице здесь жить нельзя. Если я успею оглядеться, виднее будет, что захватить из вещей. Думаю, что резон взять и примус, и посуду с прочим барахлом, если часть этого не понадобится Насте в том случае, буде она принуждена будет заканчивать курс наук в Иванове.

Мануфактура и барахло здесь очень дороги. Но продавать на базаре крайне опасно. Адмвысланных ежедневно на облавах забирают и высылают, а деньги отбирают.

Очень трудный и невторостепенный вопрос о Настином колхозе.

Несколько слов о своем месте. Приходит сегодня наш «уполномоченный», личность легендарная, кстати сказать, по фамилии Сарычев, и говорит, что есть требование в Архангельск четырех канцеляристов.

– У тебя, Смирнов, почерк хороший? – «Отличный» – говорю. Что за учреждение, не знаю. Но мне совершенно все равно. Надо только перебраться легально. И, если этот подлец не обманет, завтра или послезавтра я перееду.

Пока я очень хорошо сравнительно с многими другими высланными, устроился. Сыт и здоров.

Милая моя деточка. Теперь уже недолго. Будь осторожна. Все рассчитай. Целую тебя несчетное количество раз. Твой Васенька.

2/VI 31

*Мамой В.И. Смирнов называет Елизавету Михайловну Кितिцыну (1881–1966), мать Л.С. Кितिцыной.

**Золотарев Алексей Алексеевич (1879–1950), краевед, религиозный философ, публицист, председатель Рыбинского научного общества. Был арестован в 1930 г. и выслан в Архангельск.

|| Милая моя, родненькая. Может случиться так, что я не сдвинусь отсюда в Архангельск еще дней 7–8, так как удостоверение личности выдать не спешат, говорят, что сделают это не раньше 9-го июня. Ехать же без документа в Архангельск не так интересно. Это обстоятельство надо иметь в виду.

Что делать? Приходится ждать.

Я не нумерую, к сожалению, этих своих писем. Просто пишу маленькие письма каждый день. Во вчерашнем письме я сообщил тебе, между прочим, свой не очень еще верный архангельский адрес и давал советы, какие документы нужны при поездке. На всякий случай повторяю адрес: Архангельск, Соломбала, Набережная речки Соломбалки, д. 1, кв. 1. С собой обязательно отпуск. Или какое-нибудь удостоверение со службы, чтобы не сочли дезертиром труда, + паспорт.

Перестал писать большое письмо, которое отдам или перешлю позднее. Перестал писать его, потому что нет сил и времени. Да к тому же могут оказаться не ко климату мои записи. А жаль, перед глазами проходит подлинная жизнь, такая красочная и интересная, что невольно привлекает к себе внимание.

Как я рад, что не получил твоих посылок в Вологде – ведь я бы погиб с ними. Только то обстоятельство и спасло меня в этапе и в Вологде от раскулачивания, что я раздал шпане и нешпане почти весь запас своих сухарей. Делился и еще кое-чем. Все-таки и в аду бывает честность!

Еще раз подтверждаю, что мне продовольствия хватило. Сегодня раскупорил последнюю банку консервов. Могу купить этого добра здесь, сколько пожелаю или сколько хватит денег. А денег у меня, несмотря на то, что из них некоторое количество ушло на вспомоществование нуждающимся, остается еще много – больше 20-ти рублей. Скоро получу зарплату. Говорят, что нас рассчитают по 1 руб. 50 или 1 руб. 80 коп. за день. Цены здесь невиданно низкие для заработка взрослого мужчины. Но пока это только слухи, которыми земля полнится.

Получил твою открыточку от 30-го. Странно, что ты не получила следующего моего письма: пишу каждый день, хоть и не помногу.

Жаль Леонида Николаевича.* Выгадал он немного – 7 месяцев вроде, как я против Даниила Осиповича.**

Сегодня пронзительный ветер с дождем. Впечатление поздней осени. Я не пошел на работу. С одной стороны, надо зачинить кое-что, с другой, – пора уже заняться собственными делами, так как надежда на переезд в Архангельск по милости уполномоченного очень невелика. Сегодня он уже не говорит об этом предмете ни слова. Врал. И телеграмму о своем переезде в Архангельск на службу я дал, выходит, преждевременно. Беды от последнего, полагаю, не будет.

Был сейчас у начальника дистанции – он ничего не будет иметь против, если я, научный и плановый работник, как я отрекомендовался, перееду с дороги в город. Но это зависит от полномочного представителя ОГПУ, а не от него, – добавил он. Теперь надо поймать последнего и пококетничать с ним.

Это не просто. Ну, как-нибудь да вывернусь.

Милая моя, я знаю, что тебе хочется поскорее повидаться, я ведь сам только об этом и думаю. Но что поделаешь. Так медленно все идет, и столько трудностей и препятствий на пути к нашему счастью.

Если только сколько-нибудь позволят обстоятельства, обязательно тебя встречу. Но как я опасаюсь, что ты поспешишь поехать сюда, между тем, как сам-то я еще не буду в Архангельске иметь пристанища. Как только что-нибудь там будет подходящее, хотя бы просто крыша над головой для двоих, телеграфирую тебе. Но надо еще в Архангельск перебраться...

Еще раз настойчиво приходит в голову мысль, что постановление Ивановской коллегии от 28 февраля в части, касающейся тебя, Москвой

не утверждено. Интересно бы узнать, пребывают ли в Костроме Полянская, Овчинникова и Парийская или их уже разбросали.*** Если случилось последнее, тогда, конечно, и тебя не минет чаша сия. Я подписывал постановление о высылке моей, не Москвою сделанное, а Ивановским органом.

Сегодня получу продуктовую карточку. Можно будет взять сахару – 1200 г. на месяц, хлеба на 5 дней – 10 фунтов, мяса, растительного масла и т. д. Так как при обеде еще дают 200 г. хлеба, ты понимаешь, что у меня этого добра преизбыток будет порядочный.

Не беда, что дальнейшие твои письма будут идти еще некоторое время на Исакогорку. Сообщение с Архангельском хорошее, и я всегда сюда могу съездить. А, может быть, скоро и переберусь.

О более или менее крупных событиях в этом направлении буду телеграфировать. Жаль – телеграфная плата увеличилась вдвое.

Милая, главное не форсируй свой выезд. Если не будет места приткнуться, получится прямо катастрофическое положение. Мне нужно 3 дня пробыть в Архангельске – тогда другое дело.

Сегодня я съел апельсин, потому что он так сморщился и почернел, что я думал – он испортился. Ел обед на вокзале своей ложечкой, на которой изображена девочка, собирающая грибы, и вспоминал, облизывая ее, тебя, вспоминал, как мы собирали грибки и бруснику около Игодовского озера.

Свидетельство со службы нужно здесь обязательно, иначе не поступишь никуда. Таким образом, если в техникуме не закончатся дела раньше, бери оттуда свидетельство, а, может быть, подгонишь свой отпуск по службе в Облзу к поездке. Вот было бы здорово! Удостоверение тогда тоже захвати.

Каким образом могла ты накопить такую уйму денег за такой короткий срок? Не понимаю. По правде говоря, у меня никогда не бывало постольку. Вероятно, голодом морились. Конечно, так. Это меня удручает. Ваши силы сейчас нужнее грошей. Купите себе масла хоть разок, иначе я любить вас не стану.

Ну, прощай, мой милый, тощий как спичка, статистик. Целую тебя в лоб, в нос, в губы, в подбородок, в шейку и т. д. Твой Васенька.

3/VI. Напиши, получила ли мои предыдущие письма. В противном случае дай мне другой адрес. Пиши лучше мне до следующей телеграм-

мы на Соломбалу, а не до востребования. Не знаю, последнее в Архангельске удастся ли легко.

*Леонид Николаевич Казаринов (1871–1940), краевед, основатель и первый директор Чухломского краеведческого музея. Арестован в 1930 г и выслан в Северный край (Котласский район).

**Даниил Осипович Святский (1881–1940), член Русского Общества Любителей Мироведения, ученый секретарь Центрального бюро краеведения, ученый в области фенологии, метеорологии, истории астрономии. Арестован в 1930 г. вместе с другими членами РОЛМ, отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала.

***Овчинникова, Парийская, Полянская – члены Костромского научного общества.

Открытка 6/VI 31.

|| Милые мои. Сегодня опять я не получал ваших писем – пробыл до вечера в городе. Дела налаживаются. Завтра еще раз я должен буду поехать. Пока что продолжайте писать по прежнему адресу на Исакогорку.

У меня нет бумаги, и ее трудно здесь достать. Может быть, захватите потом с собой. Теперь я прошу еще выслать мне 30 рублей – не больше и не меньше. Дело в том, что я не рассчитал некоторой задержки в выплате зарплаты.

Целую вас, как полагается, очень крепко. Когда поотдохну, напишу подробнее.

|| Милая, хорошая моя. Сегодня, приехавши с работы, нашел на подушке твое письмо, помеченное 4, а кончик – 5-м июня.

Сначала отвечу на твои многочисленные вопросы и недоумения, насколько сумею.

И, прежде всего, должен признаться, что не умею ответить на вопрос о том, как живут люди с минусом. В свое время Захваткин в Костроме и Н.Н. Осипов устроились, как помнишь, не плохо. Но теперь времена, может быть, не такие уже в этом отношении. Все же я думаю, что если ты последуешь моим советам, которые я расточал так щедро в своих письмах, ты поступишь здесь легко. Народ очень нужен. На всякий случай повторяю: 1. Надо ехать не иначе как с бумажкой от учебного заведения, что ты пользуешься законным летним отпуском, и с бумажкой аналогичного содержания от Облзу.* 2. Отпрашиваясь в Архангельск в известном учреждении, потому что у тебя есть подписка о невыезде, ты направляешься сюда, чтобы навестить больного мужа. 3. Если только понадобится, только тогда задаешь вопрос: может быть, мне придется

остаться там, надеюсь, вы ничего иметь против не будете. Но думаю, что и этого вопроса не будет.

Валенки здесь очень дороги. И ты хорошо сделала, что купила. В починку тоже отдавай там. Здесь не умеют хорошо и дешево это делать.

Штиблеты купи за 29 р., хотя у меня эти еще в сносном состоянии. Но здесь обуви нет пока.

Насчет фуфайки – я бы ничего не имел против приобретения этой дорогой вещи, но лишь в том случае, если и себе ты приобретешь подобную теплую кофту.

Из имущества мне не жаль ни шкафов, ни обеденного стола, ни кроватей, ни буфета. Все это можно упростить в жизни. Но мне очень жаль библиотеку, потому что она кому-нибудь очень пригодится. Хотя часть ее я продал бы без сожаления, буде дадут настоящую цену. Библиотеку лучше всего переправить маме. Но, если бы удалось сплавить «Богословский Вестник», «Временник» – это бы груз в Кострому несколько уменьшило.

Немного жаль письменного стола. Но, в конце концов, писать можно даже не на столе, как это я сейчас делаю, а на ящике.

Относительно Насти вопрос ясный. Она переедет сюда, если только представится какая-нибудь возможность, и, если это не окажется для ее дальнейшей карьеры губительным. Труднее решить вопрос о временном ее пребывании от твоего отъезда до приезда сюда, потому что, может быть, обоим сразу по квартирным условиям двинуться не придется. Или придется, продав имущество, перейти ей к Кс. С. Либеровской (ул. Розы Люксембург, д., кажется, 21), или отправиться на время в Кострому. Последнее мне было бы особенно приятно.

Само собой разумеется, надо ее устроить учиться. Мы сможем заработать, чтобы не нуждаться пока что в ее службе. Я думал, что 9-я группа сохранится в Иванове. А раз нет, и в техникум там поступить непросто, Иваново теряет в моих глазах для нее всякую прелесть.

Одно надо иметь в виду – нет у меня уверенности, что я долго продержусь на одном месте.

По моему мнению, идти проситься не следует, пока не устроишь со службами вопрос. Еще раз повторяю – ты не знаешь о своем приговоре.

«Теперь опять тепло, – пишешь ты, – и фуфайка тебе, вероятно, не нужна». Милая, сегодня, когда я работал на полотне, шел снег, и дул такой

ветер, что фуфайка была бы очень кстати. Однако питаю надежду, что на полотно скоро уже перестану ходить.

Мыла у меня много. Не присылай.

Посылки получают аккуратно по адресу «до востребования». Теперь у меня есть уже аттестат зрелости, как в шутку кто-то сегодня, получая этот волчий паспорт, назвал.

Лучше бы тебе уехать сюда без такого или минусного удостоверения.

День отдыха у меня через 5 на 6-й день. Был 5-го, теперь будет 11-го. Но завтра все это, может быть, придется сбить.

Милые мои. Приходится просто поцеловать вас и поставить точку – спешу закончить, чтобы успеть отправить с почтовым поездом.

*Облзу – Областное земельное управление, куда в 1931 г. Л.С. Китицына устроилась на работу через Биржу труда после ареста В.И. Смирнова и ее увольнения из Ивановского краеведческого музея.

|| 10-е июня. Дорогая, милая. Получил твою открытку от 6 июня и письмо 10-е от 7-го июня.

Сегодня очень интересный случай был со мной. Осталось у меня немного времени до поезда после разных дел по поискам службы. Решил побывать у Алексея Алексеевича, посмотреть будущую квартиру и себя показать хозяйке.* А.А. обрадовался, засуетился, соорудил самоварчик (1-й раз за 9 месяцев пью из-под самовара, а не из чайников чай). Приносят ему письма и перевод на 50 руб. Расписался он в получении, мелочь за доставку денег на дом заплатил я – у него не было. Пьем чай, потом он начинает читать текст письма на отрезанном купоне. «Многоуважаемый Алексей Алексеевич, будьте любезны, передайте деньги Василию Ивановичу».

Приезжаю сюда, нахожу, кроме двух упомянутых писем отрезной купон на другие 50 руб.

Большое письмо на А.А. пока не получено. На почту в Архангельске на этот раз зайти не догадался и открытку эту получаю несколько позднее.

Телеграмму всего-навсего я послал тебе одну, как только приехал сюда, больше не посылал. От тебя также имею одну телеграмму.

Мне кажется, что с этой стороны дело обстоит более или менее благополучно. Помилуй, деньги получил на 3-й день!

Зачем ты столько мне прислала денег? Мне за глаза было бы достаточно 30-ти руб. до получки заработка, задержанного выдачей, благодаря перебою в деньгах.

Худо, что отпуск у тебя только в сентябре. Поэтому, быть может, вызвать тебя телеграммой, как я уже проектировал. Телеграмму эту ты покажешь на службе. Иначе будет твоя поездка и поступление здесь на службу дезертирством. Удостоверение из техникума, что ты находишься в летнем отпуске, обязательно надо иметь и для дороги, и для поступления здесь на службу по Отделу Народного Образования.

Ты пишешь, что хорошо бы перешить Настьке шубу на кенгуровом меху. Конечно, конечно. Здесь она оценит ее, потому что до сих пор ходят в зимних пальто некоторые дамы.

Теплые вещи здесь крайне нужны. И лучше всего, если вы успеете это сделать в Иванове, потому что здесь еще не скоро сумеем найти портных.

Если удостоверение об окончании 8-й группы связано с поездкой в колхоз, конечно, надо ехать туда, потому что из колхоза можно вызвать, если будет там трудно, тоже телеграммой. Это мое мнение, но вам там виднее. Я знаю, что удостоверение такого рода как окончание 8, а не 7 группы в жизни не пустяк. Но я опять спрашиваю, что значит поездка в колхоз, на какой срок, и на какую работу, в какой именно колхоз и с кем? Об этом напишите мне.

Милая моя. Твои письма читаю и перечитываю. Пиши – чем больше, тем лучше. Все интересно. И то, что ты пишешь по части этнографии. Если бы немного раньше ты сообщила эти интереснейшие сведения насчет косули, сохи и плуга, я мог составить карту сельскохозяйственных орудий СССР, потому что сидели или прошли около меня представители всех губерний и почти всех уездов.

В дальнейшей части твоего письма ты задаешь вопрос: надо ли иметь удостоверение об отпуске, а отказ от службы ты пошлешь отсюда в виду перехода на другую службу. Но попробуй выяснять этот вопрос в Союзе или у умных людей.

Да, я многое не умел во время сообщить тебе и сам внес путаницу в свои адреса. «До востребования» все же для меня удобнее, нежели на дом, в котором живу, потому что почту в этом поселке не разносят, а дом не имеет на себе никакого номера и принадлежит не какому-нибудь Ивану Сидоровичу, а железной дороге, как и многие другие дома. По-

строен он на задах и т. д. Пиши на Исакогорку «до востребования» и впредь.

Отсюда я уеду не раньше 14-го, а тогда дам обязательно телеграмму о новом адресе. (Телеграммы теперь 15 коп. слово).

Как жалею, что с посылкой, точнее со шкафом произошла такая история ... Ну, когда-нибудь да отопрете.

Сегодня был еще раз в Крайплане. Дело налаживается, но еще отзыв обо мне со стороны известного органа не получен. Просили зайти через 3 дня.

Квартира Алексея Алексеевича представляет большую комнату, заставленную уродливыми рододендронами, фикусами, розанами. На полу постельные принадлежности А. А. и какого-то моряка. «Хороший парень», по отзыву А. А., в глазах которого все люди хорошие. Стоит деревянная кровать, на которой иногда спит мальчик – племянник хозяйки. На стенах олеографии дешевенькие и фотографии каких-то групп. Стол – он и обеденный, и письменный. В простенке большое зеркало.

Хозяйка или не очень хочет меня пускать, или хочет повыжать еще несколько карбованцев. Вопрос о моем переезде оставила открытым, сказала, что переговорит предварительно с мужем.

Думаю, что удастся ее уломать, а через некоторое время завести разговор о твоём переезде. Как-нибудь в углу устроим тебя. Алексею Алексеевичу я сказал о своем плане. Он находит правильным, чтобы ты ехала и помогла искать настоящую комнату, а не угол. Какой он интересный человек, Алексей Алексеевич! И как я рад, что встретил его.

Ты честно говоришь о том, что я, бедненький, здесь голодаю. Так вот тебе точное расписание вчерашнего моего питания. Утром 3 кружки сладкого чая и 200 гр. трески с куском хлеба, так примерно в 250 гр., в 11 ч. обед – горох, манная каша, компот (30 коп.) и 200 гр. хлеба, в 4 ужин – горох и 100 гр. хлеба (15 коп.), в 7 часов чай – 3 кружки в сладкую, 200 гр. трески и до отказа хлеба.

Сегодня вместо обеда, который я прозевал, потому что был в Архангельске, я съел 2 ужина – 2 тарелки мясных щей и 200 гр. хлеба. Выпил еще большую кружку чудесного кваса за 18 коп.

Нет, в отношении питания я устроился очень неплохо.

Конечно, до сентября тянуть твой приезд нет смысла, да и нет терпенья. Полагаю, что скоро выясниться моя судьба. А вместе с тем мне

удастся хоть немного подготовить почву к твоему приезду. Самое важное однако, я считаю то, как тебе удастся выехать и приехать.

О том, что я буду или собираюсь работать в Крайплане, никому, кроме мамы, – не говорите. А то опять позавидуют, пожалуй.

Будешь писать маме, передай от меня привет ей и бабушке. Попроси передать при случае Аннушке, что белые сухари посылать не возбраняется по адресу: Архангельск, Соломбала, Набережная речки Соломбалки, д.1, кв.1, мне. Даю этот адрес, а не Исакогорский, потому что, когда она пошлет, я буду уже там жить.

Знаете что, мои хорошие, родные, милые. Только недавно я начал оттаивать, опять стало хорошо и радостно жить, и на все, что прошло, смотрю без сожаления и печали... Целую крепко.

*Алексей Алексеевич – Золотарев А. А.

|| 11 июня. Хорошая, несчастненькая моя. Письма я пишу тоже каждый день аккуратно, в крайнем случае – открыточку. Но, по-видимому, шалости почты делают то, что письма мои то запаздывают, а то и прячутся куда-то от адресата. Последнее обстоятельство надо иметь в виду и не распускаться. Я сам видел свои письма и ответы на них на столе Л[епорского].

Получил сегодня открыточку твою от 9-го, в которой ты беспокоишься по поводу того, что два дня уже нет от меня писем. Получил также 50 руб. с Исакогорской почты. Без всяких затруднений и, как видишь, очень быстро. Вчера я тебе писал о том, что получил также и деньги, которые ты адресовала через Алексея Алексеевича.

Теперь я богач. Купил по этому случаю свинины. Буду себе варить на ужин кашу с ней. А, в общем, не представляю, куда девать мне столько денег? Разве положить в кассу?

Сейчас перечитал все твои письма, полученные в Исакогорке. Между прочим, сделал открытие – в одном из конвертов нашел записочку, которой раньше не читал, проглядел как-то. Это та самая записочка, которая попала было в конверт, адресованный в букинистический. Как я благодарен за указания, которые даешь мне очень кстати.

В Вологде я получил только одну телеграмму. Твои посылки и посылку мамы все же надо получить. Как это сделать, не знаю. Говорят, что в Вологде завал посылок. Вероятно, придется тебе писать заявление на имя

начальника Домзака № 1. Жаль мне селедок, жаль и сухарей, которые пригодились бы вам. (Я здесь насушил целый мешок их).

* * *

На работе я устаю. Но не убиваюсь очень: никого отвагой и другими добродетелями не удивишь. Во всяком случае, государство свое получает за 1 руб. 50 коп. На работе я окреп. Чувствую, что мускулы стали тверже. Загорел, лицо обветрилось, брови и усы выгорели. Сознание быть чернорабочим очень неплохое.

* * *

В одном из писем ты пишешь: «Тебе неприятно, что здесь мы живем благополучной жизнью под крышей». Милая, да как ты могла подумать такое про меня. Мне, конечно, больше всего приятно, что вы живете (правда, в очень относительном) благополучии. Но мне неприятно, что вы скудно питаетесь. Мне кажется, что вы не имеете права это делать, раз есть деньги на книжке. Подорвать здоровье – дело простое. Но потом восстановить его будет очень недешево.

* * *

Твои сообщения о музее очень меня интересуют. Но что случилось с прочими персонажами?

* * *

За толокно, которое придет в посылке (если только слесарь догадается сам прийти к вам и устроить замок шкафа), заранее приношу благодарность. Недавно у меня толокно вышло, а я так привык к нему в Ярославской тюрьме, пил запасы свои в Вологде и здесь.

Масло, конечно, посылать нельзя. Может быть, захватишь фунт, и то это едва ли нужно. Здесь оно стоит 35 руб. кило, а у вас – 25.

Очень бы просил тебя захватить или, когда установится мой городской адрес, послать мне что-нибудь из моих печатных работ. Между прочим, нужна будет статья «Краеведение и изучение производительных сил». Весь этот XXXIII сборник трудов КНО не худо бы иметь.*

Очень нужны будут здесь все программы по изучению края с разных точек зрения.

Сейчас, раздумывая насчет книг, я вижу, что к маме нужно переправить только нужную нам в будущем часть библиотеки. Остальное попытайся, буде некуда девать их, сунуть к Рыбаковой. Хотя эта баба не очень мне нравится. Может быть, возьмет еще кто-нибудь

на чердак. Действительно, эта масса тяжести проломит потолок у мамы.

Последнее, о чем я хотел тебе написать, – это напомнить, что с тебя взята подписка о невыезде. Поэтому без разрешения выезжать едва ли удобно. Но, с другой стороны, опасно, если дадут тебе отпуск сюда на срок. Тогда как быть?

* * *

Завтра поеду в город в баню. С этой стороны дело обстоит благополучно. Впрочем, может быть, отложу еще на день поездку, так как день отдыха, кажется, устанавливают на 7-й день. А я сегодня не был на работе – не захотелось. Завтра надо поработать, чтобы не делать срыва трудовой дисциплины.

* * *

Несколько слов Настюльке. Ты чего мне ничего не пишешь? Или ты на меня обиделась, или у тебя нет желания сделать мне приятное? Разве ты не знаешь, что существует правило, очень хорошее, обязательно отвечать на письма. Сядь и напиши мне о колхозе твоём и прочих перспективах.

* * *

Целую вас крепко, мои хорошие.

Сейчас живу со спокойным сознанием, что все скоро понемногу устроится.

В. С.

|| Милые мои, родные. Нечего мне больше послать вам. Погрызите здешних сухариков, скушайте грибки, а мыльцем мойтесь, не жалейте.

У меня еще больше того осталось. Сейчас пойду в город: поезд прозевал. Целую вас крепко.

Вас. Смирнов

*В «Трудах Костромского научного общества изучения местного края (КНОИМК)» (Вып. XXXIII. Кострома, 1924) опубликована статья В. И. Смирнова «Краеведение и изучение производительных сил Костромского края».

№ 1

|| Милая моя, детка, радость. Как мне жалко тебя. Зачем ты себя мучаешь всякими страхами: ничего со мной не случится. А письма от 4 и 5 июня или задержались, или пропали. Я их опустил в поезд (почтовый вагон). То же сделал с письмом, написанным вчера. Опасаюсь, что оно тоже пропадет. Досадно, что трудно возобновить в памяти то, что в них написал.

А, между тем, там больше практических всяких соображений, нежели лирики, на которую я скуплюсь сейчас пока.

Вчера я писал, что получил твое письмо, адресованное через А. А., и открытку на Архангельском почтамте. Сегодня получил письмо № 12 от 10-го июня. Теперь я начал, по твоему совету, нумерацию. Раньше этого не делал, а писал каждый день или открытку, или письмо. Я писал уже тебе, что можешь писать по любому адресу. Завтра еду в город. Зайду к А. А. получить письмо № 11. Может быть, если успею, и, если устроюсь на службе, завтра же переберусь к нему.

По поводу книг – я бы подал тебе вот такой совет. Сходи к Аркадию Максимовичу Кузнецову, ты знаешь, где он живет.* Он всегда относился ко мне хорошо. Может быть, он согласен взять часть книг на чердак к себе. Другую часть пристрой к Бурылину, попытайся, по крайней мере, это лучшее решение вопроса. Ну, где тебе путаться с продажей, когда она так сложна. Небольшую, нужную нам часть, переправь к маме.

И начинай понемногу ликвидироваться. Когда вопрос этот будет подходить к концу, я тебя вызываю телеграммой: «болен, приезжай».

Конечно, и с Бурылиным, и с Кузнецовым за 3 года все может случиться. Но иного выхода у нас нет. Я даже думал бы, что не плохо часть вещей, как стулья, письменный стол и др. оставить кому-нибудь. А что ты думаешь на счет Анфисы Ивановны? Если не будут давать, как говорят, цены, сунь им и зеркальный шкаф. От него не откажутся, как бы тесны комнаты не были.

Сколько тебе хлопот впереди, бедная.

Ну, не падай духом. Скоро будем вместе. Тебя я очень быстро люблю и крепко целую.

Тебе придется приехать раньше Насти. Вдвоем с тобой мы скорее найдем нам троим помещение.

Еще и еще раз целую. Три дня не был на работе, а завтра день отдыха.
13/VI 31 В. С.

*Кузнецов Аркадий Максимович (1895–1960), художник, директор Ивановского краеведческого музея.

№ 2

|| Родная моя, красавица, золотая моя. Я и на этот раз стесняюсь писать тебе интимно. Ты мне как-нибудь напиши, когда это можно будет сделать во всю.

Получил сегодня твою открыточку и письмо № 11 у А. А. Вероятно, получу что-нибудь еще с Исакогорской почты. Пишу в вагоне.

Сегодняшний 3-й мой визит в Крайплан не дал пока осязательных результатов. Сказали, что еще запрошенное на счет меня учреждение не ответило, придите через 2 дня. Темпы, как видишь, здесь остались старые.

Билетик секции научных работников храни. А профбилет, если потеряла, сделай объявление в газете и в союзе, поскорей только – получишь второй.

Говорят, что проезд сюда стал беспрепятственный.

Как жаль, что некоторые письма мои ты, видимо, не получишь. Приходится поэтому повторяться.

Основное положение такое. Начинай помалу сматываться. Не обязательно – все продать, часть можно рассовать. Особенно книги. Правда твоя, обидно за Солнцева получить 150 руб. * Лучше всего, если бы книги взял А. М. Кузнецов или другой кто-нибудь.

Письма и книги по археологии и этнографии попроси принять маму. От нее получил вчера открыточку. Очень она меня растрогала.

После ликвидации, самое главное, спланировать отпуск твой сюда.

Переезд мой в город отсрочивается. За нос еще, может быть, поведут. Из «канцелярии» (старый ветхий домишко, принадлежащий железной дороге) вчера нас выгнали по распоряжению начальника дистанции. Я поселился в старом классном вагоне на путях. Здесь менее удобно. Поэтому перебраться отсюда очень хочется.

Начинаю привыкать к Архангельску. Здесь Двина пошире Волги и по красивее Уводи.

Твои спецы по машинноиспользованию и техпомощи очень живописны. (Ну, и специальности у них!).

Ты преувеличиваешь всякие опасности в отношении моего здоровья. Я хорошо себя чувствую. А в последнее время и не работаю. Или сижу дневальным, или езжу в город.

Письма от тебя на почте в Исакогорке не оказалось. Ноги у меня не подкосились от страха, но поползли этикие невеселые мысли – очередное письмо 13-е, по моему расчету, должно быть здесь сегодня.

Начальник дистанции сейчас приходил и предлагал вновь поселиться в стареньком доме. Но сейчас такой проливной дождь, что о перемещении не может быть и речи.

Милая Лидуненька. Напиши мне адрес колхоза Насти. Съестного мне ничего не присылай. Но сахарного песку купи, потому что он скоро у вас исчезнет.

Милая, ты пишешь, что ходишь в барахле. Родная, сшей же ты себе костюм. Впрочем, это безнадежно проповедовать, пока ты вдали. Здесь я решительно поведу на тебя атаку.

Если будут тебе советовать развестись, ты подожди. Скажи, что номер этот не пройдет.

Целую тебя крепко-крепко. Если завтра будет плохая погода, поеду в город искать другое место.

Милая, милая

14/VI 31

*«Древности Российского государства», издание, выходявшее с 1846 по 1853 г. под руководством Солнцева Ф.Г., историка, археолога и художника.

№ 3

|| 15/VI 31. Дорогая моя деточка. Опять сегодня поехал в город. Поехал за тем, чтобы побывать в научной секции работников просвещения. Интересного мне здесь немного сказали, но все же указали два учреждения, в которых, может быть, стоит побывать, если ничего не выйдет в Бюро производственных сил.

Затем мне пришла в голову мысль – зайти в адресный стол, спросить адреса кое-кого из знакомых, которые, может быть, рассчитывал я, дадут мне указание комнаты. Увы, все мои знакомы отсюда побывшились. Тогда я, набравшись храбрости, стал спрашивать всех входящих и выходящих с домовыми книгами – не могут ли указать мне сдающуюся комнату. Не буду тебе описывать всех этих дам с золотыми зубами и просто

без зубов, развалившихся старцев и молодых управдомами. Одно могу сказать: результаты неутешительные. Конечно, духом я не пал, но ясно осознал, как трудны эти дела здесь, да еще для адмссылного.

Тебе, разумеется, неудобно этим заняться, но, может быть, ты попросишь маму порасспрашивать, нет ли кого из наших знакомых, из их родственников или близких, кто живет в Архангельске, кто бы с соответствующей рекомендацией помог нам в этом отношении. Опасаюсь, впрочем, что при узком круге наших знакомств, это дело не выгорит. В конце концов как-нибудь устроимся.

То обстоятельство, что Настюка остается в городе, неплохо, но планы это изменит, именно планы ликвидации. Знаешь, я ничего не стану укачивать, в каком порядке что ликвидировать. Там вам виднее.

Получил от тебя письмо у А. А. № 13 и отрезной купон на посылку. Бедный Миша.* Он попал в дыру за несколько сот верст от города. Я знаю о Колпашеве очень много по рассказам. Если он там не на лесозаготовках, тогда там преимущество одно в пребывании имеется – очень дешево жить. Но заработать нечем и негде.

Решил вместо этого письма послать открытку. Посылаю ее на Настю. Может быть, дойдет лучше. Очень жалко, что письма доходят не все. Пишу каждый день.

*Миша – Михаил Иванович Смирнов (1868–1949), брат В.И. Смирнова, краевед, основатель и директор Переславль-Залесского краеведческого музея. Арестован в 1930 г., выслан на три года в Западную Сибирь, попал в село Тугур Колпашевского района Томской обл.

№ 4

|| 16/VI 31. Получил посылку: бритвенный прибор, белье, теплую рубашку (пожалуй, теперь и здесь она скоро не понадобится) и чай. Но в чае, как я привык уже, ничего не нашел. Ну, спасибо большое. Я ведь представляю, как все не просто это. А по крышке ящика вижу, что посылка побывала уже на Тутаевском шоссе, а самый ящичек московского происхождения.*

Завтра я буду иметь ответ в бюро производственных сил. И, если этот ответ будет не окончательный, тогда стану искать в других местах дела, после чего потребуется еще некоторое время открепиться от коменданта Исакогорки. Со стороны начальника дистанции препятствий к моему переходу в город нет. Это очень важно. И я имею уже на руках соот-

ветствующий документ. Таким образом, более или менее реально, что я устроюсь в городе. Теперь здесь товарищи по несчастью стали зарабатывать сверхурочными неплохо. Но я опасюсь за себя и потому не только сверхурочных не беру (иногда рублей по 10 за 5 часов работы), но и вообще перестал ходить на шпалы, пользуясь удостоверением местного врача.

Королев, конечно, двух с половиной лет не натянет, и мы через 2,5 года, как я тебе писал в одном, видимо, пропавшем письме, не воротимся.** Но это не важно. Лучше книги пусть попадут в библиотеку, нежели их раскурят. Поэтому действуй. Все-таки, не попросишь ли А. М. Кузнецова в случае надобности ту или иную часть помочь Королеву упаковать и направить туда-то...

Милая моя Лидуня. Недолго уже осталось. Понемногу ты устраивай всякие ликвидационные дела, а здесь я тем временем поналажу свои дела. Трудно, но что же делать. Тем больше будет радости и права на счастье.

Целую

В.С.

*На Тутаевском шоссе в Ярославле находилась одна из тех тюрем, в которых пришлось побывать В. И. Смирнову.

**Королев Николай Алексеевич, библиограф, библиофил, библиотекарь, заведующий библиотекой Ивановского политехнического института. Он принял библиотеку В. И. Смирнова на временное хранение (более 7 тысяч книг). Вернуть библиотеку не удалось, но не по вине Королева.

№ 5

|| 18/VI 31. Дорогая моя. Живу я теперь в старой кузнице. Это громадное деревянное здание аршин 50 в длину и аршин 10 в ширину. Потолка нет. Здесь на нарах помещается 48 человек. Очень свободно. Устроена кирпичная печка с плитой и кубом. Топится непрерывно, так как склад дров рядом. Варят, парят, кипятят, сушат.

Докучают комары, а утром разговоры воробьев. Кстати я здесь ни разу не видел ни галок, ни голубей. Ворону встречаю часто.

В общем, настроение неплохое. И не так уж трудно работать. Полдня таскали рельсы, потом встал на перекидку песку. Однако меня с работы товарищи сняли, попросив устроить дело с обедами. Так жизнь выдвигает меня опять на организационные дела. Дело устроил...

Сегодня я не получил от тебя письма. Устаешь ты – писать, вероятно, некогда ... Но если бы что-нибудь случилось, ведь Настя догадается послать телеграмму. Не правда ли.

Понемногу опять продолжаю свое большое письмо тебе. Когда выпадает свободное время, брожу по окрестностям, беседуя мысленно с тобой. Был на одном озере. Я тебе его покажу, когда приедешь.

В Архангельск поеду через 2 дня. Буду опять ходить, пока не выхожу. Жаль только, что придется банный день пропускать...

Настюке опять откладываю описание Архангельска, так как хочется послушать декламацию 5 и 6-й главы Онегина. Это сделает Н. Н. Кузнецов, знающий наизусть 7 глав Онегина. (Ты прости, что я утешаюсь такими легкомысленными вещами. О серьезных и печальных материях часто не хочется думать).

Целую вас крепко-крепко. Очень прошу – питайтесь прилично, потому что силы будут нужны и кто знает, сколько еще впереди невольных воздержаний будет.

№ 6

|| 19 июня 1931. Дорогая Лидука. Очень беспокоит меня эта история с кражей книг. Жаль не книг, а тебя, потому что люди подобного сорта ни перед чем не останавливаются, могут устроить любую пакость. Поэтому поскорей отправляй их по частям в Кострому и в библиотеку. Я убежден, что в самом ближайшем времени, дело это может принять самый нежелательный оборот. Как жаль мне тебя и как обидно за тебя. Но еще обиднее, что ничем не могу помочь.

Пишу тебе на всякий случай адрес «Комиссии содействия ученым при ВЦИКе»: Москва, ул. Кропоткина, 16. Туда можешь обратиться, если будут обижать с библиотекой, или, если тебе не дадут возможности жить вместе со мной.

Что плоховаты ботинки – это не важно. Лишь бы они были крепки.

Твоя идея сшить теплую рубашку – неплоха. Но это можно сделать здесь, с меркой, а не на глазок.

Представь себе – зима здесь более мягкая, нежели в Иванове – смягчает Гольфштрим и западные ветры. Но зима более продолжительная и при температуре сравнительно невысокой бывают очень резкие северные и восточные ветры. Долго резкие холода стояли этой весной. Сегодня ночью был здоровый холодище.

(В этот момент случилась катастрофа. Крышка ящика двинулась в сторону, и чернила разлились живописной кляксой по письму. Ты уж прости).

Когда мы будем вместе, нам будет тепло, и я не очень пугаюсь стужи, принимая в расчет это обстоятельство.

В ближайшие дни постараюсь послать вам сухари в виду такого хлебного у вас кризиса из-за потери карточки. Не жалею, пожалуйста, денег на питание. Пейте молоко, оно у вас баснословно дешево. Здесь уже не придется его пробовать. Купи хоть раз и съешьте масла. Поверь – вы выгадаете, а не прогадаете даже с финансовой стороны. Я заменяю масло, покупая очень хорошую свинину, с которой сейчас преет пшеничная каша в двух шагах от меня.

Зачем ты извиняешься за свои письма. Разве беда, что они торопливы. Но когда же тебе литературничать или подыскивать красивые обороты. Все это совершенно не важно. Важно то, что искренно.

Милая, милая. Уж, конечно, я не дам тебя в обиду, я, который боюсь лошадей, коров, собак, паровозов, лязга рельс, я найду в себе силы защитить и пожалеть тебя.

Послезавтра опять еду в город искать счастья. Есть место агента в Севторгфлоте, с жалованием 75 руб. + 50 приработка. Служба: 1 рабочий день (сутки) и затем двое суток выходных. В крайнем случае, если не удастся что-нибудь поинтереснее, возьму это.

Еще о книгах. В конце концов – черт с ними: жизнь и спокойствие дороже их. Спаси, что можешь и что особенно важно. Остальное гони в библиотеку и т. д.

Купи еще в запас кило или два сахара. Если есть продажная крупа, купи для себя. Здесь кило пшеницы стоит 2 рубля, и не всегда достанешь.

Сегодня работали на берегу красавицы Двины. Работа была не тяжелая – перекидка песку. День хороший. Работал первый раз в одной рубашке. Молодежь купалась.

Почти ничего, кроме твоих писем, не читаю. Таким образом, они составляют содержание моей жизни.

Целую крепко и бесконечно.

№ 7

|| 20 июня 1931 г. Вот, понимаешь, родная: с тобой был такой случай – не помню, говоришь, которое письмо по порядку – не то 11-е, не то 12-е. Так

и со мной сейчас – не помню № вчерашнего письма: может быть, 6, а, может быть, и 5-й. Ты это выяснишь, потому что дата на вчерашнем 19 июня.

Ножичков для бритвы не надо. Здесь есть они, стоят 35 коп. штука. Но запас их, присланный тобой, совершенно достаточен. В настоящее время у меня все есть. Ощущаю недостаток лишь в толстовке, как уже писал тебе. Если еще не снарядила ее в посылку, приложи брюки от пиджака и часы. Не возражаю против толлокна.

Знаю, как не просто снарядить посылку. Надо найти тару, надо выбрать время, чтобы отнести на почту, здесь стоять в очереди. Все это я знаю и болею душой за вас.

Выпуск Трудов Общества с экономической запиской по проведению железной дороги понадобился мне на тот случай, если карьеру придется делать здесь на дороге, а не в городе. Ибо возможен и такой оборот дела, что на службу примут, здесь открепиться у коменданта, а в городе комендант не прикрепит...

* * *

Зачем ты пишешь такие предположения, будто мне надоели твои письма. Я так привык их получать, так люблю читать их, что ощущаю беспокойство и пустоту, когда на почте не окажется твоего послания. Ты подумай только, сколько вещей мне напоминает все время о тебе. Встаю, надеваю чулки и закрепляю их подвязками, которые ты мне купила и передала в тюрьму. Сажусь есть, беру ложечку с девочкой, которая собирает грибки и т. д. ...

* * *

Это верно – до сих пор я не удосужился описать тебе свою работу на железной дороге. Это я откладывал до другого раза и в другом месте хотел сделать. Но раз на то пошло, изволь.

Делаем мы все, что заставят. «Сходи за ломом!» – говорит мне старший мастер Ивановский. Иду и приношу лом. «Ну, ты иди на вагу, ты со штопкой» и т. д. Идем. Штопка – одна из наиболее легких работ. Деревянным орудием, напоминающим лопату, расколотую вдоль на две части, точнее – половину лопаты, – мы подбиваем под шпалу песок. Работа механическая, легкая, можно, работая, о ней не думать.

Иногда я становлюсь на вагу. Со стороны может показаться, что поднять рельсы с прибитыми к ним шпалами, тяжело. На самом деле – это сущие пустяки. Подсовываем под рельсу вагу. Команда: «Нажми!» –

и мы взваливаемся на жердь. «Нажми еще!» – перебираюсь выше, к концу ваги. Ноги болтаются на воздухе. Испытываю неизъяснимое чувство удовольствия, вспоминая детство, когда вот так же висел на чем-нибудь, болтая ногами.

Приходится иной раз носить шпалы. Это самое тяжелое дело. Бывают очень веские бруски, которые едва дотаскиваем вчетвером. Но и здесь нужно уметь подобрать себе пару. Тогда дело не так уж страшное. Опаснее всего попасть в пару с лодырем, который будет только тень наводить, но отнюдь не будет делать усилий, чтобы разделить труд.

Случалось перетаскивать рельсы. Работа не то чтобы очень тяжелая, но и не особенно приятная. Раскидываем баланс. Это кучи песку, насыпанные около рельс. Работа самая обыкновенная. Работа, на которой особенно заметен лодырь. Копнет, бросит лопатку, обопрется потом на нее и начнет задумчиво смотреть на небо. Я не могу так относиться к делу. Знаю, что гореть работой за 1 руб. 50 коп. смысла нет, но и втирать очки нет никакого желания. И я работаю, сколько могу. И презираю лодырей. Рабочая психология – строгая психология.

Сегодня мы нивелировали под будущее полотно дороги местность. Поставили визирки, в одних местах стали снимать почву, в других подсыпать.

Моя организационная жилка везде дает знать себя. Всюду сую нос. Поэтому сегодня работал только полдня. Уехал в Исакогорку раньше, так как сорганизовал группу лиц, которые послали со мной свои удостоверения на регистрацию к коменданту, а сами остались зарабатывать деньгу (75 коп. за другую половину дня). Но мне запишет табельщик полный день, так как я уехал не по своему желанию, а потому что меня уполномочили.

Теперь меня нередко спрашивают и табельщик, и мастер, и старший – устраиваюсь ли я в городе. Я знаю, что здесь я могу и с не очень плохой оплатой получить какую-нибудь должность. Но все это меня может закрепить за дорогой.

Встаем мы в 6 часов. В 7 часов идет «дежурка» – маленький рабочий поезд. Через 30 минут – мы на пристани. Берем лопаты, штопки, ломы и идем на работу. Работаем до 11 часов. Час на обед. Затем опять работаем до 4 часов. Во время работы делаем перерывы – «курить». Присаживаемся. Наша группа два дня работала без всякого надзора,

и мы не делали из «курения» бесконечно долгих антрактов. В 4 часа шабашим и идем в столовую ужинать. Потом ждем поезда до 5 часов 30 мин. В 6 приезжаем в Исакогорку. Моюсь, завариваю чай, варю кашу. Пишу письмо. В 9 часов 40 мин его опускаю. Потом ложусь спать. День прошел...

Скажу, что редко бывает, когда, работая, я чувствую, что тупею. Когда я устаю, делаю клич «Курить!». Удивительное дело: все сейчас же бросают работу или, по крайней мере, на момент останавливаются, чтобы обсудить, не сделать ли раскурку позднее.

* * *

Мне очень жалко, что тебе некогда или нет желания сходить за город. Ты все-таки это сделай, хоть это, может быть, и грустно. Но зелень и прочее надо видеть и надо дышать воздухом. Нервы тоже надо немного подправлять. Так-то. Моими устами говорит сама мудрость.

Ты обязательно сходи на выставку «Пригородное хозяйство» и послушай объяснения. Потом отпиши. Доставь мне удовольствие. И себе будет на пользу.

Ну, пока прощай, моя родная, любимая. Целую крепко.

В. С.

А Настюшке вот опять не успел продолжить описание города Архангельска. Но она сама виновата – мне опять не пишет. Не буду взирать на это и зла помнить – завтра напишу. Напишу и о Глебе, которому сначала сейчас отвечу на письмо.

Ну, прощай, вегетарианка юная, целую тебя крепко. Жаль, что ты не можешь теперь, согласно обету, есть треску. Сегодня нас за обедом кормили треской с картошкой, рисовой кашей с коровьим маслом и компотом.

В. С.

№ 8

|| 21/VI Дорогая моя, милая Лида. Еду сейчас из Архангельска на пароходе «Москва» через Двину, мокрый какмышь. Ездил искать места. В одном учреждении сказали – дело не подойдет («Институт промышленных изысканий»), в другом не застал председателя, назначившего мне придти именно в это день («Крайплан»), в третьем приняли на работу, но будут еще вести переговоры с ОГПУ, о результатах которых узнаю

завтра. Теперь начнут и здесь тянуть волюнку. Это последнее учреждение – Архивбюро. Там надо разобрать и устроить библиотеку. Оплата очень приличная. Полагаю, однако, что тут очень не прочно будет положение. Но это не столь важно. Самое нужное – перейти в город.

Здорово меня промочил дождик сейчас.

(Продолжаю в вагоне). Когда я писал тебе о здешнем климате, забыл упомянуть о самом важном обстоятельстве. Климат очень сырой. Кажется, еще не было дня со времени моего приезда, в который не шел бы дождь или снег. Поэтому всякие прорезиненные плащи и брезенты здесь бывают очень на тему, поэтому подобного рода одежда здесь в цене. В комиссионном магазине я видел прорезиненные пальто ценою в 156 руб.

(Продолжаю в кузнице). Получил письмо 17-е и бандероль. Брошюру еще не читал, но чувствую, что густо пущено.

Твои письма я все получаю в должном порядке, если не считать двух распечатанных (вольно или невольно?). Мои же письма явно доходят не все. Не пропадают ли на вашей квартире (Шурка?), а, может быть, и в другой инстанции. Относительно того, стоит ли делать заявку на счет неаккуратности доставки писем, я подумую.

На первых порах на малую роль поступать нельзя, не отпустят отсюда. Надо брать большое, а потом спуститься.

Насчет членского билета профсоюза ты не поняла меня. А между тем, понять крайне важно. Поэтому письмо это (№ 1 или 2-е) прочти еще раз. Совершенно важно иметь билет секции научных работников. Повторяю это еще раз. Имея этот билет, я могу рассчитывать на получение продуктовой карточки А.

У меня о тебе совершенно правильное представление, как правильно то, что ты потеряла профсоюзный билет, о чем сделаешь в ближайшее время публикацию в газете и потом получишь дублет.

Да, из Иванова надо подаваться. Барахло надо начинать ликвидировать. Напиши на воротах записку и на телеграфном столбе: продаются шкафы и столовый стол. Скажи об этих шкафах С.С. Дмитриеву и Н. А-чу К-ву. Вообще действуй, ибо, если дадут 3 дня сроку, совсем растеряешься.

Пока ты барахло не рассуешь, по крайней мере, три четверти его, и не продашь, к Лепорскому ходить не следует. Тем более ходить, чтобы узнавать что-то определенное. Нужно будет идти за тем, чтобы сказать, что едешь сюда, так как я нездоров, и думаешь здесь в Архангельске остаться совсем. Об этом я тебе писал уже несколько раз, но, по-видимому, в письмах, которые пропали. И настоятельно советую запомнить это все.

Из вещей ни о чем не жалейте. Всего больше жаль времени, потерянного с их продажей, перевозкой и прочей ломкой. Но что же делать?

Милая, хорошая моя. Жизнь сложна и часто печальна. Но мы имеем к этому блюду очень хорошую и вкусную приправу, а потому унывать не станем.

Целую тебя и говорю мысленно: желаю покойной ночи. 9ч. 30 м. Солнце еще высоко. Закатится около 12 часов ночи. Здесь за полярным кругом горизонты шире и мысль настраивается особо как-то, на философский лад. Милая, родная, как бы я хотел тебя видеть...

|| Родные мои. Сегодня ограничиваюсь открыткой. Был в городе, ходил туда-сюда: или перо получал или «придите завтра». Наконец-то я догадался пользоваться телефоном. Буду теперь названивать.

Купил в ларьке селедок – два кило по 60 коп. Съел селедочку и лопаю чаек, обдумывая вопрос о том, как бы вам послать сухарей.

Чувствую себя бодро. Здоров.

Прочел присланную брошюру и удивился тому, какая однако неувязка в одном и том же вопросе в один и тот же отрезок времени может случиться. В журнале «Наши достижения», апрель 1931 г. читаю: «Только в последнее время народились энтузиасты Мещеры – краеведы из рязанского музея. Существование таких энтузиастов-чудаков – величайшее благо»...*

Целую вас крепко.

22.VI 31.

*Брошюра «Против вредительства в краеведческой литературе» (М. Иваново-Вознесенск, 1931). В журнале «Наши достижения» (1931, апрель) опубликован художественно-краеведческий очерк К.Г. Паустовского «Мещерский край».

№ 9

|| 23.VI 31 Милая, родная моя. Сегодня я не успею ответить тебе подробно на два полученных сейчас письма твои (№№ 18 и 19). Вчера тоже успел написать только открытку, которая идет без номера. Я не смогу написать сегодня побольше, так как опоздал сегодня сесть на «дежурку» и 10 верст шел пешком. Видишь ли, после работы на пристани, поужинавши на 15 коп. в столовой (тарелка мясного супа и 100 гр. хлеба), я пошел в соседнюю деревню, рассчитывая успеть вернуться к поезду. Здесь в деревнях – дома-корабли. Высокие, большие. Внутри чисто. Оклеены. Крашенные полы. Граммофоны. Цветы и прочее.

Люди жили, а, может быть, и живут богато. Ссылных боятся и потому на квартиры пускают неохотно. Я был только в одной и притом самой ближайшей деревне в трех домах. Знаю из расспросов знакомого ссыльного, квартирующего здесь, что в домах этих есть свободные комнаты. Но всюду получил ответ: «Нет, батюшка, у нас нет свободного места».

Знаешь, эти деревни под самым Архангельском (на левой стороне Двины) очень похожи на деревни Шунгенско-Мисковского района – на гривках среди необъятных заливаемых лугов, но лугов не так интересных флорой, как Шунгенские угодья. Много стариц, озерки. Безлесно.

Для меня такая природа не представляет особой заманчивости, так как я люблю грибы и ягоды. В этом отношении деревня Кукушка, о которой я тебе писал, куда интереснее.

Сегодня я должен был позвонить по телефону в Бюро производительных сил и в Архивбюро. Но опоздал. Пришел на телефон в 4 часа, когда по моим расчетам, присутствие в городе уже кончилось. По совести говоря, можно еще было звякнуть. Однако мне не захотелось портить себе на вечер настроение. Позвоню завтра. Работали сегодня на нивелировке под полотно. От разгрузки вагонов со шпалами вывернулся. И впредь эти дела понял, как надо делать. Зато на нивелировке работал вполне добросовестно.

Милая ты моя, ну зачем ты посылаешь мне деньги? Ведь у меня сейчас на руках 80 руб. и скоро получу за ¹/₂ месяца жалованье. Правда у меня есть пропуски. Но меня, кажется, хотят рассчитать по 2 категории (1 руб. 80 коп.). Мне некуда деньги девать и в сберкассу некогда сходить. Защи-

вать на народе мало интересно. Вообще это больше не делай. Ведь если понадобится, я напишу.

Ты спрашиваешь меня как это я не страдаю болезнями, как могу есть черный хлеб? Знаешь, в чем дело: я очень небрежно раньше питался. Я стал осторожнее в пище лишь в последние годы. Но все же питался как-то нерегулярно. В тюрьмах пищевой режим вложен в строго определенные сроки. Ничего острого в меню. В то же время вы так усиленно снабжали меня в Иваново и Ярославле самым основным – маслом, белым хлебом и сахаром, что я положительно стал тучнеть. После Ярославля я уже не видел белого хлеба и масла. Тем не менее, желудок так наладился, что сейчас ем очень много черного хлеба и нисколько не страдаю.

Я должен буду тебе ответить подробнее относительно соседей. Но это завтра. Между прочим, это я помаленьку делаю в большом письме, которое не посылаю ... Отвечу и на другие вопросы. А пока что заканчиваю крепчайшим поцелуем. Покойной ночи, моя любимая.

В. С.

Прилагаю цветок клюквы и веточку карликовой березы.

Письмо 10

|| 24 июня 1931. Родная моя и дорогая. Приехал с пристани, первым делом вымыл руки, поел селедочки (я уже обедал три блюда в 12 ч. и ужинал 1 блюдо в 4 ч.). А селедочка, она, знаешь, по словам Мих. Степ. Горбунцова, старичка из Мологского уезда, очень похожего на сельско-го старосту, «имеет призвание к чаю». Попил я чайку. Написал потом одному настоящему кулаку заявление на счет украденной у него квитанции и высылки денег из Вологодского Домзака. Заработал на этом рубль. Первый раз оказал платно помощь. Очень стало противно благотворить. Всякий, кто зашьет мне штиблету или из купленного втридорога материала у высланного же, наложит зарплату на сапог, лупит с меня полтора–два рубля. А я сотни написал заявлений, и тому самому Бродниковскому уже писал, и никто еще не догадался оплатить мое мастерство. Ему я сказал, что даром писать ему не стану. – «Знаю, заскулил кулак, – это стоит трех рублей, да ведь вот еще денег-то нет». – Как хочешь, – говорю. – «Ну, пиши!».

Когда написал, он сунул в руки мне рубль. Принявши первый раз мзду, как принимают ее начинающие врачи, не смотря, сунул в карман. Сейчас вспомнил – карман худой, вынул переложить – смотрю: 1 рубль. – «Эй, Бродниковский, ты может ошибся! – обнаглел и я. – «Сейчас денег нет, потом отдам». – Черт с тобой.

После всего этого сажусь за письмо, чтобы написать окружающий меня людской мир. Хотел сказать – зверинец. Но это не совсем так – люди, как люди. Только уж очень разнообразны. Два брата Беляевых, о которых я, кажется, уже писал. Юные краеведы. Один гидробиолог, другой спец по лесным вредителям. Ребята очень способные, задиристые. Вовсе не контрреволюционеры. Но очень недисциплинированные на язык и притом экспансивные. С ними часто гуляю и беседую, укрощая их нрав и проч. Ко мне они внимательны. Но с кулаками не ладят. Ребята очень бедные. Это не мешает им быть веселыми. В то же время заметна научная настроенность. В ином стиле Мих. Иван. Пшеничников, молодой учитель их Хабаровска. Настроен по-советски. Одет он последнее время франтовски, поет из «Русалки», «Пиковой дамы» и т. д. Декламирует Жарова, Уткина и свои собственные творения. Поет, не видевши ни разу оперу и не обладая поставленным голосом. Декламирует с большим жаром. И довольно плохо рисует. Он молод и не совсем еще испорчен жизнью. Поэтому с ним приятно быть. Опасаюсь, как бы он не развинтился в ссылке.

В окружении этой молодежи я живу и работаю, часто одергивая их, когда начнут задирать какого-нибудь хохла или старца из ссыльных.

Затем по соседству с нами расположил себя Н. Н. Кузнецов, товарищ председателя Общества мироведения, как я уже тоже, кажется, сообщал, пушкинист. Маленький человечек с выпученными глазами, благодаря базедовой болезни. Он нигде не работает. Но время от времени помогает Исакогорскому коменданту ОГПУ, например, составлением списков ссыльных и т. д. Благодаря этому он держится здесь, не выслан куда-нибудь в тундру. Все время он получает посылку за посылкой, имущество его растет, и он иногда горестно вздыхает: «видно, жена моя думает, что я путешествую в этапах с носильщиком». Соседи сердобольные советуют выписать ему из дома шкаф, сундук или ларь.

Он человек порядочный и интересный собеседник. Только редко приходится беседовать с ним, потому что он или я бываю на работе и в го-

роде, или он занят: вкушает что-нибудь, либо раскладывает имущество свое, соображая, что следует отослать обратно жене.

Он прочел мне 7 глав «Онегина» и несколько стихотворений Баратынского наизусть. Рассказал катастрофу «Мироведения», очень схожую с катастрофой Костромского Научного Общества.*

Здесь же на нарах валяется химик В. А. Виноградов из Череповца, мой ученик по Костромской гимназии. Говорят, что он очень хороший химик. Во всяком случае, он весьма интересно, увлекаясь, рассказывает о ради, об атомах и т. д. Ненавидит фальшь, разные нетоварищеские выходы. В таких случаях очень вспыльчив. Не спрашивал, как с ним случилось кораблекрушение, но подозреваю, что пострадал он за правду в буквальном смысле слова.

(Продолжение описания следует)

Сегодня звонил с пристани в Крайплан. Пока что ничего не выяснено. Завтра опять звоню. А потом надо будет ехать.

Получил сегодня повестку на 50 руб. Это меня огорчает. Тем более что я сам не могу вам найти время послать сухари и еще кое-что.

Поезд, с которым должно было пойти это письмо, я пропустил, так как было отвлечено мое внимание на некоторое время пронесшимся мимо классным вагоном, оторвавшимся от состава. В нем поехали, может быть, на встречу смерти жившие там ссыльные.

Целую мою любимую, нежную женку.

Твой В.

Перечел свое письмо и остался недоволен. Только о себе да всякая литература. А, между тем, надо бы дело писать и о тебе именно.

Ты сама в последнем письме сообщаем, что на тебе сказывается недостаточное питание. Имея под руками дешевое молоко (здесь оно 6 р. четв [ерт].) и масло, надо этим пользоваться. На кой черт нужны будут, извини, за выражение привезенные сюда деньги, если на них нельзя будет купить что-нибудь. Запасайся здоровьем там. И подкармливай Настю. Как жаль, что вы приняли вегетарианство – иссохнете, обессилеете. Начинайте-ка серьезно подкармливаться.

Не работать нигде нельзя. Теперь ссылка не та, что бывало, – сошлют студента в Нарым или в Архангельск. Он получает жалованье – 4 руб. в месяц. С собой привезет 2 чемодана книг – продолжает образова-

ние, ничего другого не делая. Он знает, что на эти 14 руб. будет сыт. Да из дома пришлют. Теперь каждый из ссыльных опасается, чтобы не потерять работу – лишиться карточки и оказаться где-нибудь в Ковде. Это нередко обещают.

Опять я о себе.

Слушай-ка: купи себе какое-нибудь прорезиненное пальцецо (макинтош). Здесь это будет очень кстати. Каждый день дождит. О лишних калошах тоже не пожалеешь. Ну, прощай пока. Целую, ненаглядная моя, тебя еще и еще.

*Русское общество любителей мирведения (РОЛМ). Созданное в 1909 г., закрыто в 1932-м. Значительная часть его членов арестована в 1931-м.

№ 11

|| 25/VI. 31. Милая моя, нежная, заботливая. В наших соревнованиях по письмам победительницей являешься ты. Мне приходится отвечать сразу на 2 твоих письма, полученных сегодня (20 и 21-е), этой маленькой отпиской, так как больше написать не успею сегодня.

Очень хорошо понимаю как трудно тебе устроить ликвидационные дела, не зная, что и как будет со мной и т. д. Одно могу сказать про себя, что если не устроюсь в городе, так на Исакогорке прочно продержусь и долго. Завтра опять еду в город, так как сегодня не мог дозвониться по телефону. Испортился.

Мои советы издали совершенно излишни, так как они могут и запоздать, и могут быть даны без учета всей конъюнктуры. Поэтому ими особо не пользуйся. Тем более что все, что сделаешь, будет сделано хорошо.

Иногда я думаю, что тебе надо спешить с ликвидацией, потому что твое положение в Иванове все больше внушает мне опасения. В другое время я думаю, что надо подождать, потому что я-то ведь продолжаю оставаться на птичьем положении.

Опасаясь, что если ты пойдешь к Лепорскому выяснять более или менее свое положение, то поторопишь события. А торопить пока что их нельзя.

Мне очень много надо написать по вопросу, который ты поднимаешь не раз в письмах, поблагодарить, расцеловать за все, и вместе с тем попросить тебя простить меня за неудачно спланированное дело. Но я не могу

написать сейчас. Я расскажу тебе потом. Ведь все-таки увидимся мы с тобой более или менее в близком будущем.

Письма твои я все получаю: № за №. А что случилось с моим 4 письмом, не ведаю. Проверь по числам, если есть пропуск, падающий на этот номер, тогда письмо пропало, так как пишу каждый день.

Родная моя. Больше всего я люблю называть тебя так, потому что чувствую, что ты родная. Так будет хорошо потом, когда мы будем вместе. Мы будем смотреть на удивительные зори, которые бывают такими прекрасными только на Севере. Станем бродить в день отдыха по озерам, съездим на взморье. Почитаем вместе и вместе попишем. Все вопросы и все тягости будут разрешаться вдвое легче. И все силы, которыми я располагаю, я посвящу на то, чтобы забылось горе и горя.

Большое письмо, о котором я тебе проболтался как-то, я не пошлю.* Оно более 90 стр. Я его передам.

Целую тебя очень и очень крепко. Характеристику зверинца нашего продолжу потом.

Покойной ночи. Полчаса одиннадцатого. Солнце еще не закатилось.

* «Большое письмо» опубликовано: В. И. Смирнов. Народ в тюрьме (1930–1931). (Сергиев Посад, 1911).

№ 12

|| 26/VI 31. Роднulenька моя. Сегодня утром послал вам посылочку маленькую очень, так как опасался нагрузить свыше 5 кило, да и мешочек под руками был невелик. В общем, смысла большого в посылке сухарей нет. Но мне хотелось оказать вам хоть какую-нибудь реальную помощь. В Исакогорке ничего нельзя было достать вкусенького, к сожалению, в виде приложения.

Был в городе. Но не застал нужных людей. Встретил одного знакомого костромича, которого просил справиться по моему делу. Завтра попытаюсь звонить ему. Так бесплодно прошел и этот день. Но я не очень жалею о потерянной зарплатке, так как работа сегодня, рассказывают, была исключительно тяжелая. Разгружали вагоны со шпалами и грузили рельсы.

По правде говоря, мне выгоднее протянуть переход до 1 июля, когда я получу на новый месяц продуктовую карточку «А». Само собой разумеется, впрочем, что из-за «чечевичной похлебки» я не стану откладывать перехода в город.

Приехал в Исакогорку и нашел здесь твое 22 письмо на зависть прочим гражданам, из которых никто не получает столько писем, а сегодня ни один не получил. Ты подумай: насколько я счастливее их!

* * *

Я тоже сейчас ничего не читаю. Но это потому, что у меня нет времени. Интерес и любознательность остались в прежней мере и степени. Днем работаю, вечером варю кашу, пью чай, пишу письмо. Эта программа почти ежедневно пунктуально повторяется. Дни отдыха (теперь вместо пятидневки у нас семидневка) езжу в город. Проезд на поезде бесплатный. Кстати на пристани отобедать успеваю за 30 к., иногда и поужинать, если аппетит есть, за 15 коп. Кормят хорошо.

* * *

Я сам не уверен, посылал ли я письмо под № 4. Какой-то в мозгу был интервал, помутнение. Ты одна можешь установить – я или ошибся, скакнув сразу с 3 на 5 номер, или письмо пропало, так как я писал каждый день. Если, например, 3-е письмо датировано 17 июня, а письмо 18 июня имеет пометку № 5, – значит, я ошибся.

Твои письма все получают номер за номером.

* * *

Карьеру железнодорожного служащего приберегаю на худой конец. Поэтому агентом по погрузке того или иного материала или другим чинном сделаюсь лишь в том случае, если устроиться в другом месте будет безнадежным делом. Надо иметь в виду, что по договору железной дороги мы переданы в ее распоряжение до ноября. С одной стороны, это неплохо, так как мы прочно просидим до этого времени на данном месте. Но, с другой стороны, это обстоятельство объясняет, почему нас так неохотно отпускают с железной дороги.

На биржу нас не принимают. Здесь порядок найма такой, какой практикую я. Ты не падай духом – я все-таки устроюсь. С хозяйкой Алексея Алексеевича тоже договорился – она берет меня. И как будто ничего не будет иметь, если ты приедешь, и будем искать квартиру вместе. О существовании Насти я пока не заикался. Надо обжиться мне самому

у нее, хотя бы немного, чтобы всунуть на время тебя. Она говорит, что найти комнату в Соломбале можно.

(Соломбала это остров между рукавами дельты Двины. Туда приходится ехать на трамвае – 10 к. и переезжать рукав Кузнечиху за 6 к. Таким образом, в один конец у меня будет расходоваться 16 к.).

* * *

Нет, нет, твои письма хороши и интересны. Не только в описательной части твоих, например, спецов, но и других отношениях. Особенно трогает меня твое внимание к Насте. Все, все я понимаю, за все тебя благодарю бесконечно и, конечно, очень жалею, что на тебя навалились и эти заботы. Мне стыдно.

* * *

О кузнице. Все же хорошо, что у нее нет потолка и много дыр. Иначе воздух был бы нестерпим, как это ты сама почувствуешь, когда перейду к описанию остальной публики нашей мансарды.

Одно неудобство имеет моя позиция здесь. Я сплю близ двери, на ходу, с краю. Сегодня ночью кто-то украл у меня рубашку. Самую лучшую, с запонками и цепочкой для галстука (знаешь, беленькая с двумя кольчиками). Ужасно жаль как рубашку, так и гарнитур, которых в Архангельске нет. Я выложил ее из чемодана, чтобы утром надеть, и забыл, что возможность хищения вещей, лежащих рядом с головой, не исключена. Слышал во сне, что кто-то проходил. Но не мог проснуться...

* * *

Штиблеты здесь уже пришлось чинить. Сапоги тоже, два раза. Теперь я мажу их (точнее Мих. Ив. Пшеничников) ворванью, которую берем на пристани натурой.

Думаю, что до твоего приезда доживут. Попытаемся тогда здесь купить. Сегодня в одном магазине я видел туфли, которые походили на те, что ты купила в Кисловодске. Но сделаны грубо – 16 руб. Оказалось, дают только членам кооператива.

Но всем давали теплые рубашки на манер той, которую ты прислала мне. Стоит 34 руб. Я не знал купить или не покупать. Без совета с тобой, одним словом, не решился.

Милая, родная, жалкая моя. Ведь и я жалкий, как посмотрел на себя в зеркало в магазине одном, так и ахнул – черный стал от загара, да еще и морщенный. Так уж извини меня за это. Целую тебя крепко. В.С.

Писем №№ 13, 14, 15 – нет.

№ 16.

|| 1 июля 31 г. Милая Лидочка.

Получил два твоих письма (№ 25 и № 26) и посылку. Попил сейчас чайку с толокном, добрался до конца баночки. Милая моя, я поцеловал все страницы твоих писем, потом перецеловал все строки. Знаешь: я услышал твой запах, тот запах чистоты и свежести, за который я так тебя люблю.

Теперь я вновь читаю письма. Само собой разумеется, все письма посылаются с марками, но дело в том, что марки очень слабо приклеиваются, особенно к некоторым конвертам из дурной бумаги. Был такой случай: я заклеил письмо, снабдил его маркой и понес к почтовому ящику. Дорогой письмо расклеилось и марка потерялась (письмо нес в руках). Я не уверен, не от того же ли самого отстала марка, и с тебя взяли 30 коп. штрафа. Теперь я приклеиваю марки клеем, который делаю из хлеба. С конвертами дело тоже обстоит трудновато. Если удастся достать конвертов несколько по 3 коп., так они просвечивают как папиросная бумага. Поэтому сегодня я решил начать письмо с внутренней стороны.

При каком-нибудь случае ты пошли мне билет секции научных работников. Здесь пригодится и очень даже старенький билетик.

Сделано общее распоряжение, чтобы объявлений о потере документов в газетах не печатать. Достаточно заявить учреждению о пропаже, и оно должно потерпевшему выдать новый документ. Это, между прочим, поймей в виду.

Все-таки, когда я поустроюсь, я пошлю тебе телеграмму о своем нездоровье. Может быть, ты сумеешь ее так использовать, что тебя отпустят. Я бы сделал на твоём месте так: явился куда следует, с телеграммой – вот мне надо выехать, и я останусь там. Если тебе скажут, что ты обязана выехать, тогда попроси позволения посоветоваться сначала с Л[епорским] (о том, какого рода документ тебе выгоднее захватить).

Конечно, из Иванова ты сможешь уехать. Если бы случились затруднения в этом отношении, поймей в виду, что можно с моей телеграммой обратиться в комиссию по содействию ученым при ВЦИКе.

Но, судя по всему, дело до этого не дойдет. Поэтому устраивай вещи в комиссионный магазин.

Пока я живу на птичьем положении, понятно, ехать не стоит. Но и когда переберусь к А.А., недельки полторы–две придется подождать ехать, так как надо подготовить психологический подход.

Я очень рад, что благоразумие взяло верх, и ты сюда не сорвалась. Очень сложно не со службой, а с квартирой. Ты работу найдешь скоро. Но квартиру поищешь. Сегодня нашему химику предложили квартиру за 80 руб. в месяц. Ищет компаньона, чтобы с носа пришлось по 40 руб.

Рассказывают, что за 50 иногда можно найти.

Между прочим, вопрос о продаже дома я оставлял до сих пор открытым. * Но сегодня думаю, что пора сжигать все корабли. Какой толк в этой жалкой собственности. Поэтому на ближайших днях напишу маме, чтобы она известила меня о том, как имя и отчество Попова, с которым я спишусь по данному вопросу.

О, мы еще поработаем. Поработаем много и интересно притом. Конечно, сейчас я мало делаю интересного. Но ведь не всегда же так будет.

Представляю себе, как ты недовольна посылкой с сухарями. Но ведь их так мало, и я их нарочно сушил особым способом. Нет, мне неудержимо хочется быть реально, наконец, хоть немного полезным вам.

По одному большому и самому трудному для меня вопросу, который ты затрагиваешь в связи с моим сообщением в письме Глеба, я не стану писать. Лучше будет по многим соображениям, если я поговорю с тобой по этому поводу и обязательно это сделаю. Скажу лишь одно: я больше, нежели ты думаешь, страдаю, страдаю, сцепивши зубы ... Не стоит... Потом.

Милый мой секретарь-статистик. Беллетристика, написанная тобой на счет химизма крови и прочего, очень пессимистична, она привела меня в удрученное состояние. И только сообщение о том, будто бы ты стала толстенькой, развлекло и успокоило меня. Это очень приятное известие.

День мой сегодня прошел очень прозаично. Здесь я 36 дней живу. Только 1 день был без дождя (27 или 26 июня) и сегодня почти без до-

жда, и за день я успел побывать лишь в бане. Баня в городе недурная, 30 коп. сеанс. При входе продают плохонький квас за 7 коп. Разорился на этот раз.

Купил по карточке сахару – 1,5 кило, рафинаду. А больше, по совести говоря, ничего не успел сделать.

Завтра «откреплюсь» от Исакогорки». Ох, вздохну! И сейчас же пешком, так как поезда ждать нет расчета, бегу в город. Может быть, в один день удастся и прикрепиться. Вот бы счастье-то.

Ну, прощай. Время идти к поезду. Целую бесчисленное количество раз.

В. С.

*В Костроме у В. И. Смирнова был деревянный, одноэтажный дом по адресу: ул. Свердлова (б. Александровская), 17.

№ 17

|| 2/VII 31. Роднуненька, милая моя. Сегодня я хотел было ограничиться открыткой с извещением, что я жив и здоров. Но, получив твое письмо, интересное и пухлое, и письмо Насти, тоже для меня очень любопытное, решил приналечь на себя, сбросив усталость, не обращать внимания на внешнюю обстановку, мало располагающую к литературному творчеству.

80 душ населения кузницы – все на лицо: кончили работу, питают себя, разговаривают, изредка поругиваются. Один удельывает ящик – стучит во всю мочь, другой делает ведро, ревет ребенок на руках у женщины, приехавшей к мужу, кто-то колет для печки дрова. А на улице дождик...

Ты как-то удивлялась, что я могу в любых условиях работать. Не всегда это так. Но сейчас, как видишь, письмо пишу. Может быть, оно выйдет не очень занятым, так извини. Теперь я знаю, чем бы можно было тебе угодить. Однако я отложу самые интересные темы до другого раза. А сейчас живописую события дня.

В полчаса 9-го я занял четвертый номер в очереди на регистрацию к коменданту. (Мы являемся на регистрацию каждые 10 дней). Имел в виду, кстати, подsunуть бумажку из Крайплана. Был расчет, что, быть может, успею к поезду в 9 ч. 15 мин. Комендант прибыл в 9 ч. 15 мин., около 20 м. подготовлял работу, потом начал прием. Мой № не прошел: заявления и всякие другие дела, сказал комендант, буду рассматривать в 12 ч. Жду до 12 ч. Наконец, удается получить на бумаге Крайплана

и на удостоверении искомую формулу: «Команданту Северолеса. Можете принять на учет». У команданта Северолеса регистрируются адмвысланные, служащие некоторых учреждений, в том числе и служащие Крайплана. Эту формулу из 260 душ нашего эшелона лишь четвертый получил я. Можешь себе представить, значит, какого большого значения одержал победу я. Тем не менее, прямого ответа на бумагу Крайплана об откомандировании меня на работу эта формула не содержит.

Снял штиблетки, подзасучил брюки и по тем самым шпалам, которые сам клал, по песочку, которым штопал, попер на Пристань. Там незадача с перевозом. Только в 3 часа попал в Крайплан. И не застал ни председателя, ни управделами. Прошел в Бюро. Показываю нарочито с торжествующим видом добытую с таким трудом резолюцию команданта, говорю, что с завтрашнего дня могу сесть за работу. Но тот заявляет мне, что формула еще не говорит, что мы можем Вас принять. Впрочем, вот завтра Вы увидите с управделами, он мне пусть подтвердит, что Вы приняты. Тогда занимайтесь у меня.

Так-то думаю непросто пройти адмвысланному сквозь «игольные уши». Завтра буду говорить с председателем и управделами. Если опять канитель будут разводиться, нечто придумал другое и уже теперь сделаю дело быстрее.

Вот и весь день, если не считать небольшого отрезка времени, который употребил на чаепитие с селечкой (6 кружек, две из них с толокном).

Теперь о чем-нибудь другом. Масло ты мне не посылай. Оно с пересылкой и тарой обойдется ровно столько, сколько стоит оно здесь. При этом же я тоже тогда должен буду послать тебе сухарей.

Относительно ботинок, скажу вот что: надо купить за 30 руб., потому что здесь едва ли достану. Но посылать не надо.

Туфли, которые ты прислала – ведь я совсем забыл о них – они вполне меня устраивают вместе с этими старенькими штиблетами до осени.

Между прочим, когда я перееду в Соломбалу, попробуй сделать опыт пересылки сюда по железной дороге кое-чего большей скоростью. От Костромы 20 кило 4 р. 40 к. Что именно послать, пока не знаю. Сюда из Костромы пришла посылка Беляевым на 3-й день. Как ты думаешь, каким бы путем узнать про Ивана Петровича? Не знаешь ли чего о Леониде Николаевиче?*

Неужели Либеровский во Владимире? Где проф. Гвоздецкий, Антошин, Козлов, Рыбаков, Керез и др.?

Впрочем, особенно не распространяйся на эти темы. И вообще осторожность – вещь не лишняя.

Не известно ли тебе что-нибудь о Мише и Наталье Викторовне?*** Пришли одеяло детки их?

Здравствует ли брат мой, Владимир Иванович?***

Здесь только два местных краеведа – их я опишу, когда узнаю поближе. Но краеведения нет. Общество закрыто ими самими и вовремя.

Здесь выходит несколько журналов: «Советский Север», «Северное хозяйство», «Социалистический Север». Три газеты. В них порядочно краеведческого материала. И есть об этнографии. На окраинах это дело не такое безнадежное.

Больше не могу писать – устал. Времени уже около 11 ч. Спят почти все, а солнце еще не закатилось.

Ох, как целую тебя крепко. Что-то уж очень захотелось проделать это в натуре.

В.С.

Если бы ты мне наклеила конвертиков и прислала их в бандероли с одной книжечкой. Только жаль мне тебя заставлять искать эту штуку. Я разумею 2-й выпуск Библиографии (Этнография и Антропология). Если это сложно, плюнь: могу и не дарить в обмен в своем положении.

*Пауль Иван Петрович (1884–1960), сотрудник Костромского музея местного края и член правления Костромского научного общества (КНО). Арестован в 1930 г. На следствии показаний против В.И. Смирнова не дал. Впоследствии работал инспектором по охране памятников Костромской области (1948–1960). Казаринов Леонид Николаевич (1871–1940), директор краеведческого музея в Чухломе. Арестован в 1930 г., выслан в Котласский район Северного края, по болезни отпущен в 1933 г., стал инвалидом (лишился ноги).

**Наталья Викторовна Смирнова (ум. в 1956 г.), жена Михаила Ивановича Смирнова, брата В.И. Смирнова.

***Владимир Иванович Смирнов (1888–?), брат В.И. Смирнова.

№ 18

3/VII 31.

|| Милая, милая.

Первый день на новой службе. Не очень-то я был уверен, что выйдет так просто: пришел, подал бумажку с известной уже тебе резолюцией

коменданта, сказали: «Идите, работайте», сел и начал работать. Натурально не разгибая спины, просидел до 4-х часов, знакомясь с делами – в полном беспорядке их.

Совсем другой круг вопросов заслонил грязную мрачную кузницу, (тебе я обязательно ее покажу, когда приедешь), лохмотья и болести ее жалких обитателей, железнодорожные шпалы и рельсы, свое и чужое горе и страдание.

Передо мной мелькают цифры миллионов тонн угля Печоры, потоки массовых грузов, лес, лес, лес, металлогенетические зоны, проблемы нефти, железа, изыскания асбеста, слюды, гипса, извести, исследование залежей серебра, меди, барита. Соль. Йод. Торф и т.д. План исследований Арктического института, Океанографического, Института промышленных изысканий и др. почтенных учреждений. Острова Вайгач, Колгуев, Новая Земля. Механизация промышленности и транспорта, олени, болота, навага, треска, киты, тюлени. Наконец, человек. Его изучает только полярный Бактериологический институт имени Тимирязева. И еще кто-то просунул составление географического словаря Северного края (20 т. руб.). Все исследовательские работе в крае по смете Крайплана на 8 с лишком миллионов рублей.

Учреждение наше помещается в бывшем доме губернатора. Как и полагается, постройка первой половины XIX века, дом с колоннами, с широкими лестницами, с парадным вестибюлем. Мое место будет у окошечка на верхнем этаже. В комнате работает 7 человек (здесь помещаются 3 секции), двое в отпуске и 2 в постоянном расходе. Не думаю, чтобы настало мирное житие вроде твоего. Но едва ли буду умирать на работе. Конечно, на первых порах товар придется показать лицом.

Обедал в здешней столовой. 60 коп. обед из 3-х блюд. Сытно и чисто. Но если буду далее продолжать в том же роде, у меня вырежут талон на крупу, мясо и рыбу. Думаю, что даже при этом условии – расчет брать обеды здесь, ибо прикрепиться к другой столовой – вопрос не маленький. К тому же эта под рукой, и очередей здесь нет.

Когда я вышел на улицу, город мне показался лучше и люди красивее. Я шел прикрепляться к новому коменданту. Но его не застал. Ждал час и решил ехать на пароходе до Затона, а оттуда рукой подать до Исакогорки. Видишь ли, опасаясь я оставить на ночь без себя вещи.

Так вот. Прибыл я около половины 10-го. И так было хорошо ехать на пароходе. Знаешь, такой особый запах и ветерок с юга, теплый. День вообще удивительный. Это уже второй день, в течение которого ни разу не было дождя.

Скоро закатится и зажжется заря до утра. И такая заря, какой мы там не знали. Трудно оторвать глаз от небосклона и облаков.

Хорошее, немного элегичное настроение разрушает комарье, пользующееся тем обстоятельством, что руки мои заняты.

Мне приходит в голову серьезная мысль: а не приехать ли тебе на время в качестве опыта. Ты понимаешь, в чем дело: я узнал, что высланные с минусом в своем правовом отношении, ничем не отличаются от нас грешных. Являться, будто бы должны так, как и мы грешные. Так же должны преодолеть препятствия на пути к устройству на месте.

Может быть, ехать сюда, отпросившись на 2 недели, посмотреть, как дело выйдет с подысканием места, и все вообще. Ты проедешь сотнягу. Черт с ней. Зато все будет ясно. И, когда возвратишься в Иваново, будешь действовать не вслепую, а с открытыми глазами.

Если эта мысль тебе по нутру, напиши мне. И тогда дам соответствующую телеграмму, с которой ты можешь оперировать как надо.

Родная моя. Меня иной раз страх берет за тебя: ведь там ты, можно сказать, как за каменной стеной. А здесь, может быть, еще менее прочное положение.

Разбираясь в бумагах, наткнулся на постановление ЦБК об исключении из состава членов Веселовского Б.Б. и др.* Первый, говорят, в Кеми уже.

Целую тебя, моя ненаглядная. Теперь свидание наше мне представляется уже чем-то вполне реальным. Еще и еще раз. Письма от тебя сегодня не получил.

Да, еще мне предложили место. Уж как жаль, что я раньше не разговаривался: в статистики на завод. Жалование то же. Вот бы тебя устроить.

---

*Веселовский Борис Борисович (1880–1954), историк, экономист, профессор. Весной 1930 г. выведен из ЦБК и арестован.

№ 19

4/VII 31. Родная моя. Сегодня привез в город чемодан. Завтра следует продолжение. Накопил имущества много. Между прочим, у меня есть аккуратные небольшие козлы и щит – это кровать. И ее повезу. Таким образом, еще несколько дней буду ночевать на Исакогорке. Спать, кстати сказать, приходится немного. В 5 ч. утра я уже должен быть на ногах, т. к. в 6 ч. идет в город поезд (на «Пристань»). Поэтому на службе сижу сонный.

Сегодня хозяйка встретила меня довольно сухо, когда я заявился с чемоданом. Оказывается к матросу, который живет с А.А. в комнате, приехала жена с двумя ребятами. Отделили они треть комнаты парусом и засели. Вот хозяйка и говорит: «Ну, уж Вас так и быть пущу, а уж жену не выписывайте. Подыскивайте сначала себе комнату». А я и ляпнул: «Да уж только дайте мне завязить ногу». Получилось двусмысленно. Что-то еще она стала ворчать, но я уже был далеко.

Ведь вот какая досада. Не заберишь эта жена матроса, по видимости, дама с характером, ты бы могла без особого стеснения поселиться тут же. Дня через 3 начну усиленно искать комнату. Не унывай, как-нибудь вывернемся. Еще одна досадная штука произошла. Сегодня нарочито за мной пришли звать в корректоры в «Правду Севера». Для меня эта позиция была бы лучше. Но открепиться, хоть и не совсем, удалось только благодаря тому, что я старый спец (!) по плановому делу. В будущем карьере корректора я поимею в виду, и, может быть, на эту роль попытаюсь спланировать.

Сегодня занимался классификацией и вообще разбором дел Бюро. Приводя все это в порядок, я вспоминал Ивана Петровича,* который ругательски бранил меня за беспорядочное содержание документов текущей переписки учреждения. Свое все некогда было привести в порядок, пришлось чужое выправлять.

Одновременно знакомлюсь с интересами края и с самим краем. Если бы мы были с тобой посвободнее, попасть в какую-нибудь экспедицию было бы не так трудно. Думаю, что даже при нашем положении удастся попасть в экспедицию вроде Печорской или Мезенской по комплексному изучению этих палестин. Ну, это дело еще впереди. Сейчас важнее для меня услышать ответ на вчерашний вопрос мой: а не поехать ли тебе сначала начерно, а потом уж и набело?

Сейчас приехал в Исакогорку. Письма от тебя опять нет. И вчера не было. Перерывы по два дня подряд бывали очень редко. Утешаю себя тем, что это, быть может, случайность – задержались почему-нибудь. А, может быть, завтра получу на Соломбалу.

Получил открыточку от мамы. Она извещает, что с Аннушкой вместе выслали мне посылку с сухарями, хлебом и толокном. Как жаль – я обрастаю вещами.

О моих служебных успехах не очень-то рассказывайте – не позавидовали бы. Знаю, конечно, что вы не болтливы. Но так – это на всякий случай.

В общем сейчас недурно пока что чувствую себя. Когда перееду окончательно, и с квартирой справлюсь! А местишко тебе тоже найдем. Ходы в техникум для Настюшки тоже открываются. Мой патрон, инженер Шарков, читает лекции, как я узнал, в Политехникуме.

Целую тебя, родная, хорошая, любимая. Как мне хочется дотронуться до тебя. Твой Вас. С.

Пиши на Соломбалу. Насте письмо допишу завтра, ибо сосредоточились на мне.

---

*Иван Петрович – Иван Петрович Пауль.

№ 20

|| 5/VII 31. Милая, ненаглядная. Одна только одна мысль, как бы поскорее увидеться.

Сегодня я последний раз ночью в Исакогорке... Стало мне что-то жаль эту маленькую станцию с нелепыми придорожными постройками, обывателями, которые так тщательно отгородились от ссыльных, и особенно жаль самих ссыльных, которые до морозов проживут в худой кузнице без потолка, а затем будут высланы куда-нибудь, где и поселят их в бараках. Мне как то стало совестно за свое благополучие.

День такой хороший, безоблачный. Жар умеряется близостью воды. И я сразу вспоминал Ленинград, его воздух и его уголки. В самом деле, есть что-то общее между каналами там и рукавами дельты здесь.

Сажусь к окну, раскрываю. Внизу бегают трамвай, совсем рядом зелень берез ... Раскрываю дела, которые мельком пробегаю.

* * *

Пошел к коменданту прикрепляться. Вот тут-то и началось. «Не могу, – говорит, – прикрепить, пока не представите бумажку о разрешении ГПУ занимать Вам эту должность». Из разговора с ним я понял, что Крайплан не так повел дело. Все равно видно стало, что на таком посту не удержишься с 58 пп.10 и 11.*

Покатился дальше.

Больше всего меня привлекает корректорство. Иду к моему протеже в этом отношении. Оказывается – уехал в Холмогоры. Иду к другому лицу, которое меня направляет к некому Копеину. Этот ушел в отпуск. О том, что потом последовало, говорить не приходится.

Качусь дальше на йодный завод. Здесь долго-долго жду, как-то не очень-то в радужных настроениях. Разговор – одна минута. Приходите завтра – получите от нас бумажку к коменданту. Вот и все. Так делают дела на заводах. Я статистик-тарификатор или тарификатор-статистик. «Ну, мы Вам, конечно, не сможем заплатить так же, как в Крайплане, мы можем дать только 150 руб.». Что и требовалось доказать.

Так я перестал быть плановиком и стал статистиком. Может быть, только до завтра. Но я как-то все думаю, что образуется.

Приехавши на Исакогорку, нашел твое письмо № 28, значит, все в порядке. Оно просто напросто почему-то задержалось.

Роднulenька моя. Все же раньше ноября надеюсь встать на свои ноги, устроить жизнь свою по-человечески или почти по-человечески. Сегодня я свез еще часть вещей. Завтра переселяюсь в город окончательно. Карточка у меня заработана, книжка в столовую есть. Ведь это самое главное.

Но до 10-го я обязан устроиться с местом и с комендантом. Только меня это и беспокоит несколько.

Да рубашечку именно ту сперли – из толстой материи. Воротник ее лежал лучше, чем какой-либо другой.

Ты очень наивна, когда даешь совет купить клею. Эта гораздо более редкая вещь в Архангельске, нежели макинтош в Иванове, по поводу которого ты заподозрила меня, что я выжил из ума.

Милая ненаглядная. Письмо мое опять очень кратко. На этот раз, признаюсь, потому что хочется послушать последнюю главу Онегина.

Кончаю. По этой же причине я не дописал начатое послание Настюшке. Целую и обнимаю тебя крепко.

В.С.

Р. С. Если ты мне пошлешь посылку с маслом и сахаром, жди сухарей, ландрина и т. д.

*Ст. 58 УК СССР устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность.

№ 21

|| 6/VII 31. Милая и дорогая. В последнее время я испытываю стыд за краткие небрежные письма. Один раз я торопливо закончил письмо, потому что хотелось послушать декламацию из Пушкина Н. Н. Кузнецова. Это, конечно, не оправдание. Твои письма, конечно, требуют более обстоятельных ответов, нежели те, какие делал я до сих пор.

* * *

В тот раз, когда занимался моционом с Николаем Николаевичем, я сделал попытку убедить его поискать что-нибудь получше кузницы, попытался дать совет повести курс его дачного времяпрепровождения на другую линию. Он, как ребенок, несмотря на свои 60 лет, живет здесь в ссылке на манер дачника: поздно встает, кушает, не торопясь чаек, прогуливает себя, подолгу и по многу раз в день стряпается у плиты (по его мнению, в столовой кормят отвратительно, и он ею не пользуется).

Ему нравится не думать, что над ним нависла гроза высылки в область Коми или другую палестину.

Он долго и охотно рассказывает из астрономии, о своих поездках за границу, о мадам Керн и ее муже, скандировал по-гречески стихи Гомера.

Бедный осколок прошлого, абсолютно никому ненужный с его высокой культурной личностью.

* * *

Недовольство почтальонши, замученной моими письмами, вещь действительно опасная. С другой стороны, несмотря на мою потребность постоянно писать тебе и особенно получать твои письма, я вижу, что при моем образе жизни ежедневно писать обстоятель-

ные письма – тяжело. Будь у меня такая же вольготная служба, как у тебя, другое дело. И вот думаю, не последовать ли примеру Николая Николаевича, который пишет каждый день, но посылает через день, в таком случае письмо получается вдвое содержательнее. Как ты думаешь на этот счет?

* * *

Мне очень понравился твой совет прожить лет до 90. Не берусь выполнить такую большую программу, но попытаюсь, кисенок, еще пожить мало-мало. Сделаю такую отчаянную попытку.

Как то ты писала, кстати сказать, с сожалением, что вот-де жизнь проходит день за днем, пятидневка за пятидневкой, а твое умение работать никто не умеет и не хочет использовать. Что же сказать о моих пятидневках, месяцах, а в последнее время – годах, которых даже, если я последую, хотя бы в половину твоему совету, не так то уж много в моем распоряжении – что об этом сказать?..

* * *

Перевез остаток барахла к Алексею Алексевичу. Зашел утром на завод «Северойод». В две минуты получил очень обстоятельную бумажку к коменданту, с которой и вышел в самом прекрасном настроении. Так как к коменданту раньше 12 ч. нечего было идти, решил осмотреть немного город, по обычаю, стремясь соединить приятное с полезным.

Заглянул в отделение Океанографического института: что мол – у вас, как насчет мест для нас грешных. Очень участливо встретили: говорят, что пока нет, а вот числа 15-го наведайтесь.

Не плохо, думаю себе, надо записать это вам в кредит.

* * *

Набережная в этом месте – самый лучший уголок Архангельска. Тут так много общего с Ленинградом. Трудно оторвать взгляд от Двины, раз в 5 большей здесь, нежели Волга в Костроме. За водой далеко видны острова: Кег-остров, Хабаровка, Маймакса. Там что-то настроено, дымится. По Двине, залитой солнцем, ползут океанские левиафаны, снуют моторки, у берега полощется белоголовая ребятня. Из окон морского техникума слышен гул молодежи – готовятся к зачетам. Некоторые тут же на бульваре выползли и зубрят политграмоту...

А день пышный, гордый редким здесь солнечным зноем. Можно забыть, что нахожусь в ссылке.

Комендант в регистрации меня и в разрешении служить на «Северойоде» отказал: «Ведь Вы в Крайплане устраиваетесь». Объясняю, что и как. – «Нет, нет, – говорит, – пусть Крайплан добудет разрешение на работу Вам в ГПУ, я ведь лично не возражаю, но не могу на свой риск допустить».

Сказка про белого бычка.

Я опустил тебе сказать, что перед тем как побывать у коменданта, заходил в Крайплан сказать, чтобы не очень уж отстаивали меня, так как может статься, таким манерам долго придется со мной нянчиться.

Теперь опять зашел, сказал, чтобы понажали на ОГПУ.

Обдумываю еще один выход. Но о нем потом расскажу.

Основная ошибка этого дня, что я ходил пешком. Архангельские расстояния способны убить человека. Накануне я проездил на трамвае 1 р. 8 к. В этот день много ходил. Поэтому рано осел. Мало, значит, сделал.

Пошел с Алексеем Алексеевичем в баню. Ведь сегодня вспоминает он, Аграфена купальница – всем цветам начальница. День заключаем чайком из самоварчика и ложимся спать: утро вечера мудренее... Покойной ночи, мои крошки, мои дочки...

|| 7/VII День Ивана Купала.

Успел вчера послать неочередную открыточку о том, что переехал, и что письма, быть может, будут приходить после некоторого интервала и с некоторым запозданием.

Еду сейчас в Маймаксу. Это остров в дельте Двины, на котором расположен ряд лесопильных заводов и лесных барж.

Здесь где-то можно отыскать председателя Крайплана, 4 дня не бывавшего в Крайплане.

Отлично понимаю свое положение, тем более трагичное, что 10-го я должен явиться на регистрацию. Куда? К коменданту, который меня принять не хочет, или коменданту Исакогорки, от которого я полуокрепился? На обычный вопрос на регистрации – где работаешь? – что я отвечу? По совести говоря, нигде? Но безработных, как правило, выселяют отсюда.

Так вот я и еду разыскивать председателя Крайплана и рассказать ему все, и попросить или снять меня со счетов Крайплана, или биться за меня до конца.

На Маймаксе несколько деревянных городов. На 3-х ближайших заводах, около которых я прошел, до 15 тыс. рабочих. Кругом опилки, стружки, щепа, штабеля леса пиленого и костры бревен – мы не видавали столько леса никогда в жизни.

Жарко. После обеда в Крайплановской столовой хочется пить, тем более, что утром съел несколько кусков селедки. Иду в столовую. Представь, сладкий чай здесь 2 коп. стакан. Выпил 5 стаканов, съел 3 пряника. Захотелось есть. За 8 коп. съел тарелку гречневой каши ... с сахарным песком! Первый раз в жизни – довольно противно.

Жду председателя. Он работал всю ночь и теперь прилег отдохнуть. Тем временем наблюдаю страшный пожар на одном из ближайших заводов (24-й). Горит вся лесобиржа, все бараки. Ужас.

Жду уже 4 часа. Знаешь, мое упорство и то готово сломиться. Но войти в барак и разбудить человека, работавшего всю ночь, не могу, да и неудобно в других отношениях.

8 часов вечера. Через час надо переправляться в Соломбалу. Поздно, пожалуй, и не переедешь. Сiju и размышляю о тщете суетного мира и на счет того стоит ли тебе срываться из Иванова?..

8/VII 31. Продолжаю на квартире, утром в 7 часов (зачеркнуто) ..... описание вчерашнего вечера. Брожу меж барakov, смотрю на пожар. Жизнь – новелла.

– Ты про ково пишешь? – спрашивают меня девушки, только что выпутавшиеся из неприятного положения. Они залезли на крышу, чтобы лучше видеть пожар, а ребята лестницу отставили от барака и насмежаются.

– Да вот про вас, – говорю им, – пишу, как вы на крыше сидели.

Разговорились. Узнал, что они вольницы. Есть «принудчики», ссыльные, а эти законтрактвались сами на сезон в Архангельск (но попали в Маймаксу). Одна в столовой служит, жалованье 45 р. и стол. «Характер на этой работе портится». Другая работает на клепке, третья на стирке. Посочувствовал, что скучно им не в городе. – А ты цево сидишь?, – спрашивают они, вологодские. – Да вот жду, когда проснется начальство. Вы

хоть бы песню у него под окном погромче спели. – Девчонки убежали, а через момент опять на крылечко: «Мы его разбудили. Иди». – Как разбудили? – «Отворили дверь да и разбудили».

От председателя я узнал, что он не хочет со мной расстаться, что он напишет сейчас письмо тому-то и тому-то ... Очень я его удивил, когда вынул из кармана перо, чернильницу, из другого блокнот и конверт. Поговорили о статье Сталина, в которой намечается новая линия отношения к интеллигенции (по-русски у нас выходит: сначала в зубы, а потом – пожалуйста ручку).

С письмом в кармане возвратился в 12-м часу ночи на квартиру. Трудовой день мой вышел довольно протяженным.

Ну, пока хватит. О том, что день грядущий мне готовит, сказать не умею. Но день на редкость хороший. В Иванове вы, наверняка, издыхаете от пыли и жары.

Милые мои, целую вас много-много.

В.С.

Открытка

|| 6/VII. Милые мои. Перебрался в город. Теперь письма вам будут, вероятно, приходиться позднее на день, нежели опущенные на железной дороге.

Пока что еще не устроился с местом. Хожу по учреждениям и отдельным лицам. В общем, дело налаживается.

Если успею, еще сегодня напишу поподробнее.

Целую вас.

№ 22

|| Дорогая Лида.

Сегодня утром я отправил тебе письмо № 21. Сейчас вечером пишу всего несколько строк. День закончился без особых результатов и изменений в моей карьере. Дело в том, что когда я пришел вторично в Крайплан узнать о результатах шагов по моему делу, оказалось, что ничего еще не делалось, так как мое заявление о принятии на службу затерялось. Пришлось написать новое.

* * *

Твоих писем, адресованных на Исакогорку, я еще не получу до 10-го, когда туда съезжу по разным делам, и, между прочим, за посылкой от Ан-

нушки и мамы. Неужели и ты туда послала уже свое масло и конфеты. За это, наверняка, пошлю транспорт сухарей. Берегись.

* * *

Собственно говоря, я должен был бы тебе описать новый зверинец, в который я попал. Но у меня нет сейчас настроения это делать. Попытаюсь завтра. Сюжет любопытный.

Вот такая у меня к тебе просьба: если когда-нибудь будешь мне послать что-нибудь, пришли часы непочиненные. Архангельск – город часовщиков и сберегательных касс. Здесь починку мне сделают дешевле.

Замучил я тебя разными своими просьбами. Но что я поделаю. Один очень достойный человек просит дать ему «Материалы по библиографии Костромского края», вып. II. Не найдется ли под руками этой книжицы? Вышли.

* * *

Пересылка до 20 килограмм по железной дороге большой скоростью стоит 8 руб.

* * *

Квартиру еще не ищу, так как продолжаю, как видишь, пребывать в отношении места на птичьем положении.

Ну, ничего не поделаешь. Скоро все изменится, говорят, принимая в расчет тот новый курс, о котором говорил тов. Сталин, в отношении интеллигенции. Целую.

Милая, ты, вероятно, за меня страдаешь. А я так очерствел, и ничего себе, чувствую неплохо.

Открытка

|| 9/VII 31. Милые мои. Сегодня ездил на Исакогорку за посылкой и письмами. Получил посылочку мамы и Аннушки – сухари, хлебец и толокно. Письма 29-е, 31 и открыточку от 5/VII. Таким образом, письмо твое 30-е не получено. Конверты обоих писем надорваны. В связи с этим некоторое время решил писать на открытках. Мое 14-е письмо, довольно большое, было написано 28 и 29 июня. Ничего не поделаешь!

В моих делах пока все без перемен. Рассчитываю, что на ближайших днях все наладится.

Неужели ты все же купишь мне масла, в то время как сама пребываешь в таком аскетизме, который меня пугает? Неужели ты думаешь, что я буду есть его, если ты не догадаешься половину оставить себе, нет, не половину, а две трети.

Целую вас, мои добрые, хорошие.

В. С.

Открытка

|| 10/VII 1931. Лида, милая моя деточка. Пишу из Исакогорки. Приехал по делам и получить письма. Оказалось – письмо 32. Таким образом, пока недостает 30-го. По вопросу о книгах, еще раз обдумавши поглубже твой вопрос, напишу подробнее некоторое время спустя, может быть, вечером. Сейчас скажу только одно – ни о чем не жалею, кроме ваших трудов. Делай, как лучше, как взглянется на месте. Курсы русской истории, ты права, лучше сохранить, в том числе Соловьева, Кл[ючевского] и Покровского. Не жаль литературу о декабристах. Она у меня редкостная и продается хорошо. То же «Былое» и т. п.

Мои дела «налаживаются».

Как я счастлив, что Настя дружится с тобой. Целую вас в сахарные уста.

№ 23

|| 10/VII 31. Милая, любимая моя. Домой пришел усталый, кислый. Поздно уже. Простоял 3 часа в очереди на регистрации.

Смотрю на столе лежат письма мне: 33-е и 34 и Настино. Это обстоятельство подбодрило меня. Решил сейчас начать отвечать на эти письма, а литературу вроде описания настоящего зверинца, описания своего жилища, Архангельска и т. д. отложить до другого раза.

По поводу книг кое-что я писал сегодня в открыточке, отправленной с Исакогорки. Что еще к этому добавить? Разве только относительно местных изданий. Кроме экземпляра изданий КНО и отдельных оттисков моих статей, ничего не жалею. Впрочем, несколько лишних программ не помешают.

11/VII 31. Вчера сил моих хватило только на одну страницу. Лег спать. Продолжаю сегодня.

Русская история, когда она излагает не политическую сторону, а историю быта – это ведь тоже этнография. Вот почему такие вещи, как Забелина – «Быт русский Царей» и «Быт русских цариц» надо бы сохранить.

С этой точки зрения просмотр книг Сергея Ивановича мог бы дать кое- что для нашего этнографического собрания.* Но, когда тебе с этим путаться? Нельзя углублять книжного вопроса и из-за кустов просмотреть лес.

О другом. Масло твое, о котором ты пишешь, что оно хорошо упаковано в бутылочке, будет лежать до твоего приезда. Где мне здесь его есть? Я питаюсь в столовой, в случайные часы, остальное время на ходу в поисках места и прочего. Ходить с бутылочкой как-то неудобно.

* * *

Если такой грех случится, что потеряешь зубок- другой, не опасайся – я тебя еще больше буду любить несчастненькую.

Подари, пожалуйста, Королеву юбилей М [осковской духовной] Академ [ии].**

Труднейший вопрос о кроватях и обо всем прочем, что надо захватить сюда. Сейчас я в таком положении, при котором вдвинуть кровать и выдвинуться в комнату нечего и думать, позднее я опишу подробнее это сюжет.

В то же время для меня в настоящий момент самое важное не квартира, а подыскать занятие и зарегистрироваться в городе. Найти занятие не так трудно, но чтобы на этой позиции можно было закрепиться – это вопрос другой ... Об этом предмете расскажу потом подробнее.

Только переставши быть безработным, начну искать настоящее жилье.

Так вот и не могу дать тебе соответствующий совет, «распорядиться», как ты говоришь.

Недоумеваю, насчет какой посылки ты меня спрашиваешь – получил ли я? Я уже писал тебе, что посылку с туфлями, толстовкой и прочим получил. Может быть, я писал это в погибшем письме № 14?

Мне особенно понадобится комплект отчетов Костромского Научного общества. Один экземпляр отчетов, если удастся подобрать, перешли сюда или привезешь с собой. Он нам нужен будет, чтобы написать документально подтвержденную реабилитацию во ВЦИК.

* * *

Последний самый крупный и также неразрешимый вопрос, который ставят твои письма, что же делать Насте? Жить в пустой квартире и неприязненном окружении, разумеется, смысла нет. Насте надо пере-

биться до того времени, когда здесь будет подыскана достаточно большая комната, чтобы поместиться втроем. Когда я горю «перебиться», я думаю, что это лучше сделать не в пустой квартире, а у Рыбаковой или в Костроме у Елизаветы Михайловны.

Я писал Насте на счет того, что, может быть, ей резон устраиваться в Ивановском, (а сейчас я думаю – в Костромском) техникуме. Это возможно тоже при условии жизни или у Рыбаковой, или в Костроме. В отношении техникума надо действовать быстрее.

Само собой разумеется, если бы удалось найти комнату (это потруднее чем в Ивановке квартиру), ни минуты не думая, Настя, устраивается здесь. Но тащить на такое птичье положение как сейчас, например, в каком я нахожусь, не могу.

Опять вопрос твой и в др. письме о кроватях – можно ли их поставить? – да ведь это зависит будет от величины комнаты, которую найду. Пока считай вопрос, как говорят, открытым.

Просишь разузнать, как поступают на службу? Делается это так: ходят из учреждения в учреждение и предлагают свои услуги. Вот, например, сегодня я уже был в 3-х учреждениях. В одном не подошел по своим специальностям, в двух других адмвысланных не принимают. По совести говоря, на сегодня с меня хватило. Но все же еще схожу в Коммунастрой, где нужны будут скоро делопроизводители и статистик. Что-нибудь да найду. Нас на биржу не принимают.

Это хорошо, что Настя хочет сходить в ГИЗ и предложить свою практику. Очень приветствую. Если откажут, как отказывают мне, нос на квинту не вешала бы. Надо привыкать к борьбе.

Ну вот, моя родная. Практические вопросы я так и не разрешил: сама видишь, как непросто мне вещать отсюда оракулом. Еще об одном вопросе хочу поболтать – это на счет твоего замечания, что я отмахиваюсь от вопроса о своих детях, стараюсь забыть его, когда говорю, что потом потолкую с тобой на эту тему. Не в том дело. Видишь ли, я представляю так, что письма мои ты читаешь и Насте, хотя бы в выдержках, писать, значит, со всей откровенностью о детях мне не хочется, так как слова мои могут быть истолкованы или поняты неточно.

С этим согласится и она. Вот, например, как я могу комментировать следующие слова ее письма от 29/VI 31. «О Глебе я не буду писать, потому что не хочу с тобой спорить и расстраивать тебя. Все равно я убедить не смогу, поэтому думай о нем, как хочешь. У меня о нем определенное мнение. Хотя он и верит в социализм, но для социализма он не нужен».

Я, конечно, тоже верю в социализм, однако от этого бодрости у меня не прибавляется ... «Тебе жаль Глеба! Да, надо бы тебе там работать, таскать шпалы и посылать еще ему денег, чтобы он ездил из города в город. Бедный несчастный 22-хлетний ребенок!..».^{***}

Так вот ты ясно видишь, что по существу этой реплики в письме я не могу распространяться. А поговорить, чтобы это не оставило на бумаге следа, – вот что я сделаю охотно и должен сделать.

Был сейчас еще в 4-х учреждениях. 1. В комиссии по постройке канализации. Там, видимо, не прочь взять меня управделами. Просили зайти через день. 2. Был в «Крайрыбе»: «Если бы вы были бухгалтер, сейчас бы взяли». Увы, я только могу быть (с достоинством заявляю) счетным работником. 3. В Союзтрансе не застал заведующего кадрами и какого-то инженера. Работники здесь очень нужны. Но главным образом в отъезд в изыскательные партии. Если бы с женой меня взяли, так пошел бы. На всякий случай думаю завтра забежать. 4. Был еще в одном учреждении: «Потребсоюз». Ох, и народишку же тут кормится, не проворотишь. Расспросили, что и как умею делать. Учтиво выслушали и сказали: «адмвысланных не берем».

Кончаю это письмо в садике сзади Крайплана (думаю, бывший губернаторский). Вспомнил, как ты шарахнулась от букета душистых фиалок. Милая, несчастная моя. А ведь вот я даже в минуты тревоги и горя не могу оставаться равнодушным к природе. Сажу и люблюсь самым красивым деревом в мире – березкой с ее причудливым и таким нежным узорочьем листьев. Смотрю и вспоминаю тебя, такую же чистую и нежную. Да, да ... Иду к коменданту, а не могу оторвать глаз от просторной Двины.

Сейчас, впрочем, я поеду на трамвае домой. Там, вероятно, лежит твое письмецо.

Сначала опущу на почте это письмо, чтобы дошло поскорее, а на то отведу уже завтра.

Ну, пока всего хорошего.
Целую вас, мои стрекозы.

*Сергей Иванович – Сергей Иванович Смирнов (1870–1916), профессор Московской духовной академии по Кафедре Истории Русской Церкви, брат В.И. Смирнова. Его библиотека была куплена В.И. Смирновым у его вдовы.

**Сборник «У Троицы в Академии. 1814–1914». М., 1914.

***Сын В.И. Смирнова Глеб писал стихи, подражая Есенину, под псевдонимом Глеб Ясин, ездил по всей стране, то и дело попадая в какие-то неприятные истории, из которых отцу приходилось его выручать, высылая деньги.

№ 24

|| 12/VII 31. Милая, родная моя, ненаглядная. Так медленно проходит оборот писем, так быстро в то же время новые вопросы и новые настроения сменяют прежние.

В последнем письме от 7 июля (35) ты спрашиваешь насчет рукописей. Только числа 15 ты получишь ответ, может быть, уже тогда, когда сама решишь, что лучше сделать.

Прежде, нежели что-нибудь подумать ответить на этот кардинальный вопрос моей милой жонке, я отчитаюсь в сегодняшнем дне, довольно похожем на все предыдущие.

«Трудовой» день почти уже закончен ... Осталось только купить хлеба. А для этого надо переехать через Двину (я, собственно говоря, этим и занят в настоящий момент). Хочу успеть побывать у Ф. А. Петровского.* Он библиотекарь «Северолеса».

Так вот за день я успел побывать всего в 6 учреждениях. Кое-где что-то навертывается, в других нас принципиально не берут. Председатель «Крайплана» говорит: «Продержитесь несколько дней». Но продержаться, это значит, идти опять на железную дорогу. Сделать это опасюсь, потому что второй раз отсюда не вылезешь, пожалуй. Завтра буду 3–4 учреждениях, где есть надежда устроиться.

Из этих, далеко не детальных заметок о моей предприимчивости по части занятий по подысканию места, ты можешь судить, что вопрос о рукописях далеко не на первом месте, не в центре моего внимания.

Но на всякий случай для решения этого вопроса надо иметь в виду следующее. Когда выяснится вопрос, что здесь удастся осесть более или менее прочно, тогда можно будет думать о том, чтобы подчистить то, что осталось недоделанным и с чем, (т.е. с окончательной отделкой) надо

спешить. Выяснится этот вопрос в ближайшие дни, поскольку удастся закрепиться на месте. Разумеется, лучше с собой привезти кое-что, нежели посылать по почте вдогонку. Мне кажется, стоило бы захватить с собой следующие рукописные работы:

1. Программа по изучению стройки и книга Соловьева. 2. Словарь лесосплавных терминов. 3. Материалы для книжки «Власть земли и культа» (домовой, четверг, пережины). 4. Пояски. 5. Твое горшечное дело (обязательно) и 6. Карточки твои по библиографии кустарных промыслов.**

Последние нужны потому, что не исключена возможность, что или я, или ты попадем в Кустпромсоюз. А там придется начинать с того же самого, чем ты закончила свою карьеру в Ивановском музее.

*Петровский Федор Александрович (189–1978), филолог-классик, преподаватель древних языков, переводчик античной литературы. Арестован в 1929 г., выслан на три года в Архангельск.

**Арест прервал работу В. И. Смирнова над словарем лесосплавных терминов и книгой «Власть земли и культа». Он, видимо, позже к ним не возвращался. Статья Л. С. Кителиной «Русское народное тканье (костромские пояски)» была опубликована (по ее желанию под фамилией В. С. Смирнова) в журнале «Советская этнография» (1940, № 3). Ее же статья «Примитивные формы гончарства Костромской области» опубликована в журнале «Советская археология» (1964, № 3).

13/VII 31. Милая, дорогая моя. Вчера не успел закончить и отослать письмо. За Двину, где лишь могу брать по своей карточке продукты, я съездил зря – полук уже был закрыт. Отыскал потом, переехав обратно, Ф. А. Петровского. И сидел у него 2,5 часа, так как, не переставая, лил дождик. Думаю, что надоел ему порядочно. Но уйти было нельзя. Справлялся он о тебе и Слободской.* Ты, конечно, не узнала бы его в седом старичке с большой бородой, старающемся, как я, притвориться молоденьким. У него отдельная комнатка. 5 раз приезжала к нему жена. Она служит в библиотеке Исторического музея. Опустил заметить, что он уже 1,5 года здесь. От него я узнал, между прочим, что Сакетти служит в Комиссии по редактированию законов.** (То-то замечен его стиль в этой литературе!).

Милый человек Федор Александрович. Но что-то есть в интеллигенции этого сорта недоуменное, недоделанное, никчемное.

Между прочим, он занимается коллекционированием раскрашенных туесов (по-нашему, берестяных бураков). Покупает и отправляет домой.

Он советует поступить в госфотографию ретушером, тем более что там комендант устраивает прикрепление сразу. Никогда я так не жалел, что не занимался фотографией, как сейчас. В каждом № «Правды Севера» публикуется объявление, что для госфотографии требуются фотографы.

И никогда я так не жалел, что продал аппарат, как теперь. Петровский прожил здесь главным образом благодаря аппарату (+ помогала жена). Впрочем, он делал надписи в Музее и, между прочим, в Антирелигиозном. А на кровати висит иконка, этак в ладонь величины, и в углу, смотрю, святители. Видно, деньги не пахнут.

Занимается он еще спортом гребным и теннисом, и не видно, чтобы прилежал к науке. Кое-какой заработок ему дают уроки английского языка.

От него, мокрый как мышь, я прибrel домой около 10 ч. вечера. Писать письмо был уже не в состоянии. Ляпнулся спать. Поэтому в получаемых письмах у тебя получится некоторый прорыв...

Ты пишешь, что ничего бы не имела, если бы Настя поехала сюда первой. Сейчас такие вопросы можно решать только с точки зрения целесообразности. Здесь, может быть, придется жить в деревне или в другом конце города, прежде чем устроимся на одной квартире. Я знаю, что ты одна выживешь, что ты, может быть, скорее меня отыщешь квартиру. Другое дело Настя. Там она может жить или у мамы, или в Иванове у Либеровской и Рыбаковой – все же есть кров и люди, которые позаботятся. Здесь я с одного конца на другой должен буду обо всем думать и мыкаться. Нет. Она приедет, когда можно будет без муки для нее устроить жизнь.

Учебник Виппера, который сожрали крысы, лучший учебник по древней истории Греции и Рима. Я рассчитывал, что когда-нибудь мои дети прочтут эту книжку. Не судьба им знать историю!

* * *

Мой билетик секции научных работников в одном высоком учреждении. Ты его не ищи. Пес с ним: верят везде, что я научный работник, а раз аттестата не спрашивают, так зачем он мне?..

Бедный Кронид Иванович! Ты попроси, пожалуйста, маму узнать адрес Екатерины Федоровны.*** Мне очень хочется узнать, жив ли Иван Петрович.

Какое же все-таки свинство со стороны ребят Михаила Ивановича.**** Пошли, пожалуйста, им деньги на Вешняки. Пошли и Зое.***** Нет более тяжелого сознания, как чувствовать себя благодетельствованным...

* * *

Конечно, дома я нашел еще одно письмецо и от Настеньки. Ей я тоже задолжал ответами. Подождите: наживу вольготную службу, тогда уж я напишу.

Письмо 36. Все, значит, идет в порядке (30-е пропало). И книжечки. Какое тебе спасибо за них. И конверты!

* * *

Чтобы не забыть относительно рукописей – захвати-ка еще мои маранья насчет рыболовства. С ними я справлюсь в день и пошлю Чернову, который занимался, оказывается, этим же вопросом в прошлом году. Наверное, у него нет таких вещей, как «Лесной невод».

По карточке на днях получил для своих вегетарьянок хорошей овсяной крупы 2¹/₂ кило. Продолжаю обедать и завтракать в Крайплановской столовой.

Денежки текут. Но не подумай посылать мне. У меня на руках еще 80 руб.

Хозяйке придется заплатить 20 руб. Так сделал Алексей Алексеевич, у которого при громадной моральной мощи практического разума нет ни на грош.

Радость: уехала жена матроса с чадом. И племянника 10-ти лет куда-то спровадила хозяйка. Живем втроем. Знаешь: возможно, что 1 августа матрос закончит курсы на штурмана дальнего плавания и уедет. В таком случае, может быть, удастся вдвинуть тебя, если хозяйка будет расположена к этому. Расположение это зарабатываю не только свойственной мне обходительностью, но и тем, что таскаю с реки воду.

Милые хорошие мои деточки. Целую вас и иду на работу – искать место. Это я то – безработный! Вот так штука.

Целую крепко-крепко.

В. Смирнов

* Слободская Елизавета Павловна, секретарь КНО, в дальнейшем преподаватель иностранных языков в Костромском текстильном институте.

**Сакетти Александр Ливериевич (1881–1966), ученый правовед. В 1920-х гг. преподавал в Костромском университете, потом в Иваново-Вознесенском политехническом институте.

***Екатерина Федоровна – жена Ивана Петровича Пауля.

****Дети Михаила Ивановича Смирнова Софья (1908–1933) и Всеволод (1910–1941). Речь идет, по-видимому, о недостаточной их заботе об отце, находившемся в ссылке в Нарымском крае в очень тяжелых условиях.

*****Зоя – Зоя Георгиевна Смирнова (Васильева), жена Вл.И. Смирнова, младшего брата В.И. Смирнова.

Письмо без №. Вложено в письмо № 24

|| Милая, милая. Сегодня я не стану носиться по городу из учреждения в учреждение, дожидаться заведующего кадрами или секретаря, потом расхваливать свой товар. Сегодня в первом же учреждении мне сказали: «Вы нам очень нужны». Около 3-х зайдите, вопрос будет решен правлением. Два дня будет дано начальнику секретной части согласовать ваше поступление с ПП». Этот разговор имел место в Севкрайкустпромсоюзе с В.Е. Прейсом, к которому меня направил секретарь. Помилуй, ну как же я не нужен: я знаю кустарное дело, потому что участвовал в организации Ивановской Областной кустарной выставки (я сказал «руководил»), я практически знаю игрушечное дело (я не сказал, что работал лишь в Вологодской тюрьме), я занимался народным орнаментом, я, я, я...

Тут уж, знаешь, не приходится скромничать.

Хотя я и не так уверен, что дело и на этот раз кончится благополучно, но я опасаюсь идти в другое учреждение, где, быть может, сегодня же меня сделают управделами, и еще в одно учреждение, где нужен ученый экономист.

До 3-х часов я кое-что поделаю и, между прочим, начну писать вот это самое письмо.

Вчера я забыл тебе послать снимок с уголка здешней выставки кустарных изделий – изделия из глины. Материал в Музее, но не весь выставлен. В натуре я видел чудесную пепельницу в виде тарелочки с собачкой. Снимки подарил мне Ф. А. Петровский.

Теперь, конечно, мне до зарезу понадобятся книги по ремеслам и кустарным промыслам, особенно таким, которые имеют экспортное значение, безотносительно, к какому краю или области эта литература относится. Не совсем ясно представляю будущую роль, но одно понял, что это будет работа не научно-исследовательского порядка, а организационного. Тем не менее, программа Соловьева нужна весьма будет.

Ты уж, извини, что я отбиваю здесь у тебя хлеб. Так как это место по праву собственно твое. Но я оставляю зато следующие вакантные места для тебя: на Северйоде – статистика, в Комиссии по устройству водопровода – статистика (понадобится через месяц) и управделами (нужен сейчас), фотографа в Госфотографии и в Крайплане – научного сотрудника. Бюро по изучению производительных сил. Думаю, этого с тебя хватит.

Ну, вот. В 3 ч. пришел. Барышня с раскрашенными губами сообщила: «т. Прейс просил передать вам, что решение по вашему вопросу может быть выяснено только 15-го. Зайдите в это число». Жаль, что я не носился по городу. Видимо, надо подавать сразу в несколько учреждений: кто раньше выручит, в той орде и служить.

Переезжаю Двину, чтобы купить хлеба. День жаркий. Хочется купаться. Вон белоголовые ребята у берега баландаются. Даже завидно.

Письмо это, вероятно, придет вместе с письмом № 24, так как опущу на вокзале. Вот и хорошо. Потому что ты будешь рада почитать побольше.

С баней здесь очень хорошо. В Соломбале прекрасная баня. А вот со стиркой в Архангельске еще не устроился. А. А. Золотарев этот вопрос проработал плохо. А у меня еще руки не доходили.

Целую тебя, моя родная, в губки, потому что люблю тебя.

В.С.

№ 26

|| 14/VII 31. Милая, родная моя. Ты расстроилась по поводу моих пустышных неудач, как вижу из твоего письмеца № 37. Нет, то, что со мной происходит, еще не так страшно. Наше положение обязывает к тому, чтобы уметь преодолевать препятствия разного рода. Что же это была бы за ссылка, когда сразу тебе здесь все 24 удовольствия. Если бы я остался на железной дороге, я тоже хлебнул бы горяшка. Два дня уже, как им отказали в столовой. Это очень большое неудобство для рабочего человека.

Завтра, 15-го, многое выяснится в моей карьере. Так что неизвестность, – самое неприятное именно в ней, – недолго будет тяготить. На-

конец, ты мужественно писала мне, что теперь ко всему готова. Так вот, чтобы ни случилось, нос на квинту не вешай. Дальше я тебе расскажу про Л. А. Альбицкого,* с которым история сыграла не такую штуку, и который из этих испытаний вышел «как яблочко румян» (и одет весьма беспечно)...

Чувствую, что мне пора описать наше жильё и обитателей.

Дом № 1 по Набережной такой же, как все или как большинство здешних домов. Если бы перед ним приспособить колоду или кормушку, это – точь-в-точь трактир на проезжей дороге.

В нижнем этаже густо живут квартиранты. В верхнем – хозяйева. Зало тоже сдано квартирантам – нам.

Хозяин – рабочий литейщик, хороший столяр и токарь, человек крупный, дородный и в тоже время мягкий и флегматичный. Любит животных. Поэтому собака, кошка и другие твари наполняют его владения.

Хозяйка – маленькая, высохшая женщина не говорит и не ворчит только, пока спит. Но, в общем, человек добрый.

Они, и тот, и другая, входят к нам в любое время, садятся и занимают разговорами.

И так ни у кого из нас часов нет, мы не можем даже обычным способом намекнуть им, что пора беседу закончить.

Наша комната по размеру напоминает комнату в доме № 17 по ул. Свердлова, в которой стояли книги и кровати – метров около 40. Чтобы яснее представить дело нарисую схематический план.

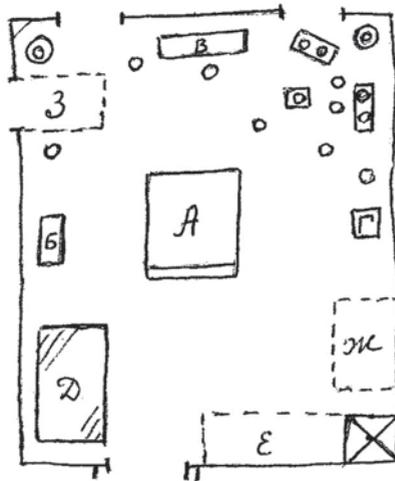
А – стол обеденный и рабочий.

Б – столик никчемный, на нем лежат книги.

В – стол у зеркала, на нем вазы с искусственными цветами, гипсовая раскрашенная собачка, морские раковины и фотографии.

Г – столик с граммофоном. Труба необычайных размеров. К счастью, нас не угощали музыкой.

Кружочками на плане обозначены цветочные столики, табуреты, подставочка.

Д – широкая деревянная двуспальная кровать, на которой после отъезда жены, покоит себя матрос Костя.

Пунктирами обозначены места, где на полу мы спим сном праведника: А. А. Золотарев, Л. А. Альбицкий и я (3).

По стенам фотографии, олеографии, сушеный омар, в углу – иконы.

Полы прекрасно выкрашены. Стены оклеены обоями.

Матрос Костя учится на курсах при Морском техникуме – на штурмана дальнего плавания. Парень скромный, хороший. Зубрит. Трудно ему приходится. Крестьянин-рыбак, кончивший 4-х летку. Притом семейный.

А. А. Золотарева ты представляешь себе. На столе лежит его кошелек, в котором он не знает, сколько имеется денег. Он может без конца рассказывать про Италию, про разные интересные встречи, декламировать свои стихи, философствовать. Но он не сообразит сходить в баню, когда это нужно и т. д.

Я не берусь его ценить как писателя-беллетриста. Не читал даже нашумевшую «Во едину от суббот»...**

Л. А. Альбицкий – только вчера прибывший из лесных дебрей Моржегорского трущобья, где он был на лесных работах с марта месяца. Он химик. Рыбинский преподаватель-краевед. Ему 58 лет. Милейший человек. Вот бы записать его рассказы.

Вот тебе мое окружение. Ходит частенько к нам еще один краевед, человек нудный, и о нем говорить сейчас не хочется.

Из этого ковчега ссыльных пора перебираться. Но пока это не главное.

Получил твою посылку. Милая, родная моя. Да как же я тебя должен целовать. Штиблеты прямо-таки великолепны, и гарнитур новый. Записочка ... Только вот масло меня расстроило. Ведь придется, по нашим законам, все отдать, чтобы слопали на глазах милые сожители ... Очень жаль. Или беречь до твоего приезда, не вынимать из ящика.

* * *

А. А. шутит: «Вы, Василий Иванович, говорит, сегодня себе сделали день отдыха». Я действительно не пошел славить по учреждениям, потому что хочется дожидаться результатов завтрашнего дня в Севкрайкуст-промсовете. Может быть, схожу в одно местечко, да поищу квартиру.

* * *

Как только получу первое жалованье, куплю тебе вагон пудры. Милая. Есть мудрое, веками выношенное правило – не торопиться. Роднулька моя. Немножечко подожди еще.

Целую вас, моих хороших, крепко. Сегодня письмаца от тебя нет.

* Альбицкий Леонид Андреевич (1872–1934), археолог, краевед, член Рыбинского научного общества, один из организаторов и директор Рыбинского естественно-исторического музея. Арестован в 1930 г.

** Золотарев А. А. Во едину от суббот. Берлин, 1912. Повесть о русских эмигрантах в Париже.

№ 27

|| 16/VII 31. Родная моя, ненаглядная. Сегодня ты еще в Гавриловом посаде, но письмо это придет в Иваново, вероятно, уже тогда, когда ты приедешь*.

Милая я разленился и 15 и 16-го посылал на Настю лишь по открыточке в день.

События развертывались таким порядком. 15-го утром я был в Севкрайкустпромсовете. Здесь мне сказали, что в настоящий момент предполагается снять с работы в этом учреждении всех адмвыслынных. Знаю, что это враки, так как лицо, сообщившее это, проговорилось, что просто во мне могут встретить конкурента. Как бы то ни было, пришлось катиться.

Поехал туда-сюда, потом в одну контору «Коммунстроя», где меня приняли управделами и дали бумажку (к другому) коменданту. Я сам ее составил, как будущий управделами. Коменданта не застал. Решил, имея эту бумажку в кармане, нащупать и еще что-нибудь. И нащупал. Госфотография. В газете были объявления: нужны фотографы, копировщики и ретушеры. Так как я ни первым, ни вторым никогда не был, и понятие имею об этом деле самое скудное, я решил, что неплохо попробовать свои силы в ретушерстве. Признаюсь, ни разу не видал, как это делается, но мне в моем положении сомнения к сердцу нельзя допускать.

– Так и так, говорю, знаю немного ретушерское дело, рисую, думаю, что при упорстве сумею стать неплохим работником.

– А вот мы сейчас это увидим, испытаем Вас.

Дали мне негатив, станок и карандаш, заточенный вот так.

Сел я и закрыл глаза руками. Думаю, что же дальше будет? Главное дело, нельзя посмотреть, что делают другие – далеко отсажены, и каждый ушел с головой в свой черный станок. Потыкал я немножко карандашом в эмульсию. Сижу.

Подходит некто Иван Ефимович, бригадир, как потом оказалось. – Вы, – спрашивает, – метолом смазали негатив?

– Нет, – говорю, – не знаю, где его взять.

Смазал он мне метолом и сказал, а если надо стереть всю ретушь, тогда промыть надо негатив скипидаром.

Сел я опять за негатив и стал тыкать карандашом посмелее. Заглянул кто-то, посмотрел, что я делаю, и спрашивает: «Вы как – пунктирной ретушью работаете или штрихами?»

– Пунктиром, – отвечаю упавшим голосом.

– Вы бы, говорит, лицо сначала собрали.

Даю карандаш ему в руки и смотрю, как собирают лицо.

Немного погодя подхожу к Ивану Ивановичу, показываю: «Ну, Ваше просвещенное мнение?»

Посмотрел, говорит: Намазано. Смойте. И снова поработайте.

Смыл и начал собирать лицо. Собираю, собираю, и ничего не выходит.

– Вы не нажимайте, – говорит кто-то сострадательно, через мое плечо наблюдая, что я делаю, а то эмульсию прорвете.

Но потом случилось, что я что-то понимать начал (так мне, по крайней мере, казалось). Сделал, показываю Ивану Ивановичу.

– Намазано. Смойте.

Смыл и начал старательно, не торопясь, работать. Ушли все почти, а я сижу и старательно ретуширую молодого человека в кепке с пестрым галстуком и при цепочке.

Подошел замзава старичок (из ссыльных). Эх, – говорит, – корявый Вам попал негатив. Вы оставьте его, а завтра другой возьмете. А то глаза у Вас, вероятно, утомились. Давно ведь не работали?

– Да, говорю, корявый.

– И вовсе не корявый, – говорит со стороны из своего станка какой-то Константин Евгеньевич, – негатив хороший. Это он его истыкал, рябым сделал.

Ну, думаю, подожди, чертов сын, выучусь, я тебе покажу. Налег и стал делать еще старательнее. Думаю себе: умру над негативом, а сделаю.

Искусство ретушера, видишь ли, состоит в том, чтобы негатив привести в такое состояние, при котором натура в отпечатке себя не могла бы узнать. Но то новое лицо, которой перед натурой явится на карточке – ей бы понравилось. Такова коммерческая фотография.

В 10 час. вечера (с 3-х дня) я кончил. Сдал негатив этому самому Константину Евгеньевичу и пошел. А он еще сказал мне, не торопясь: «Завтра придется смыть и начать снова»...

Самое притягательное в Госфотографии то, что здесь очень прочно чувствует себя публика, подобная мне, и прикрепиться благодаря службе здесь, к Архангельску – пара пустяков. Но все-таки крушение мое на ретушерском фронте было очевидным.

Сегодня утром я пробовал устроить себя у коменданта по части управделства в построечной конторе. Тот послал выше. А там стена.

Подумал и решил, что опускать руки нельзя, нельзя, чтобы отчаяние овладело сердцем. Пошел в Госфотографию к заву. Рассказал ему все начистоту. А он и говорит: «Вот что, негативную ретушь я вам дам через месяц, через два, а пока поработайте на позитивной. Два дня дам Вас на испытание художнику, а потом устрою ваши дела с ГПУ в лучшем виде и в один момент». А мне – это самое главное.

Иду к художнику. Нет туши, нет матового стекла, нет ножичков «жиллет», нет кнопок. Надо все достать у завхоза. Завхоз занят, завхоза нет... Ключ от склада унес зав... Станок не годится, надо отдавать его переделывать. Художнику нянчиться некогда. Ну, думаю себе, сейчас я организуюсь. Переделал станок сам. Сел на завхоза неотступно. Получил все, кроме кнопок. Кнопки из окон понасобирал. За ножами ходил в магазин. Купил 10 штук, и счет на Госфотографию. Это очень понравилось моему художнику. А я рассчитал так: буде не понадобятся ножи, возьму себе бриться.

Дали мне 14 карточек: какая-то блондинистая дама (местный тип), девочка 5 лет, славная такая, и два молодых человека в макинтошах. – А что с ними делать? – спрашиваю соседку. – Да я, – говорит, – первый день работаю. Вот тут, видите, пятнышко надо закрасить, вот это соскоблить.

Стал я рассматривать сюжеты. Потом к художнику: Петр Борисович, вот, – говорю, – мне кажется, надо тут, тут сделать, тут». – Верно, – говорит, – и тут. Хорошо, что спрашиваете.

Сделал я буквально в полчаса. Соседка спрашивает: вы уже кончили, очень скоро?

Несу художнику. Говорю: вот посмотрите. Только тушь у меня холодна, сиены бы прибавить. Кое-где ткнул он и говорит: «Очень хорошо. Я скажу, чтобы Вас зачислили. Мне нужен заместитель, понимающий в рисовании, а не просто закрашивающий белый точки»...

Дальше я читал твое письмо из Гаврилова Посада об огурцах. Письмо с цветочками, как и первое. Милая. Я целовал и цветочки, и строки письма. Несчастливая моя, полотьщица. Потерпи, родная немного: ведь должно же, наконец, и мне пофартить...

17/VII 31. Благословляю новый трудовой день и новый труд. Работаю, не покладая рук до 5 ч. вечера. Сделал очень мало. И это-то особенно нравится всем ретушерам. Работа сдельная, – и я не опасный конкурент. Глупые – я и не хочу быть первым среди вас.

Пообедал. Сейчас опущу это письмо и пойду читать от тебя новое, которое, наверное, уже лежит на квартире.

Лидочка, милая, очень тебя люблю. Всякие страхи и сомнения отбрось. Завтра или послезавтра многое выясню для дальнейших наших шагов в отношении твоей поездки.

Целую еще и еще.

Насте сегодня пишу вечером. Пошлю завтра.

*Л. С. Кителина вместе с большой группой служащих была послана на прополку овощей в Гаврилов Посад.

№ 28

|| 18/VII 31. Милая родная моя! Наконец вы можете поздравить меня: я закрепился на месте, закрепился в Архангельске – притом очень прочно. Прописался на квартире. Правда, заработок мой при сдельной работе и отсутствии еще навыка невысок. Но это пока. Затем перебраться в Архангельске из одного места в другое не так трудно, как из Исакогорки в город.

Еще карточку буду иметь А (первая категория).

Работают почти одни ссыльные. Есть роли и спецы, вырабатывающие до 400 руб. в месяц. В первом месяце я смогу прокормить себя, а потом, надеюсь, без особого напряжения буду зарабатывать столько, что проживем на одно жалованье.

С сегодняшнего дня начну подыскивать комнату, в которую можно было бы, если не обеим вам сразу приехать, так, по крайней мере, приехать тебе. Дело это непростое, но не безнадежное. Может быть, придется некоторое время пожить в разных местах. Я уже писал, что так бывает.

Теперь самый важный и серьезный вопрос: ехать ли совсем или сделать временную поездку. Надо все в этом вопросе взвесить спокойно. Милая моя, конечно, нам надо жить вместе. Иначе не может быть, так как и ты, и я исстрадались друг из-за друга, именно так, ибо беспокойство меня ни на минуту не покидает, особенно в последнее время.

Вместе с тем целый ряд практических соображений мне подсказывает такой выход, быть может, наиболее целесообразный:

Ехать сюда на некоторый небольшой срок, чтобы вернуться назад, и, ликвидировавшись там окончательно, ехать сюда и навсегда. Первая короткая поездка, на которую ты израсходуешь 100 руб., даст следующее, помимо приятности свидания: даст опыт в отношении переговоров об отъезде и даст возможность переговорить со мной. Всех решений этого уравнения с несколькими неизвестными нет возможности написать и предвидеть. Это тебе ясно.

Очень много сейчас разговоров среди ссыльных о перемене курса в отношении специалистов, о снижении трехлеткам срока до двух лет.

Это все очень хорошо. И надо попытаться тебе не испортить свой формуляр. Может быть, это и удастся.

Итак, я усиленно ищу логово, где можно было бы тебе остановиться. И, если ты согласна на предложенную комбинацию, телеграфирую, как только получу от тебя ответ. Значит, примерно в начале августа ты могла бы уже выехать.

Славная, любимая моя. Самое тяжелое теперь позади: я не пойду теперь обивать пороги, безнадежно тыкаясь туда и сюда. Теперь занята позиция, с которой можно, не торопясь, завоевывать другую.

Погода здесь стоит, роднulenька, такая, какой не знает Иваново. Одно солнце, солнце незаходимое. Впрочем, белые ночи уже кончаются. Но так очень хорошо, безоблачно. Ветерок с моря охлаждает жар. Архангельск с Двиной в 1000 раз лучше Иванова.

Несчастливая моя жена, опаленная зноем, в грязи и лапотках, голодная, и страстно ждущая минуты, когда мы, наконец, увидимся. Как мне тебя, мышонка, жалко.

Читаю твои письма и все больше и больше вижу, что надо напрячь все усилия, чтобы поскорее, наконец, свидеться. Целую тебя крепко-накрепко.

Твой В.

Алексей Алексеевич носит постоянно из редакции разные новые книги. Но читать некогда.

№ 29

|| 19/VII 31. Милая моя полотьщица. Ретушер Государственной фотографии получил вчера два твоих письма из Гаврпосада и открытку от Аннушки. Писала, как мне кажется, под ее диктовку мама. Начинает она с поклона от Анны Никаноровны, а затем сообщает, между прочим, следующее: на яблоне у погреба яблоков ни одного нет, и не цвела она, а у черного забора есть, но мало, не как летось было. Красной смородины много. Попов землю у липы уравнил и насадил огород. Цветов в клумбы насадили. Сиренька, которую при вас сломали, засохла...

Знаешь, в летописи рассказывается такая легенда. Какой-то герой, кажется, князь привык в неволе к чужбине, забыл родину. Не хотел вернуться даже, когда представилась возможность. Отец его послал к нему кого-то спеть песни родины и, если он не вернется после этого, так дать понюхать травы емшан. Едва он вдохнул знакомые родные запахи, неудержимо повлекло домой. Он возвратился.*

То ли я не чувствителен к запахам моей второй родины (Костромы), или другие ароматы слишком сильны, меня не сдвинуло письмо Аннушки с позиции. Сегодня же пишу письмо Руфу Семеновичу Попову о предложении приобрести мой дом, огород и сад.

20/VII. Вчера не успел дописать это письмо. Послал на Настю открыточку. От нее тоже получил открытку. Сообщает, что ты приехала из Гаврпосада.

Одновременно мама пишет о вашем житие, и о том, что лучше вам поскорее перебраться в Архангельск. Меня охватило такое беспокойство за вас, что я решил искать какую ни на есть комнату неослабно.

Сегодня еду окончательно открепляться от Исакогорки, Вопрос этот уже чисто формальный – надо лишь показать штамп прикрепления на новом месте.

Здесь мое положение по многим условиям очень интересно, то есть прочно более, нежели в других учреждениях. Вероятно, и тебе можно будет устроиться в качестве копировщицы.

Несмотря на бóльшую устойчивость положения на технических ролях, ходят настойчивые слухи о предстоящем пересмотре дел специалистов, о всяких будущих прощениях им (по аналогии с Харбинскими спецами, с которых снято всякое проклятие),** так что думаю не терять из виду Крайплан.

Ну, это дело второе.

Сейчас важно найти комнату, и чтобы вы сумели умненько выехать. Ездил ты в Гаврпосад. Может быть, так же можно съездить и сюда. И застрять здесь. Подумай над этим вопросом. Одним словом, тебе там виднее многое по части выезда. Нужно иметь лишь в виду, что положение минусного не блестящее, и как-то надо изловчиться, обойти наивностью или как-нибудь. В крайнем случае, и это не так уж важно.

Важно, повторю, найти комнату, хотя бы временную, хотя бы в разных пунктах жить, но в одном городе. Может быть, мечтаю я, удастся найти такую, что вам обоим можно будет сразу же ехать...

Напрасно ты недовольна своими письмами. Они много дали мне силы, любовь закрепили и развили. Ведь я все понимаю – как тебе трудно. Жалость охватывает меня, а бессилие помочь угнетает. Подожди немного, шепчу я, будем вместе, все пройдет как в сказке...

* * *

Теперь несколько практических вопросов и просьб.

1. Захвати с собой, пожалуйста, все отчеты К. Н. О. Они нужны мне будут до крайности и притом в ближайшее время.

2. Не захватишь ли с собой набросанную нами статью об итогах 7-летних работ Этнологической Станции

3. Захвати с собой ломаные мои часы, в которых ничего не понимают ивановские часовщики.

Больше ничего не приходит в голову. Я и так уже завалил тебя просьбами.

Целует свою жонку позитивный ретушер Государственной фотографии № 1 в Архангельске.

В. Смирнов

*В. И. Смирнов вспоминает стихотворение Майкова А. Н. «Емшан».

**Дело харбинцев. Репрессии против русских, живших в Манчжурии («харбинцев»), начались в 1929 г. в связи с советско-китайским конфликтом, когда в Манчжурию вошли советские войска. Смирнов тогда не мог предположить, что в 1937–1938 гг. будет репрессировано более 30 тысяч харбинцев, и репрессии продолжатся и после окончания Второй мировой войны.

|| Милые мои. Вчера я не мог вам написать. Сегодня тоже ограничиваюсь только открыткой и лаконичным сообщением: здоров. В уме складываются хорошие длинные письма, но работа до 5 с лишним вечера и подыскивание комнаты не оставляют времени для беллетристических упражнений. В среднем около 12 часов ложусь спать, а в 6, иногда в 7 уже на ногах. Бывает, что встаю в 5, и тогда успеваю немного написать вам.

С комнатой дело движется туго. Подумайте: кому же охота из частных домовладельцев пускать жильцов и без того в переполненный дом? Надежды не теряю, добьюсь как-нибудь, если не комнаты для всех, так хотя бы временной комнатки для вас или для одной из вас.

В борьбе обретишь ты право свое.

Целую В. С.

22/VII 31. Арх[ангельск]. Сад Исполкома.

№ 30

|| 22/VII 31. Милая, дорогая моя. Только час тому назад опустил открытку, помеченную 22-м июля. И мне стало стыдно, что так скуп я стал в последние дни. Совестно и за стиль открытки.

Пишу в трамвае, пользуясь тем, что с одного конца города на другой дистанция очень почтенного размера, хотя наблюдать публику и улицу я могу без конца с неослабным интересом («зевать по сторонам»).

Покаюсь тебе: вчера я лежал совершенно больной. Какое-то желудочное поветрие по всему городу. Расстроится у человека желудок на день, на два, а потом проходит без последствий. Может быть, вода виновата, два стакана которой я выпил в столовой, считая ее кипяче-

ной ... Все это не важно. Самое приятное в этом случайном эпизоде моей жизни – та заботливость и нежность, которыми я был окружен со стороны А. А. Золотарева и хозяев. Первый сходил за лекарством, напоил меня крепким чаем.

Целый день ничего не ел, и только к вечеру сходил в одно местечко насчет квартиры и то безрезультатно. Опять поили чаем, а поутру я был уже здоров, как молодой бог, служил, зарабатывал деньги. И мне, право, очень обидно, что ты посылаешь еще 40 руб. Я же тебе писал, родная, чтобы ты не посылала, денег у меня много.

Сейчас переезжаю на пароходике через Кузнечиху. Играет резко на гармонике слепец Карманов, подпевая себе еще более резкой фистулой: «Любила меня мать, уважала, что я ненаглядная дочь»... Продолжать письмо нет возможности. Буду смотреть на воду. Вот так, когда смотришь при воде на облака, они выглядят как-то отчетливее. Жалко, что ты не можешь проверить это наблюдение на берегах Уводи!

Ты как-то спрашивала меня, какие у меня отношения с А.А. Золотаревым. С ним не может быть других отношений, кроме хороших. Это человек евангельский. Во всяком другом человеке он находит обязательно что-то хорошее, частицу, так сказать, образа божия. Как-то говорю ему: уж очень на нервы действует ваш приятель краевед NN. А он мне: «Зато рассказчик какой он хороший».

– Да и рассказчик, – говорю, – никуда негодный, именно поэтому и действует на нервы, что все время говорит и говорит глупости... Алексей Алексеевич нашелся: «Раньше он был хороший рассказчик».

Этот хороший рассказчик, походя, ругает Ал.Ал.: «"Святоша", из-за него сколько молодежи-то погибло. Про нас, стариков, я уже не говорю, а вот молодежь жалко. Зачем он ее вовлекал в краеведение?»

Ал. Ал. зовет меня: «Васенька, милый», он постоянно ровный и со всеми. Даже с продавщицей из ЦРК, которой спокойно доказывает, что она, собственно, даже и не продавщица, а кооперативный человек, строитель социализма...

Он полон восторженной любви и к жизни, и к смерти. «Живу, как хорошее вино пью», – говорит он, посматривая на мир Божий из окошечка нашей комнаты.

О смерти он тоже говорит и думает хорошо: «Гораздо больше думаю я о смерти, чем о жизни, потому что смерть больше жизни: жизнь лишь

мгновение, а смерть бесконечна»... «В самоубийстве есть элемент непослушания провидению, которому надо доверять так же, как ребенок, который держится за подол матери, доверяет последней»...

Он очень религиозный человек. Каждый воскресный день, каждый праздник идет в единственную оставшуюся здесь незакрытой церковь. Знает, что сегодня день св. Прокофия, и кто этот Прокофий.

Много он рассказывает любопытного про свои интересные встречи. Но об этом потом как-нибудь.

Жаль, что мне приходится редко встречаться с ним. Я служу днем, а он вечером. Приезжаю к нам в комнату, он уже уехал на службу.

|| 23/VII. Я должен взять свои злые слова о рыбинском краеведе назад и назвать его. Павел Михайлович Битюцкий, действительно, милейший человек.* Он принял самое живое участие в подыскании комнаты для тебя. У него сейчас отпуск, и он со смыслом заполняет праздное время: ходит, спрашивает о комнатах, водит меня. А так как он человек знакомистый, наш охват становится довольно широким.

О том, как отыскивать квартиры, я тоже потом когда-нибудь напишу руководство для адмвысланных, в котором подробно изложу разные методы. Сейчас упомяну только об одном из них, примененном мною в самое последнее время.

Покупаю местную газету и смотрю объявления, где продается дом. Домов здесь продается много, и продаются за бесценок. Иду или еду. Осматриваю владения, расспрашиваю, когда построен. Сколько дохода, кто квартиранты, во сколько застрахован, сколько налога. А потом: «А какая площадь освобождается?» – «Вот эта», – говорит дама с золотым зубом во рту, как скажет Зоценко. «Мало», – говорю ей. «А еще уедут из той комнаты 20 августа, так и условлено, две ленинградские актрисы до 20-го приехали на гастроли. Вот тут-то и надо было мне вцепиться и зубами, и руками. Дама с золотым зубом обещала-таки 20-го сдать мне.

Это не решение вопроса – до 20 слишком долго, и дамы народ непостоянный. Но все же настроение приподнялось – всегда верится охотно в то, чего желаешь.

Вечером вчера около 12-ти часов ночи прибегает П. М. Битюцкий и сообщает, что на Ирландской, в д. № 17 А сдается комната. Узнал от какого-то постороннего дяди на улице. Идем. По дороге загово-

рил с высунувшейся из окна девушкой на ту же тему: у нас нет, а вы спросите вон у Поповых в д. № 2 по Ирландской улице. Зашли. Павел Михайлович показал чудеса предприимчивости и дипломатии. Хвалил тебя, как жилицу и скромного человека. Настю, как редкую специалистку в обращении с малыми детьми (упомянута была практика на площадке), гладил по головке маленького сына хозяйки, брал его на руки. В конце концов, на время до 20 августа она уступает вам свою проходную большую комнату, в которой поставятся и кровати две, и сундук, и 3–4 стула, которые захватите. Жаль только одно, что эта квартира временная, и на такой короткий срок, и что мне жить там нельзя, придется пока что здесь.

В самой поэтичной местности – у кладбища на конце города и при реке Соломбалке.

Теперь я буду поджидать вас 1-го или близ того сюда. 2-го июля я пошлю телеграмму. Можешь, конечно, запоздать, если задержат какие-нибудь хозяйственные или иные дела на несколько дней.

Надеюсь, что вместе отыщем квартиру более постоянную, поскорее и поскладнее.

О цене за комнату скажет только сегодня, и сегодня дам задаток.

Теперь две просьбы.

1. Купи о вредительстве в краеведении брошюру для одного краеведа, если только не все экземпляры этого удивительного труда Рубинштейна и др. раскуплены.**

2. Брюки тоже купи. Если не подойдут, продам Павлу Михайловичу: он ищет.

* * *

Да, я не все тебе описал из событий ночи. Пришел я в первом часу. Запер еще никем не закрытую дверь на лестнице на два крючка, как и приказал мне не спавший Леонид Андреевич Альбицкий. Никто еще не спал. Но уже лежали.

В три часа ночи привиделось что-то хозяйке, разбудила хозяина, побежали вниз и впопыхах сняли только один крючок. Предполагая, что я запер на ключ, стали вертеть ключом. Свернули последний. Хозяйка озленная разбудила меня, начала ругать, что я поздно шатаюсь, что рабочие и то вовремя ложатся, что ко мне Битюцкий шатается, грязь только носит... И пошла, и пошла. Я уже не мог спать. Сел писать письмо.

В 7 часов она встала. Ставит самовар, и бранится на ту же тему. Мне уже ничего. Привык: конвойные ругали, десятники кричали. Смирение стало одной из моих добродетелей.

Целую тебя крепко-крепко.

В. С.

^{*}Битюцкий Павел Михайлович (1876–1943), член Рыбинского научного общества. Арестован в 1930 г., выслан сначала в Северный край, потом в Сибирь, снова арестован в 1940 г. Скончался в заключении.

^{**}Речь идет о брошюре «Против вредительства в краеведческой литературе» (М.–Иваново-Вознесенск, 1931) под редакцией Н. Рубинштейна и М. Зеленского.

Открытка

|| Милые мои. Получил ваши письма. Все равно, что в комнате здесь побывали. Письма от 19-го (46-е). Все еще вам было неизвестно, что я преуспеваю в ретушерском искусстве. Относительно квартиры подтверждаю, что временно, до 20 августа, вы обеспечены. Я затрудняюсь решить, одной ли тебе, Лида, рискнуть ехать сюда, и уже отыскавши что-нибудь постоянное и надежное, выписать Настю, или двигаться обоим сразу. Все будет зависеть от того, может ли быть Настя устроена на некоторое время в Костроме.

Знаю, как трудно теперь приходится вам, и жалею. Вечером постараюсь написать попространнее.

Целую. 24/VII 31 г.

№ 31

|| 25/VII 31. Дорогая моя, милая. Хотелось бы обстоятельно ответить на твои вопросы о моем житье-бытье, о службе в фотографии и прочем. Но практические вопросы заслоняют пока все это. Ограничусь только ими.

Беда моя в том, что не все умею я один продумать, что всегда я был плохим администратором, и что условия таковы жизни, что колебания неизбежны.

Вопрос, о котором я хочу говорить, вот какой. Не сделать ли тебе, как я раз уже писал об этом, предварительный опыт поездки сюда? Недели на две или меньше, чтобы посмотреть на здешние условия, нащупавши почву по части более или менее удобного выезда – возвратиться назад, ликвидироваться окончательно.

Меня смущает то еще обстоятельство, чем вы будете здесь питаться. Овощей нет (огурец на базаре – 1 р., редиска 35 коп. штука, о луке я писал: 1 р. три луковицы, картошка неподступна). Молоко дорого. В столовой вы не можете, потому что в столовой треска, треска и треска. Я сдохну раньше времени, если вы начнете на моих глазах голодать и чахнуть. Может быть, придется вам есть рыбку.

Все это я говорю к тому, что, быть может, наблюдения во время непродолжительной поездки дадут более твердую уверенность в решении вопроса в ту или иную сторону.

Кстати, вопрос с квартирой здесь пока что решен очень еще непрочно.

С другой стороны, понимаю, как нестерпимо трудно оставаться лишние дни в Иванове, и ни минуты не сомневаюсь, что ты уже удвоила свою энергию по части всякой ликвидации.

Понимаю, что вношу путаницу всякими соображениями и недоумениями, но что сделаешь, если эти недоумения нависают в голове как туча. Может быть, там вам все яснее.

И второй вопрос такой же. Относительно одновременного приезда Насти. Не лучше ли ей, чтобы зря не маяться, приехать сюда, когда устроимся с комнатой прочно, т. е. во второй половине августа?

Третье, что захватывать. Кровати две, 4 стула, стол, самовар, примус, ведра, посуду и утварь. (Купить здесь ничего нельзя – все равно, что на Новой Земле).

Нижнего белья мне не покупай – много.

Собрание автографов, конечно, надо продать. 300 руб. просить и за 200 отдать. Можно согласиться и на меньшее (180–175 руб.), но тогда вынуть письмо Горького, которое одно у меня пройдет рублей за 30–40. Спроси Королева и С. С. Дмитриева – не укажут ли они покупателя. Со всем этим тебе ворочаться некогда. Своим письмом о квартире, вернее о комнате, снятой на время, я внес такую спешку в ликвидацию, что вопрос о продаже автографов, конечно, не успеет пройти.

Устроил бы это дело в Москве Апушкин, но на память адрес его писать стесняюсь. Вот что. Можно послать дяде Володе с просьбой от моего имени сходить к Апушкину и передать автографы с просьбой устроить их. Это самое лучшее решение вопроса, если только Королев не укажет, что-нибудь более быстрое в Иванове. /Сомневаюсь. Здесь больше прилежат насчет мануфактуры/.

Отчеты привезешь с собой.

Материалы по рыболовству в толстенькой тетради со светло-желтой обложкой, а словарь по лесосплаву на карточках размером в половину этого листочка. Не беда, если не найдешь. Дела найдется нам здесь и другого порядочно.

Знаешь что. Буфет ведь тоже надо везти. Вообще соображай и дерзай сама. Все будет хорошо.

Глупенькие мои. Вы могли, пожалуй, подумать, что я не очень-то хочу вас видеть скоро здесь. Нет. Жаль мне вас бедных до слез.

Целую, целую крепко, что есть силы.

О времени выезда напишите и телеграфируйте.

Телеграмму пошлю 30 или 31-го июля.

№ 32

|| 26/VII. Роднulenька моя, хорошая.

Я вижу спины и затылки 6 человек, склонившихся над позитивами своих мольбертов. В комнате тихо. Разговаривают мало. Только изредка ссорятся. Работа сдельная – 6 коп. с позитива. Надо успеть пропустить побольше, чтобы выработать сколько-нибудь на пропитание. Иной раз продукции мало бывает, тогда конкуренция вызывает неизбежно ссоры. Торопливая работа в свою очередь понижает качество работы, что вызывает жестокие упреки со стороны бригадира. «Только Бирон и Смирнов подают хорошие работы», – говорил он вчера, отчитывая двух старейших работников. Видишь, как я преуспеваю...

Бирон – моя соседка – пожилая дама или девица, художница из Геленджика. (Знает Николай Гавриловича, про которого говорит, что, кажется, он тоже сидит).^{*} Бывала за границей. Училась в Мюнхене. Человек порядочный. Видимо, потерпевшая за религиозность.

Другой порядочный человек – это бригадир наш, художник П. Б. Собакин. Ко мне, которого он тоже считает художником, относится очень хорошо. Все время помогает указаниями, подбодряет, поправляет мои иногда неудачные ретушировки. Молодой. Кроме тюрьмы, был в сумасшедшем доме.

Остальная публика – так себе. Особенно тяжела в общежитии единственный вольный человек в нашем цехе – молодая 19-тилетняя пухлая дама, состоящая замужем за ссыльным военным инженером, который ради нее развелся с женой, находящейся в ссылке в Кеми. «Мура» (Мария

Ивановна) своим раскрашенным в кроваво-красный цвет ротиком каждый день съедает за завтраком два–три бутерброда с ветчиной, с сыром и маслом или коробку консервов. Во всякий разговор она суется, по всякому вопросу высказывает свое непреложное суждение. Жадна и подла.

Изредка заглядывает поработать в нашу комнату старичок Леонид Федорович (фамилии его не знаю), он правая рука заведующего.

Через него проходят все работы, которые он и расценивает, точнее – определяет, можно ли выпустить. Юрист по профессии, из Ленинграда. Светский воспитанный человек. Цену себе знает.

Редко зайдет сам зав. Тоже бывший ссыльный – Вениамин Борисович Борисов, с трубкой в зубах. Его живописать не умею, не знаю еще его.

В фотографии более 30 человек служащих, почти исключительно ссыльные, и только нехватка в спецах все расширяющегося предприятия заставила в последнее время разбавить состав служащих вольными.

Встречаются интересные фигуры. Как-то на днях слышал рассказ Петра Николаевича (фамилии не знаю), молодого фотографа, о душевной драме Маяковского, близким свидетелем которой он был. Интересен копировщик, мой соквартирант Альбицкий, человек энциклопедичный, медленный, осторожный, даже робкий. О нем я что-то писал тебе. Много хохлов. Вообще Архангельск иногда производит впечатление уголка Украины.

Передо мной за день проходят десятки лиц на карточках почти с одним и тем же страшным выражением – обывательским. Даже неинтересный человек хочет казаться Наполеоном. Но фотография – жестокая вещь. Она документирует то, что есть, и через эти маски скоро начинаешь в этом калейдоскопе различать людей безличных, добрых, злых, жадных, пустых, низких, без искры в душе и т. д.

Наша задача спрятать душу человека, сделать лицо лайковым, деревянным: убрать морщины, бородавки, веснушки, блики. Причесать пациента. Так нравится заказчику. Над этим трудится негативный ретушер, мы заканчиваем. Наше дело подправить все неровности, закрасить и подскоблить все точки, царапинки, пятнышки, лишай, прыщи, угри.

Особенно трудны и противны в работе большие группы людей, нарочито приодетых, обычно в неестественных и несогласованных позах. Только детские снимки, которых делается здесь очень много, умиляют меня. Редко промелькнет этнографический снимочек. Но кто снявший-

ся, откуда – неизвестно. Притом лишних отпечатков нет, чтобы сохранить этот документ для научных целей.

Восемь, иногда девять часов видишь серый бескрасочный тон, серые лица, будто напудренные после нашей ретуши. Завтра опять то же. И так далее. В последнее время я уже научился не думать об этих безвкусно расфуфыренных мешанках, о молодых людях в галифе, о семейных группах – причесанные папаша с мамашей и детки разных возраста и пола, о детках с выражением взрослых людей, о ссыльных и бывших соловчанах, которых я узнаю в толпе и на карточках. Все они на фоне одних и тех же экранов, на одних и тех же креслах. Нет, тут никакого краеведения не выдумаешь. И я навеки не собираюсь оставаться ретушером. Но дело вот какого рода. Доходы с Государственной фотографии поступают, оказывается, в одно высокое учреждение, которое одно только может сохранить нужных людей. Пожалуй, еще не отпустят. Надо будет все рассчитать и все обдумать. Сейчас я в полной безопасности насчет передвижений всяких. Оставшиеся два года могу смело прожить на этих ролях. Только вот, по совести говоря, тяжело. Не физически. А как-то сознанием бесцельности работы. Обо всем этом поговорим, не торопясь, скоро.

Забыл объяснить тебе, что работать приходится тонким кончиком скребка, который мы делаем из ножичка безопасно бритвы. Подумай только, как часто я вспоминаю доисторические скребочки! Другое оружие – кисточка, тонкая, тонкая. Третье оружие – карандаш. Им запрещено действовать. Но все мы это делаем. Карандаш держится на позитиве недолго. Но достаточно, чтобы надуть заказчика, у которого через некоторое время белые пятнышки все же вылезут наружу. Свинство. Но ничего не сделаешь. Если действовать только тушью, тоже скверной, плохо летом пристающей, за день не выработаешь на обед.

В первый день службы я выработал 42 коп., потом 78, теперь вырабатываю 3 руб. В общем, прогресс есть.

Может быть, стоит не терять связь с фотографией. Но переменить роль. Приходит в голову предложить устроить фотографическую выставку «Старого и Нового Архангельска», предложить издать серию открыток и т. д.

В связи с этим я думал попросить тебя, если еще ты еще не запаковала, посмотреть в моих бумагах какие-нибудь черновики и копии планов «Выставки – Старое и Новое Иваново». Снова сочинять не хочется.

Было у меня в Костроме напечатанное положение о фотографической выставке Научного общества на бумаге в 1/8 долю листа. Если попадется под руку, захвати. В общем, конечно, на поиски время не трать.

Ты спрашиваешь, не думаю ли я подавать просьбу о пересмотре дела? Да. Это собираюсь сделать. Хочется посоветоваться с тобой, потому что вопрос этот очень деликатный.

Милые, родные мои крошки. Все-таки выживем. И не так уж плохо будем жить.

Насте письмо с описанием Архангельска почти закончил. Пошлю завтра.

Заходил к даме с золотым зубом. Налаживается дело. То есть дом у нее никто покупать не хочет, а, следовательно, комнату волей-неволей после освобождения жильцами придется сдать. Это после 20-го августа.

Целую.

В. С.

*Николай Гаврилович – Городенский Николай Гаврилович (1871–1936), доцент, профессор Московской духовной академии, после 1910 г. приват-доцент Московского университета по философии на историко-филологическом факультете и на Тифлиских высших курсах, ректор Костромского рабоче-крестьянского университета (1918–1919).

|| Лидуня, милая. Тебе сегодня не успею написать, а надо бы. Устал очень. Ограничиваюсь этой записочкой – с советом: не торопись, собирайся спокойно. Временная комната не уйдет, только передвинутся сроки. А комната, которую обещают дать после 20-го августа, как выяснил вчера, пока что более или менее не проблематична.

Родная, проживем как-нибудь. Только бы здоровье было. Телеграмму я не буду пока присылать, доколе не получу от тебя известий о сборах и прочем. Придется не забыть тебе послать маме деньжонок на перевозку наших вещей от станции. И вообще ей нужно помочь.

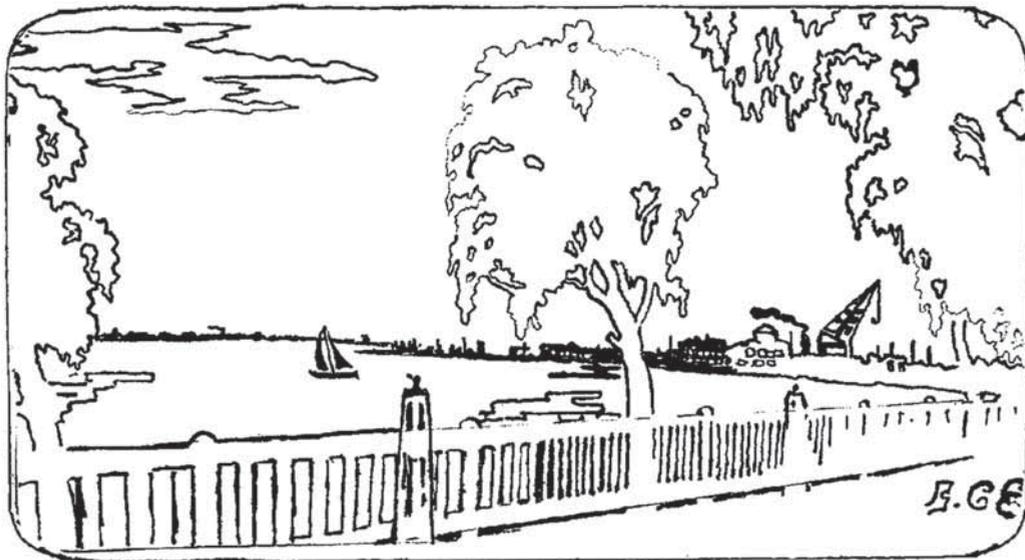
Целую милую, любимую крепко.

27/VII 31.

№ 33

|| 28/VII 31.

Родная моя, милая, умная. Конечно, ты права: надо узнать, а потом ликвидироваться. И я опасаясь уже, что бухнул в колокол, не посмотревши в святцы, что своим письмом о временной квартире произвел сумятицу

В. И. Смирнов. Набережная Северной Двины. Рис. тушь.

в ваших душах. Смотри на этот эпизод, как на то, что с комнатой не так-то трудно устроиться.

Получил два твоих таких хороших письма сразу. Получил и деньги. Последние излишни. Но все это пришло сразу, сгрудившись почему-то к одному времени.

Как я рад за Настю. Конечно, ей надо задержаться, чтобы получить квалификацию. Но как с квартирой. Нельзя ли куда-нибудь в тихое семейство ее устроить. Попробуй объявление в газете. Нельзя ли, на худой конец, кого-нибудь вселить вместо тебя из людей женского пола, порядочно духовно сложенных. Одним словом, сами уж выкручивайтесь.

Как жаль двух томов Пушкина! Но, что же делать – больше теряли. Хорошо бы сохранить Достоевского.

При твоей упаковке рукописей, сможет ли мама найти нужную и выслать, скажем, сказки и соответствующую книжку Андреева, если придет фантазия их обделать.

Хорошо бы дело о кораблекрушении взять с собой, как материал для составления бумаги о пересмотре. Потом отошлем маме – она уложит опять, куда надо. Вообще ей придется обработанные рукописи сдавать.

Два туеска ветхих я уже приобрел. Вышло случайно и очень дешево. Надо их бы немного подклеить.

Часто думаю, что следовало бы писать пореже. Но ведь письма – единственное утешение. Милая, милая. Буду ждать тебя. А вдруг не выпустят? Нет, этого не может быть...

Спешу кончить, чтобы успеть до службы опустить. Если этого не сделать, письмо пойдет только завтра в Иваново.

Целую крепко.

|| 29/VII 31. Милые мои. Посылаю вам этот краткий рапорт о моем здоровье: здоров. Более пространные письма начну писать после того, как схожу в баньку.

Только теперь я стал ясно себе представлять, какие почти непреодолимой трудности задачи лежат перед вами: 1. устроить более или менее книги. 2. устроиться с комнатой Насте. 3. собраться и выехать без осложнений.

Как это все удастся и когда – недоумеваю. Советы, которые я собираюсь дать в ближайшем письме, не должны быть сколько-нибудь обязательными к исполнению, так как на месте дело виднее.

Целую моих родных крепко.

В.С.

№ 34

|| 29/VII 31. Милая, милая. Каждый день имеет свою физиономию, каждый день по-своему мил, у каждого своя погода, свои заботы, свои огорчения и радости.

Позавчера я видел пролетающий через Архангельск на Новую Землю и далее к Северному полюсу цеппелин. Летел низко, тихо. Пассажиры махали платками. Зрелище, сообщившее умирительное настроение целому дню. Нечто подобное я видел только раз во сне в тюрьме. Все, кого я наблюдал во время полета, переживали сильное радостное впечатление...

Вчера тоже новости. У Муры Гариной арестовали мужа. Он ссыльный инженер-строитель, между прочим, построивший хорошие домики рядом с нашей фотографией (квартиры для служащих ГПУ). Арестовали и выслали в Область Коми. Мура не успела собрать ему вещей. Другое событие – у Маруси Пакляцкой, ссыльной, ученицы нашей фотографии, родился маленький фотограф.

Сегодня кассир Бадер (ссыльный), ушел бриться во время занятий, а ключ от какого-то шкафа унес с собой. Начальство метало громы и молнии.

Вечером цеппелин летел обратно. Скоро последние явления станут столь обычными, что мы не будем поднимать головы от работы, когда услышим гул его пропеллеров.

День 29-го июля 1931 года кончается. Его итог: 9 часов ретушировал, выработал 3 р. 90 к., потом обедал – традиционный суп из макарон (каждый день), традиционная треска или макароны с сахаром. Последнее блюдо, представляющее что-то вроде теста, претит своей преснятиной. С тоски возьмешь – намажешь кусок горчицей, чтобы рвануло, и пойдешь из столовой, третье – кисель. После обеда немножко ищу квартиру, потом писал письмо и валюсь спать. День прошел.

Еще одно пропустил. Весь день я думал о вас, моих хороших, несчастных.

Спокойной ночи, шепчу я, мои родные. Стараюсь представить вас вот тут рядом. Горечь обиды заливает мое сердце. – «Алексей Алексеевич! – говорю, – как бы сделать так, чтобы не пускать в сердце обиду, хотя обидеться очень приятно».

Он лежит в другом углу комнаты, а оттуда вещает мне золотые слова, что-то о Провидении и о Голгофе, уделе немногих ... За стеной хозяйка грызет мужа... Засыпаю...

|| 30/VII 31. Новый безоблачный день. Погода здесь чудесная. Нет, не так-то плохо летом в Архангельске. Тепло, но никогда не было душно, то, что так хорошо известно в Иванове. Вчера даже было свежо, когда подула морянка*. Как бы хорошо, если бы ты застала кусочек лета. Много ягод – морошки, черники, гонобобля. Но продают дорого: 1 р. стакан. (Других цен здесь нет, как рубль. Даже хлеб нарезан по рублям).

* * *

Несмотря на то, что с квартирой кое-что наметилось, я продолжаю поиски. Это дает мне, кстати, возможность присмотреться к нравам и быту жителей.

Когда я буду писать руководство по отысканию квартиры для начинающих ссыльных, я возьму эпиграфом слова Данте, которые он вкладывает в уста одному из своих родственников, встреченных им в аду: «Подожди, – говорит тот, – ты испытаешь горе изгнания – как горек чужой хлеб и как тяжело всходить и спускаться по чужим лестницам».

Кстати о Данте. Он умер в Равенне в изгнании. Через 50 лет Флоренция просила тело поэта. Равенна отказала и потом много раз до самого последнего времени отказывала Флоренции. Это я не к тому, что тело мое, родившееся в Бремболе, не будет ей отдавать Соломбала. А так просто. Хорошо было тогда ссыльным в союзе итальянских городов. Выгонят из одного города, переедет в другой за 30 верст и живет себе. Только и труда, что квартиру найти и хлеб. Не знали никаких комендантов и разрешений на поступление на службу...

* * *

Сегодня было мало съемки. Народ весь стоит за сахарным песком по вольной цене – 3 р. 20 к. кило. Поэтому фотограф наш Петр Николаевич нам, ретушерам, читал стихи Волошина, Ахматовой и Маяковского. Читает он очень хорошо.

Наретушировал я на 3 р. 24 к. Трудные снимочки мне подкладывает Мура. Кстати она уже утешилась. Завитая, раздушенная, она кокетливо просит Годнева: ах, Годнев, спойте «Тихо и плавно качаясь», и сама напевает веселые песенки и жестокие романсы. Всякая жена бывает...

Завтра у меня кончается книжка в крайплановской столовой на право обеда. Есть одна столовая (74-я), где кормят ссыльных (очень неважно), но кормят за хлебную карточку, которую отбирают. Не знаю, как я вывернусь из этого положения. С хозяйкой переговорить боюсь, все еще продолжают у нас господствовать бури: ожесточенно ругает всех и вся. Когда приедешь, будем мы пить квасок. Здесь кроме изделий «тежэ» и водок, во всех магазинах продают сухой квас. Конского щавелю для ботвиньи мы наберем на пустыре сзади Крайплана.

Вечером читал твои письма, телеграмму и рукопись Зубакина** о Ломоносове, предназначенную для «Соц. Севера».

Как хорошо, что ты свободна. Я понимаю это так, что ты без всяких минусов приедешь и будешь служить, где захочешь. Это значит – ты будешь иметь право снять квартиру в коммунальном доме, иметь заборную книжку в кооперативе. Всего этого лишен я. Это значит, что тебе можно не являться ни в ГПУ, ни к коменданту, простаивая и ожидая своей очереди. Это значит, что твой формуляр не запачкан, и ты имеешь право на пенсию.

Ты предлагаешь мне сняться. Но ведь сапожник всегда без сапог. В нашей фотографии так снимают, что уважающий себя человек постесняется этого сделать, и дорого – открытка 2 р.

* * *

Бедный Миша. *** Я писал ему вместе с Алексеем Алексеевичем открытку. Значит, тоже не дошла. От него не получил. Ссылка в Архангельск считается более легкой – все же Европа, а не Азия и поближе. В самом Архангельске, конечно, неизмеримо лучше жить, чем в глуши Нарымского края. Оказывается здесь в ссылке жил А. И. Рыков и Бухарин.

Не знаю, что посоветовать тебе насчет ликвидации книг. Если бы я был там, отобрал бы себе еще кое-что по истории, как, например, Голубинского, Забелина, Голубцова. *** Кое-что из памятников русской письменности. Все это близко к этнографии. В конце же концов, все это неважно.

Одно, о чем я еще хотел написать – это о том, что надо сейчас же улучшить свое питание. Теперь, когда Настя тоже заработает что-то, нужно подкормиться, чтобы иметь силы. Я совершенно серьезно настаиваю на этом. Иначе придется мне посылать отсюда сухари и покупать на здешнем базаре масло для вас. Это я приведу в исполнение, если вы мне не дадите слово, что режим аскетизма сейчас же измените.

Что с твоей ногой?

Милые, мои, милые, родные. Как хорошо жить. Целую крепко-крепко.

В. С.

---

* Названия ветров поморами: морянка – норд, побережник – NW, шелоник – SW, полуношник – NO, летник русский – S, восток – O, обедник – SO, запад – W. Есть еще межо-

бедник летний, межшелоник летний и т. п. сочетания. Это рассказы крестьян-помор.
Примеч. В. И. Смирнова.

**Зубакин Борис Михайлович (1894–1938), поэт, писатель, историк культуры, философ, скульптор. Арестован в 1929 г., выслан в Северный край на три года. Арестован в Архангельске в 1937 г., увезен в Москву и расстрелян.

***Миша – Михаил Иванович Смирнов.

****Забелин Иван Егорович (1820–1908), русский историк и археолог, автор книг «Домашний быт русских царей в XVI–XVII веках», «Домашний быт русских цариц в XVI–XVII веках», «История русской жизни с древнейших времен» и др.; Голубцов Александр Петрович (1860–1911), богослов, профессор Московской духовной академии, автор многих работ по церковной истории и церковной археологии; Голубинский Евгений Евсигнеевич (1834–1912), историк Русской Церкви, профессор Московской духовной академии, автор книг «История Русской Церкви», «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троице-Сергиева лавра» и др.

|| 30/VII 31.

Милые мои, хорошие.

Получил письма – 52 и 53-е, а также телеграмму. Значит, все хорошо. Написать более обстоятельно вам опять не успел сегодня.

Рассчитать, сколько ехать вам от Иванова до Архангельска, не смогу, так как ездил далеко не в скорых поездах. Надо в кассе железнодорожной спросить – там должны точно сказать время – день и час. А это важно мне знать, чтобы встретить.

Что с твоей ногой, напиши, пожалуйста.

Как меня это расстроило, и то, что питаетесь вы крайне скудно. Так нельзя. Это экономия плохая.

Целую крепко.

В. С.

|| 1/VIII 31. Милые, дорогие. Деньки идут, цветут. Уж август. Меланхолия лета. Но все так хорошо, когда знаешь, что вы меня любите, и сам любишь...

Питайтесь, милые, получше. Не экономьте деньги – мне ведь больше не понадобится ваша помощь. Завтра получаю заработок за полмесяца. В среднем вырабатываю пока по трешнице в день ... Было предложение занять другую роль, но не столь прочную, как эта. Предпочел остаться ретушером пока.

Программы хорошо бы захватить с собой.

Целую вас крепко.

|| 2/VIII 31. Милые, хорошие мои. Сегодня из-за лени опять ограничиваюсь открыточкой. Впечатлений за эти дни так немного, что отчет о них уложится на этом листочке. Сегодня день отдыха: ищу квартиру, покупаю овощи (лук), впервые купил стакан ягод, которые подешевели до 20 коп., купил сахарного песку 2 кило. Одним словом, занят был хозяйственными делами.

Как-то вы там изворачиваетесь, мои родные?

Целую.

(Без номера)

|| 4/VIII 31. Милая Лидуня!

Стал я примечать, что характер мой начал портиться. Вчера не пропустил вне очереди к паровой билетной кассе какую-то даму и сделал это неучтиво. «А еще интеллигент», – озлилась она. В трамвае толкает меня в спину какая-то другая нервная особа. Говорю ей: «Ведь больно». – «Подумаешь, какой недотрога! Нельзя дотронуться». – Грешный человек – вспылит, сказал несколько слов о воспитанности. – «Видать, – язвит дама с покупками, – старая интеллигенция, гнилью пахнет». – В свою очередь кидаю реплику насчет ароматов. Дама с покупками выходит из себя: «Помолчите лучше, а то сидете», – наконец раздражается она. Против такого аргумента трудно что-то возразить, кроме как разве сказать, что сидели уж достаточно. Ну, подумал, что дама, вероятно, сановная – по одним покупкам видно, – и замолчал.

Решил всячески перевоспитать себя. Не стану больше никогда оговаривать дам, которые лезут вне очереди, и буду улыбаться умильно, когда иная знатная дама под бока кулаками начнет совать.

Что-то и с мозгами тоже вроде искривления – думать разучился. Хочется иной раз пощупать и ущипнуть себя: да ты ли это, Василий Иванович?..

Вот приедешь – отдохну. Знаю, потянет опять на работу над поясками, над программами и т. д. И это тоже будет отдых, так как работать будут другие мускулы мозга, которые сейчас спят.

Получил вчера два твоих письма. Послал телеграмму. Но все же рассчитываю, что письмо это застанет тебя. В крайнем случае, его перешлет Настя обратно, а на всякий случай несколько практических советов. Ко-

нечно, я всячески постараюсь тебя встретить, но с моим соседом Лисконогом произошел на днях такой казус, что поезд опоздал на два часа, и он, сберегая служебное сдельное время, ушел с вокзала. Я не уйду. Но вот что: кроме дневного, есть еще поезд вечерний через день. Как бы узнать, на котором ты приедешь?

Служебный адрес мой: просп. Чумбарова-Лучинского, д. 88. Заводов здесь много. Устроиться здесь ничего не стоит. Не пропадем.

Очень прошу на дорогу покушать и взять с собой что-нибудь пожевать, а то ты, пожалуй, из-за экономии не будешь совсем питаться.

Целую крепко, крепко.

Жду.

Твой В. С.

|| 5/VIII 31. Милые мои, хорошие. Как вы там? Вчера письмеца не было, а сегодня я еще не был дома.

Только что кончил работу. Сегодня первый раз успел сделать 80 штук карточек. Прогрессирую.

Не то чтобы отпала охота писать большие письма, а просто времени и силенок на это дело не хватает. При том же с тобой скоро увижусь (что даже не верится), а о Настюльке расскажешь...

Целую вас крепко, мои родные. Иду из столовой на почту. Потом поеду домой и пораньше лягу спать, что-то нездоровится – понастыл после бани, с открытым окном ночуя.

|| Телеграмма от 4/VIII

Очень болен Поскорее приезжай.

|| Телеграмма от 6/VIII

Жду

В. И. Смирнов

**ГОРОД АРХАНГЕЛЬСК
В НАЧАЛЕ
30-х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ**
(Из записок иностранца)

При описании Архангельска начала 1930-х годов В. И. Смирнов применил известный в литературе прием: приписывание своего текста другому лицу. Архангельский журналист Ю. В. Дойков, неоднократно публиковавший текст, полагает, что это было сделано из страха перед расстрелом, в случае, если рукопись попадет в ГПУ. Но вряд ли В. И. Смирнов при аресте и обыске смог бы отказаться от авторства. Скорее другое: он сам был в Архангельске приезжим и чувствовал себя почти иностранцем. Историк и краевед Н. П. Анциферов, сравнивая, какую имеет ценность для краеведения описание местности местным жителем и описание, сделанное путешественником, высказал такое мнение: «... часто от местных людей, способных дать обстоятельный анализ, ускользают существенные для синтеза черты. Чужеземец часто ярче воспримет индивидуальные особенности нового края, потому что он всегда пользуется методом сравнения, который и дает возможность вскрыть индивидуальные черты. Путешественник всегда сравнивает и различает. Обычно его сознание более восприимчиво. Новое переживается полнее, ярче, свежее». (Анциферов А. П. Беллетристы-краеведы. Вопрос о связи краеведения с художественной литературой //Краеведение. 1927, № 1).

И вот В. И. Смирнов в новых условиях, на новой почве продолжил работу краеведа. Он посмотрел на Архангельск как иностранец, чужеземец и создал образ города в определенный период истории, используя и собственные впечатления, и газетные материалы.

Ю. В. Дойков обильно снабжает работу В. И. Смирнова предисловиями и примечаниями, на неточность которых я ему указывала. Так, без всяких оснований он утверждает, что когда тот пишет о валяющихся на улицах пьяных, на самом деле имеет в виду мертвые тела ссыльных и т. п.

И продолжает публикации данной работы Смирнова, не считая нужным поставить меня в известность.

Т. Смирнова

Черновая рукопись работы В. И. Смирнова находится в ОПИ ГИМ (Ф. 547. оп. 2. ед. хр. 32).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перевод описания г. Архангельска, сделанный неизвестным лицом с датского языка, был передан мне одним моим знакомым вместе с пачкой других бумаг и писем, попавших в его руки случайно в хламе утильсырья. Трудно сказать, для каких целей готовилась рукопись – может быть, для издания в каком-нибудь журнале. Работа не закончена, выглядит черновиком с многими поправками и вставками. На полях местами сделаны карандашные пометки, что тут или там должен быть помещен такой-то рисунок. К сожалению, ни рисунков, ни конца рукописи до нас не дошло. Между тем, последняя часть, в которой автор обещает описать местные типы или, как он говорит, архангельские силуэты, – должна быть особенно интересна.

Можно пожалеть, что переводчик не указал имени автора очерков и органа или издания, откуда перевод сделан. Возможно, что он сделан с рукописи. Мне кажется даже, что переводчик и автор одно и то же лицо: во всяком случае, автор хорошо владеет русским языком, знает историю и литературу страны. Дело библиографов и историков литературы отыскать имя затерянного автора.

Описание города Архангельска относится к 1931–32 годам, когда здесь проживал его неизвестный пока автор. Очерки интересны с разных точек зрения. Прежде всего – неизжитым для заграницы до сих пор убеждением, что здесь все еще произрастает развесистая клюква.

В записках мы имеем редкий образчик суждений буржуазного западного наблюдателя, в глазах которого явления нашей жизни преломляются через призму убеждения всяческого превосходства западных порядков и тамошней культуры. Нередко автор отмечает действительно темные стороны местного быта, еще не изжитые пережитки и наследие капиталистического общества.

В то же время необходимо отметить, как много автор проглядел, не осознал настоящего пульса местной жизни, не удосужился или не хотел заглянуть в рабочие клубы, в комсомольские и профсоюзные организации и т. п., ограничившись внешними наблюдениями. Автор больше вращался в кругу лиц, определенно не советски настроенных. Имел, по-видимому, широкое знакомство среди высланных – все это сказалось, конечно, очень ярко на страницах записок. Еще напрашивается вывод: автор, видимо, не бывал или не жила подолгу в других наших городах. Ему кажется, что он открыл ту или иную специфическую особенность, свойственную, по его мнению, лишь Архангельску. На самом деле многие из отмеченных им явлений широко бытуют по лицу СССР. Он, например, удивляется темпу строительства Архангельска.

Оставляя на совести автора подчас не высоко остроумные выводы его в адрес архангельских жителей, ничего не убавляя в тексте, не скрашивая по-редакторски, мы даем точную копию рукописи (очень неразборчивым почерком написанной), опуская лишь карандашные отметки на полях: «податски это надо сказать так» или целые фразы на датском языке, по-русски переведенные довольно точно.

Предлагая без всяких комментариев и поправок текст, уверенные, что читатель легко сам разберется в том, что здесь ценно и наоборот, мы не можем не отметить с горечью, что автор совершенно без надобности часто сгущает краски и сообщает иногда совершенно непроверенные и заведомо неверные сведения. Ряд данных, совершенно необоснованных, покоящихся на самых поверхностных наблюдениях и потому неверных или сомнительных, им преподносятся безоговорочно, выдаются за чистую монету. Разве правда, что все архангельцы пьянствуют и даже содержат особого историка пьянства? Разве есть доля правды в том, что нарочито доски деревянных тротуаров устраиваются так, чтобы пешеход летел в канаву? Чуть ли не нарочито это делается затем, чтобы он ломал себе ноги. Разве можно поверить, что архангельцы с детства приучаются к очередям и тухлой рыбе!.. Автор просто не хотел или не мог понять временно переживаемых в продовольствии затруднений и не сумел оценить вкуса по-настоящему выдержанной трески.

ГОРОД АРХАНГЕЛЬСК

Делаю попытку описать этот город, куда судьба случайно закинула меня на довольно продолжительное время. Опишу, не претендуя на изящество стиля и не рассчитывая дать всестороннюю картину жизни этого большого деревянного города, построенного на болоте.

I. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Масса дерева и множество людей – это первое, что бросается здесь в глаза. На много верст по Северной Двине, на правом плече которой лежит город, раскиданы лесопильные заводы, лесные биржи, лесные склады.

Архангельск – союзная лесопильня. Город почти сплошь деревянный: целые деревянные улицы – с деревянными панелями, с дощатыми или бревенчатыми мостовыми, с деревянными заборами и двориками, сплошь вымощенными деревом. Город, крытый деревянными крышами. Всюду неприбранные доски, бревна, обрезки пиломатериалов, щепы, опилки, стружки. Мы даже не можем себе представить, как много здесь расходуется и бросается бесцельно дерева, как много его уплывает в море. Я видел, как сотни тысяч бревен вместе со льдом, а потом и без льда плыли в океан. Архангельск спокойно созерцал это явление. И пресса по этому поводу хранила самое глубокомысленное молчание. Иногда газета вопила: «Ни одного бревна в море!», а они плыли и плыли.

Кругом Архангельска давным-давно хищнически вырублены леса, и угрюмые громадные дома его построены и строятся из сплавного леса, пригнанного из далеких вологодских и сыктывкарских краев.

Отменный материал, дешевизна рабочих рук, частая горимость Архангельска и недолговечность построек вследствие климатических условий – быстро обновляют город.

Старые покосившиеся здания встретишь лишь на боковых и задних улицах и проспектах, да в пригороде, где дома, жилые только в верхнем этаже, – не редкость. Деревянный город усиленно продолжает строиться и перестраиваться. В общем, из дерева здесь умеют строить легко и сво-

бодно весьма крупные сооружения. Стройка последнего времени особенно грандиозна – рубят колоссальные стандартного казенного типа дома в два этажа с большими окнами. Тогда как раньше окна прорубались, возможно, небольшие и, как правило, не снабжались форточками.

И без того однообразный в глубине своих проспектов и улиц город, застроенный новыми стандартными домами на сваях, которые вбиваются предварительно в болотистую почву, кажется еще более унылым на фоне болотистых улиц и чахлах садилов, и грязных дворов.

Дома – в большинстве своем деревянные коробки, не оживленные резьбой наличников, окрашенные в желтую краску, как те желтые чемоданы, с которыми архангельцы ходят в баню. Один мой знакомый ссыльный художник, работающий статистиком в Лесозэкспорте, как-то говорил мне, когда мы проходили по городу и дивились однообразию стройки улиц и переулков, что такие дома в центре страны раньше строились только под трактиры и постоянные дворы.

Две странные детали в архитектуре многих старых домов бросаются здесь в глаза – пузатые балконы-фонари, срубленные вроде кормы корабля, и крыльца с крышей «отливом».

Раньше дома и заборы в городе красились сплошь в желтый цвет охры или в шоколадные тона. Теперь дома почти не красят или окрашивают случайно теми красками, которые в данное время можно приобрести на рынке. Так как в город завезли порядочное количество медянки, многие заборы в последние месяцы окрасили в зеленый цвет. Часть домов покрасили белилами. Когда краски поблекнут, эта пестрота будет приятной. Кстати, отмечу странное явление: при резком избытии леса – всюду видишь разломанные и поваленные заборы. Может быть, заборы, ограждающие частную собственность, при социалистическом строе – излишняя роскошь. Но никак нельзя сказать того же про тротуары, обслуживающие жителей всех классов общества. Они деревянные, устроены над сточными канавами и тоже поломаны, прогнили, зияют дырами и нарочито снабжены прогибающимися под тяжестью пешеходов досками. Они представляют собой настоящие ловушки для рассеянных путников. Нынешний год город усиленно починяет свои «мосты». Спрашиваю одного служащего Горкомхоза – сколько километров протяжения имеют тротуары города, он махнул рукой и ответил на языке каких-нибудь тасманийцев одним словом: ... много.

Стены домов только одежда их. Гораздо важнее то, что внутри, как и человек, дом может быть одет не очень нарядно, но в то же время представляет собой нечто незаурядное. Привычка заглядывать в чужие окна не очень почтенна. Но с любознательностью трудно справиться. Притом же с трамвая при прямом солнечном освещении или при открытых окнах дом виден насквозь. В каждом окне я вижу цветы: герани, фикусы, рододендроны и опять герани, фикусы, елочки «мечта», фуксии, «покрывало невесты», разные летники. Удивительна любовь северян к южным растениям, посаженным в плошки, в горшки, в тусса (посуда из бересты), в лоханки, в ящики, в консервные банки, даже в ламповые абажуры и ночные горшки.

Вижу еще: выгянет где-нибудь уголок кровати с шишками, краешек салфеточки-накомодничка, на стенах фотографические увеличенные портреты и группы, бумажные цветы и открытки. Самому мне удалось побывать не более как в двух десятках обывательских домов, и везде веет этой особой культурой: занавесочки, полочки, накидушки, тарелочки, цветочки – культура особого самодовольного благополучия. Этот тон проглядывает одинаково и в обстановке служащих, и в обстановке господствующего класса.

Вот кухни здесь устраиваются весьма недурно – они светлые, поместительные. Кухни служат семье в качестве столовой. На полках обилие медной посуды – прямо-таки медный век: кастрюли, кувшины, ступки, тазы, ковши, ведра, кофейники, встречаются даже ушаты из красной и латунной меди. Такая полка с посудой являет прекрасный *nature morte*. Вычищенная и никогда не употребляемая – она гордость хозяйки. Не сказалось ли здесь влияние Голландии, торговавшей с Архангельском в XVI ст.?

Русская печка широкая, белая с карнизиками, с нишами, с вышитыми занавесочками: занавесочкой покрывается чело, занавесочкой задернут подпечек, третья закрывает лесенку, четвертая – нишу.

К здешнему жилищу я еще раз возвращусь, а пока займу внимание общим пейзажем.

II. АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Интересное явление наблюдается здесь. В чахлах садиках растут только береза да тополь. Ель и сосну, видимо, не сажают, а, может быть, они и не растут тут. Раза два я встречал лиственницу, один дубок, кое-где есть

черемуха, рябина и ива. Береза в Архангельске не достигает сколько-нибудь внушительных размеров, обычных у нас. Корни доходят до подземных вод, и дерево погибает лет в 30–40, продолжая украшать дворик своим сухим видом еще ряд лет.

Город устроился на болоте. В траншеях, которые рылись при мне для осушки города, под наносным слоем земли сантиметров на 50–60 лежит торф – на 2, на 5 метров и ниже. Глубоко в торф опустились старые мостовые, которые приходится прорубать при прокладке траншей.

Городские садики довольно жалкие – одни березки. Лишь во второй половине июня начинают высаживать цветочки. В садиках фанерные сооружения – какие-то будки и памятники, ярко, без вкуса раскрашенные.

Архангельск расположен километрах в 50 от моря на правой стороне Северной Двины и на соседних островах дельты. Но море здесь уже чувствуется, слышен его запах, сюда приходят океанские пароходы.

Что здесь хорошо, так это масса света летом – от воды, от почти незаходящего солнца и свежего прозрачного воздуха. Лучезарные зори сходятся с зорями, и предметы днем и ночью так четки, так ясно очерчены их контуры. Но осенью и ранней весной мозгло, «сиверко», когда дует – «моряна».

Главная часть города, основанного около 400 лет тому назад, протянувшаяся по правому берегу излучины реки, имеет пять длинных параллельных друг другу проспектов: Павлина Виноградова, Чумбарова-Лучинского, Петроградский, Новгородский, Костромской¹. Первые два названы по имени местных деятелей революции, прочесть биографии которых пока мне не удалось еще. Пересекающие эти проспекты под прямым углом улицы носят названия тоже деятелей революции и коммунистических вождей: К. Маркса, Энгельса, Розы Люксембург, Володарского и т. д. Город, видимо, распланирован был после какого-нибудь пожара, а не рос постепенно и путано, как росли другие старые города.

Для пейзажа Архангельска небезынтересно отметить крупные надписи на углах проспектов и улиц, свидетельствующие также о санитарных заботах Городского Совета рабочих и красноармейских депутатов: «Воспрещается здесь сваливать навоз, мусор и грязь».

На Костромском проспекте таких надписей не сделано, не возбраняется, следовательно, сваливать мусор. И проспект представляет собой сплошную свалку грязи, навоза, мусора. Лошади тонут по круп в этой жиже меж сгнивших бревен мостовой. Прибирается и метется, собственно, гово-

ря только один проспект Павлина Виноградова (прежний Троицкий проспект), с трамваем и с лучшими зданиями города. На прочих улицах и почти без исключения на всех дворах можно видеть всевозможные отбросы: консервные банки, бумага, кости дохлой скотины, щепка, кухонные отбросы. Лужи жидкой зеленой мути, канавы, не просыхающие даже в самое жаркое время года.

Город пытаются, но довольно безуспешно, осушить. Я наблюдал это предприятие. Целое лето, всю осень и часть зимы толпы «принудчиков» рыли улицу Энгельса, прокладывая по дну глубокой четырехметровой траншеи тяжелые деревянные трубы, сделанные из брусьев. Только что заравнивали участок, как трубы от тяжести земли прогибались или оседали, приходилось их отрывать, вновь и вновь перекаладывать. Так и не закончили этот дорогостоящий, несмотря на бесплатный труд, дренаж.

Знакомиться с городом, изучать его – следует начинать с осмотра базара. Здесь самый главный пульс городской жизни, так как отсюда преимущественно распределяются продукты питания. По крайней мере, в западноевропейских городах.

В Архангельске несколько иная базарная обстановка. Едва я успел войти на базар, как последний был оцеплен милицией – происходила облава на спекулянтов и высланных, не имеющих при себе документов, – через несколько часов базар принял свой обычный вид.

Поражает отсутствие овощей. В июле и даже в августе я видел буквально, не преувеличивая, лишь несколько брюквин, ни одной морковины, редьки или свеклы, не говоря о другой более изысканной овощах. Три луковицы стоят «рубель». Хлеб нарезан на «руббли» небольшими кусочками граммов по 500, по 400. Яйцо – рубль штука, пирожок с ладонь величины из серой муки, с капустой, картофельной начинкой или с кашей, – рубль. Можно полакомиться местным деликатесом – шанежками – пирожки с открытой начинкой из рыбы.

Много молока, и при этом прекрасного, но очень дорогого. В среднем в эти годы цена стояла за «полагунью» 8 рублей (стаканов 16). Носят какую-то морскую рыбу в виде грязных тряпок с запахом. Пьяный рыбак предлагает целую шляпу камбалы, по его словам, свежей – за 2 рубля. Все это неаппетитно и смрадно. Сахар 20 рублей кило.

На базарах помимо наблюдения над жизнью толпы я всегда высматриваю местные изделия. Но в этом городе нет ничего особо любопытного. Можно

купить только корзины из «гонотья», из тонких еловых лучин, очень легкие и довольно непрочные. Берестяных бурачков, иначе называемых «туесов», которые я видел в Музее, выставленными как местные деревенские изделия, на базаре встречал лишь в руках домашних хозяек. Они расписаны красными и синими петушками и цветами с большим вкусом. Мне объяснили, что кустарные изделия вообще исчезли с рынка в связи с «раскулачиванием» и с налогами. На базаре нет даже глиняных горшков, даже деревянная ложка – дефицитный товар.

Как-то непонятным становится – зачем тут болтается круглый день громадная серая толпа. Много пьяных.

Город удобнее осматривать так. Если вы приехали по железной дороге, после того, как вам 10 раз отдавят ноги при посадке на пароход «Москва», после очереди у кассы парохода, вы переезжаете Двину. Публика вновь кидается с парохода, как будто он начинает тонуть.

Вы в городе у самого базара. Посмотрите на последний, если не опасаетесь сильных ощущений и легко переносите острые запахи, садитесь на трамвай на проспекте Павлина Виноградова. Сесть не всегда бывает просто, принимая во внимание недисциплинированность местного населения. К счастью, может оказаться в этот час немного публики. Поезжайте до конца проспекта. Вы увидите лучшую часть города, лучшие магазины, почти все крупные правительственные учреждения, в том числе и здание ОГПУ, которое вы без труда узнаете, «Большой театр», тяжелое мрачное каменное здание в форме грандиозного утюга, построенное на месте бывшего собора. Серый ресторан-гостиница, дом связи и банк, сооруженные в современном стиле, с большими светлыми окнами, сложенные из кирпича разрушенного собора. Небольшая деталь к постройке театра: через год после того, как отстроили театр, начали проделывать окна, которые позабыли сделать в верхнем этаже со стороны фасада.

Украшение старого города – ампирные здания Крайплана (бывший губернаторский дом) и Крайисполкома (бывшие присутственные места) постройки начала XIX в., с колоннами по фасаду – вы уже не увидите – их ломают, чтобы воздвигнуть на этом месте нечто более достойное эпохи.

Перед зданием Исполкома памятник Севера – обелиск с оленем и помором². Скульптура не из важных. Но архангельцам он нравится.

Кругом небольшой цветничок – маргаритки, гвоздики, заячья капуста. На этом месте раньше стоял, и не так давно, памятник Ломоносову, уче-

Обелиск Севера

ному, поэту и деятелю XVIII столетия. Он родился километрах в 50 от Архангельска и к последнему никакого отношения не имел... «С чужого коня среди грязи долой», по русской пословице. Ломоносова перевезли к Лесотехническому институту, а на его место водрузили упомянутый обелиск.

*Так архангельский мужик,
По своей иль божьей воле,
Стал разумен и велик ...*

кто-то припомнил мне старые стихи поэта.

Вы увидите пожарную каланчу и здание бывшей ратуши, по вывеске узнаете Краевой музей, промелькнет садик «Динамо» и множество похожих друг на друга деревянных домов в один и два этажа. Если вы осматриваете город летом, назад пройдитесь набережной. Здесь разбит небольшой

березовый бульварчик, мостики арками, несколько недурных зданий, в том числе новенькое белое здание «Северолеса», которым гордится город. Перед глазами масса воды владычицы и хозяйки края Двины, на которую горожане никогда не устают смотреть. Что-то роднит здесь Архангельск с Ленинградом. Идут пароходы, пробегают моторки, проплывают флотилии морских парусных шхун с резными деревянными конями на рулях. Не пережитки ли то нормандских ладей со звериным стилем их архитектурных украшений?.. Важно дымят грузные «иностранцы»-лесовозы, и без конца «идет» лес...

III. ПАМЯТНИКИ

Не пытайтесь свои беглые впечатления от города пополнить посещением Музея. С этой стороны Музей не представляет интереса. Не только отдела города, но даже плана города в Музее нет. Мне пришлось ограничиться приобретением здесь краеведческого очерка города, изданного в 1928 г. В очерке есть глава, посвященная достопримечательностям Архангельска. Среди них на первом месте стоит упомянутый уже памятник Ломоносову работы скульптора П. И. Мартоса. Он был поставлен 100 лет тому назад около собора (25 июня 1832 г.) и переезжает уже на третье место. Художник одел беднягу академика вместо тулупа и валенок в тогу. Одной рукой фигура поэта-ученого держит лиру, за которую ухватился какой-то ангелочек, а другой рукой делает неопределенный балансирующий жест, чтобы удержаться на полушарии, куда художник взгромоздил его. По всему видно, что памятнику не усидеть и у Лесотехнического института. Самое примечательное в смысле образца русского зодчества здание XVII-го в. – Гостиный двор, построенный Петром Марселисом. Нужно войти во двор так называемой таможни, чтобы полюбоваться этим единственным пока еще не сломанным памятником XVII века, очень запущенным.

Перечислю бывшие еще в 1928 г. в городе достопримечательности, указанные в упомянутом очерке:

Петровский домик. Приезжие и обыватель могут видеть, собственно говоря, только каменный футляр этого домика с наглухо заколоченными деревянными ставнями. По рассказам краеведов, одно время (в 1930 г.) в футляре и в самом домике великого преобразователя целое лето жили «гопники» –

так здесь называют люмпен-пролетариат. Можно себе представить, во что превратилась эта достопримечательность города.

Все же мне удалось как-то осмотреть старый домик. Вижу – заходит внутрь народ, и дверь открыта. Зашел и я. Оказывается, население заходит сюда для отправления некоторых своих потребностей. Домик превратился буквально в отхожее место. Свалены целые штабеля икон из какого-то храма. Часть их расколота и выброшена. На полу валяется прекрасный каменный барельеф единорога работы XVII столетия. На антисанитарное состояние домика обратил внимание санитарный отдел, и футляр вновь был заколочен накрепко.

Кафедральный собор. Заложен в 1709 году. «Верхний храм с пятирусным иконостасом, стенной росписью и богатой ризницей церковных облачений является, по отзыву специалистов, чуть ли не единственным в СССР сохранившим ансамбль конца XVIII столетия в полной неприкосновенности»...

Собор, как я уже сказал, сломан до основания в 1931 г. Перед сломкой была открыта на страницах местной прессы дискуссия на тему – следует ли сохранить памятник. В защиту его раздался лишь один робкий голос старичка-краеведа, указывавшего, между прочим, что подобный северный ренессанс можно видеть еще только в архитектуре Соловецкого собора. Ему резонно ответили: желающие наслаждаться ренессансом могут прогуляться на Соловки.

Собор бывш. Михаило-Архангельского монастыря – является, повествует о нем краеведческий очерк, наиболее древним из храмов Архангельска, устроен он в 1685–1699 гг. «По своим архитектурным формам собор напоминает московские храмы, устройству которых подражали строители северных храмов в конце XVII и начале XVIII вв.»... Сломан в 1931 г. до основания.

Успенская Боровская церковь, заложенная в 1742 году. Разобрана до основания в 1931 г.

Михаило-Архангельская градская церковь, постройки 1743 г. с фреской на западной стене вида Архангельска. Разобрана в 1931 г.

Троицко-Кузнечевская церковь, 1745 г. Разбирается (1932 г.).

Не правда ли, странный город, не оставивший ни одного из своих памятников и ничем не заменивший их, если не считать неудачного в архитектурном смысле театра.

«В других городах, – говорил мне с горечью один старожил, – революцию ознаменовали постройками фабрик-гигантов, мостов, а нам подарили дурацкий колпак».

Есть еще, впрочем, памятники. Об одном из них не упоминает краеведческий очерк. Это старые серебристые тополя в саду Крайплана и Исполкома, самые старые деревья в городе, посаженные 120 лет тому назад. Часть их спилили уже, чтобы очистить место под постройку нового здания.

Мне остается еще сказать несколько слов о памятнике мореплавателю Пахтусову, сооруженному на его могиле на Соломбальском кладбище. Среди разбитых памятников и поваленных крестов кладбища памятник Пахтусову, открытый в 1878 г., можно считать более или менее сохранившимся. Правда, поломана часть чугунного якоря на верхушке памятника, сломана чугунная решетка, покрылся плесенью барельеф. Но все же он еще стоит каким-то чудом. Памятник имеет вид каменной серой гранитной глыбы в полтора метра высотой. В глыбу вделана известковая плита с барельефом в виде парусной шхуны, плывущей среди льдов. Надпись: «Корпуса штурманов подпоручик кавалер Петр Кузмич Пахтусов умер в 1835 г. ноября 7 дня от роду 36 лет от понесенных в походах трудов и Д... .. О... ..».

Последнюю часть загадочной надписи расшифровывают так: «и от домашних огорчений».

Кстати, пять грустных слов о здешних кладбищах. У самой церковной ограды коопартель «Неизбежность» сделала выставку своей продукции: гроба разных размеров и раскраски, кресты, гражданские памятники. Среди однообразных крестов, наставленных на очень населенном кладбище «Неизбежностью», выделяется несколько старых крестиков с крышками и охлупнями, принадлежащих аборигенам. Обращают внимание старые плиты, уцелевшие кое-где от XVIII и начала XIX в. Новый быт пришел и сюда. При содействии «Неизбежности» появились в разных местах кладбища из дощечек и фанеры, ярко раскрашенные памятники-obelisks, со звездой наверху. Появляются новые надписи – новые виды элегии. Вот, например, одна из любопытных надписей 1932 г. После даты смерти жены и двух детей автор пишет: «Спи же спокойно землю зары[та]. Последний подарок от мужа и папы Кокорина». Это советский памятник. Автор хочет сказать, что он сам его сделал, а не купил у «Неизбежности».

IV. ПРИГОРОДЫ

То, что мы видели мельком с трамвая, чем любовались на набережной и чему дивились, читая краеведческий очерк и печально взирая на те места, где были памятники, – это еще не весь Архангельск. Чтобы понять этот город с населением более 200 тысяч человек, раскинувшийся пригородами на протяжении 40 километров, надо побывать в этих пригородах, пожить в Соломбале, прокатиться на Кегостров, посмотреть Цигломень, пройти по заводам Маймаксы, заглянуть на А-прим, на 14-й, 26-й и др. Надо почувствовать здешнее лесное хозяйство, громоздкое и страшно трудоемкое.

Смотря по времени года, в Соломбалу можно попасть через неширокий рукав Северной Двины Кузнечиху, или на пароходе со слепым гармонистом Кармановым, или на лодке, по мосту (устроенному в 1931 г.), когда он бывает наведен, и по льду, когда станет река. Об этих переправах можно бы написать целую поэму.

Сейчас, когда я пишу эти строки, соломбальцы пользуются самым лучшим способом передвижения в город и обратно – по мосту. В ту и другую сторону по наплавному мосту течет людская толпа. На обоих концах моста сидят слепые гармонисты, наигрывающие жалостливые мотивы, безногие и просто старые люди просят подаяния, у щелей забора дома сумасшедших собралась толпа любопытных. Вас поразит, лишь только вступите на мост, масса древесины в воде и выкатанной громадными горами на берег.

Соломбала – большой деревянный город с заводами, пристанью, своим вузом (высшим учебным заведением), с кино, баней, базаром, почтой и т. д. Здесь также на всех переулках хрипят и воют, как голодные собаки, громкоговорители.

В Соломбале не более 5 каменных зданий, одно из них, Преображенский собор петровского времени, разобрали; другое, Убекосевер, начала XIX в., – стоит совершенно ободранное. Соломбала горела реже, нежели город, и потому изредка здесь можно встретить старенький домик с охлупнем или ставни с резьбой провинциального ампирического стиля, каждый дом выглядит крепостью – крыльцо обязательно выходит во дворик, за глухим высоким забором цепная собака, а калитка с железной массивной щеколдой в виде кольца с шишкой или кулака на ночь задвигается засовом. На окнах беленькие занавесочки и милые цветочки.

Как и в городе, дома здесь ставятся на сваях, изредка на плотках. Канавы плохо дренажируют почву. Весной остров заливается водой. В небольшом березовом садике вечерами гремит музыка, качаются качели, показывают зверей.

Самая красивая панорама открывается здесь с мостика речки Петкурьи, во время отливов совершенно мелеющей. По обоим ее берегам стоят раскрашенные в разные цвета боты, карбасы, лодки, лодочки. Здесь умеют хорошо их делать. Плывут беспризорные бревна, кучки их накатаны на берегу для отопления. Кишит купающаяся детвора. Тут же полощут белье и черпают для потребления воду. Картину дополняет группа пьяных, расположившихся у разных кучек бревен. Они распивают из ведер, из чайников, из банок пиво, когда последнее отпускается единственной здесь грязной пивнушкой, чаще, впрочем, закрытой за нехваткой пива.

У Соломбалы два лица. Одним она смотрит к реке. Это Набережная и ул. Левачева. Здесь бегают трамвай, здесь сосредоточена вся торговля, тут кино, различные учреждения. Судоремонтный завод с его верфями, доками и мастерскими и Управление береговой охраны и кораблевождения (Убекосевер) сообщают этому уголку приморский вид: мачты судов, подъемные краны, гудки и дым океанских пароходов; в толпе, которая непрерывно течет по улице Левачева, матросы, моряки в формах. Еще не так давно эта часть Соломбалы произвела на одну путешественницу впечатление иностранного города.

«Оставили вправо речку Кузнечиху, отделяющую Архангельск от Соломбалы, – пишет она, – и подъехали к Соломбале, этому совершенно иностранному городу, не имеющему ничего общего с Архангельском. Дома большие, магазины, иностранные консульства, англиканская церковь, таможни, пристани, целый ряд торговых заведений с иностранным обликом – все резко отличало это предместье от самого Архангельска».

Картина сейчас изменилась несколько. Англиканская, например, церковь, с которой посшибали готику, превращена в барак, в котором живут хохлы-ссылные, торговля далеко не носит иностранного облика, но о торговле речь впереди.

Другое лицо Соломбалы – в глубине ее улиц Ирландской, Шотландской, Французской, Итальянской, Американской и др. Здесь она выглядит заурядным провинциальным местечком.

Неезженные улицы поросли зеленой травкой, бродят коровки, лошади, козы. Здесь живут семьи моряков, мастеровой люд, крепкие семьи, управляемые соломбальскими «жонками»...

Впрочем, к соломбальцам, имеющим тоже два лица – парадное и домашнее, и к их жонкам я еще возвращусь, когда буду говорить о населении города и об архангельских силуэтах.

А сейчас, чтобы дополнить общее впечатление об Архангельске, этом неустроенном, необжитом городе, раскиданном по островам, попытаемся проехать на трамвае до лесопильных заводов вниз по реке, переберемся в Маймаксу с ее заводами и лесными биржами...

V. ЖИЛИЩЕ И КЛОПЫ

Архангельск растет не по дням, а по часам. До войны здесь было 25 тыс. жителей. Сейчас никакой статистики населения нет и никто точно не знает этого, но передают, что в нем около 230 тыс. человек.

Город усиленно строится. Его рубят, как рубили деревянные города древности. Даровое дерево, дешевый труд. Срублено, сплавлено, выкатано, построено ссыльными. Их руками обстраивается Архангельск. Так послужила на пользу городу эпоха своеобразной смычки с деревней.

И, несмотря на удивительно быстрый рост домов, здесь гнетущая жилищная нужда. В объявлениях газеты постоянно читаешь:

«100 рублей тому, кто укажет комнату для одинокого жильца», или «Плачу 200 рублей въездных, даже 300 рублей».

Последняя жилищная перепись была в 1918 году. С тех пор о статистике нет никакой речи, и сведения наши ограничиваются общими впечатлениями и показаниями, вернее, жалобами обывателя. В 1926 г., по сведениям упомянутого краеведческого очерка, на человека приходилось в среднем 6,4 метра жилой площади. Эта норма теперь значительно, конечно, понижалась. Дело в том, что деревня валом валит в город, никому стал не интересен крестьянский труд и деревенская жизнь.

Нельзя не остановить внимания на этом любопытном моменте в истории города. Взаимоотношения города и деревни складываются в борьбе за цены на продукты той и другой стороны. Были моменты не в далеком прошлом, когда победа была на стороне деревни, назначавшей неслыханные цены на картофель, муку, крупу и прочее. Горожанин за бесценок отдавал свои самовары, граммофоны, куски материи, платья и т. д. Но побеждает в конце концов тот, в чьих руках штык и деньги – город сумел нажать на деревню. Но тут совершилось интересное явление – деревня, увидев невыгоду своего

положения, двинулась в город, втиснулась, заполонила его. Так в свое время завоеванные Римом германцы заполнили и овладели им. Отсюда рост города, отсюда жилищная нужда.

Не успеют плотники закончить постройку дома, он уже заселен жильцами и клопами, в окнах появляются занавесочки, цветочки герани. Люди с сундуками, с узлами, не опасаящиеся спать на полу, жить в грязи, идут и идут в город, отвоевывают, не задумываясь в средствах, себе место под городским солнцем. До какой меры обострена борьба за жилищную площадь показывает напечатанное в местной газете «Правда Севера» письмо специалиста (№ 153 от 4 июля 1932 г.). Трое научных работников задумали построить себе домик на трудовые денежки. Права научных работников на дополнительную жилплощадь ограждены целым рядом директив, права их на построенный домик как застройщиков тоже неотъемлемы. А домик заняли все-таки не они, а сотрудник хозчасти Краймилиции Бурханов. И никто не мог его выселить. Горсовет постановляет о немедленном выселении, райсовет распорядился освободить домик от непрошенного жильца. РКИ несколько раз давало ему предписание о том же. Не едет. Народный суд Архангельска вынес решение «выселить т. Бурханова из дома № 82 по Петроградскому проспекту». Не едет. Горпрокуратура, Крайпрокуратура, снова Горсовет... Никто ничего не может поделать... Март, апрель, май, июнь, июль – сотрудник Краймилиции продолжает жить в незаконно занятом им доме. Стоит задуматься над этим фактом...

Архангельск – самый теплый город. Дрова здесь нипочем. Многие запасают даром плывущий из Вологодских и Сольвычегодских краев лес. Вся Соломбала отапливается с Двины, вода прибывает лес к берегу: бери и пили. И только ленивый не успеет здесь запастись дров. Они баснословно дешевы на рынке (20 р. сажень). И, тем не менее, жалобы на холодные квартиры обычны. Дома быстро изнашиваются, прогнивают. Чтобы не быть голословным в описании жилища, каким оно выглядит, когда познакомишься с ним ближе, я воспользуюсь свидетельствами самих жителей во время жилищной переписи 1918 г. и газетными статьями самого последнего времени (1932 г.).

Жалобы на холод, сырость, отсутствие элементарных условий, неисправность печей, уборных, может быть, сгущены. Но слишком уже кричат об этом факты. На обратной стороне переписного формуляра квартирант,

например, пишет: «самые ужасные условия для жизни. Все затоплено водой. Грязь. Крыша худая. Сквозь потолок течет все время во время дождя. Печь неисправная – плохой под. Полы дырявые. Двери не открываются – повисли».

Или: «недостатки самые гнусные: пол из набросанных кое-как гнилых досок, стены гнилые буквально и с наклонностями. Двери сквозные и без притворов. В сени стекает уличная грязь и распутство. Печь сколько ни топи – одна холодность. А когда производился ремонт – этого ни мы, ни соседи, ни даже сама домовладелица не помнит».

Вот еще: «ремонта не было лет 10. Обои ободраны и грязные, потолки грязные, полы вытерты, печи плохие и дымят, вьюшки на чердаках отсутствуют, плохо поэтому держат тепло. Двери наружные с улицы обветшали, разваливаются и падают с петель. Двери из сеней в кухню не притворяются плотно и зимой пропускают холод. Углы в двух передних комнатах зимой промерзают, в углах бывает снег, и температура опускается до 2°. Клозеты холодные. Кладовой для провизии нет. Масса тараканов разных видов» и т. д.

Частный владелец потерял вкус к домоведению, потерял самую возможность поддерживать дом, так как жилец платит пустяки по ставке. Лучше живут в так называемых Жактах – в жилищных кооперативах, образовавшихся в больших домах. Но попасть в жилкооператив дело не простое. Легче это удастся представителям господствующего класса. Но и то не всегда. Вот что пишет пресса о бытовых условиях рабочих:

«В новых бараках крыши протекают». Это на заводе «Пролетарий» (Правда Севера, за 1932 г. – № 150). На 26 лесобирже в бараке № 8: «помещение совершенно недостаточное, тесное. Между койками совсем нет прохода. На всю половину барака имеется один приютившийся у дверей маленький столик. Закусывать рабочие вынуждены на койках. Табуретки и скамейки отсутствуют. Также отсутствуют и вешалки. Всю верхнюю одежду можно положить только под матрац. Но хуже всего то, что многие спят по два человека на одной койке, и ко всему этому тут же ночуют и девушки»... (Правда Севера, за 1932 г. – № 146).

«Барак № 8 на Набережной, где живут водники запасной команды и береговые матросы, превращен в ночлежку для беспризорников всего города. Пьянки, драки, кражи и картежная игра – здесь обычное явление ночи; на утро подсчеты добычи и снова опохмеление» (Правда Севера, за 1932 г. – № 152).

На Пяндской запани «в общежитиях рабочих с потолка сыплется песок, а хозяйственники, несмотря на жалобы рабочих, не хотят оклеить потолок газетами»... (Правда Севера, за 1932 г. – № 155).

На заводе имени Молотова в бараках №№ 32 и 33: «Во всех комнатах зимой страшный холод. Зимой всегда мерзнет вода, потолки не штукатурены, на них щели и дыры, из которых сыплется опилки и всякий мусор. Стекол в рамах нет, комнаты вообще не проветриваются, электрических лампочек нет; в обоих бараках нет уборных, и рабочие вынуждены бегать за 200 метров. Всю зиму дров не подвозили, и жильцы вынуждены таскать их сами, а отсюда развито воровство и драки. В одной половине барака № 32 есть водопровод, но вторая половина жильцов этого барака им не пользуется. Им запрещают пользоваться водопроводом, и они берут грязную воду в реке. В комнате № 16 – маленькой по кубатуре – втиснуты четыре семьи и живут как сельди в бочке, запах в комнате ужасный, потому что за неимением кладовки, продукты хранятся под койками. Во время дождя заливает весь пол и все имущество, детишки с плачем спасаются только под столом. Печки неисправны, и работницы не знают, как и где приготовить обед. Комната № 9 в 33 бараке занята молодыми ребятами-одиночками. У них никто не прибирает, печки топят сами, поспешив на работу, заливают дрова, отчего получается дым во всем доме и угроза пожара» (Правда Севера, за 1932 г. – № 159).

Еще: «Жилплощадью рабочие (шпалорезного завода № 3) не обеспечены, обещанные дома еще когда-то достроятся, а сезонники живут скученно, спят на полу без матрацев, в комнатах без окон, где валяются стружки, солома, песок и проч. Баней рабочие не обеспечены, постельного белья и в глаза не видели, а потому целыми ночами рабочие вместо сна охотятся за паразитами» (Правда Севера, за 1932 г. – № 152).

Хватит! Но все же картина не полная, если не остановиться вниманием на паразите, заевшем город.

В Архангельске нет такого дома, где не водились бы клопы. Даже в нежилых домах – в учреждениях – они живут и благоденствуют. В слесарной мастерской, в пилоставной, в конюшне, в заводском буфете стены заражены клопами; в заводском комитете, ЗРК, в кладовой, даже в уборной можно обнаружить без особого труда это насекомое; в Крайплане, в Крайисполкоме, в трамвае – всюду эти бесплатные жильцы, не поддающиеся никакому учету, никакой статистике.

В самой лучшей гостинице города, в номерах, за которые платят по 20 руб. в день, каждую ночь жильцы принуждены устраивать культпоходы на клопов.

«Пусть кто-нибудь из любопытства заявится на Кегостров и осмелится переночевать в бараках № 16, 33, 37 и 34 и в любом другом, – пишет корреспондент “Правды Севера” (1932, № 189), – я в полной уверенности, что через два часа этот смельчак будет вытеснен клопами предварительно в коридор, а затем будет спасаться бегством и, безусловно, без всяких успехов – пока не покинет остров, его будут всюду преследовать клопы»...

Здесь водятся два вида домашних клопов, мирно уживающиеся; необычно плодовитое, живучее насекомое это может прожить очень долгое время без питания, высохнуть в листочек, как тень. Но, отведав крови, оживает, пьянеет, теряет всякую осторожность, наглеет.

В светлые белые ночи и при луне, – рассказывал мне один энтомолог, – можно наблюдать игры маленьких клопов – как дети они кружатся, бегают друг за другом... Совершенно серьезно передают наблюдатели, как в солнечные дни клопы стадами, целыми армиями разгуливают или переселяются из дома в дом по деревянным тротуарам и мостовым.

На рынке появляются время от времени различные порошки и жидкости, якобы уничтожающие клопов, печатаются объявления о конкурсе на лучшее против них средство, рекомендуют употреблять нюхательную махорку, ошпаривать их кипятком и т. д. Но все это делается кустарно. Клоп продолжает властвовать и грызть. В общежитиях он положительно заел рабочих. Как-то один сотрудник газеты некто Ал. Яхлаков написал хлесткий фельетон «Клоп» (Правда Севера, 1932, № 171) и им открыл на страницах газеты широкую дискуссию о клопе. Серия статей: «Электричество на борьбу с клопами! Предложение рабочего-изобретателя Сидорова». «Как избавиться от клопов. Предложение ветработника Ашамалова». «Даже нет кипятка против паразитов». «Уничтожить вредителей рабочего быта». «О том, как клопы съели яичку Осоавиахима». «После дезинфекции снова клопы». «Клоп углубляет прорыв на Цигломенских заводах». «Клопы съедают рабочий отдых» и т. д., и т. д. Призывается на борьбу с клопом весь комсомол, мобилизуется Осоавиахим.

И все же большая часть 230-тысячного населения города продолжают нести на своих хребтах эту тяжесть некультурности и будут нести это стихийное бедствие, пока население бараков не будет более культурно, пока будет держаться мнение на русском севере, что клопа, вроде как бы голубя

в иных местах, бить нельзя. Совершенно серьезно укоряла одного моего знакомого старушка-хозяйка за то, что тот раздавил клопа: «Теперь, – говорила она, – заедят за него клопы всех нас»...

Эту мысль мне высказывали здесь не раз. Не удивительно, что у некоторых опускаются руки в борьбе с клопами. Они отодвигают лишь кровать от стены да ставят ножки кровати в консервные банки с водой. Уверяют однако, что клоп прыгает тогда на спящего с потолка.

Хватит!.. Нет, не совсем.

Архангельск заела вошь. В трамвае видишь, как ползают вши по дядькам и по их кожаным пиджакам и по шапкам. В столовой по рукаву соседа мирно похаживают они, закрываешь глаза, чтобы проглотить кусок. В бане в шкафах для одежды... Это население общежитий и барачков расплозается, несет с собой зуд и тифы.

Никто еще не набрался смелости объявить борьбу с этим бедствием. Оно связано с другим социальным бедствием неразрывными узами, но об этом потом...

VI. ЧЕМ ПИТАЮТСЯ И КАК ПЬЮТ ЖИТЕЛИ

Обезличка в питании давно изжита в Архангельске. Мои наблюдения в этом отношении, естественно, ограничиваются общественным питанием, и здесь они не полны. В аристократических столовых Крайплана и Крайисполкома, куда доступ строго ограничен, я не был и не могу судить о порядках и о том, как там питают. Но говорят, что неплохо. Похуже, но недурно кормит столовая для специалистов при клубе индустриализации. Но столовая та дорогая, и доступ сюда также ограничен – обедают спецы и люди, умеющие всюду пролезть. Мне более знакомы столовая № 13 на просп. Павлина Виноградова – для мелкой сошки, для служащих, и № 14 на Набережной – для всех вообще, в том числе и для высланных.

О санитарном состоянии кухни последней лучше всего повествовала стенгазета, когда в прошлом году я там обедал. В ней, между прочим, рассказывалось, что тарелки ставятся на пол, а по полу из уборной течет жижа. В архангельском Музее санпросвещения выставлены фартук и полотенце из этой столовой в качестве экспонатов антисанитарии. Там же выставлена бутылочка воды, в какой моется посуда, и ложка. Диаметр этой ложки равен 10 см, т. е. она рассчитана на пасть акулы.

Порядок получения обеда тут оригинальный. После того, как вы получите талон на обед, предъявив в кассе свою обеденную карточку, при входе в столовую вам вручают эту самую ложку. При выходе вы должны ее сдать. Такой порядок заведен потому, что ложки воруют, ложка дефицитный товар в городе, даже такая.

О вилках и ножах в столовой нет и помину. Рыбу кушают руками. Надлежащий способ употребления вилок или, как их иногда здесь называют, «приемцев», не всем известен. Как-то однажды в студенческой столовой я наблюдал, как молодой дикарь брал руками с тарелки кусок колбасы, надевал его на вилку, которую держал в другой руке, и потом уже нес в рот. В одном кафе иногда можно бывает спросить что-нибудь закусить – конскую колбасу, поджаренный картофель, селедочку. Вам подадут, если вы позаботились прийти пораньше, пока еще не съела публика, но без вилки. Нужно сходить к буфету, внести рубль залога, тогда вы получите вилку.

В одной пригородной столовой, рассказывал один знакомый астроном, служивший там в канцелярии, в течение недели раскрали 60 ложек и 34 стакана. Недаром еще Грозный говорил голландскому послу Герберштейну:

«У меня русские все воры».

По совести говоря, вилки и не так уж нужны в 14-й столовой – длинной полосой дней тянется меню: суп овощной или рыбный и каша. Когда не стало крупы, на второе стали давать макароны. Это были лучшие времена. Потом стали давать на второе три селедочки или ложку кислого творога. Суп иногда разнообразят: делают из кислой капусты, из брюквы, как-то недавно подавали кукурузный суп (три кукурузины в воде). Нужно оговориться: 14-я столовая делилась на два этажа: для публики посерее – внизу и для тех, кто почище, – вверху. Здесь подешевле, там подороже и поменьше, но тоже неважно. Теперь, говорят, обезличили, слили вместе, но почти никто уже не обедает, одни мухи и сонные подавальщицы.

В 13-й столовой питается мелкий служащий люд (конец 1931 г. и начало 1932 г.). Столовая отличается убийственными очередями: очередь к кассе тянется по лестнице со второго этажа на улицу. Затем становишься в очередь за местом к столу, за тобой становятся другие. Все очередные смотрят в рот обедающего – скоро ли он кончит. И кажется, будто он без зубов – жует, жует без конца. Когда, наконец, удастся сесть, надо ждать, когда подадут. Нередко на всю процедуру обеда уходит до двух часов.

Меню иное здесь: суп из консервов или суп грибной. На второе тушеная кислая капуста, винегрет с солеными грибами, иногда каша. На третье – клюквенный кисель или стакан кофе. При рыбе подаются приемы.

В настоящее время эта столовая преобразовалась в столовую каких-то особых специалистов, и как там питают, и куда рассеялась столовавшаяся масса обывателя, не ведаю.

Справедливость требует отметить, что сравнительно недурно кормят в столовых различных учреждений, как Крайзу, тресты и т. д. В столовой Крайзу, например (март – апрель 1932 г.), подавали тарелку мясного супа без мяса, на второе мясо из супа в виде гуляша или жареную рыбу. На третье в полоскательнице – кисель или каша. Два тонких ломтика хлеба при этом. Все это стоит 1 р. 50 коп. В других за то же приблизительно платят 2 рубля.

Как общее правило, во всех столовых, чтобы гражданин не сожрал два обеда в день, отмечают на так называемой именной обеденной карточке, какого числа выдан талончик на право отобедать. И еще одна любопытная особенность: во многих столовых нельзя взять что-нибудь одно из обеда – хочешь не хочешь, бери весь обед.

В других столовых завели недавно порядок иного рода: желающий может взять себе так называемый улучшенный обед – он в два раза дороже обыкновенного (3 р.), или взять что-нибудь порционно, например, порцию тетерки (3 р.), отбивную котлету (4–5 р.). Город дорогой!

Очень-очень много в этом сказочном городе своеобразного!

Каждый гражданин здесь снабжается продуктовой карточкой, по которой можно получить по норме хлеб, сахар, масло, мясо, рыбу, чай, крупу, нитки, мыло. Рабочие и ответственные работники получают карточки по одному списку, прочие – по другому. Граждане каждого списка делятся в свою очередь на три категории. В самом низу этой социальной лестницы стоят мелкие служащие да домашние хозяйки – им полагается 300 граммов хлеба в день и 200 граммов сахара на месяц. В последнее время крупы никому не стали давать – уравнили. Низшие категории давно уже получают только хлеб.

Так вот, чтобы «прикрепиться» к столовой, надо было предъявлять эту продуктовую карточку, удостоверение с места службы и билет члена профсоюза. Из карточки вырезали часть талонов на крупу, масло, рыбу, мясо. Но потом этот порядок оставили, так как крупа и мясо исчезли из обихода горожан. Во всяком случае, всем не стало хватать.

Питание рабочих далеко не одинаково в разных местах. В одних, как сам я мог убедиться, обедая на заводах во время субботников, кормят по-архангельски недурно. О других столовых пресса пишет вот что:

«В столовой 23-го лесозавода на обед готовится в большинстве случаев одна вода. Про кашу рабочие совсем забыли. На второе рабочим подается когда хвост, когда голова рыбы» (Правда Севера, 1932, № 154).

На заводе «А» рабочие-шоферы «по часу простаивают иногда за обедами» (Правда Севера, 1932, № 155).

«В столовой (лесобиржи № 3) качество обедов крайне низкое, стол для ударников не выделен. Грубость в обращении обслуживаемого (!) персонала – система, изменить которую никто не рискует. Столовая специалистов превращена в распивочное заведение» (Правда Севера, 1932, № 152).

«Питание в столовой (на Пяндской запани) не улучшается. Кроме рыбы, крупы и растительного масла, ничего нет. Самозаготовки проходят неудовлетворительно. Отбросы из столовой идут неизвестно куда» (Правда Севера, 1932, № 155).

«В столовой № 1 (на лесобирже Бакарицы) обеды преимущественно готовятся из гнилых, покрывшихся плесенью грибов, заготовленных еще осенью 1931 г., – рассказывает корреспондент в июне 1932 г. – Вопросом улучшения питания рабочих никто не интересуется» (Правда Севера, 1932, № 152).

«В столовой запани беспорядки. Ночная смена не имеет буфета. Не выдаются вовремя талоны ночной смене, из-за чего часть товарищей остается без обеда. 10 июля к обеду подали совсем сырую кашу. Плохо чистят рыбу, валят в котел со всей требухой».

«В столовой лесозавода № 7 и К творится ряд вопиющих безобразий. Среди служащих столовой процветают пьянство, хулиганство и кумовство. Не раз в столовой служащие устраивали пьянки, в результате чего пьяные вялились на полу столовой (этот факт был отмечен стенной газетой столовой). 22 мая руководители столовой дошли до того, что после пьянки учинили поножовщину и попали в милицию».

«Карточки на получение обедов заведующий выдает не всем, несмотря на резолюцию директора завода, а с разбором».

«У заведующего столовой есть любимчики, которым он выдает карточки без обозначения числа месяца на талоне, и “счастливчики” могут получить в один день по два обеда».

«Бывали случаи, когда контроль пропускал талоны, явно переправленные на то число, которое нужно обедающему».

«Санитарные и гигиенические условия в столовой отсутствуют. На окнах висят старые марлевые тряпки, которыми рабочие вытирают руки, так как в столовой нет полотенца. Посуда моется только в одной воде, никогда не споласкивается, не просушивается и не вытирается, или иногда вытирается грязной тряпкой». «Обед рабочим подается в миске на 5–10 человек, но избранные по приказанию заведующего получают обед в отдельных мисках» (Правда Севера, 1932, № 132).

И так далее – о гнилых продуктах, червях в супе, о расхищении продуктов. Можно привести бесконечное количество подобных картин из жизни рабочих столовых, да и других.

Неудивительно стремление граждан отобедать в одиночку дома: по крайней мере, не стоять в очереди. И вот – полгорода вооружилось судками, банками из-под консервов, горшочками, кастрюльками самых разнообразных размеров, форм и цветов: в них забирают в столовой обед и несут домой, обливают им второпях себя и соседей, расплескивают, спасаясь от собак и автомобилей.

Коренной архангелец без тухлой рыбы жить не может. И не может он не пить. Пьют все: взрослые, юноши, дети, женщины, люди всех положений, чинов и званий. Пьют с утра, днем и ночью. Пьют безобразно, глупо, откровенно, хвастливо; заядлые пьяницы из партийных чаще потихоньку – высокое положение обязывает. Под заборами, на мостовых, на панелях, на трамваях и под трамваями – всюду лежат пьяные тела; валяются в театре, в кино, раскиданы по канавам и в сугробах. Всюду видишь одиночек и группы шатающихся фигур, с налитыми кровью лицами, с осоловелыми мутными глазами, с безумным выражением. Никого это не смущает. Никому не стыдно. Как будто, так и должно быть. Пропивается весь заработок, пьяными являются на работу или запьянствуют и совсем не приходят; пьют рабочие, пьянствуют десятники, спились служащие контор, пьянка продолжается ряд месяцев и вошла в систему (Правда Севера, 1932. № 203).

Пьяная отборная ругань всюду висит в воздухе, никого и это не шокирует, как будто, так и надо.

Пьет безумно не только коренной житель рабочий, пьет и сезонник, ссыльные – пришлецы с берегов Волги и Дона, житель степей калмык, башкир. Может быть, тут сказывается веление сурового Севера – потребность со-

греться, а может быть, и самый труд на лесу, тяжелый, бесконечный, неинтересный: окорка, выкатка, погрузка, разгрузка, пила, распиловка, сплотка, сплав, опять окорка, выкатка и т. д.

Как-то перепились все бригады лесокатов на 23-м заводе. Суд объяснил это тем, будто классовый враг спойл лесокатов, не гнушаясь выбором средств, сделал такую оригинальную вылазку (Ударник лесозэкспорта, 1932, № 44 – статья «Классовый враг не гнушается выбором средств»).

Водка и пиво здесь часто являются вроде как бы библиографической редкостью: выпивают все, не успевают подвозить. И так было, начиная с XVII века, как о том свидетельствует местный историк пьянства, которого специально на этой роли содержит КрайОНО.

VII. ТОРГОВЛЯ И ОЧЕРЕДИ

На стеклах и ставнях магазина № 12 ЦРК (центрального рабочего кооператива близ Красного Креста) перечислены разнообразные товары: мыло, масло, сыр, чай, сахар, кофе, свечи, колбаса, лимонад, фрукты, овощи и т. д. Вы жестоко, однако, ошибетесь, поверив этой рекламе, что-нибудь подобное и не думайте встретить в магазине.

Засиженные мухами коробки и пакеты с каким-то поддельным кофе, пудра, флаконы с духами, пуговицы, пара запыленных фуражек из дешевой материи, которые не полезут ни на одну голову, какие-то ремешки, замызганные сумочки, порошок для бритья, зубной порошок. В стороне хлеб и бочка из-под кваса. Сонная тишина: сонные мухи, скучающие служащие, вяленые одиночки-покупатели. Заглядывает зоркий глаз домохозяйки, обходящей ежедневно по несколько раз все магазины города подряд.

Трудно понять, как это происходит, какой могучий инстинкт руководит людьми, но буквально через минуту, как только появляется продовольственный товар, вроде огурцов в конце августа, или товар ширпотреба, например, чайные стаканы, магазин мгновенно осаждается, обыватель выстраивается в очередь за товаром. Последний через час, через два раскупается. Некоторые ловкие люди успевают обернуться в очереди два-три раза, другие расставляют в очередях деток. Таким путем им удастся получить три чайных стакана или закупить три кило огурцов.

Цены всюду разные, вольные, так сказать, цены. В одном магазине кило этих соленых огурцов стоило (1 сент. 1932) – 2 р. 50 к., в другом – 2 р. 10 к.,

в третьем – 1 р. 50 к., а в четвертом – 1 р. 20 к. И это на территории не более как 1 кв. километр.

На других магазинах широковещательной рекламы нет уже. Ограничиваются маленькой вывеской: магазин № такой-то Арх. ЦРК, магазин № такой-то Севводник, торговля Потребсоюза. Внутри то же самое: лозунги, плакаты, портреты вождей и очень мало товара, и везде товар почти один и тот же. Товар разнообразится лишь в зависимости от сезона: летом, например, в некоторых магазинах можно было видеть на выставке теплые дамские галоши, валяные сапоги; зимой можно встретить на этом месте летние дамские шляпы отжившей давно моды, коньки для зимнего спорта, крючки для рыбной ловли.

Лучше других снабжен соответствующим товаром спортивный магазин «Динамо», бойко торгующий спецобувью, свитерами, лыжами и т. д.

В любую минуту всякий товар в городе может оказаться дефицитным, а дефицитность может растянуться на протяженное время, иной раз на ряд месяцев. Сейчас нет во всем городе ни одного листа писчей бумаги. Ни за какие деньги вы не достанете шпагату, сковородку или чайник, не говорю о белой муке, о рисе. Плохо с карандашами. Нет чернил и т. д. Зато магазины завалены мылом, которого не было всю зиму. Правда, это мыло продается по дорогой, так называемой, коммерческой цене – хозяйственное по 2 р. за кусок (500 гр.), туалетное 1 р. 20 к. – 1 р. 50 к. за небольшой кусочек.

Торговля здесь организована так, что вы можете проходить целый день по магазинам, встречать в некоторых нужные вам предметы, и все же может случиться, что ничего не купите. Окажется, например, что вы не «прикреплены» к тому магазину, где нужный предмет имеется в продаже. В нем могут покупать этот предмет, например, хлеб, только прикрепленные, скажем – водники или специалисты. Часть магазинов превратилась в закрытые распределители, куда можно попасть посмотреть товар лишь по предъявлению особого пропуска. Эти магазины для лиц высокого ранга...

Почему бы, думаете вы, не купить к чаю или кофе печенье в своем магазине, в котором только что откупили ящики с печеньем, и не успела набраться очередь? Оказывается, дают печенье только ударникам. Они лишь могут баловаться или спекулировать тут же. Бывает и так: стоит за прилавком целая бочка с клюквой, знаменитой северной клюквой, которая здесь заменяет к чаю западноевропейский лимон и варенья. Просишь отпустить кило за 1 р. 80 к. (цена 1931–1932 гг.). «Вашу членскую книжку

дайте!» – спрашивает приказчик. Подаю. «Вы не внесли на пригородное хозяйство. Клюкву даем только тем, у кого полный пай и внесено на пригородное хозяйство».

Этот взнос надо делать каждый месяц, иначе теряете право на клюкву. Если в порядке взнос на неведомое хозяйство, в процветании которого вы заинтересованы очень слабо, у вас спросят показать квитанции на спецстроительство.

Нет, не так-то просто купить плоды развесистой клюквы. Между прочим, ни один приказчик не мог объяснить мне, что это за спецстроительство.

Архангельцы, по преимуществу, были торговцами, выдавшими виды, бывавшими за границей. Они были проводниками западной культуры в Московию. Но почему-то они не выучились у нас опрятности. В магазинах грязь угнетающая. Сор, вонь мало кого смущают. Изредка поворчит газета: «Кооператив содержится грязно, – пишет она, – на прилавке и на полу стоят лужи от рыбного рассола, селедка лежит рядом с хлебом. Продавец Марфа частенько своим знакомым отпускает товар без очереди. Обсчитывание и обвешивание рабочих вошло продавцам в привычку, были весы, которые обвешивали на 300 граммов. Самими рабочими была произведена проверка, и весы из кооператива изъяты» (Правда Севера, – 1932, № 168).

Продолжу несколько сетования корреспондента, характеризующие, скорее, самое производство, нежели торговлю: «Пекарня содержится грязно, на двух пекарей один халат, на котором втолстую (?) грязи, нет даже умывальника... Хлеб возят не закрытым, садится пыль и грязь».

На моих глазах архангельская торговля пережила еще два крупных этапа – в нее внедрилась колхозная торговля и закрепилась, так называемая, авансовая. На заре колхозной торговли, примерно в июне, в июле месяце разразился в газете шум: надо всемерно содействовать колхозной торговле, в очередях тоже пошли настойчивые разговоры – вот подождите, колхозники скоро привезут масла, молока, картофеля, мяса, авось снизятся рыночные цены.

Домохозяйки насторожились. Решили поддержать. Понастроили на улицах и площадях полков, ларьков, вроде скворешен. Вынесли из магазинов сюда предметы ширпотреба, главным образом, запонки, сумочки, ремешки, продукцию «Тэжэ» (Парфюмерная фабрика). Домохозяйки выстроились с ночи в очереди за маслом в колхозные ларьки и за мануфактурой, за селедками и прочим, что предназначалось для колхозников.

Нужно сказать, что колхозники время от времени (не очень часто) привозят на базар молоко, творог, мясо, но не помногу и продают немногим дешевле спекулянтов. Все это расхватывается на разрыв с боем в очередях.

Спекулятивные цены базара отнюдь не поколеблены. Спекулянтов лают в газете, ловят, в последнее время им, как врагам священной общественной собственности, грозят чуть ли не расстрелами. Но без спекулянта Архангельск жить не может, город привык к нему, спекулянт его кормилец и поилец. На месте изъятых из обращения появляются другие. Сама обстановка вызывает их к жизни. На этот счет не может быть никаких сомнений!..

Второй этап в архангельской торговле – аванс, укоренившийся без шума, но прочно. Товары из лавок стали выдавать лишь тем, кто внес заблаговременно деньги на приобретение магазином этого товара. Таким путем стало возможным обзавестись в августе ботинками, если вы позаботились внести деньги в январе. Авансы вносятся на неопределенный срок, неизвестно, каков будет товар, например, мужская или дамская обувь, на каблуке или без каблука, неизвестно, какая будет расценка... Расчетливый архангелец, как только получит жалованье, спешит в магазин занять очередь, чтобы внести аванс на рис или на овощи. В следующий месяц, смотря по потребности, вкусу и состоянию своих финансов, он вносит некоторую сумму на маргарин и на консервы. Потом записывается на пальто, на обувь, вносит аванс на горелки для примуса, вытряхивая последнюю десятку.

У архангельца деньги не ведутся: или он их пропивает, или отдает вперед за товар государству. А спекулянт из авансовой системы торговли извлекает новую для себя выгоду: он вносит в 8, в 10 магазинах авансы за те товары, на которые установлен известный максимальный предел взноса, и сотни рублей на прочие товары. Потом товар спускается втридорога на рынке тем счастливым, которые при деньгах и успевают у него купить.

Торговля, с точки зрения западного человека, довольно-таки своеобразная, даже необычная. Кооперативная торговля, пай, в которую вносится сообразный с заработком, и в которой все граждане обязаны быть пайщиками, за исключением адмвысланных, превратилась в государственную и ничем от нее не отличается. Частных магазинов нет. Исключение только для некоторых часовщиков и парикмахерских. Архангелец находит такой порядок вполне нормальным и даже удобным. Денег все равно нет и не будет на руках. Или их не выдает кассир, ссылаясь на задержки в банке, или жалованье переведут в сберкассу, откуда по частям не так просто удастся получить его,

а часть денег давно уже расписана добровольно на разные займы «решающего» и другие. Этот процент удерживают.

Существует еще один любопытнейший вид торговли в Архангельске – «Торгсин» (торговля с иностранцами). Так как приезжий иностранец, не приученный к здешним порядкам, не станет, пожалуй, стоять в очередях, воздержится покупать в кооперативах, где торгуют товарищи Марфы, для него устроен особый магазин. Здесь, не в пример другим лавкам, можно приобрести белую муку, которую архангельцам не дают и даже детям, прекрасное сливочное масло, которое туземцы не часто могут купить у спекулянтов, сахар в любом количестве, можно обзавестись костюмом, бельем, обувью и т. д. Но купить можно лишь на иностранную валюту или на русское золото и драгоценности.

Кому-то пришла блестящая счастливейшая мысль – позволить и туземцам покупать на золото в Торгсине. Оказывается, туземное население еще далеко не привыкло стеснять себя в пище; оказывается, и здесь есть люди, которые не прочь съесть белую булку или время от времени намазать хлеб маслом, купить на приличные брюки полтора метра материи. Густо пошел местный покупатель, понес броши, цепочки, шпильки и золотые монеты...

Так государство приобретает ненужное, совершенно излишнее для населения золото. И туземец не в убытке: то, что съедено, не отнимешь.

Самое примечательное явление в жизни города и, в частности, в торговле – очереди. Без очереди нельзя себе представить Архангельска, как нельзя представить древних Афин без праздной толпы Акрополя. Очередь здесь – организованное, глубоко внедренное явление. Без них туземцу, особенно домохозяйке, жизнь казалась бы, вероятно, слишком пресной, лишенной подвига и самопожертвования. Только здесь можно поделиться и услышать всякие новости, и даже такие, о которых молчит пресса, здесь процветает сравнительная свобода слова, в очередях складывается так называемое общественное мнение этого круга.

Моя хозяйка нередко встает в 1 час ночи, чтобы занять очередь, другие занимают ее с вечера. Часов в 5, в 6 утра хозяйку сменяет ее дочь, затем в 8 часов опять становится хозяйка (дочь уходит на службу). Часам к двум, а иногда и позже, она, наконец, выстаивает два кило мяса или 500 граммов масла.

В очередях засыпают, другие читают книжки или коротают время разговорами и перебранкой.

Очереди накапливаются страшные, скандальные. В общем, благодушные милиционеры (они получают в лавках товар вне очереди) принуждены бывают иногда разгонять толпу или умерять пыл страстей. Но блюститель порядка не всегда поспевает. Очередь копится как-то сразу, будто по радио кто-нибудь сообщил городу, что здесь привезли чулки или арбузы. Очередь нарушается, крик, давка, кто-то жалуется, что кишки все выдавили, у кого-то стянули бумажник.

А к магазину подходят все новые и новые люди, вылезают из трамваев, со словами: «Кто последний? Я за вами».

Становятся в затылок и потом спрашивают: «А чего дают?»

Оказывается, дают без аванса кедровые орехи. Так как орехи гнилые, о чем знают уже в очереди, а очередь большая, часть потихоньку ретируется, уходит на службу или в другой магазин, освобождая место новому притоку людей.

Некоторые с наметанным уже глазом хозяйки сразу узнают по характеру лиц, одежд, поведению, по утвари в руках – за чем очередь: за водкой, вареньем или за картофелем.

Чтобы очередь по возможности увеличить, боевой товар продают только в одном магазине. Это называют здесь специализацией торговли. Так, сыр, например, можно получить «свободно» (выстояв несколько часов в очереди) лишь в одной лавке, тетрадку школьник может купить тоже лишь в определенной лавке свободно по предъявлению документа.

Лишь в очередях познается человеческий характер, выносливость человека и его долготерпение.

Очередь не только в магазинах и у магазинов, она всюду. В очередь играют детки на детских площадках, в очередях тренируется у кино юношество, очереди в парикмахерских, в банях, в столовых, у железнодорожных и пароходных касс. Всюду жизнь! Грандиозна очередь за вином. Трудно что-нибудь сравнить с очередями за получением хлебных карточек.

Чтобы не было злоупотреблений при получении права на хлеб, необходимо предъявить заверенную домоуправлением домовую книгу, удостоверение личности, справку о работе или расчетную книжку, страховой листок. Хлеб желают кушать в Архангельске все каждый день. Право на получение хлеба выдается на целый месяц. Так вот: раз в месяц представители различных учреждений и домохозяйки выстраиваются в очереди с домовыми книгами, с листками служащих учреждений, с кипами документов. Отдельно

в особую очередь получают адмвысланные. Так как выдача производится в служебные часы и не всякое учреждение выправляет карточки служащим, так как служащие хлебопункта не сильно грамотны, не совсем быстро ориентируются в справках и удостоверениях, создается убийственная очередь. Вне очереди получают лица с портфелями и дамы с грудными младенцами. Находчивый народ при всех обстоятельствах сумеет вывернуться. Чтобы подойти к заветному окошечку, где выдают талоны, туземные дамы, сильные и выносливые «жонки» берут себе на руки таких младенцев, которых не всякий взрослый мужчина легко поднимет. Бездетные на некоторое время «на подержание» берут детей у многосемейных.

Но самые потрясающие очереди можно видеть на регистрации ссыльных «на тринадцатом» (комендатура ПП на Набережной ул., д. 17). Здесь, как тени из ада Данте, стоят, сидят и бродят по двору, вновь встают в очередь – в дождь и в непогоду – представители различных национальностей СССР, люди, не выдержавшие экзамена на социалистическую зрелость. Здесь у всякого своя скорбная повесть. Но и здесь вне очереди получают отметку о своей явке на документе высланные врачи, инженеры, техники и вообще люди, одетые получше и с портфелями.

Никому, должно быть, не приходит в голову – сколько же в очередях теряет рабочих часов этот город очередей.

¹ Павлин Федорович Виноградов (1890–1918), участник Гражданской войны, посланный в Архангельск для организации продовольственной помощи Петрограду, один из создателей Северо-Двинской речной флотилии. Погиб в одном из боев с интервентами и белогвардейцами; Чумбарово-Лучинский Федор Степанович (1899–1921), революционный деятель, поэт и публицист. Был депутатом от Архангельской партийной организации на X съезд ВКП (б). Погиб при подавлении Кронштадского восстания в марте 1921 г.

² Обелиск Севера открыт 7 ноября 1930 г. в честь создания Северного края. Представляет собой четырехгранную колонну и скульптуру помора с оленем. Автор – московский скульптор Иов Корнильевич Алтухов (1884–1970).

В. И. Смирнов

**ПИСЬМА
ИЗ
ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
с 31 мая по 25 июня 1941 г.**

В Архангельске осенью 1931 г. В. И. Смирнов был принят на должность научного сотрудника в недавно организованный Северный геологоразведочный трест и проработал в нем до конца своих дней. Создал там геологический музей, занимался издательскими делами, написал ряд статей о полезных ископаемых, ездил в экспедиции по Северному краю. Пинежская экспедиция 1941 г. по исследованию минеральных источников и газифицирующих ключей стала последней в его жизни.

Как и прежде, разлучаясь с семьей, он каждый день писал письма жене. Мы видим, что у него сохранялся интерес к археологии и этнографии. И были надежды, что еще когда-то в будущем он сможет использовать наблюдения, сделанные в этой экспедиции. Хотя он и задавался порой вопросом: зачем мне все это? Война застала его, когда поездка подходила к концу.

Письма В. И. Смирнова из экспедиции 1941 г. находятся в ОПИ ГИМ.Ф. 547, оп. 2, ед. хр. 50.

.....31 мая 16 часов

Милые котятка.

Ползу потихоньку к Усть-Пинеге со скоростью 5 км в час. В Карпогорах буду числа 4-го июня. Может быть, там и не остановимся, так как пароход, говорят, пойдет до Суры. Значит, останется 32 км до Сульцы, конечного пункта моей поездки. Еще раз буду в Карпогорах числа 10-го и проживу там и в ближайших местах дня 2–3. Таким образом, только 10-го я узнаю из твоего письма или писем, как разрешилась судьба твоя со школой и пионерлагерем, как здравствует Дружок, и прыгает Зайчик, и проч.*

Вы в лучшем положении, получая регулярно мои путевые очерки. Они, пока что не обещают быть занимательными.

Во 2 классе едут почти исключительно военные с семьями. Сержанты из Карпогор, с Усть-Покженьги и особенно военные дамы, закупившие в Латвии и на границе с Финляндией сумочки, часики – блеснут на побывке и прическами, и костюмами. Сюжет этот, впрочем, для письма мало занятный.

Другая компания моряков с Пинеги, тоже семейных, перепилась и все время горланит пинежские песни. Впрочем, поют лучше хора Колотиловой, в первом ее пошибе.**

В 3-м классе народ интереснее. Недаром А.П. Чехов завидовал тем, кто имеет возможность ездить в 3-м классе. Оставив П.А. Варзугина играть в карты (в подкидного дурака) с военными, я ухожу в 3-й класс или на верхнюю палубу и занимаюсь разговором с народом. И сейчас же беру на карандаш, что услышу для себя примечательного. Если я объеду все минеральные источники и газифицирующие ключи, о которых узнал, я не приеду до августа. Записная книжка пухнет и пухнет.

Варзугин вполне успокоился. Может быть, он и не рассчитывал на большее, чем 315 р. + 60%, а просто вымарщивал из меня. Поэтому и я не страдаю. А рыжего мальчика, если встретишь, и его почтенных родителей поставь, пожалуйста, в известность, что им не приходится рассчитывать на Пинегу.

В письмах, которые ты мне будешь писать, держись пока расписания, которое я оставил. Очень прошу не скупиться на бумагу и конверты.

Если бы не было такой шумной кампании, я положительно отдохнул бы в эти дни поездки до Карпогор, потому что делать мне совершенно нечего, даже послушать последние известия не могу. Хотя радиорупор и висит на стене в столовой, но радио не действует.

Сегодня обед я прозевал. Оказывается кухня в 2 часа дня кончает работу. Буду умнее вперед, а консервы поберегу.

Целую всех.

Радиослушатель

Вас. Смирнов

* Незадолго до начала войны был приобретен щенок по кличке Дружок, вскоре пропавший.

** Колотилова Антонина Яковлевна (1890–1962), организатор и художественный руководитель хора. С 1940 г. он стал называться Государственным академическим Северным русским народным хором.

..... 1 июня 1941 г. 9 ч.

Милые мои крошки.

День, проведенный без дела, для меня день, потерянный в жизни, если только этот день не употреблен на настоящий отдых. Пытаюсь отдыхать. Сажу больше на верхней палубе и смотрю на берега. Проехали вчера от Усть-Пинеги мимо берегов, сложенных известняками. Река здесь узкая. Берега покрыты хвойным хорошим лесом. На опушках вечером щелкают соловьи. Часто поднимаются утки, стайки куликов. В полном цвету ольха, разные ивы. Села с безглавыми церквями и деревеньки, вытянувшиеся на берегу. Сегодня утром мы уже ехали среди гипсовых скал. Белые и розоватые берега покрыты лесом, в котором часто видна лиственница.

Вот и все наблюдения с борта парохода.

Сейчас пристали в Вешколе, километрах в 20 от Пинеги, не доезжая последней. Пароход пристал прямо к деревне, без всякой пристани ткнулся в берег. Вижу новую деревню. Крыши раскрыты, дома без стекол, старая деревянная церквочка, очень напоминающая лявлинскую, но еще лучше, совершенно разрушается.* Население не может похвастаться хорошей одеждой, а маленькие девочки и мальчишки (меньше даже Тани) босиком. Как жаль, что Варзугин, которому я поручил еще в Архангельске, не зарядил кассет. Для Ивана Ермолаевича стоило бы снять новую деревню!

Еду, развлекаюсь, а мысль-то с вами. Неясность положения иногда может быть хуже горькой действительности. Я узнаю о твоих, мамочка, делах только при вторичном посещении Карпогор, когда спущусь туда из Сульцы... Самое тяжелое в моем путешествии именно это.

Все пассажиры 3 класса везут с собой хлеб, хотя на пристани в Архангельске мешки с буханками у ревущих баб отбирали. Но как-то угораздились умные пронести в чемоданах и ушатах. Теперь перекладывают в мешки. В районах с хлебом плохо. Рассчитываю на свое командировочное удостоверение.

Ну, мои родные, целую вас крепко. На палубе очень холодно, руки во время письма зябнут.

Начальник Пинежской геологической партии Вас. Смирнов.

(На обороте письма начало сказки про куличка и зайчика, написанной Смирновым для дочери).

*В селе Лявля Поморского района Архангельской области находится деревянная шатровая церковь XVI в. Летом 1939 г. в Лявле на даче жила жена В. И. Смирнова с дочерью.

Без даты

..... Карпогоры

Пароход, на котором мы выехали из Архангельска, довез нас до Карпогор и высадил. Перед нами стояла проблема отыскать место ночлега. Одна военная дама из Либавы с ребенком попросила нас помочь ей вынести вещи – маленький чемоданчик и еще что-то. Осведомившись, что мы беспризорны, она пригласила нас ночевать к ее родителю. Она сулила нам отдельную комнату и прочее.

Оказалось, весь дом дан стояльцам за исключением одной комнатки в три окошечка. Но в этой комнате вместе с хозяевами живут две девушки (работают в нарсуде) и пом-повара столовой, дама лет тридцати пяти. С нами набралось 9 душ. Мы сразу же повалились в уголку спать. Я был немало удивлен, проснувшись в 6 часов (во весь голос передавались последние известия), когда увидел с одной стороны Павла Аверкиевича, а с другой пом-повара. Узнав из последних известий по радио, что Крит немцы от англичан очистили, встал и ахнул: за ночь на четверть выпало снега.

На почте узнал, что пароход вверх ожидается в 12 часов дня. Сходил в РИК и в столовую. В столовой меню довольно однообразное – изо дня в день подают жареные соленые грибы и чай без сахара. Хлеба в столовой нет

Ассортимент товаров в продмаге интересный: синька, несколько насосов к велосипеду, портреты вождей, гитара, какой-то детский трикотаж, седло, соль, спички и хлеб по карточкам.

Пишу, пока П. А. Варзугин починает чайник. Хозяева уехали в Кевролу продавать дом (за 15 тысяч). Здесь замечательная стройка. Почти все дома двухэтажные. Много шестистенков и почти сплошь крестовые избы. Дворы сзади в одном срубе с домом из того же леса в обхват. Амбары, выстроенные против домов, и особый ровный порядок, обязательно на столбах такой формы. Это затем, чтобы мыши не залезали с земли в амбар.

Льшу себя надеждой, что когда приеду в Сульцу и начну полевые работы, погода изменится.

*те же в обхват. Амбары,
выстроенные против домов а
остатки ровный порядок избы
лишь на столбах такой фор
мы. Но зато, чтоб мы
ни не залезали с земли
в амбар.*

Целую вас, моих милых, и продолжаю про куличка.

Посылаю доверенность на всякий случай. Заверит и поставит печать <нрзб>.

(Далее продолжение сказки про куличка и зайчика).

.....3 июня 1941 г.

Милые мои ребяташки! Плыву без скандала третий день и сегодня рассчитываю быть в Карпогорах. Здесь и начнутся для меня испытания: пересадка, задача подняться на чем-то выше, кормежка. На пароходе все же последний вопрос разрешался просто. Начинает охватывать беспокойство – удастся ли эта экспедиция.

Павел Аверкиевич Варзугин некоторыми чертами своего характера удивительно напоминает известного писателя и исследователя Северного края, археолога Ивана Ермолаевича Бякова. Он все знает, все мировые вопросы для него давным-давно решены, апломб. Но он поумнее Бякова. Везет мне. Одно обстоятельство выгодно отличает моего коллектора от Бякова – любит услужить.

Вчера в Пинеге, пока стоял пароход, успел забежать к вдове Ив. Дан. Аншукова. Она превратилась в совершенную щепку. Может же так человек от горя, а, может быть, от недостатка в питании похудеть и постареть меньше, чем за два года. Старший сын прохворал всю зиму, сейчас болеет цингой.

Побывал в двух универмагах Пинеги. Много детских шапочек, имеются искусственные цветы, перец, галстухи, агитационная литература и черный хлеб по карточкам, несколько художественных произведений по цене 19 р. 75 к. за штуку, соленые грибы. Кажется, весь ассортимент.

Мои соображения, что по мере продвижения к югу по р. Пинеге в июне месяце будет погода мягче, не оправдались. Дождик, ветер, по берегам лежит снег. Хорошо, что я одет в ватированную одежду.

Сейчас я только оценил хозяйственные способности моего коллектора. У него, оказывается, с собою всякий инструментарий: и шило, и клещи, и топорик, ножи, иголки. Он прекрасно починил мне у сумки застежки на карманах.

У тебя сегодня педагогический совет, на котором решится вопрос о девятом и десятом классах, а с ним и о дальнейшей программе жизни. Как-то ты вылезешь?

Почему-то вспоминаю о зубке новом Танечки. Как подвигается его рост и направление. Может быть, потому вспоминаю, что на пароходе множество ребят самого разнообразного возраста. Я познакомился с Ниной, Мишей, Соней, Вовой и другими.

Ну, будьте счастливы и благополучны.

Целую крепко.

Вас. Смирнов.

(Далее продолжение сказки про куличка и зайчика).

..... 4 июня 41

Милые зайчики.

Подъезжаем к Верколе. Здесь был монастырь Артемия Веркольского. Вся заслуга последнего в том, что его убило молнией, когда он пахал. По народному представлению, убитые молнией – святые, так как молния убивает черта, спрятавшегося в человека, и тем самым человек молнией очищается.

Несет снежок. Но все же день сегодня лучше, чем вчера, когда снег, дождь с ветром не переставали во время посадки на пароход «Курьер». Посадка длилась около 8 часов, и все время публику держали на ветру. Потом обычная история с билетами на места в каютах. Кассир по благу выдал билеты позднее севшим лаговским работникам. Еду в 3 классе. Воздух железного цвета.

На открытой верхней палубе довольно свежо, и долго писать письмо не смогу.

Едем до Суры. Там еще пересадка, и, может быть, на лошадях 35 км до Сульцы, конечного пункта моих скитаний.

У меня вышли все конверты, а так как клей я забыл взять, отправить письма становится затруднительно.

Одна еще неудача. Сегодня сонный каким-то образом продал стекло на часах. У Варзугина нет часов. Как я буду замерять дебит, не представляю. Ну, как-нибудь и что-нибудь придумаю.

Как-то твои дела?

Между прочим, «Курьер» – старая речная калоша, которая тащится с быстротой 2 1/2 км в час. В Суру приедем только завтра.

Целую и прочее.

Ваш Пржевальский

- В Западном лесу со
мной на Краваджу, Стн.
Закрась глаза и "Умелые
орел дамаст".

ога Засем паюф

Куличек

Зайчик

(Далее окончание сказки про куличка и зайчика).

Отрядил Варзугина за яйцами, а сам жду чай на квартире. Старушка в красном повойнике прядет на мезенской прялке. Дочка ее, секретарь сельсовета, принесла мне хлеба. А хозяин-старик, мой проводник, рассказывает, как он «шьет» туеса. Способ, мною не описанный в той статье, которую отослал Зеленину...*

Принужден быстро закончить письмо. Проводник торопит завтракать и идти.

Но и из этих нескольких строк, вы сделаете вполне правильное заключение, что я жив и здоров и что люблю вас по-прежнему.

Целую.

Вас. Смирнов

P.S. У тебя сегодня закончилась учебная страда. Поздравляю. Но не уверен, как дело обстоит с 9 и 10 классами и с лагерем. Не то что не уверен, а уверен, что неважно, и потому сочувствую и не советую расстраиваться.

*Смирнов послал в 1940 г. две своих статьи Д. К. Зеленину, этнографу, профессору Ленинградского университета. Одна из них – «Северорусское орудие для сбора ягод» – была опубликована в журнале «Советская этнография» (1941, № 5. С. 149–150). Другая – «Архангельские туеса», – видимо, осталась в архиве Зеленина и потом попала в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру). Сотрудник музея А. М. Решетов опубликовал ее в журнале «Живая старина» (2000. № 3. С. 46–48).

5 июня 1941 г.

..... Сура́

Сура́ – это конгломерат ряда деревень, раскинувшихся по реке Пинеге близ впадения реки Суры. Эти отдельные деревеньки здесь зовут околотками.

Сейчас я сижу в д. Остров, а Варзугин ушел в д. Погост за 3 км на почтовую станцию.

Кроме пешего пути на Сульцу, куда мне надо попасть, можно добрать-ся только на почтовых. Пароходы от Суры до Сульцы пойдут через несколько дней.

Был в колхозе в соседней деревне Поганец, теперь переименованной в Городец (а речка Поганица – в Мысовку). Там охотно дают верховых лошадей до своего соленого источника в 7 км от деревни. Может быть, сначала придется сделать эту операцию, потому что лошади почтовой станции на посевной кампании.

Первый теплый день. Сажу я на пенке, на дюне, в сосновом лесочке. В деревне, слышать, поют петухи, а в лесу кукует кукушка и заливаются – поют разные птицы.

В болоте цветет кассандра, северная мирта, вечнозеленая, цветет белыми цветочками, на полях выросли пestyшки. А раз видел какой-то кустарник без листьев, но с цветами, очень напоминающими и запахом, и видом, цветы сирени. Положил 3 веточки в бумаги в своей сумке.

Как здесь хорошо. Вот бы где жить на даче!

Рассчитывал я, что мой коллектор подъедет с бубенцами. Возвратился он, однако, с пустыми руками. Лошади на посевной кампании. Могут дать только завтра.

Решил опробовать источник на Поганице в 7 км от деревни, а завтра в Сульцу (черт бы ее побрал!). Опять разговоры о лошадях, о проводнике в колхозе, а главное насчет жрениды. Молока в деревнях нет. Бескормица и поставки на молокозавод. Зато обещали яиц и мяса килограмма 2. Хлеб тоже отпускают. Одно дело, однако, получить разрешение, другое самый продукт.

..... 6 июня 41

Милые кулички и козявки.

Я все еще до Сульцы не добрался, и это потому, что не препятствую страстному желанию своего коллектора устроить нас с подводой. Он, хотя и с Ваги, но мужицкую дипломатию и такт мало понимает. Впрочем, наши взаимоотношения не портятся. Я позволяю ему власть рассказывать проводнику, как в Швейцарии разводят благородную рыбу, и не препятствую закупать ему продовольствия, сколько вздумается. А поесть он любит, и благодаря этому с питанием я устроен. Правда, я не разделяю его вкусов: он ест сырое мясо, отрежет большой ломоть, посолит и ест...

Вчера брали газ. Ходили по лесной дороге – всего километров 14. Должно быть, свежий воздух так действует: у меня прошли все недуги,

даже насморк. Места очень живописные. Птицы прямо осатанели. Поют непрерывно своим бабкам песни. Видел группу 6 зайчиков. Белые хвостики, штанишки и брюшко. Остальное потемнело. Резвятся у лесочка на лугу, а один в сторонке, сторожит. Очень близко подпустили. Дичь не пуганая. На другой стороне речки живут конюхи, говорят про зайцев, что они к ночи каждый день выходят на этот лужок играть.

На кустиках сохранилась прошлогодняя брусника. Вкус замечательный. Обжигает горло и пьянит. Вот, должно быть, концентрат витамина С.

Цветет купальница, дикий лук (посылаю), девятиперстник. Вы еще не знаете, что такое девятиперстник. Привезу. По осени на этом кустарнике вместо сиреневых цветов будут красные ягоды. Здесь много черной смородины.

Какой это интересный край. Одни названия чего стоят: Кеврола, Веркола, Лавела, Летопола, Мела, Шушпала. Мне кажется все, что я когда-то в детстве в Бремболе эти названия понимал.* Не могу освободиться от навязчивой мысли, что это родной язык моих предков. Может быть, это и так.

Но вот никак не могу понять – какого элемента больше в здешнем населении: финского или славянского. Много рыже-красных высоких мужиков. А говорят: «ходя» (т), «гуля» (ет), «потоу» (дифтонг). Новгородцы, должно быть?

7-е июня

Спешу закончить письмо. До Сульцы добрались кое-как, не без приключений, о которых расскажу потом.

Сейчас прилагаю все усилия, чтобы купить лодку. Лодками, вопреки уверениям в Карпогорах, здесь небогаты. Жду сейчас одного гражданина. Если удастся купить, значит, все в порядке. С каждым днем буду подвигаться все ближе и ближе к вам, моим милым, которых целую крепко.

В. Смирнов

* Село Большая Брембола под Переславлем-Залесским – родина В. И. Смирнова. Название считается фино-угорским.

Может быть, это старческая болтливость, что вот каждый день что-нибудь да напишу. А, может быть, потребность высказаться, потому что с коллектором я давно все переговорил.

Был такой умный боярин при Василии III, князе Московском. Он говорил великому князю: «Не заводи, князь, себе советников умнее тебя». А я, зная этот совет, завел себе самого умного, все знающего коллектора.

Приходится философически относиться ко всему и делать все самому.

Мы могли бы просидеть целую неделю в Сульце, если б я не взялся за дело поисков лодки сам. Завтра лодка будет, и когда я сяду на нее и буду с каждым взмахом весел подвигаться к вам, я смогу сказать, что половина дела сделана.

За время путешествия я еще не голодал, смертельной опасности не подвергался. Правда, два раза переезжал через бурные разлившиеся речки на плоте, а это не такое приятное занятие, и один раз переходил через такую реку по дереву, кружилась голова над стремниной.

Хорошее настроение не покидало меня даже после 30-километрового перехода. Но в конце оно уже не было лирическим.

Сульца большое село. В 1918 г. две трети сгорело. Поэтому стройкой село не похвастает. Дом, в котором мы остановились здесь на 2-ю ночь, из сохранившихся во время пожара, постройки 1877 г. Культ коня: охлупень с замечательным коньком. Выпускные бревна с конями, спишники тоже с конями. На прялках кони, гребни с двойными конями и т. д.

Наличие умного коллектора меня стесняет по части этнографии. Я часто воздерживаюсь от тех или иных вопросов. Но так как хозяева безудержно болтают с ним, успеваю кое-что увидеть и записать. Не знаю, зачем это мне нужно? Я узнал, что цеп здесь называют приу́з, палка, за которую держатся во время молотьбы, называется ратовище, кодега, связывающая ратовище и дубец, носит название пúтча (пúтця). В ратовище сверху долбятся дырки, а у дубца зарубка.

Терминология в ближайших селениях разная: завóрог на Суре, на Сульце верелог. Так называемые затворы в полевых воротах. Обголов и мáтка называют части граблей с зубьями.

Если бы здесь вплотную заниматься этнографией, очень много можно было бы собрать интересного, хотя здесь побывало немало этнографов и фольклористов. На стене висит фотография певиц, снятых, по видимому, экспедицией Романова.

Перед пожаром 1918 г. одному привиделось, будто идут по селу три девицы в красных сарафанах. «Смотрю я, – рассказывал он, проснув-

шись, – подошли они к дому, поклонились, потом повернулись и назад пошли». А днем весь конец сторел до этого дома. Бродячая легенда.

Мы пришли в Сульцу ночью и постучались в первый дом. Не отвечают. Толкнулись – открыто. Стали дожидаться хозяев. Такая здесь простота и честность. На дороге раз я видел воткнут хороший топор. Никого кругом нет. Но собаку мои хозяева держат. Заплатили за нее 80 р. Вот бы сюда нашего Дружка!

Наблюдательность населения удивительная. Я взглянул как-то на образа литые и продолжал писать письмо. Позднее хозяин спросил меня в лесу, в разговоре, между прочим: «Чего ты все пишешь? Даве образа что ли описывал?». И все выспросят: женат ли, есть ли детки (живут ли детки), сколько получаешь? Где квартируешь? И т. д.

Здесь бескормица. Только что выгнали отощавший скот. Много коров теряется. Издыхают в лесу. А так как идет еще контрактация молока, то ни за что не достанешь литра. Только в одном месте это удалось. Яйца 11 р. десяток.

Ну, прощайте, мои родненькие. Не забывайте старого бродягу.
Целую.

В. Смирнов
8/VI-1941

.....8/VI
Милые поросята!

Писательский зуд продолжается.

Сижу в Сульце. Коллектор чинит худую кривобокую лодку, которую с превеликим трудом достали.

Сюда надо ездить с запасом махорки, водки, конфет и чаю. За один тюбик махорки платили по 20 руб. Большую радость доставляет наш чай и леденцы, совершенно слипшиеся в один комок. Завариваем понемногу. «Потоне, так поболее» (будет), – говорит хозяйка. «Скуп – не глуп, добра себе хочет».

На товар можно было бы вывезти всякой этнографии.

В Сульце стоянка на поле «Подгórско» у реки Сулы. Хозяйка Ир. Спиридоновна Булыгина нашла громовую стрелку, в середышке толстая, один кончик тупой, а другой – вострый. По бокам рубешки, как у петуха.

По-видимому, пыльчатая. Я нашел только небольшой нуклеус и осколки кремня. Очень спешил.

Половина церкви занята школой, в другой половине клуб.

В сельсовете в качестве пепельницы служит дискос. Книг старых и рукописей в селе нет. Один держал библию, так его выслали.

Не могу никак расплатиться за лодку. Приду в правление колхоза, стоит «сторож» – палка, прислоненная к двери, знак, что никого нет. Как в Золотице.*

Наконец, застал жонок с ребятами. Оказывается, председатель ушел за реку на поля, а у счетовода выходной. Жонки ушли и оставили меня одного.

Вот силу и из окошечка
ка Зарчеванки Ваш
Окношечка дамь.
В магазине лес-
промторга. Киди. 5

Вот сижу и из окошечка зарисовал вам охлупень дома.

В магазине Леспромторга, куда, я вижу, пошел коллектор за белым хлебом, ассортимент товаров довольно странный: шесть коробок с зубными щетками, 5 велосипедных насосов (в деревне нет ни одного велосипеда. Велосипедист приезжал в деревню только один раз), щипцы для завивки волос и несколько светилен для ламп. Перец. В соседнем магазине сельпо, кроме того, имеется большая, в рост человека, балалайка.

Все ждут парохода снизу. Это будет последний пароход, который забросит сюда товары, так как завтра поставят 7 запаней, и пароходы уже не будут подниматься вверх. Что завезет, то и будет болтаться в магазинах до новой весенней навигации.

9/VI.

Дописываю письмо в Суре. Мне казалось, что как только сядем в лодку, наши затруднения закончатся. Нет. Начались новые огорчения. Вопрос, где оставить лодку, если надо зайти в деревню, очень важный.

Спешу опустить письмо. Продолжу в лодке.

Целую

В. Смирнов

*Во время отпуска в 1936 г. Смирнов с женой и маленькой дочкой занимался археологическим обследованием берега Белого моря в районе Зимней Золотицы.

В нашей Фоюво неважно
Кухниче и осколки кремня.
Очень спешил.
Половина церкви са-
моба школа, в другой
половине клуб.
В сельсовете в качестве
пепельника служит дискос

9 июня 41 г.

.....д. Остров

Милые мои. Продолжаю свой геологический дневник, в котором геологии совсем не отведено никакого места. Это дневник забот о пропитании, о вещах, о бане и о разных деревенских впечатлениях.

Мои темпы и устремления не всегда сходятся с плановым расписанием моего коллектора. Вчера бедняга говорит мне: «Так что же это мы недосыпаем, не доедаем! Во имя чего?». Он ехал отдохнуть, предполагая только приятный вояж. Решил дать ему выспаться, хотя дела очень много с погрузкой багажа и т. д. Сейчас 11 часов, он еще покоится в своем спальном мешке.

Впервые в жизни я спал в таком мешке, и нахожу, что это прекрасное изобретение. Мы приехали сюда, когда только что встало солнце, толкнулись в дом, где оставили свой багаж. Оказался не заперт, достали из кладовушки мешки и устроились на повети. Хозяева не слышали. Утром покрыли нас одеялом своим. Этого мы не слышали.

Честность, как и полагается ей быть у всех малокультурных народов. А культуры немного. Бабы и мужики самым откровенным образом выполняют свои естественные потребности, вроде, как наш Дружок в очередях.

У перевозчицы девочка Анюта лет 13-ти, кончила 4-х классную школу. Отличница по всем предметам, хочется ехать учиться дальше, да мама не хочет. Говорю матери – надо везти Анюту в Нюхчу в школу. Тут при всех и при дочери она мне отвечает: «Не на што везти, я ведь их (ребят) в девках наносила, зауголыши».

Мужика взяли в армию. Бабенка за это время прижила ребеночка. Возвратился муж, зауголышка очень бы хотел записать под своим именем. Но баба настояла на том, чтобы он носил имя действительного отца. Последующее издание трудов носит уже фамилию отца. Чувство ревности, к счастью, неизвестно. Все это естественно и просто.

Первое впечатление от деревни – нужда из всех щелей лезет. Не говорю о стройке, она совершенно опустилась. Трудно себе представить, как плохо одеты в обычное время. Только обувь хорошая. Дает лесосплав. В праздники на половине баб такие же ватные куртки, как у меня, и сапоги такие же. Старухи в шуйках с борами, повойники. Молодежь в праздник одета по-городски. Ходят с гармониями по улице рядами.

Поют песни. Деньжонки у населения, говорят, есть (живут), но купить нечего. Мануфактуры нет – вытащили станы. Ткут.

Поля еще не запаханы (пашут бабы) и не засеяны. поголовье лошадей в некоторых местах сократилось на 75%. Коров не в колхозном стаде, а своих, немного. И кормить нечем. Старые чашобы, где ставили тысячи стогов сена, скосить не успевают, зарастают лесом.

Здесь сушат снопы на пряслах, которые устроены на всех полях. Районный председатель колхоза, украинец. Нашел, что это лишнее. Сломали и истопили прясла. Теперь, после горького опыта, строят новые.

Метеорология для меня сейчас играет самую важную роль. Дождик и ветер заставили нас призадуматься, решили переждать. Коллектор, как камень заснул, а я разговорился с хозяином.

В верхнем конце деревни, у амбаров и бань, сказал он мне, на «громовых песках» часто находят громовые стрелки. Сходил туда. Стоянка с мастерской. Зольный культурный слой с массой осколков кремня. Нашел два скребочка. Черепков не видно. Очень разрушена и засорена, как у Мискова под банями, эта стоянка.*

Видите, историческая ценность моих писем повышается.

И еще: на городской слуде, где жила чудь, следы вала, рва и полей. Город разорил кеврольский воевода. Расположен городок на излучине реки, а сзади старица, на высокой горе.

На р. Сульце нашли ножную часть кости мамонта, хранилась долго в исполкоме (сообщил Гр. Мар. Дунаев). А я был в Сульце, разговаривал с председателем сельсовета и не спросил его.

Ну, хватит. Здесь и на почтах гуммиарабик заменен картошкой (вареной). Запечатываю картошкой письмо и целую вас, счастливец вдвойне – вы не на геологических исследованиях и вдобавок можете слушать последние известия.

Начальник геологической партии

Вас. Смирнов

---

*Мисково, поселок в Костромской области.

..... 10 июня 1941 г.

Жив. Нахожусь в полной власти стихии, коллектора и нищеты деревни.

Северный, противный нам ветер с дождем и снегом. В неподвижном состоянии на лодке положительно коченеешь. Отсиживаемся в деревне. Слушаешь бесконечный рассказ и удивляешься памяти рассказчика, до мельчайшей подробности восстанавливающей картину прошлого. Он назовет имена самых второстепенных героев рассказа, их занятие, одежду, как пили чай. Все это к основной теме не относится. Если терпеливо слушать, рассказ длится часами.

Не разберешь, кто из нас начальник партии, кто коллектор. Но я не сую, приученный давно быть под чьим-нибудь каблуком. Тем более, что Павел Аверкиевич по части практической много даст мне очков вперед. К лодке пришлось делать набойки, по доске с каждой стороны, так как под грузом нашего багажа она сидела краями как раз до самой воды. Теперь наше судно вполне надежно. Он может попросить грибков, картошки, луку и т. д. там, где у меня не повернется язык.

А в деревне, чем больше я присматриваюсь, тем больше вижу нищеты полной. Столько нищих, побирающихся христовым именем, я не запомню даже в царское время. Не говоря о том, что здесь плохо с хлебом, с картофелем тоже неважно. Что было лишнего, скормили скоту. Зиму прожили на картофеле и на грибах. Сахару не видали с марта месяца. Молока вследствие бескормицы нет. Между тем, надо выставить с каждой коровы 220 литров по контрактации...

И ничего нельзя купить, хотя у населения деньги есть. Река Пинега — рукав, зашитый у плеча запанями на все лето. Поэтому нет подвоза.

..... 11 июня
Суровая погода миновала. День, хотя и не теплый, но ясный, и ветер встречный не силен. Плыдем потихоньку к вам. Плавают гагары, утки, на берегу вижу черного дрозда и каких-то распевающих пташек. Чудесные леса.

Ниже деревни Засурта на песчаных дюнах вылезли. Стоянка тянется метров на 300 по берегу реки Пинеги. Мастерская. Масса осколков кремня. Местный житель, присевший к нашему огоньку, говорит, что стрелки здесь частенько нахаживали.

Под церковью (теперь клуб «1-е мая») в с. Лавела торчат из берега человеческие кости на метр от поверхности. Здесь коллектор раздобыл хлеба и свежей рыбы.

Так и плывем по течению. Деревня Гора на дюнах. В одном конце осмотрел их, но не обрыбился ни одним скребочком. В устье реки Явзоры сварили уху из ельцов и согрели чайничек. На реке тихо, чуть подул попутный ветерок, мы ставим парус и едем 8 км в час к устью Сямменьги. По-своему я тихо счастлив, хотя разные заботы и не покидают меня.

Мне совестно лишь, что я один без вас слушаю звон ручейков, ток бекаса, люблюсь берегами: набухают почки, скоро зацветет черемуха.

В свое оправдание счастливого человека скажу одно: я вас очень, зайчата, люблю. Целую крепко до завтра.

Инж.-газовик

Вас. Смирнов

13 июня

..... В лодке

Милые мои. Вчера совсем не писал вам. Проехали 80 с лишком километров. Вез с собой давно написанное письмо, но негде было его опустить. Видимо, вместе с этим опущу в Карпогорах, к которым мы двигаемся с парусом.

И чем ближе подъезжаем, тем больше охватывает меня беспокойство — живы ли вы там, и все ли благополучно.

Пока едем без особых приключений. Позавчера в деревне Карпово старик позвал меня ночевать. Ночь была светлая, коллектор остался в палатке у лодки, а я соблазнился, пошел. И не уснул: старик всю ночь во сне стонал, а старуха громко портила воздух. Напали клопы. Я думаю, что достаточный запас их я вывезу в своем спальном мешке в Архангельск.

Сегодня ночевал первый раз в палатке. Внутри нарубили хвои и прекрасно проспали в своих спальнях мешках.

За день что же я повидал? Устье Сямменьги, устье Юлы, ничего подходящего для стоянки, как я ожидал. Видел, как кукушка кукует: кукнет и поклонится, кукнет и поклонится. Видел дятла. Когда меня заметил, перебрался за ствол и продолжал свое дело. Видел бесчисленное количество уток, гагар, куликов. Был в Веркольском монастыре. Разрушен. Стекла у прекрасных зданий, которые можно было бы подо что-нибудь

с паруском. Наф
Камн. Щелью с се-
ленни Щелью карпо-
гов г. Церкова гора,
где живут горшеч-
ники. Взял здесь
глину. Раньше бы-
ла наклепная тех-
ника, теперь на
подвижном круге
делают.

приспособить, выбиты начисто. Растут мо-
лодые кедровые. Воспитанники детдома их
обломали и т. д.*

С северной стороны в горах лежит
снег. А день теплый. Едем с паруском. Вот
вам церковь в селении Щель напротив де-
ревни Церкова гора, где живут горшечники.

Взял здесь глину. Раньше была наклепная техника, теперь на под-
вижном круге делают.

Причалили к Кевроле, упоминаемой в Калевале. Кеврола – 15 дере-
вень, слившихся полями друг с другом. В деревне Горка сохранились
остатки крепостного вала метра два высотой на реку. Бывший город
распахан. На противоположном берегу Пинеги Щелья (гора) называется
«Городище».

Маремьяна Ильинишна Черемная, кеврольская дама в бездонных (ху-
дых) сапогах, лет 58, привела нас на «Золотой родничок», целебный
источник от всех болезней, особенно детских и глазных. Раньше кре-
стики и образки с груди вешали. Взяли пробу. Умылся – может быть,
помолодею.

«Живем дородно, – говорит Мар. Ильин., – сыты, бока не биты. Разве
сын когда побьет, а раньше муж порато бил».

От этой бабы можно бы много узнать хорошего. Северин-трава (чарус),
когда ноги гудут, так припариваем, а троелистник (трефоль) от грыжи
хороша».

Ребята уже купаются в карстовой воронке («Урга»).

Подъезжаем к Карпогорам. Напротив с. Немнюга с красивой старой
деревянной церковью под охраной Главнауки. Однако два придела уже
«раскопали», как говорят здесь.

В Карпогорах опоздали к почте, и я остался опять в неведении о вашей
судьбе – живы ли вы. Сварили на бережку картошки, покروшили луку
и с маслицем полопали.

Я не рискнул ночевать под дождем, пошел в Карпогоры, а П. А. остался
у лодки. Всю ночь и сейчас, 14 июня, идет дождь.

В Карпогорах мне рассказали, что на речке Пóпала (впадает повыше
деревни Щелги с левой стороны в р. Пинегу) у мельницы с левой сто-
роны в бору на песках была найдена сестрой Т. А. Могутнова кремневая

стрела в 2 вершка длины. Утеряна (передавал Т.А. Могутнов). Около, значит, той церковки, которую я нарисовал здесь, а мы проехали стояночку, ничего не подозревая.

Получил сейчас твои два письма. Как я тебе благодарен. Спасибо. Поцелуй себя и девочку за это! Только зачем ты так мучаешься всякой работой. Хоть летом-то немного отдыхай, увеселяй себя хотя бы Колотиловой. Я каждый день здесь могу это проделывать.

Получил 2500 р. денег, не знаю, куда их девать. Воллосович не приехал сюда.**

Сегодня выезжаем вниз. В дороге, если перестанет дождь, напишу.

А пока еще раз целую крепко и сладко.

Юный натуралист

14/VI.

P. S. В Чаколе получу твои следующие письма.

Вас. Смирнов

*Артемиево-Веркольский монастырь основан в XVII в., но вследствие частых пожаров большая часть строений возведена была во второй половине XIX – начале XX в. Монахи были расстреляны и монастырь разорен в 1918 г. Позже в нем размещались различные учреждения. Возрождение монастыря началось с начала 1990-х гг., во многом благодаря усилиям вдовы писателя Ф. А. Абрамова, уроженца села Верколы.

**Воллосович Константин Константинович (1909–1973), геолог, гидрогеолог, геоморфолог. С 1931 г. работал в Северном геологическом управлении, с 1940 г. руководил сектором глубинного бурения на нефть и соль. Арестован 30 декабря 1941 г, осужден по ст. 58, п. 10 на десять лет заключения. Отбывал срок в Красноярсклаге на лесоповале. Освободился в 1952 г. Потом работал в Воркутинской геолого-разведывательной экспедиции, а с 1960 г. был на исследовательской работе.

14 июня 41 г.

..... В лодке
Милая, родная моя мамочка. Какая радость, что я получил два твоих письма – точно повидался.

В Карпогорах все дела обделал. Только не заверил один счет на 5 руб. Прасковьи Ивановны Макаровой за то, что стерегла лодку, пока мы уходили. Если не примут его, не стану жалеть: она принесла нам тарелку грибов и спела одну песню. Славилась по Нюхче как лучшая певица. А муж рассказывает бывальщины (былины) и сказки (Михайло Климович

Макаров). Голос у нее «нетолстый», «повороты не так полого делаю, пою в проход». Ей 51 год, неграмотна. Спела она:

*Свели в поле светуцки,
Свели да споблекли».*

Записал. Выселили ее в 35 г. за то, что поля не засеяла, и дали полгода принудработ, «обсудили». Принудработы «жила» только 4 месяца, 2 скостили за хорошую работу. Теперь живет дородно, хлебец есть. «В колхоз не хочу, больно плохо работают. Кто переробит на людей, кто недоробит в колхозах. Страдой робим, рыбу ловим, а они (колхозники) на пожнях повалятся. Одна поеду, больше наставлю».

Всякой этнографии здесь на берегу и в лесу хоть отбавляй. Разные лесные люди подходят к нашему костерку. Разговоры о сплаве, о бонах, такелаже. Сплав здесь по-другому организован, нежели на р. Костроме, с которым мы в свое время познакомились. Но я потерял уже вкус к этому сюжету и не вникаю в суть дела. Как не был очарован и рыбобразодным заводом на р. Пинеге пониже Карпогор, километрах в 4.

П. А. Варзугин, строивший этот завод, в деталях знает дело, называет цифры годовой производительности завода – 10 миллионов мальков и т. д. Оказывается, и здесь, как и в других местах, неполадки разные мешают. Выпустили только 1 миллион двести тыс. штук. Видел рыбешек, только что вылупившихся из икринок. Еще икринка не отвалилась, а они бегают по ящикам, плавающим в воде реки с сетками по бокам. В каждом ящике (метра два длиной) их 60 000 душ.

Ниже заводи сильный встречный ветер сломал у нас мачту. Пришлось переждать на берегу у д. Чернильница. К огоньку присел лесной таксатор. Разговоры о лесохимии. Ругает некультурных пинежан. Сам из Онежского района. Говорит, что пинежские похожи на комиков, с которыми соседят.*

Теперь у нас косой парус. Удивляюсь своему коллектору. Он прекрасный капитан, речное судоходство знает в совершенстве. Он и фотограф. Снимает без треноги, с брюшка. Наша «Брахиопода», как он окрестил лодку, двигается дальше. Густой туман заставил нас причалить к баракам рабочих по подсечке. Они почти пустые, благодаря тому, что завтра выходной день, ушли в деревни. Будем ночевать здесь, тем более, что здесь можно помазать сапоги дегтем, наточить топоры, напиться чаю из котла уже вскипевшей воды.

Опустил сказать, что фотографируем только геологические сюжеты. По понятным соображениям в Шатовой горе не сняли две билибинские церквушки, еще не раскопанные.

*Вероятно, имеются в виду или коми-зыряне, относящиеся к финно-угорским народам.

15 июня

.....Мартегорский мыс

Следующая остановка у нас у деревни Березник, где мы побудем подольше. Посмотрим рифовые известняки и т. д. Денек чудесный. Кругом могучие леса и такая широкая, еще не обмелевшая Пинега. Сейчас спокойная, лес еще не гонят ни молью, ни плитками. Жаль, конечно, что Короленко уже написал «Река играет», а Максим Горький – «море смеялось». Повторяться не хочется. Но видами я объелся. Только эстетика у нас с капитаном разная.

Перечитываю твои письма. Милая моя, обо мне не беспокойся. Из писем ты видишь, что за меня кто-то молится, еду без скандалов и кораблекрушений и все ближе и ближе к вам. А вот о себе следует подумать. Ты себя плохо чувствуешь, потому что переработала, и теперь надо не юбки перекраивать и гладить до часу ночи, а отдыхать. Просто полежать и необязательно в это время читать Гоголя. Развлекись еще чем-нибудь вроде Колотиловой. Постоянное напряжение едва ли хорошо для зимней работы будущего учебного года, которая уже сейчас заботит тебя сверх нормы.

Опасаюсь, что тебя всадят в пионерлагерь, а там измучают ребята, от воспитательной работы с которыми ты не удержишься. Съездите с девочкой куда-нибудь на пароходе. Возьмите с собой пряников и чего-нибудь покушать.

За один теплый день нельзя уже увидеть здешнюю природу. Все позеленело. Цветут анютины глазки, волчье лыко, купальницы и др.

16/VI.

.....Под д. Кургой. Хвойный ручей

Здесь вчера нас задержала первая гроза (в половине июня). Потом нашли газ, но такой подлый – бились с ним несколько часов, а затем пошел непрерывный дождь, почти непрерывный на вечер и всю ночь. В спальном мешке под палаткой это доставляет даже удовольствие.

Старик-рыбак (82 года) И. Петр. Кобелев дал нам 10 ельчиков. Сварили уху, что несколько поразнообразило наше меню, обычно в последнее время состоящее из картофеля с грибами и масла постного.

Сегодня сварили кашу и чего-нибудь раздобудем в деревне чуть ли не христовым именем.

Не знаю, где и когда удастся опустить это письмо.

Целую крепко ваши мордашки.

Смирнов

16 июня

..... Под д. Кургой

Милые мои красавицы в кокошниках и без них, пока варится каша и идет осенний дождик, мне ничего не остается делать, как писать письмо, хотя одно, уже запечатанное, лежит в сумке.

Я не умывался и умываться неохота – кругом вода. В палатке тоже начинает покапывать: старая, прогорела уже.

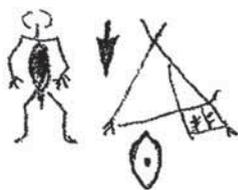
Коллектор ушел в деревню. А ко мне в палатку судьба посылает собеседников. Сейчас сидел бригадир. Рассказал о целестине, который встречается и здесь, и принес образцы.* Из бригадира, рыжего мужика лет 35-ти, повысосал немало материала для геолого-географического словаря. Спросил, какие дикие растения едят ребята здесь. К сожалению, он не мог показать мне многих, так как они еще не взошли. Едят кислушки, собачки, пучки, дягиль, барашки (земляной орех), вички (только что вышедший из земли ивняк), побеги маличника и шиповника, сочат сосну, лижут сок березы. Кислушку (?) только жуют и выплевывают. Особенно сладки побеги малины.

Рассказывал, как устраиваются «пасть» и «силья» – ловушки для птиц.

Вот так и коротаю время. Порывы ветра такие, что опасаясь, моя палатка как бы не слетела. И дождик, дождик... О том, чтобы ехать, до вечера не может быть и речи.

Вчера я наткнулся-таки на петроглифы. На правой стороне реки Курги, в нескольких сотнях метров от нашей палатки, около места в обнажении известняков небольшой грот. В нем могут поместиться в рост свободно два человека. В гроте и вне его по сторонам высечены в известняке инициалы славлюбивых посетителей и в самом гроте изображение двух человечков, чума и какие-то знаки.

Примерно такие.

на фанше.

Силена пишу
 ала шаво мди
 ваг, по седи тем
 и раса рашкини
 два тело аве-
 ков, чума и
 кова по Ста
 Кав при пер-

Не догадался измерить, а идти в непогоду не хочется. По словам вчерашнего рыбака, эти изображения «давнóшные».

В 3-х км ниже Курги у высокой горы один ключ носит название «Городишный ключ», а сверху корабельная роща называется «Городишная Роща».

Когда я заколею от понесенных трудов и домашних обстоятельств, как Пахтусов, ты, мамочка, можешь продать это письмо Институту материальной культуры.**

Варзугин принес картошки, молока и чашку прекрасных соленых грибов. Перевариваем подгоревшую кашу, подбавив молока. Все это досталось ему при весьма длительном психологическом подходе. Сразу здесь никогда ничего не продадут.

А дождь и ветер не унимаются. Ветер дикий какой-то, треплет палатку. И вот из палатки я вижу девочку, немного побольше Танечки, в рваной кацавейке, заплатанной пестрыми заплатами, и в больших сапогах. Рядом две беленьких овечки. Лижут ей руки и лицо. Овец здесь манят: тека, тека, тека!..

*Целестин, минерал, из которого получают стронций. Нитрат стронция используется для фейерверков в качестве источника красных огней.

**Пахтусов Петр Кузьмич (1800–1835), мореплаватель и гидрограф. О надписи на его надгробном памятнике см. с. 148.

..... 17 июня, в лодке

Едем под парусом к Чаколе, где я получу серию твоих писем.

Ночевал один в палатке. Вечером дождь и ветер поутихли. Коллектор предложил переночевать в деревне на высокой горе, куда перетаскать вещи не представлялось возможным. Хотя народ здесь, по собственному их выражению, «кроткий», все же оставить вещи я не рискнул. Два спальных мешка, два плаща и ватированная одежда вполне меня обеспечили теплом.

Приходили мальчик с девочкой, лет по 7, просили снять их на карточку. Дивились, что я хочу ночевать один: «Придет гопник, обидит, в той деревне девку увел». Ну, я не девка.

Сегодня первый раз видел бабочку капустницу.

Наша «Остракода» (лодка получила новое название) идет не менее 10–12 километров в час, обгоняя плывущий густо с катищ лес (моль). Похваляваю капитана. Это вроде смазочного масла действует.

Причалили к бережку. Утром выехали без чая. Поесть захотелось. На сцену картофель с грибами и полбанки консервов. Чай. Аверкиевич ловит рыбу, а я люблюсь рекой, высокими горами, бабочками (видел траурницу и крапивницу), жучками. Ползают какие-то красненькие паучки. Много щавеля, еще молодого, всякие чины пускают побеги и листочки.

каждой примерно 7-8
кого вида, без креста.
Летает аэроплан.
На берегу тощий колхозный
скот. Лежит дохлая корова.
По словам мальчи-
ков, которым мы сказали о
корове, каждый день падает
две-три коровы. После обе-

да, каждый день падает
две-три коровы. После обе-

Едем дальше. Проехали с. Пири-
немь, с деревянной церковкой при-
мерно такого вида, без креста. Од-
ноглавая церковь. Летает аэроплан.
На берегу тощий колхозный скот. Ле-
жит дохлая корова. По словам маль-
чи-ков, которым мы сказали о корове,
каждый день падает две-три коро-
вы. После бескормицы набросились
на зелень, и расплачиваются.

Ура! Чикола.

6 писем.

Целую.

Нефтяные газы теперь обеспечены.

Так цветет психа, она же сиха и ворониха.*

Юный краевед.

*Вечнозеленый кустарничек, ягоды которого съедобны и применяются в народной медицине.

18 июня 1941 г.

.....с. Чакола

Родные мои карасята. День сегодня посвящен производству. Взяты две пробы газа (нефтяного). Мне кажется даже, что после того, как лопнут пузырьки, на поверхности воды появляется маленькое пятнышко нефти, которое потом расплывается пленкой.

Не обошлось без жертв. Одно очко моего пенсне упало в колодезь, я теперь, когда надо, хожу с моноклом.

Устроились мы очень хорошо у некоей Анны Петровны Брагиной. Муж выслан (осужён) на семь лет. Живет эта дама 53 лет со старушкой и всяких путников призывает. Ели кашу на молоке, и молоком, хоть облейся.

Старушка протопила мне баню. Помою вечером свое грешное многострадальное тело. А белья взял мало. Что касается перчаток, то они не понадобились бы. Рукавиц у нас три пары, и пользовался я одной парой только несколько часов.

Серьезно раздумывая над твоими письмами, я прихожу к следующему выводу. Ты подобна камню, брошенному с горы: не можешь остановиться, начав заниматься. Между тем, совершенно необходим перерыв, хотя бы на небольшой срок. Это нужно, чтобы известные мозговые клетки перестали напрягаться. Свежая, за 2, за 3 часа ты сделаешь больше, чем за сутки – двое. Пойми это, и, наконец, я просто данной мне властью главы семьи воспрещаю тебе заниматься литературой хотя бы 15–20 дней. Успеешь подготовиться. Поверь мне!

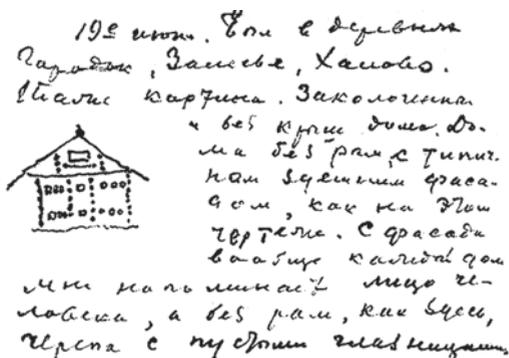
..... 19 июня.

Был в деревнях Городок, Залесье, Халово. Та же картина. Заколотые и без крыш дома. Дома без рам с типичным здешним фасадом, как на этом чертеже. Изба. С фасада вообще каждый дом мне напоминает лицо человека, а без рам, как здесь, черепа с пустыми глазницами.

Мне бы хотелось много еще написать, но очень спешу.

Вчера мылся в бане, так натопленной, что едва-едва выкатился. Выстирал себе притом 2 рубашки и оные, а на остальное не хватило сил.

Сегодня после нескольких дней увидел себя в зеркало. Загорел, как уголь. Очень идет ко мне белая окладистая борода, с которой с сожалением расстался. Похудел малость. Штаны ежеминутно сползают, и я сзади примерно являю такое зрелище.

Мне очень понравилось твое пожелание, чтобы я прожил до 80 лет. Постараюсь.

Целую.

Твой Мафусаил.

P.S. Если ты не перестанешь заниматься литературой, женюсь здесь на колхознице и буду каждый год ездить к теще в какое-нибудь Халово. Притом здесь газов много.

20 июня

.....Худая Ода

Мы на новой квартире у речки Ода под деревней Водгорой. Остановились в избушке без крыши, но с потолком. Рама единственного окна вырвана, сор и прочее. Но она спасла нас от дождя, который ни одного дня не опускает случая помочить нас.

Вчера день был особенно богат событиями и приключениями, не входившими в мои планы. С утра было тепло, я вылез из ватников и отправился осмотреть ключи по речке Большой Оде. Еще раньше я слышал об одном богатыре из Водогор, который боролся три раза с медведем. Поборются, устанут оба, полежат, потом опять начнут бороться. В Водогорах первого встречного начинаю расспрашивать, как пройти на Кривополеновскую мельницу (мельница принадлежала предкам М. Кривополеновой, известной сказительницы, открытой Озаровской), где Белое болото, Великая Ляга и т. д. * Задаю вопрос: хорошо бы, говорю, посмотреть богатыря, который боролся с Мишкой. – «А вот, – говорит собеседник, – он сам перед Вами». – Низенький, но широкий в плечах мужик 40 лет, рыжий с громадными шрамами вдоль лба и с голубыми глазами.

Сейчас же сговорился с ним, нанял проводником. Целый день ходили по разным местам, чего только не повидал в этих громадных лесах, где ели растут до самого неба: и следы лося, и медведя, охотничьи ловушки – «пасти» и «силы», следы лисицы. Ел подснежную клюкву и бруснику, нашел невиданные цветы вроде той орхидеи, которую ты нашла в Сие. ** Проводник без умолку рассказывал разные случаи из своей жизни и, между прочим, незабываемый рассказ, как он боролся с мишкой. Когда приеду, расскажу, он очень длинный, чтобы его написать здесь.

Когда возвращались, нас смочил дождик.

Очень трудно заверять счета. Я несколько часов употребил, чтобы поймать председателя колхоза, чтобы он заверил счет мой. Колхоз объединяет несколько деревень, в которой из них в данный момент председатель, неизвестно. В дождик он мог зайти в любой дом, вот и ходишь, ищешь его. Несколько мелких счетов осталось все же не заверено.

Мы были уже ниже Водогоры, когда нам сказали, что в Чаколе на мое имя есть телеграмма. Пришлось переезжать через реку и идти назад в Чаколу. На нашей лодке с грузом нечего было и думать переехать, так как шел сплошной стеной только что отпущенный с катиц и из речек лес. Надо было пробиваться через эту «моль». Выручил мой проводник. На колхозной лодке он перевез меня. Ночью на почте мне выдали телеграмму Воллосовича. Он сидит в Пинеге и спрашивает, где меня можно встретить. Ответить на этот вопрос очень трудно. По моим расчетам он должен быть в Чаколе не ранее как через 4 дня, ждать его здесь мне по многим соображениям не хотелось. Дела, правда, бы нашлось, и повидаться с ним надо, но решил двигаться вперед и в этом смысле ему телеграфировал.

О том, как я забыл в одном месте плащ, и как этот случай меня выручил, о том, как я оказался без денег на чакольском телеграфе, и как меня выручил проводник Оля (Александр Кузьмич, но все зовут его Оля) – рассказывать не буду.

*Озаровская Ольга Эрастовна (1874–1933), собирательница фольклора, исполнительница северных народных сказок. В 1915 г. привезла в Москву с Севера сказительницу и песенницу Кривополенову Марию Дмитриевну (1843–1924).

**Имеется в виду Антониево-Сийский монастырь, основанный в XVI в. и закрытый в 1923 г. На его территории находились разные учреждения, в том числе дом отдыха, куда однажды в 1940 г. получила путевку жена В.И. Смирнова.

..... 21 июня

Мы на новой квартире, в какой-то избушке бакенщика, где отсиживаемся от дождя со снежком. Доедаем вчерашнюю уху (рыбу наловили сами), и, кроме того, я сварил чудесную вермишель. Хлеб у нас сейчас вышел, но есть сухари, и мы всего в 2-х км от Ежуги, где есть сельпо, только оно открывается в разных деревнях в разные часы и закрывается также произвольно, как почта в Чаколе.

Брожу по ущельям. В одном месте нашел еще невиданные цветы. Всего 3 цветочка. Голубенькие с белым глазком в середине, растут цветоч-

ками прямо из земли, без листьев (точнее, с малюсенькими листиками, которых я сначала не заметил). Один экземпляр прилагаю.

Поверх легкого костюма облачились в ватники. Летают снежинки. Между тем цветет красная смородина и черника.

Я послал 500 р. денег. Положи их на свою книжку, если только не нужны дома.

Письмо опущу в Ежуге. Рассчитываю в Пинеге быть 24 или 25 июня. Получив это письмо, мне не пиши. Я, вероятно, с Пинеги тоже перестану писать, так как могу приехать раньше них.

Забыл тебе написать: в урочище «Камница», против околотка (часть д. Водогора) на пожне «Самоедка» чудь жила.

Здесь при каких-то земляных работах нашли в земле жилье, сложенное из больших камней. Находили каменные стрелы.

Околоток Городишное – на самом идеальном месте для городища – на высокой горе, с одной стороны долина Б. Оды, с другой – овраг, с третьей – Пинега и сзади болото. Вроде как на яичке стоит. Хотел все сфотографировать, но пошел дождь. Здесь никто, однако, о городе не помнит. А о чуде помнят, и сам мой проводник ведет свой род от чуди.

Продолжение следует.

Я уже в Труфаногорской. Отсюда шлю свои поцелуи любящего и вполне здорового путешественника.

Вас. Смирнов

.....22/VI-41

Родные мои зайчики.

Стерто начало письма*.

Ночевал в Труфаногорской на станции, а коллега в шалаше караульщика у лодки. Большой белый туман с реки и необходимость дать телеграмму Воллосовичу, который еще сидит, по-видимому, в Пинеге, заставили меня уйти с берега в деревню.

У меня такая примета: где есть гитара, там обязательно есть и клопы. Впрочем, по Пинеге они в каждом почти обитаемом доме.

А здесь, на станции, смотрю, висят и гитара без струн, и балалайка с тараканами. Лег на полу. Когда подползали клопы, дул на них, и они уходили в направлении к кровати, на которой покоилась член прези-

диума облполитпросвета, высадившаяся вместе с вином с парохода «Быстров». На этом пароходе я искал Воллосовича и не нашел.

Сегодня с утра трусит мелкий дождичек, и нет никакой охоты и силы обследовать кварцевые пески в «Гнилых полях», о которых я прочел в «Архангельских Губернских Ведомостях» за 1870 г. Нужно еще за 2 км сходить в Печгору, где, говорят, есть источник, бьет фонтанчиком и пузырится. Хорошо бы

В. И. Смирнов берет пробу газа

взять пробу газа, а то мало что-то я везу хорошего в эту поездку. Да и с Воллосовичем не сошелся. Вижу одно, что он, запоздав выехать, попал в кашу, которая хуже, чем та, в какой мы сейчас. Утешаюсь, однако, тем, что он не маленький.

Сижу на берегу Пинеги. Напротив, на другой стороне реки, Пиремской погост с церквями недавней архитектуры (старая церковь сгорела) и сосновая роща кладбища. А на кусте в 5–7 шагах сидит щегол. Такой красавец! Кругом много щавеля. Муравьишки везде ползают, расцветают кошачьи лапки.

Нажарили в золе картошки. Можно, говорят, купить здесь яиц – 1½ рубля штука. Но в деревню не хочется идти – выходной и «первое вино» слышны с берега за 2 км.

Отправился обследовать пески. День разгулялся. В ватном опять стало жарко.

И все-таки меня опять спрыснул дождик с градом. Спрятался в лесу.

«Вещи любят свое место», – часто говоришь ты. Мне, к сожалению, никак не удается держаться этого золотого правила. В карманах скрепки, сморчок, ножичек, пробки и т. д. Часто я не могу найти карандаша, который засуну то туда, то сюда.

Все же я опять ушел в деревню, захватив спальный мешок — очень уж на берегу сыро. К тому же хочу завтра побывать на телеграфе — нет ли от Воллосовича телеграммы. Не хочется ждать его здесь без дела. Если завтра не задержит его телеграмма, мне останется обследовать кое-что в Печгоре, отобедать в столовой в Вихтове, побывать в Усть-Поче и без задержек ехать в Пинегу. Может быть, там буду 24-го.

О Пинеге мечтаем. Там баня, письма, газеты, столовая.

Покойной ночи, зайчики. Ложусь спать. Хозяин станции пьет кипяток с бабой, с сахаром и водкой. Пьет третью литру. Это, пожалуй, вместе с клопами не обещает мне ничего хорошего.

Целую вас крепко.

Некусачий Мишка

^{*}Здесь и дальше отдельные фрагменты писем стерты (почти все письма написаны карандашом). Очевидно, это сделано самим Смирновым. Уничтожены, видимо, записанные ранее высказывания словоохотливого коллектора экспедиции из опасения, что в новых условиях письма могут быть прочитаны посторонними лицами и иметь для того неприятные последствия.

23 июня 1941 г.

.....3 ч. 40 м.

Я уснул, не слышал конца пира. Утром, еще не было 4-х часов, пришла с почты служащая и разбудила рядом с политпросветчицей спавшую бабу с той стороны реки, чтобы она передала спешную телеграмму о войне с Германией. Теперь я должен спешить к вам во всю, чтобы при надвинувшихся грозных событиях быть вместе с вами.

Целую вас, милых еще и еще раз.

Вас. Смирнов

23/VI-41

На берегу р. Пинеги,

..... не доезжая 3-х км до д. Вихтово

Северо-восточный ветер заставил нас вылезти в 2-х км ниже Печгоры.
Коллега мой ...

Фрагмент письма стерт.

...и старик только поддакивает и во всем соглашается. Только вот, говорит, у меня была лошадка и корова, а тепер нет, и опять поддакивает.

Я не вхожу ни в какие рискованные рассуждения, ухожу подальше побеседовать с вами.

В Печгоре праздновали вчера «Обсевную» (9-е воскресенье после Пасхи), сегодня празднование продолжается. Председатель сельсовета с утра ушел в Труфаногоры отгащивать (труфаногорцы вчера у него были в гостях). Председатель колхоза то же самое. Во всех домах поют или плачут, а в иных и плачут, и поют. Это – в 8-м часу утра. Мы уезжали в 10 ч. Деревня еще не приступала к работе. У сельпо выходной день, но оно открыто с 6 часов утра для продажи водки.

В деревне осталось 38 домохозяйств. 70 взрослых ушли. Заколоченные дома, все опущено, как в Труфанове. У скотных дворов горы невывезенного навоза. Прошлогодний лен в снопах гниет под горой. Дороги представляют сплошной ужас, в самой деревне непролазная грязь.

Я с трудом разыскал бригадира, Сем. Андр. Кривоносова, которому на всякий случай доложил, что вот мы будем брать из колодца газы и воду. На всякий случай, чтобы *стерто одно слово* не подумали, что отравляем воду, как это где-то еще недавно было. Он нам помог и, кроме того, угостил домашним пивом. Так как сахара нет, оно представляет собою квас.

Фрагмент письма стерт.

Пассажиров на единственный пароход, который здесь ходит, не берут. Везут призывников. К нам в лодку попросилась политпросветработница, на которую я насылал клопов. Пока мы брали газ, она вскипятила чайник и сварила вермишель с картошкой.

Теперь мы продолжаем сидеть в плену у ветра целых 7 часов. Пинега совершенно разболталась, побелела, шумит. Ехать немисливо. А я утром мечтал, что сегодня будем в Пинеге. По берегу уже бредут слухи о мобилизации с 1905 по 1919 г. Сердце сжимается. Что-то будет?

Пробовал камни собирать, цветочки, спать, есть яйца, пить чай.

Хочется поскорее домой. Я думаю, что благодаря войне по независящим от меня обстоятельствам археологическая экспедиция не состоится. Значит, проведем июль – август вместе. Не представляю, где мож-

но теперь прожить в деревне. Очень уж у меня последние впечатления от деревни нерадостные.

24/VI-41

..... В устье р. Почы
Вчера мы просидели не 7, а 11 часов, пережидая, когда стихнет ветер. Ночью проехали 8 км и пристали ниже деревни Вихтово к баракам медпункта, где имеется столовая и все прочее, по рассказам. Было уже поздно, и мы, войдя в барак, повалились на 3 свободные койки (клопы). Утром оказалось, что хлеба нет, его привезут только в 12 ч. дня из <нрзб>, и вообще ничего, кроме кипятка, нет. Пошли, закусив парой яичек, в Усть-Почу. Сейчас спутники отправились искать хлеб, а я сижу на берегу приличной речки и размышляю. Нам осталось до Пинеги 45 км, а ветер по-вчерашнему все крепчает и крепчает. Не пришлось бы опять отсиживаться. У меня нет уверенности, что сегодня при таких обстоятельствах попадем в Пинегу, хотя по дороге нет ни одного пункта до Пинеги, где бы я должен был слезать.

Размышляю и о войне. Здесь сообщили нам, что Киев, Севастополь и Баку заняли немцы. М.б., бомбардировали? Одним словом, горя и несчастья хватит. Надо выжить.

Фрагмент письма стерт.

Опять пережидаем, пока успокоится шальной ветер. На берегу стоит половина большого ящика с картофелем. Варим и печем его.

Как огнепоклонники непрерывно топим костер. Делать нечего. Строгаю дочке куколку. Капитан делает «плитку» из бревен. План такой: прицепиться к ней и ехать. Как артист своего дела, он совершенствует ее до бесконечности. И мне кажется, что эта работа займет его до ночи, когда ветер все равно стихнет. Ломается. Час после работы отдыхал, говорил про

Несколько строк стерт.

Стал потом сушить портянки. Ничего не поделаешь: в плену!

А беспокойство за вас охватывает больше и больше. Ведь я с Карпогор не получал ни одного письма. Живы ли вы и здоровы ли?

Как теперь ничтожны эти газы и пески, когда надвинулась война, когда кругом нужда и бескультурие. Особенно больно смотреть на женщин

и детей. Женщина в 25 лет здесь часто выглядит старухой. Горь, дети, непосильная работа, грязь, плохое питание – иссушают их. А живали лучше и с сахаром, и с маслом, и работу тяжелую, как пашня, дрова и прочее делал муж, а теперь он на каторжной лесной работе. Сын перешел в 10-й класс, отличник. Район по разверстке посылает на курсы ФЗУ (будто бы нет кончивших 7 классов, берут на курсы и кончивших 5 классов). Вся семья плачет. Это факт, в Карпогорском районе. Другого послали кончившего 10-тилетку. Им надо отработать по окончании 2 года, и из столяров потом не выкрутятся.

Едем среди леса, прицепившись к плитке. Полтора миллиона кубометров древесины движется по Пинеге, и в этой гуще, где нас не бьет так жестоко ветер, тащимся медленно и мы. На плитке костер, греется чайник и варится картошка. Отчаянно холодный ветер заставляет меня, кроме летнего костюма, натянуть ватный плащ, укрыть ноги спасительным спальным мешком и плечи парусом. Но так можно согреться только на минуту, потому что надо отталкивать налезавшие на корму бревна, все не смыкать глаз. Утром в 5 ч. приехали в Пинегу. Здесь имеем белый хлеб, консервы, конфеты. Одним словом, пируем. Вчера послал открытку. С дороги дам телеграмму. Получил 4 письма. Спасибо. Отвечу дома на них. Целую. Вас. Смирнов

Открытка

.....25/VI-41

Милые зверята.

Я жив и здоров. Приехал в Пинегу. Большое, но незаконченное письмо не посылаю. Привезу. Вероятно, завтра выеду к вечеру дальше, с заездом в Сию и Вешколу.

А, возможно, прямо проеду в Архангельск. Сейчас буду говорить по телефону с Управлением и тогда решу время выезда и т. д. Целую.

В. И. Смирнов

**ПИСЬМА
К БРАТУ
М. И. СМИРНОВУ
1938–1941 гг.**

Эти письма В. И. Смирнов писал своему старшему брату Михаилу Ивановичу Смирнову (1868–1949), переславль-залесскому историку-краеведу, который в то время жил в поселке Томилино под Москвой. Вместе с личными и служебными документами они были сданы в 1951 г. вдовой М. И. Смирнова Натальей Викторовной в Отдел редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки, откуда в 1971 г. поступили в Государственный архив Ярославской области. М. И. Смирнов, сознавая ценность писем, написал предисловие, а также сделал ряд примечаний, которые использованы в данной публикации. И снабдил их эпиграфом: «Эзоповский язык, которым иногда пытаешься говорить, претит» (строчка одного из писем).

По письмам отчетливо видна картина жизни областного города со всеми нехватками и очередями в отличие, от той, которую рисовали кинематограф и литература в преддверии войны.

Т. Смирнова

Письма находятся в Ярославском государственном областном архиве (Ф. Р-913. оп. 1, д. 28).

Имея обширные связи в музейно-краеведческом мире, он [В. И. Смирнов – Т. С.] получал корреспонденцию от множества лиц, а также сохранил семейную переписку со своей матерью Анастасией Васильевной, братьями и сестрами. В общем и целом – коллекция его писем богатейший историко-бытовой источник с начала XX ст. за четыре десятилетия.

Со своей стороны В. И. вел частую и обширную переписку. Прилагаемые 53 его письма ко мне, его брату, только малая доля его писем. По обстоятельствам, от меня независимым, они сохранились лишь с 1938 г. и обнимают собой последние 4 года. Но даже и за этот небольшой срок дают много любопытного материала для суждения о социально-экономических переживаниях в Архангельске, о положении дела с изданием печатных работ, сведения о краеведах, о военных переживаниях и т. д.

М. И. Смирнов

13.П.38

Милый Миша.

Положение мое нельзя считать трагическим, хотя я все еще без места. Заключил договор со своими перестраховщиками, т. е. Геолтрестом на составление двух работ: Библиографии геологии и полезных ископаемых Северного края и Каталога фонда, откуда меня выжили. Договор предусматривает оставление за мной квартиры в доме Треста на весь срок работы, а работы хватит до августа.*

Пришлось взяться за эту работу из-за квартиры на условиях, в общем, не так выгодных – 225 р. за печ. лист. Но добрая половина работы у меня уже сделана.

Иногда кажется занятным и привлекательным возвратиться на прежнюю работу, заставив «перестраховщиков» принять меня на работу. Но пока опасаясь вступать в открытую борьбу. Не прошел еще озноб после выборной капании, а тут на носу новая.**

Все же думаю в начале марта побывать в Москве – поискать правды и места.

Между прочим, здесь мне предложили работу на штатной должности фольклориста в комитете по делам народного творчества. К сожалению, я уже заключил договор с Трестом и потому не могу занять этого экзотического места.

Недавно напечатали две мои работы: «Обзор археологических памятников Белого моря» (2,5 печ. листа) в «Советской археологии» и «Находки останков крупных млекопитающих четвертичного периода в Се-

верном крае» (1,5 печ. листа) – в Известиях Четвертичной Комиссии Академии Наук». Денег еще не заплатили, но грозятся это сделать. Собственно говоря, и поездку в Москву из-за этого откладываю.

Ну, будь здоров. Наш общий привет Наталье Викторовне.***

*В 1937 г. В.И. Смирнов получил комнату в ведомственном доме Северного управления Геолтреста.

**Перед первыми всеобщими выборами в Архангельске арестовывали бывших ссыльных. Списки на арест составлялись по месту работы, потому администрация предложила В.И. Смирнову уволиться. Он видимо, не сразу понял, что таким образом был спасен от нового ареста.

***Наталья Викторовна Смирнова, урожд. княжна Мещерская (?–1956), жена М.И. Смирнова.

10.IV.38

Дорогой Миша. Так мне и не удалось съездить в Москву. Вероятно, и не удастся в ближайшее время. Шибко пошатнулось здоровье Лидии Сергеевны.* У нее туберкулез лимфатических желез. Врачи настаивают на поездке ее на юг. Покупаю путевку в Евпаторию. Ей очень тяжело расстаться с семьей, но ничего не поделаешь. Надо бы перебираться куда-нибудь поужнее. Время однако такое сейчас, что куда-нибудь сунуться и вновь начать заполнять анкеты и завоевывать доверие очень непросто. Так и сидим на одном месте.

Сделал большую работу Тресту – «Каталог фондового отдела» листов на 9 печатных. Хотя в договоре и значится, что Трест обязан работу напечатать, но надежд на это у меня, конечно, никаких нет. На днях начну другую работу – «Библиографию геологии Северного края».

Не знаю, писал ли я тебе, что две работы мои напечатали, и за одну получил даже гонорар (в Трудах Четвертичной комиссии Академии Наук – про мамонтов).

Вот какой у меня к тебе вопрос. Я запродал Литературному музею кое-какие рукописи. Бонч-Бруевич писал мне, что уплатят в декабре (780 р.), потом написал, что уплатят не раньше половины февраля.** Прошел март, наступил апрель – оттуда ни слуху, ни духу. Я имел неосторожность еще два раза послать по комплекту рукописей. Как ты думаешь – расплатятся они по чести, или придется взывать к суду? Писать еще раз неловко – может быть, затор с деньгами какой-нибудь. А своим, вероятно, оплатят? Может быть, не будет ли случая спросить Бонч-Бруевича, что он из-под себя думает?

Помнишь Шумского?*** Он, хоть с запозданием, но разделил общую краеведческую участь.

Будь здоров. Привет Наталье Викторовне.

*Китицына Лидия Сергеевна (1903–1990), жена В.И. Смирнова.

**Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), советский партийный и государственный деятель, первый директор Государственного литературного музея в Москве (1933–1945).

***Шумский Иван Васильевич (1893–1953), один из организаторов Солигаличского отделения Костромского научного общества, основатель и директор Солигаличского краеведческого музея. В письме речь идет о его аресте.

30.IV.38

Милый Миша.

Спасибо тебе за хлопоты в Литературном музее. Получил и деньги, и письмо оттуда.

На днях отправил Л.С. в Крым. При проезде через Москву в этом направлении она не сумеет заехать в Томилино.* Хотела сделать это на обратном пути. Чувствую сейчас великое одиночество. Во всем Архангельске нет человека, с которым бы я мог поговорить по душам. И не стало никакой заручки – пребываю в безработном состоянии, т.е. без службы.

Мне поэтому так понятны твои грустные чувства и переживания. Вчера я читал твой «Старый быт ...» и горечь обиды за тебя и за себя умножилась. Какие хорошие вещи мы могли бы еще сделать!

Приходится пить до дна горькую чашу. Я часто говорю себе, видя окружающее: это еще не худшее, что с нами случилось. Вот мать двух больных детей без куска хлеба, отец куда-то выслан, и 8 месяцев нет известий ... Вот старуха, которую никуда не берут на работу, муж, образованный человек, пилит дрова в концлагере где-то (без права переписки), вот наша бывшая хозяйка – муж кончил 5-летний срок и пропал, три месяца нет сведений... Я мог бы привести множество таких примеров только из судьбы лиц, которых знаю.

Мне надо, к сожалению, выжить для Танечки и Л.С., и я всеми силами барахтаюсь и цепляюсь.**

Сейчас мне приходит в голову просить тебя «толкать» еще одно мое дело. Есть такое «Издательство Всесоюзной Академии архитектуры» – Москва, Пушкинская, 24. У меня залежалась одна статья –

«Свайные постройки Костромского района» (на какой-то конференции в Москве я делал об этих постройках доклад). Недавно я этот материал просмотрел и показал одному архитектору – тот советует направить в это архитектурное издательство. Статья не переписана на машинке, рисунки не смонтированы. Но мне хочется показать работу в этом виде, чтобы издательство решило, стоит ли огород городить. Позволь мне послать эту статью через тебя. Передашь, а потом при случае наведаешься.

Много у меня завала. Две статейки послал в «Советскую археологию», приготовлю третью. Тебе на днях послал два отгиска.

Некоторые статьи тоже возвратились назад, к огорчению автора. Ничего не поделаешь – слог у нас не тот.

Будьте здоровы оба и счастливы, что вместе живете.

Целую.

*Томилино, поселок близ станции Рязанского направления московской железной дороги, где тогда жил М. И. Смирнов.

**Танечка – Татьяна Васильевна Смирнова (род. в 1935 г.), дочь В. И. Смирнова.

2 июня 1938 г.

Милый Миша.

Не послал тебе до сих пор еще статью, потому что решил перерисовать некоторые рисунки и переписать ее на машинке. Рисунки давно готовы. А вот переписка задержалась. Машинистка обещала закончить числа 5-го июня. Таким образом, 6-го, вероятно, вышлю. Попотчуй это издательство.

Ты напрасно собираешься под холстинушку. 70 лет – это еще не предельный возраст для переславцев. Я видел нашего земляка (из Новинки или Новленского) в Ярославской тюрьме 84 лет – бодрый старик).

От души желаю тебе выцарапать 270 руб. 12 коп. Может быть, это поднимет несколько настроение. Помнишь Дм. Ген. Бурлына, как он, разоренный начисто, говорил: «Уж очень интересно жить, хочется посмотреть, что же из этого всего выйдет».*

Он не увидел всего, что из этого вышло, потому что история никогда не кончается. Но будущее, даже ближайшее будущее, для нас так же притягательно, как и прошедшее.

Мне нужно жить, поживешь и ты, еще не то увидишь.

В моей судьбе начинает происходить перемена. После некоторых колебаний, рассчитав момент, я подал заявление о восстановлении меня в прежней «должности начальника фондового отдела или о предоставлении мне другой работы в Тресте с соответствующим прежнему окладом содержания», ибо я ушел из Треста «по собственному желанию» в кавычках.

Чудодейственная штучка эти кавычки. Сегодня перестраховщики предложили мне заведывание музеем и секретарство в издательстве. Конечно, кровушки из меня пососут разными нагрузками. Но делать нечего: по крайней мере, будет обеспечена в Тресте комната. Нашего брата иначе легко могут вышвырнуть.

Вот так до гробовой доски и приходится биться.

Л. С. пишет не очень веселые письма. Лечат плохо. Сменилось уже 4 врача. Каждый простукает, пропишет рентген. А рентген не действует. Молодые врачи мало смыслят. Питание неважно поставлено для нее, держащейся вегетарианства. Погода тоже очень плохая.

Поехала она на два месяца. Поэтому возвращаться она будет в первых числах (числа 2-го) июля. Скучает по дому. А главное, не видит улучшения. Температура все время почти держится на уровне 37,5. Может быть, что-нибудь даст вот этот второй месяц.

Девочка растет здоровая и хорошая.

Как бы мне хотелось повидать Вас!

Будьте здоровы оба и по мере возможности счастливы.

P.S. Лидия Сергеевна писала, что она рассчитывает заехать к вам. И я ей написал о твоём приглашении. Вы только не очень ее задерживайте. Не потому это говорю, что сам хочу скорее увидаться, и не потому еще, что Танечка лежит на мне порядочной нагрузкой, а потому, что Л. С. сама рвется сюда.

*Бурьлин Дмитрий Геннадиевич (1852–1924), иваново-вознесенский фабрикант, меценат, общественный деятель, коллекционер, создатель музея. После революции был выселен из своего дома (жил в подвале), однако был оставлен в музее главным хранителем, но в 1924 г. из музея изгнан. Сейчас Ивановский государственный историко-краеведческий музей носит его имя.

5.VI.38

Милый Миша.

Посылаю две рукописи: «Свайные постройки Костромского района» и «Программу для собирания сведений по крестьянской стройке». Относительно первой работы, может быть, потребуется иной монтаж рисунков, в частности, церковь можно бы дать в рисунке тушью, выкинув тяжелые облака. Одним словом, дело уже редакции, если она примет статью, решить, как лучше дать рисунки.

Вторую работу – предоставляю редакции изменять, дополнять (библиография не полна), сокращать ее, как она найдет нужным.

Адрес редакции и издательства Всесоюзной Академии Архитектуры: Москва, Пушкинская, 24.

По правде говоря, я не льшу себя большими надеждами, что эти работы будут здесь приняты – очень они этнографичны и никому не нужны поэтому. Попотчуй на всякий случай.

Если не удастся здесь, попытаюсь устроить «Свайные постройки» в «Советской этнографии». Но здесь еще менее надежд.*

У меня дела со службой по-прежнему. Пока пробавляюсь договорами. Трест торгуется из-за 50 р., приглашая на должность зав. музея и секретаря издательства.

Будь здоров.

Привет и пожелания Наталье Викторовне.

*Статья «Свайные постройки Костромского района» опубликована в журнале «Советская этнография» (1940. № 4).

23.VI.38

Милый Миша.

Лидия Сергеевна пишет, что в Москву она приедет 29-го вечером (должно быть, около 8–9 часов приходит крымский поезд на Курский вокзал). У Вас она хочет непременно побывать, но стесняется сделать это вечером по приезде, так надо будет еще перевезти вещи на Ярославский вокзал и озаботиться насчет покупки билета в Архангельск. В какие часы 30-го ей удастся достать билет, и на какой день и час – сказать трудно. Но если билет удастся взять на 30-е и на ранние часы, опасаясь, что она не решится проехать.

Все же я на Ваш адрес буду писать ей письма, почти уверенный, что она заглянет. Если бы знать точно приход поезда на Курский вокзал, я стал бы тебя просить встретить ее.

Получил ли ты мои «Свайные постройки» и посватал ли их архитектурному издательству? Думаю, что ничего не выйдет из этого. В таком случае передай рукопись Л. С.

С 15 июня опять работаю в Тресте, но уже в качестве зав. музея, затыкая разные другие дыры со ставкой, однако, урезанной на 50 р. Нужно было идти на компромисс. Удалось восстановить непрерывность службы бумажкой, что работал в течение полугода (со дня ухода в Тресте по договору). А главное, теперь нет гнетущей мысли о квартире.

Эксплуатируют меня, конечно, отчаянно.

Что делать?

Будьте здоровы и счастливы.

9.VII.38

Милые Наталья Викторовна и Миша.

Спасибо Вам за то радушие, с которым Вы встретили Лидию Сергеевну, и за подарки Танечке. Напрасно Вы тратились, замечу, кстати, на дорогую игрушку.

Рад я, что Лидия Сергеевна побывала и повидала Вас в добром здорovie и благополучии, поэтому отрадno сознaвать, что судьба дала нам некоторую передышку пока что.

Загружен до последней степени работами в Тресте. Но теперь Тресту бесплатных работ я уже не делаю. Поэтому выгоняю деньги. А жаль время тратить на эту свою новую специальность, когда гора работ по археологии и этнографии лежит в полусыром виде.

Как на грех, когда я так занят, здесь в Архангельске, на окраине, открыли удивительную неолитическую стоянку. Таковую, какой ни я и никто еще не видывал. На глубине 3-х метров от поверхности – с прекрасно сохранившимися костью, деревом. Рисунки на дереве красками и т. д.

Приходится туда таскаться и просматривать выбросы котлована. Лидия Сергеевна, даже Таня принимают посильное участие в моих археологических изысканиях.

Не помню – посылал ли тебе оттиск своей работы о стоянках Белого моря, напечатанный в «Советской археологии».

Если бы вы знали, как мне хочется повидать вас! Не знаю, когда это удастся.

Пока желаю вам всякого благополучия и здоровья. Еще раз благодарю от имени Лидии Сергеевны и Танечки вас за родственное радушие и ласку. Они шлют вам свой привет.

31.VII.38

Милый Миша.

Лидия Сергеевна и Таня живут в деревне в 35 км. от Архангельска на Двине. Сообщение паромом и на автобусах, которые ходят дважды в день. Прекрасная местность, пляж, ягоды и грибы. Лес подходит к самой деревне, буквально начинается за двором. Жара стоит нестерпимая, и они купаются каждый день. Танечку не вытащишь из воды. Загорела. Выглядит копчушкой. Вчера на выходной ездил к ним, каждую неделю ездит к ним и бабушка.* Продукты приходится возить отсюда, хотя и здесь они не в изобилии. Только недавно появилась капуста на рынке. Огурцы 5 р. килограмм, помидоров еще нет.

Я погряз в работе. Оказывается, мы многое умеем делать. Недавно закончил (вдвоем) геолого-экономический очерк Северного края с 6 картами листов на 5 печатных. Заканчиваю карту геологической заснятости края и т. д. Зарабатываю много. Но жизнь на три квартиры поглощает все.**

Скоро возьму отпуск и поселюсь в Трепузове недели на две, где живет семья.

За Лизу я радуюсь, а насчет Володи огорчаюсь.***

Ты не хвориай. Я еще не потерял надежды в этом году попасть в Москву и заглянуть к тебе, и встретить тебя в добром здоровье и вполне способным вспомнить доброе старое время.

Издательство во Всесоюзной Академии наук, известившее тебя 14 июля, что рукопись оно послало бы мне, если бы знало адрес, все же ее до сих пор не выслало. Пишу им открытку (хотя ты их и известил о моем адресе). Если не вышлют, попрошу тебя потом как-нибудь заглянуть в издательство (Пушкинская, 24, во дворе, 2-й этаж).

Все же жаль, если пропадет рукопись.
Желаю тебе и Наталье Викторовне всего хорошего.
P. S. Перьев рондо пока не удалось сыскать. Но поспрашиваю еще.

*Бабушка – Кितिцына Елизавета Михайловна (1881–1966), мать Л.С. Кितिцыной, бабушка Т.В. Смирновой.

**Имеются в виду комната в здании Северного управления Геолтреста, комната на частной квартире, где жила Елизавета Михайловна Кितिцына, и комната в избе в деревне Трепузове.

***Святухина Елизавета Ивановна и Смирнов Владимир Иванович, сестра и брат В. И. Смирнова.

16.IX.38

Милый Миша.

Только 11 сентября возвратился из Ленинграда. Теперь я знаю, что такое издавать книги в настоящее время. Это совершенно героический труд. Мне удалось почти чудом сунуть две книги в типографию. Но нет уверенности, что заключенный договор будет типографией исполнен. Еще сложнее вопрос о печатании карт, которые надо приложить к книгам.

Две другие книги я сдаю в печать здесь. Печатный лист сейчас обходится со всеми накладными расходами 800–850 рублей.

Здесь на меня свалилась еще одна забота. Президиум Академии Наук отпустил 4 тысячи на раскопки стоянки, о которой я тебе говорил, и о которой написал небольшую заметку в Институт истории материальной культуры.*

Я не рад этому дару. Нет рабочих, трудно достать материал для крепления, дожди. Копать придется с постоянной откачкой грунтовых вод. Своего дела до черта. Не знаю, как вывернусь.

Пока что на рынок белых грибов сушеных (и в сыром виде) не несут. Я наказал зорко следить за этим делом.

Здесь с питанием вообще становится туговато. Нет почти мяса или его трудно достать из-за очередей. Редкость – яйца, колбаса, селедки и т. д. Нет фруктов, кроме арбузов. Зато в Ленинграде в этих отношениях весьма хорошо.

На обратном пути я видел в вагоне у кого-то из соседей № 22 «Огонька». Здесь есть интересная статья о постановке фильма «Александр Невский». Будет и Переславль («Александрова Гора», «насыпанная Александром Невским»).** Посмотри при случае – занятно.

Адрес Симакова: Ярославль, Норское. Фабрика «Красный перевал». Контора производственного отдела. Вл. Кон. Симакову.

Лидия Сергеевна сегодня поступила в школу преподавать синтаксис и историю древней литературы в 7 и 8 классах. Ты не можешь себе представить, как трудно сейчас найти занятия даже человеку незапятнанному и с таким стажем.

Во время моего отсутствия она ходила каждый день, обивала пороги. В конце концов, ничего лучшего не нашлось. Трудно ей придется. Не только ученики не обеспечены учебниками, но и преподаватели (Орлов – Курс древнерусской литературы, изд. Академии Наук) не имеют этого курса.^{***} Имеется он в одном экземпляре в Центральной научной библиотеке. Как обучают этой науке в глухой провинции – недоумеваю.

Передай наш общий привет Наталье Викторовне и лучшие пожелания.

^{*}Смирнов В.И. Предварительное сообщение о стоянке на реке Кузнечихе // Советская археология. 1940, № 6.

^{**}В фильме режиссера Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», который вышел на экраны в 1938 г., ряд сцен происходит в Переславле-Залесском и его окрестностях, что представляло особый интерес для переславцев – братьев Смирновых.

^{***}Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVI вв. М.; Л. 1937.

15.X.38

Милый Миша.

Ты меня извини, что не поздравил с 70-летним юбилеем, о дате которого хорошо помнил. В этот день я встретил С. М. Кутилина, которого ты, может быть, помнишь по Ивановскому сидению, и который хранит о тебе самые светлые воспоминания.* Ему я сказал о твоём юбилее, но написать так и не смог. Так я оброс делами, так озабочен работой, что к концу дня валюсь от изнеможения.

Дела музейные: к празднику надо было успеть развернуть геологический музей – при одном техническом помощнике, в больших залах. Подпирают издательские дела, до того сейчас трудные. Но самое скверное – с моими раскопками. Не помню, писал ли я тебе, что Академия Наук отпустила деньги на раскопки в том месте, где летом была найдена стоянка на глубине 3-х метров от поверхности, и дело поручили мне. Заложенный мною колодец в 6х6 метров пришлось крепить срубом. Неожиданно ударили морозы. Крепить перестали. Потом – оттепель: крепления исковеркало, на-

чались обвалы. Пришлось запускать второй сруб. На праздниках рабочие запили (8 дней пили). Вода затопила колодец на 1,5 м. (было вырыто уже 4 м.). Теперь подмерзло, и в шурфе можно кататься на коньках. Рабочие вытягивают с меня деньги, дело делают плохо. Других найти негде – рабочие в Архангельске дефицитный товар. Культурный слой только что показался: надо рыть еще метр или полтора вглубь. Законсервировать раскопки нельзя, так как пропадут деньги, и весной все крепления полетят к черту. А эти крепления недешевы. Сегодня поставили насос с электромотором. Не знаю, как еще он будет действовать.

Лидия Сергеевна изнывает над грамматикой и древней и новой литературой. Прибавь к этому политучебу, педагогические советы, профсобрания, методучебу, тетради. Она уже подала заявление об уходе. Не отпускают – преподаватель теперь кабальный человек.

Купил тебе полкило сушеных грибов – смешанных белых и серых. Жалею, что мало. Меня все еще уверяют, что грибы будут на рынке, а эти не первого сорта. Как-нибудь пришлю или привезу сам, так как рассчитываю в декабре быть в столице, если только меня не завалит к тому времени на раскопках.

Читал ли ты статью о Загорском музее в «Литературной газете» за октябрь, кажется, Вейсмана? Из нее я вижу, что твои «Радонежские легенды» действительно своевременны, и что музей никуда не годится.**

Получил на днях письмо от Даниила Осиповича.*** Он пишет, что поздравил тебя с 70-летием по адресу: Коломенское и т. д. На всякий случай его адрес сообщая: Актюбинск, ул. Ворошилова, дом 75. Сотниченко, Д. О. Святскому.

Будь здоров и по-прежнему жизнерадостен. Наш привет Наталье Викторовне.

*М. И. Смирнов.
Переславль-Залесский*

*М.И. Смирнов был арестован в 1930 г. и до отправки в ссылку в Сибирь несколько месяцев находился в тюрьме г. Иванова и других местах заключения.

**М. И. Смирнов в 1937 г. полгода работал в Загорском историко-художественном музее старшим научным сотрудником и заместителем директора по научной работе. Его выступление на Ученном совете с докладом о Сергии Радонежском вызвало резкую критику части сотрудников, в результате чего он был уволен. Тем не менее, он еще несколько лет работал над этой темой. Неопубликованная его рукопись «Сергий Радонежский. Легенды и были» хранится в Государственном Ярославском областном архиве.

***Святский Даниил Осипович (1881–1940), ученый секретарь Центрального бюро краеведения, занимался историей астрономии, фенологией, метеорологией. Арестован в 1930 г., находился на строительстве Беломорско-Балтийского канала, вернулся в Ленинград, но после убийства Кирова в числе других ленинградцев был выслан в Алма-Ату, потом был уволен с работы и вынужденно переехал в г. Актюбинск.

16.XI.38

Милый Миша.

Я только что получил от тебя письмо, как получил от тебя нагоняй за молчание и книжки для Танечки. За последние тебя очень благодарим, здесь это совершенно дефицитный товар. Книжки очень ей понравились, но льва и собачку она оплакивает самыми неподдельными слезами.* По-видимому, она будет жалостливой в маму. А это в наш век невыигрышное качество.

Ты теперь уже знаешь, почему я молчал. С раскопками я запустил массу дел и обязательств. Ухожу с утра, прихожу и валюсь. Вставши, часов до 2-х, 3-х поправляю с Лидией Сергеевной тетради, разбираем оды Ломоносова, Хаджи-Мурата и т. п.

Раскопки мои вполне неудачные и очень бесславные. Истратил без толку несколько тысяч. Все это и их нелепость удручает.

Я тебе завидую, что ты в качестве домработника можешь читать и «Молот ведьм», и жизнь замечательных людей, и т. д. Опасаюсь за себя, что разучусь читать. Впрочем, две газеты я ежедневно просматриваю. Разворачивающиеся события международной жизни и на фоне ее история нашей страны приковывают все мое внимание. Хочется как-то понять и философически обобщить всякие явления. И чем дальше я вдумываюсь, тем более понимаю, как мало мы знали нашу историю. А ведь 13 лет преподавал нашу и чужую историю.**

Часто я думаю еще о Танечке. Когда я представляю себе, что ей придется потом изучать «Хождение Даниила», «Фелицу», алгебру, немецкий, историю ВКП (б), что она должна будет прожить и пережить, может быть, столько же, сколько пришлось нам – мне становится жаль

этого чудесного ребенка, грустно. В таком возрасте, как мой, иметь маленьких ребят нестерпимо больно. Главное – впереди не видно просвета. Сейчас учатся без книг, без тетрадей (пишут на обоях). Да что говорить!

Сегодня выяснилось, что я не поеду в этом году по своим делам в Москву и Ленинград: поручили эти дела другому лицу (и все из-за раскопок!). Так что свидание отложим на 1939 г.

Будь здоров и счастлив. Привет всей семье тебе и Наталье Викторовне.

Где ты достал «Молот ведьм»?

*Рассказ Льва Толстого «Лев и собачка».

**В. И. Смирнов преподавал историю в Костромской гимназии.

12.IV 39

Милый Миша.

Почти всю зиму не выходил из гриппа, какого-то особого, но со всеми прочими придатками. Хворал на ногах, на службе, задавленный всякими далеко не интересными работами. Два раза мне необходимо было выехать в Москву, и оба раза начальство не разрешало. Сейчас настолько назрела необходимость выезда в Ленинград (а по дороге, значит, и в Москву), что приезд мой во 2-й половине апреля более или менее вероятен.

В Архангельске с продовольствием из рук вон плохо. Ни масла, ни маргарина нет в течение последних 2-х месяцев. Нельзя достать масла даже по 30 р. на базаре. Мясо 19 р., рыба – редкость, консервы – только перец и баклажаны. Но и те не всегда. Колбаса бывает, но достать ее из-за очередей невозможно, сыру совсем не бывает. Можешь себе представить, что будет к лету.

Трест наш, по-видимому, с реорганизацией наркомата закроют. Где придется работать, не знаю. Лидию Сергеевну, наконец, после того, как закончится учебный год, освободят из школы. Перейдем, значит, пока что в безработные.

Ты спрашиваешь мое мнение насчет войны. Видишь, какими темпами идут события. В котором квартале по плану Гитлера намечена с нами война, сказать трудно, но она намечена.

Шкура действительно мала, но она была получше другой, которую мне предложили. Когда найду побольше, постараюсь приобрести и выслать.

Будь здоров. Раздраконивай своего Сергия и не унывай.*

Привет Наталье Викторовне от меня и фамилии.

*Речь идет о работе М. И. Смирнова о Сергии Радонежском.

19.IV.39

Милый Миша.

Прости, что в прошлом своем письме я забыл сказать о возможности устроить на дачу Себенцовых. Полагаю, что и для них можно будет подыскать что-нибудь подходящее, если они не очень требовательные люди.

Меня, однако, начинает пугать вопрос с питанием. К концу третьей пятителки, конечно, и у нас будет изобилие продуктов. Но сейчас, за исключением хлеба, некоторых круп (пшеница не было весь год) ничего нет. Даже постное масло стало исчезать. Я опасаюсь, как бы заманив вас сюда, не посадить на пищу святого Антония. Даже рыбы, которой бывало в Архангельске некуда девать, мы не видим хвоста. Разумеется, может быть, изменится положение, и мы еще не раз успеем обменяться новостями.

О двух парах пим я уже переговорил с одним из начальников партии. Партии выезжают на север в июне с первым морским рейсом. Деньги найдутся.

Сегодня разрешится вопрос о моей поездке в Москву и Ленинград. Может быть, выеду 21 апреля. По крайней мере, настаиваю на этой дате.

Лиза не пишет своего адреса, и я, таким образом, не могу ответить на ее письмо. Сделаю это в Москве, где пробуду не более двух дней. О своем житие расскажу по приезде.

Будь здоров.

Привет Наталье Викторовне.

16.V.39

Милый мой Миша и Наталья Викторовна.

Спасибо Вам за гостеприимство и простите за беспокойство, причиненное этими приездами. Беспокойство на этом не кончилось: я забыл

калоши (задники немного потрепаны, но других не достанешь сейчас). Так вот – я прошу приберечь до следующего приезда.

Я приехал на Северный вокзал в 6 часов. Стояла уже тысячная толпа у кассы компостирования. Остается единственный метод...

Будьте здоровы.

20 мая 1939 г.

Милый Миша.

Написать письмо по приезде оказалось не таким-то простым делом. На столе ждали меня кучи всяких бумаг, смет и неотложных дел. Целый день пришлось переписывать билеты для Лидии Сергеевны, которая совсем запарилась.

О поездке из Москвы я мог бы много порассказать, если бы письма, адресованные тебе, иногда не пропадали.

Не знаю, как бы я добирался, если бы не дал 10 руб. какому-то типу, чтобы он занял среднюю полку. Едут с громадными сундуками, на которых свободно на каждом могут усесться четверо человек, с мешками сухарей вербованные из Самарского края граждане на лесозаготовки. Плачут грудные дети, режут патефоны. Разговоры о мобилизации двенадцати лет, о том, что в речках, благодаря малой воде, остался весь лес и т. д. Много пьяных.

Двина тронулась. Несет много леса в море.

Здесь все то же. Мясо 25 р., стали выносить на базар свежую рыбу – щука, лещ, окуни. Можно купить гречневую крупу, горох. Но вот зубного порошка нет. Довольно архангельцы почистили зубы, надо и другим дать...

Вопрос о войне более или менее ясен. Но панике не следует поддаваться. И я продолжаю еще мечтать, что как-нибудь удастся вас затащить сюда. Л. С. кончает учебу 6-го июня. Потом буду присматривать местечко где-нибудь в деревне в том же районе, как и в прошлом году.

Спасибо вам за гостеприимство, за беспокойство прошу извинить. Танька вырезает гусей и пожирает конфеты.

Все вам шлют привет.

28.VI.39

Милый Миша.

Стояли все холода, и только сегодня отправляю семью на дачу. Сняли две комнаты за 50 р. в д. Новинки, у самой церковки 1581 года постройки. Адрес Лидии Сергеевны такой: п/о Лявля, Холмогорского района Архангельской области, д. Новинки, дом Агр. Фед. Рекиной для Л. С. Китицыной. Пишу подробно на тот случай, если ты или ты и Н. В. захотите проехаться и погостить у нее или, по крайней мере, соберешься написать мне. Сам я 1-го июля уезжаю на месяц в экспедицию на Пинегу по газам и проч.

Ты как-то запрашивал мое мнение насчет возможности войны. Оказывается, за то время, как мы мирно выстаиваем в очередях за селедками и икрой, пиногоры – за чаем и картофелем, война уже идет своим чередом. Трудно себе представить, что нам сулит ближайшее будущее!

Спасибо тебе за хлопоты насчет гонорара в этом экзотическом учреждении.* Пусть они подавятся, совсем нет охоты и некогда судиться.

Если тебе попадется «Вестник древней истории», 1938 г., № 4 (5), прочти перевод Прокла «Тайная история». Он описывает время Юстиниана Великого и Феодоры. Вот так и надо писать историю, и даже лучше можно. Прочти, не пожалеешь.

Будьте здоровы и счастливы. Наши все шлют привет.

*Имеется в виду редакция «Ученых записок Московского университета», где была опубликована работа В.И. Смирнова «Материалы по библиографии побережья Белого моря» (Вып. IXX.1938).

2 июля 1939 г.

Милый Миша.

Спасибо за присылку галош. Очень кстати: здесь дожди и ветры, деревья стоят еще голые. Вообще весна в этом году неприветливая.

Сейчас в трамвае я был потрясен такой картиной. Против меня села какая-то пожилая дама, не богато, но прилично одетая – в шляпе и при косынке. Села она с мальчиком лет 11, совершенно рваным, босым, без фуражки. Впечатление «гопника». Ежеминутно мальчик засыпает. Моя соседка спрашивает даму: «Что с мальчиком?»

– Да он стоял ночь за рыбой, а теперь везу в милицию – деньги у меня украл, 9 рублей.

– Он Ваш родственник?

– Внук мой. Утром его сменила сестра, я ушла на базар, а он, вместо того, чтобы спать лечь, украл у меня деньги и убежал. В милиции, может быть, узнают, кому он отдал деньги.

Ты подумай – бабушка, заставляющая простоять ночь в очереди, вероятно, голодного мальчишку, везет внука в милицию. Детям надо бы готовиться к испытаниям, а они стоят в очередях.

Недавно, проходя мимо очереди за рыбой в 4000 человек, я обратил внимание на то, что, по крайней мере, стоит 30–40% в возрасте учащихся.

Зубной порошок у нас появился, но подсолнечное масло и гречневая крупа, сапожная мазь, а также горох исчезли. О сливочном масле говорить не приходится. Молоко 2 р. 50 к. литр. Становится трудно.

2 июля.

Письмо вчера не успел дописать. За это время случились следующие события. Получил от тебя письмо, получили в фотографии карточки Тани, выстоял, заняв очередь 836-м, два килограмма селедок.

За твоими пимами экспедиция поехала. Дал денег и получил твердое обещание, что пимы привезут. Здесь в меховом магазине появились пимы, но дороги (236 и 250 р.), и, как мне показалось, не настоящие ненецкие, которые шьются из шкурок с ног оленя.

Таня посылает тебе свою карточку, говорит, что это нужно сделать, так как дядя Миша ей прислал же свою. У части стада гусей носы она отрезала.

Насчет дачи пока еще ничего не предпринимал. Кто знает, как удастся устроиться. Если удачно, может быть, на грибной сезон все же удастся вас выгастить.

Ты как-то изъявлял согласие при случае справиться насчет гонорара за мою статью «Материалы по библиографии Белого моря», напечатанную в «Ученых записках Московского университета», вып. 19, 1939 г. Если у тебя будет время, и это не составит для тебя очень неприятной миссии, может быть, побываешь в этой Комиссии по изучению морфологии побережий (Моховая, 11). В случае успеха разреши мне отчислить на вашу поездку сюда за грибами.

Прилагаю два документа, из которых не явствует, чтобы я согласился работу сделать бесплатно, и копию моего письма, на которое Комиссия не ответила, выслав, впрочем, оттиски.

Если тебе это нудно, так плюнь. Теряли больше. А, между прочим, работу я писал, правда, у меня было много готового материала, в то время, когда был безработным.

Будьте здоровы оба и потому счастливы. Наши шлют привет. Лидия Сергеевна <нразб> держит с учениками экзамены, и, представь, последние отвечают хорошо, в школе стали жалеть, что ее открепили.

16.VIII.39

Милый Миша.

Несколько дней тому назад я возвратился из своей поездки на Пинегу и Кулой, но очередь до письма к тебе наступила только сейчас. Здесь дожидались меня кучи дел.

Посмотрел я Пинегу, ее скалы, леса и колхозы, видел Кулойлаг.* Более красивых мест, чем Пинега, я не видел ни на Кавказе, ни в Крыму. Если бы не убийственный транспорт, туристов следовало бы направлять сюда. К сожалению, транспорт речной и автомобильный в полном развале.

Опробование минеральных источников, их радиоактивности и газов – все это нужно мне, как рыбе зонтик. Зато внимание мое было поглощено лесным хозяйством и колхозами. В письме всего не расскажешь, одно могу сказать – впечатление потрясающее. Вся сумма впечатлений перестраивает совершенно мое представление о жизни.

Расскажу тебе все при первом свидании.

Мои дамы приехали с дачи 2-го августа. За все время их дачной жизни не было почти ни одного приличного дня – или дождь, или холод. Не было ни ягод, ни грибов. Последние только теперь стали появляться на базаре. Таким образом, ты не прогадал, что сюда не приехал в этот раз. Теперь здесь наступили чудесные дни, приходится, однако, заниматься всякими делами по издательству и по музею. Лидию Сергеевну уже запрягли в школе за подготовку неуспевающих к передержкам и за слушание политических лекций (4 часа в день). Это называется политической переподготовкой учащихся. Она перешла в другую школу недалеко от квартиры нашей. С этой хоть стороны будет легче.

Она получила на даче твое письмо. Благодарит за память, просит меня написать, что извиняется за молчание.

Написал отсюда по приезде с Пинеги с оказией тому инженеру, которому заказаны были пимы, чтобы прислал их, если купил. Ему посчастливилось недалеко от моря (в 25 км на реке Волонге, впадающей в Чешскую губу) открыть угли промышленного значения. Если не сопьется до приезда, шибко премировать будут.

Посылаю тебе, хотя тебе она совсем не нужна, только что вышедшую мою и одного геолога книжку о минеральных водах. Другого товара лучше пока нет.**

Мои помидоры в забросе, еще очень малы и хилы, многие только цветут. «Многие» – сказано громко: посажено 7 кустов.***

Отсутствие помидоров, яблоков и даже ягод на рынке делает положение нестерпимым. Самое плохое мясо 18 р., хорошее – 24. В магазинах очереди за конфетами (сахар бывает очень редко, и выстоять его невозможно), очереди в баню, в парикмахерскую. Никакой мануфактуры. Одним словом, с этой стороны невесело.

Будь здоров. Пиши. Наталье Викторовне все мы шлем привет.

В этом году побываю, думаю, поздней осенью или зимой.

*Кулойлаг, ИТЛ в Архангельской области (1937–1942). Основное занятие заключенных – лесозаготовки.

**В. И. Смирнов, А. А. Скробов. Природные минеральные воды Северного края // Труды Северного геологического управления. Вып. 4. Архангельск. 1939.

***Помидоры В. И. Смирнов посадил во дворе того дома, где жила на частной квартире Е. М. Китицына.

2.IX.39

Милый Миша.

Твое письмо и Ваша посылка прямо-таки потрясли меня. Не часто приходится встречать такие родственные отношения. Не сам по себе сахар, а эта забота наполнили меня в эти дни радостью и теплотой. Спасибо.

Здесь с сахаром очень плохо. Бывают случаи, когда население выстраивается с ночи, в лучшем случае с 6 часов утра, перед магазином. Последним методом бабушка все же добывала летом по кило.

Ты спрашиваешь, что у нас из продуктов отсутствует на рынке. Нет еще чая (но я в Кулойлаге немного купил, и пока еще не перешли на ма-

линный напиток), нет пшена, риса, а главное – нет фруктов и помидоров. Нет грибов. Не говорю о мясе, сыре. *Масло с жуткими очередями...**

Мне очень бы не хотелось удручать тебя заботами, но в этих условиях отвергать всякую помощь, как это сделала Польша, не приходится. Подвернется что-нибудь, – покупай. На всякий случай, чтобы было веселее, посылаю тебе деньжонок. Может быть, радостнее встретите день ангела Натальи Викторовны, которую и поздравляю заочно пока.

Насчет пим я получил письмо того инженера, которому поручил приобрести их. Он пишет: «Не по своей вине я до сих пор не исполнил Вашей просьбы, так как мои оленеводы приехали с летней одеждой, в конце сентября они обещали продать пимы, когда подойдем к зимнему становищу. Во всяком случае, если не достану пим у них, то можно будет достать в сентябре в Пеше».

Значит, во всяком случае в конце сентября пимы здесь будут.

Получил от Д. О. Святского письмо. Недавно его опять-таки взяли к ногтю за предсказание погоды, которое расходилось с разными планами посевных кампаний. К его счастью, предсказания сбылись.

Разве можно сейчас что-нибудь предсказывать по части погоды и политики? Как жаль, что эти вопросы не подлежат сейчас обсуждению, иначе я написал бы тебе свои прогнозы. Ну, потолкуем, когда увидимся.

Наши все здоровы и шлют привет и поздравления Наталье Викторовне.

Получил известие, что В. К. Симаков безнадежно болен, но теперь поправился и отдыхает в Переславле.

Будьте здоровы и счастливы.

P.S. Насчет Пришвина, думаю, не напечатают. Но ввести в свой текст комментарии к его очерку надо. «Да ведают потомки православных...»**

*Выделенное курсивом подчеркнуто в тексте красным карандашом.

**Речь идет, видимо, о воспоминаниях М. И. Смирнова «М. М. Пришвин в Переславле-Залесском». Очерк М. М. Пришвина «Родники Берендея» вызвал резкую критику М. И. Смирнова, Подробнее см.: М. И. Смирнов и М. М. Пришвин в Переславле-Залесском (1925–1926) (Сергиев Посад, 2013).

20 сентября 39 г.

Милый Миша.

Письмо твое (от 14 сентября) шло 6 дней. Обычно идут из Москвы письма 3 дня. Поэтому рассчитываю, что мое письмо придет числа 25–

26-го. Мне хотелось бы тебя предупредить – в ущерб здоровью твоему и благополучию не предпринимать очень рьяных шагов с посылкой. Неизвестно, какое распоряжение последует 25-го. Здесь отдано такое же распоряжение. Даже рукопись одну у меня не приняли ценной посылкой в Ленинград.

Не лучше ли будет, если ты купишь себе керосину или дров на зиму.

Здесь, правда, многого не хватает, но положение еще не катастрофическое. Есть хлеб без ограничения, соль появилась, покупаем молоко, иногда бабушке удастся купить утку или еще что-нибудь. Ведется еще твой сахар. Есть гречневая крупа, хотя и редко, достаем масло. Появились ананасы по 20 р. кило. Представь себе – их раскупают.

События идут с такой головокружительной быстротой, что нельзя еще сказать, где будет лучше, где хуже.

Пока не удастся даже поставить вопрос о поездке, хотя ехать совершенно необходимо. Дело в том, что загряз совершенно в Трестовских планах на 40-й год, сметах и т. д.

Дома потихоньку живем трудовой жизнью, никуда не вылезаем. Только раз был на свадьбе одного геолога и сам себе дивился, сколько я могу еще, не в пример молодежи, поднять при отличной закуске.

Получил от Казаринова письмо.* Четыре месяца он лежит, не вставая. Плох очень. Полное оскудение и разорение. Плохо заканчивает краеведение свои последние страницы.

А рукопись ты все же в Детиздательстве покажи. Может быть, сами они приспособят ее, как надо.

Будь здоров, главное будь здоров.

Привет Наталье Викторовне и пожелания здоровья шлют все наши.

*Казаринов Леонид Николаевич (1871–1940), директор краеведческого музея в г. Чухломе. Был арестован в 1930 г., выслан в Котласский район Северного края, по болезни отпущен в 1933-м, стал инвалидом (лишился ноги).

Ярославль. 28.IX.39

Милый Миша.

У меня большое горе. Умер Глеб от крупозного воспаления легких.* Сначала грипп, потом воспаление легких, которое врач, три месяца тому назад кончивший ВУЗ, принял за малярию, а лекарство прописал от же-

лудка. Когда другой врач нашел воспаление, долго не могли найти транспорт для перевозки в больницу.

Я получил телеграмму на 5-й день, но его уже не застал.

Осталась двухлетняя дочка и молоденькая жена.

В последнее время Глеб зарабатывал до 1000 р., но, кажется, сбережений не успел сделать – обзаводился. Жена получает 180 р. К счастью, он был застрахован в 2000 р. Таким образом, на первое время семья будет обеспечена.

Затеял он строить дом на ссуду от фабрики. Дом купил с компаньонном километров в 60 от Костромы. Наняли его разобрать и сплавить. Дом приплыл в день похорон. Сложная история с ликвидацией этого предприятия. В Костроме мне пришлось поэтому задержаться, кое-что урегулировать.

Теперь еду в Архангельск с большим грузом горя. Очень жалко сиротку-внучку.

Не знаю, когда удастся выехать в Москву и Ленинград. Вопрос этот откладывается теперь – запустил много у себя дел.

Будьте здоровы.

*Смирнов Глеб Васильевич (1909–1939), сын В. И. Смирнова от первого брака.

11.X.39

Милый Миша.

Получил обе твоих посылки. Спасибо тебе большое за хлопоты. Все дошло прекрасно и притом в момент, когда у нас, кроме приходившего к концу чая, ничего не было. Сейчас в Архангельске, помимо хлеба, баранок и некоторых суррогатов кофе, ничего без жутких очередей достать нельзя. Даже водки нет. И совершенно случайно в каком-то ларьке у бани достал я померанцевой, чтобы отведать твоего помидорчика. Подозреваю, что итальянские помидоры с твоих собственных плантаций.

Свободно здесь продается только русское шампанское и ананасы.

Таня уже раскрасила всю книжку. Она посылает тебе свой портрет с бабушкой. Бабушку фотограф омолодил, а Таню не ретушировал, поэтому она здесь более похожа, нежели на других карточках.

Другая моя дочь Настя в Москве.* После окончания курсов в июне ездила на работу от Мостранспроекта в Сибирь за Иркутск. Недавно

приехала и жестоко хворала малярией. Трагедия у нее в том, что нужно ехать теперь на Украину (в конце этого месяца), а туда нужен пропуск. Но так как она живет на нелегальном положении, непрописанная, у какой-то подруги, выправить пропуск нельзя. Рассчитывает, что все-таки в конце месяца какая-то комбинация с квартирой ей удастся.

На днях должен приехать тот инженер, которому я заказал пимы. Он еще раз заверил меня письмом, что купит настоящие, шитые жилами пимы. Или перешлю их, как только получу, или привезу, потому что обстоятельства издательские складываются так, что поездка в центры может состояться в конце этого месяца.

Чувствую себя не очень важно. Какая-то разбитость. Не могу еще пережить смерть Глеба. Что это такое: у тебя, у Сережи, у Маши погибли первенцы?*

Все, конечно, угасли при разных обстоятельствах, но что-то закономерное здесь в смысле биологическом. Впрочем, что об этом говорить.

Милый Миша, больше мне не посылай, по крайней мере, долгое время посылок. Сахаром теперь и чаем я обеспечен, хлеб есть, молоко покупаем, на базаре, хотя и с очередями, бывает капуста, рыба, картофель. Выживем. Не беспокой и Лизу: нельзя мобилизовывать всех родственников во имя нашего благополучия. Всем сейчас и своего дела достаточно.

Будьте здоровы и счастливы. Все наши шлют приветы и пожелания.

*Смирнова Анастасия Васильевна (1915–1993), дочь В.И. Смирнова от первого брака.

**Сергей Иванович Смирнов (1870–1916) и Мария Ивановна Никольская (1873–1937), брат и сестра В.И. Смирнова

3.XI.39

Милый Миша.

Погано идут дела. И настроение неважное, и обстоятельства не радуют. В связи с мобилизацией учителей сельские школы оказались в некоторых местах на замке. Город должен придти на помощь деревне. Лидию Сергеевну мобилизовали в числе других заполнять этот пробел, несмотря на ее протесты. Это положительное несчастье. Мы оба действительны только при наличии друг друга. Не знаю, чем еще кончится эта история, так как саботаж тоже может рассматриваться весьма неблагоприятно.

Жена Глеба написала, что через некоторое количество времени у меня будет еще внук или внучка. Это тоже беда. Вопрос тут встает насчет того, как прокормиться.

То ли посыпались шишки на бедного Макара, то ли нервы мои не в порядке – на службе начались разные недоумения и неполадки.

Собака геолог, который должен был привезти для тебя пимы, запил, и ни пим, ни денег (я дал ему 200 р.) не привез. Мне не жаль денег, которые я с него получу, в конце концов, но жаль, что я не смогу к сезону сделать тебе это удовольствие. Уезжая опять же в те края на буровые работы по исследованию углей, которые он открыл, он клялся мне, что вышлет. Но выслать-то оттуда непросто, если бы даже он и сделал покупку. А придет сам только к Новому году. Потерпи и не разочаровывайся в моих обещаниях. Как-то все уж складывается у меня теперь погано.

После праздников, которые хочется провести в семье, выеду в Москву и Ленинград. Единственная отрада в этой поездке, что вас увидаю.

Прочел 4-й том «Военных воспоминаний» Ллойд Джорджа. Яснее стало теперь положение на теперешнем западном фронте. Другие тома, к сожалению, нигде не встретил.

Если удастся взять билет, выеду, вероятно, сразу же после праздников. Будьте здоровы.

15.XI.39

Милый Миша.

20 ноября утром я приеду в Москву. После дневных трудов праведных вечером приеду к тебе в Томилино.

Билет у меня уже в кармане (через Москву в Ленинград).

Будьте здоровы.

22.XI.39

Дорогие Наталья Викторовна и Миша.

Спасибо вам за радушие и гостеприимство. С билетом устроился: еду сегодня в 11 ч. 30 м. ночи. Сообщаю это в надежде, что письмо получите

сегодня, и в расчете, что кто-нибудь пожелает меня видеть. С 10 часов буду сидеть в буфете или стоять в очереди к посадке, так как плацкарты не достал.

Будьте здоровы и благополучны.

21.I.40

Милый Миша.

Посылку твою с пшеном и рисом я получил и в тот же день написал тебе письмо. Думаю, что письмо ты все же получил уже после отправки открытки. Дело в том, что благодаря, видимо, цензуре письма двигаются весьма медленно. От Насти из Львова я получил письмо на 12-й день.

На всякий случай, если то мое письмо не дошло, повторяю свою благодарность за посылку и вопрос – сколько это предприятие стоило?

В конце декабря был на юбилее областного музея. Справлялось 80-летие. Как это не похоже на наши юбилеи и съезды. Прежде всего, одно самохвальство. Потом публика: начальник ГПУ, зав. ОблОНО, Секретарь партии и т. д. Баянист нажаривает туши за обильным завтраком и невиданными теперь закусками, играет фокстрот, а девки – научные сотрудницы музея (12 штук, все, кстати сказать, премированы за отличную работу) танцуют до упаду. Или орут «Широка страна моя родная», «Выходила на берег Катюша»... Нет, мы отстали от жизни. Хотел я навести справку насчет воздухов Ивана Грозного, но где тут! Заведующая фондами (перезрелая дева) обещала посмотреть. Надо будет еще раз настоятельно попросить.

Очень я расстроен с пимами. На днях привез мне пимы тот самый геолог, который обещал это сделать. Пимы очень красивые, сделанные из камасов, то есть шкурок с ног оленя. Но купил их без липтов, и мелковаты. Без липтов пимы недействительны. Никакой шерстяной чулок не может заменить по теплоте липты из собачьей шкуры.

Сейчас еду на толкучку, поищу, нет ли подержанных липтов. Если не найду, не знаю, что делать: послать ли тебе, или продать эту, по-моему, без липтов ненужную вещь?

Почему так сделал этой мой пьяный инженер, понять не могу.

Получил коротенькое письмо от Леонида Николаевича Казаринова. Пишет: «Пишу тебе и обнимаю в последний раз. Умираю...».

Здесь собачьи холода, все время гаснет электричество. Очереди за хлебом. Остальное без существенных перемен.

Будьте здоровы и благополучны. Наши шлют привет.

25.I.40

Милый Миша.

После изучения вопроса о пимах и после разных размышлений, я пришел к такому выводу, что пимы нужно выслать тебе. Оттого, что они лежат тут, толку мало. Между тем, оказывается, здесь многие ходят, употребляя вместо липтов обыкновенные шерстяные чулки. Может быть, шерстяные чулки у тебя есть, или ты сможешь их достать где-нибудь. В таком случае половину этой зимы все же пимы используешь, летом я сумею достать липты из собачины. Главное, ты примеряешь пимы. Если подойдут, носи на здоровье, а если не подойдут, я устрою их здесь.

Прости, мой милый, что нескладно сложилось это предприятие.

Получил печальное известие, что Леонид Николаевич Казаринов помер. Впрочем, неплохо еще то, что помер в семье своей, в своем доме, а что помер, так и лучше: жизнь его становилась сплошной физической мукой.

Здесь без всяких «существенных перемен». Часто гаснет электричество, часто не ходят трамваи, очереди за хлебом, полное отсутствие масла, сахара, круп, спичек и т. д. Водки тоже нет, и вообще ничего алкогольного.

Но пока есть хлеб, горевать не приходится.

Читаю «Тысячу и одну ночь». Как-то лучше чувствуешь себя в эти морозы, когда отвлекается внимание.

Как-то Вы там боретесь с морозами? Есть ли дровишки? Здесь хоть с этой стороны не так плохо. Поддерживает базар: картошка – 3 р. кило, редька – 1 р., свинина – 20 р. и т. д.

Недавно похворал гриппом, но не так долго. Отлежался.
Будьте здоровы и благополучны. Наши кланяются вам.

2 февраля 1940 г.

Милый Миша.

История со справкой относительно сийской пелены Ивана Грозного также неудачна, как история с липтами. После того как я безнадежно несколько раз напоминал об этой пелене заведующей фондами музея по телефону, решил сам принять меры к розыску этого экспоната. Года два тому назад старые описи музея бесследно исчезли. Новая опись по фондовому отделу очень коротка: №, название предмета, несколько описательных слов, ни даты, ни откуда этот предмет попал в музей. Я решил пересмотреть все пелены одну за другой. Оказалось их порядочно, кроме одной, я все пересмотрел. Эту одну мне не нашли. Цела ли она, не знаю. Во всяком случае обещали еще поискать. Несомненно Сийского монастыря две пелены: одна дар Филарета Никитича 1625 г., как значится в надписи вязью, другая неизвестного времени.* Изображение Антония Сийского в рост. Прекрасное парчовое и шелком шитье. По бокам надпись вязью, начало которой содержит что-то вроде похвалы Преподобному. Бегло просмотрел и остальную часть надписи: даты и имени вкладчика незаметно. Повторяю: надпись я не успел прочесть, так как не было времени. Пелену эту я попросил отложить и позвонить мне, когда найдут последнюю, еще ненайденную мной пелену. Тогда я срисую надпись вокруг преподобного Антония.

Мне кажется, если вклад Грозного не исчез, то им может быть только эта пелена. У Нила и Бороды слюни потекли бы при виде такого произведения.

Между прочим, нет ли описания этой пелены у Изюмова А. Фил. (вроде бы с таким названием его книга: «Описание вкладных книг Антониева Сийского монастыря»).** Но этой книги в музее нет. Между тем, хотелось бы не раньше заняться копированием надписи, как получив уверенность, что копируешь то, что надо.

Твое письмо с посылкой моей разошлись. Не удивлюсь, если узнаю, что пимы мои не подошли. Выход, как всегда, можно найти и из этого положения.

Сейчас у нас стало лучше с хлебом, удалось случайно достать постного масла, несколько банок консервов, 2 кило сахара. Теперь я за ближайшее время спокоен.

Будьте здоровы.

*Свято-Троицкий Антониево-Сийский мужской монастырь находится в Холмогорском районе Архангельской области. Основан в 1520 г., закрыт в 1923-м, в 1992 г. передан Церкви.

**Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониево-Сийского монастыря 1575–1694 (7084–7202). М., 1917. Изюмов Александр Филаретович (1885–1950), уроженец Костромской губернии, историк, архивист. Выслан в 1922 г. за границу вместе с большой группой ученых как «элемент общественно вредный».

18.11.40

Милый Миша.

Шесть дней лежу, как полено, в постели. Захворал давно гриппом, но перемогался, а неделю тому назад свалился совсем. Хвораю люмбаго. Мучительная штука. Утешаюсь тем, что все это тоже будет в прошлом.

Рад, что тебе полюбились пимы. Признаться, я на это не рассчитывал. Совсем было наладил дело с собачьими липтами, да свалила болезнь. Не знаю, скоро ли встану, и в каком положении застану вопрос с собачиной.

Не торопи пока и с Сийскими пеленами. Придется все же читать надпись всю, чтобы не просмотреть имя царя Ивана, если оно есть.

Здесь опять очереди за хлебом. Зато вот что хорошо вышло, так это с табаком и водкой. Вот уже несколько месяцев не продают спиртного, табаку и спичек. То, что удалось лишь людям с сильной волей, в Архангельске достигнуто в массовом масштабе. Все трезвенники, и очень немногие, запасшиеся табачком, еще кое-где курят.

Таньке сегодня исполнилось 5 лет. Носочки шерстяные из вашей шерсти ей связали. Она их очень любит.

Лидия Сергеевна чувствует себя весьма неважно. В школе полный развал. Не знаю, как дотянет год. Опять открылся туберкулез лимфатических желез.

Насчет денег за пимы, милый мой, не беспокойся. Потом когда-нибудь сочтемся, а сейчас деньги мне совсем не нужны, так как на них все равно ничего не купишь. Во всяком случае, стоят они пустяки.

Прости, что накривлял так письмо: пишу лежа.
Привет Наталье Викторовне и всякие лучшие пожелания от всех нас.
Ах, Миша, хворать в семье – это еще не большое горе.

3.III.40

Милый Миша.

Вторую неделю хожу на службу, но чувствую себя далеко не важно. Болит нога, и весь я какой-то разваренный.

Неужели, задаю иногда себе вопрос, это старость, это и значит стоять одной ногой в могиле.

Работоспособность моя очень упала. А жизнь иной раз кажется каким-то сном, кажется, что притворяешься, что живешь.

Не подумай, что я настроен пессимистично. Нет, жизнь для меня по-прежнему любопытна, хотя радоваться и хвастать нечем.

Расстроила меня смерть Даниила Осиповича. Марья Федоровна* пишет, что он умер 29/I. 40 накануне высылки из Актюбинска куда-то в степь за 70 километров. Это его очень расстроило, сердце не выдержало. Вымирает краеведение. Он-то, бедняга, мечтал о разных работах, которые при других обстоятельствах увидели бы свет и сделали бы ему имя. Ну, что делать, скоро все там будем.

У нас с продовольствием все хуже и хуже. Придется подумывать о командировке. Но очень трудно придумать предлог.

Надпись на пелене с изображением Антония Сийского прочел всю от начала до конца. Она содержит похвалу святому и ничего не говорит о вкладчике и дате вклада. Другая пелена, которую в первый раз не могли найти, оказалась вкладом Михаила Федоровича.

Я приобрел собачьи пимы с липтами. Их носили один год. Если у тебя найдется сапожник, который бы смог распороть, выкроить по ноге и сшить липты, тогда ты будешь устроен в лучшем виде. Если такого мастера нет, тогда эти пимы с липтами зря у тебя будут валяться.

Во всяком случае, я их пошлю, а там увидишь, что делать. Остатки от меха не бросай – они могут пригодиться.

Будьте здоровы, мои дорогие. Наши велют кланяться.

*Святская Мария Федоровна, жена Д. О. Святского.

4.IV.40

Милый Миша.

Жить становится все труднее. Вчера в буфете нашего Треста выдавали нам на завтрак по половине маленькой французской булочки за 33 коп. из муки далеко не первосортной. Надо было видеть, с каким аппетитом ела этот мой паек Танечка. Сегодня бабушка опоздала (в 5 ч. утра уже поздно) встать в очередь за хлебом. Неизвестно, удастся ли выстоять вечером. Я занял уже очередь (408 №) и время от времени наведываюсь: выстоять непрерывно несколько часов – дело непростое. Зато могу похвастать: утром купил 14 килограммов картофеля по 3 р., всего на 42 рубля. Это не больше меры.

Как раздумаешь – что же это за жизнь, когда буханка хлеба или мера картофеля делают человека гордым и счастливым? Только во имя буханки стоит ли жить?

И такая картина всюду, а местами хуже. Ты как-то писал, что хорошо употреблять кубики или консервированные суп, горох и т. д. Так беда-то в том, что ничего этого много месяцев уже нету.

Но все же как-то живем и даже не голодаем. Покупаем свинину по 37 р. килограмм, молоко по 5 р. литр, овощи.

Нет спичек, мыла. О табаке и водочке, хотя бы какой-нибудь, говорить не приходится. Сестра Лидии Сергеевны Нюта хотела послать посылку.* Ездил из Москвы нарочно в Серпухов. Но и там не принимают. В первых числах апреля обещается приехать сюда Настя. Значит, немного подвезет.

Хвораю часто. Болят ноги. А на днях были такие боли в пищеводе, что возили в карете скорой помощи в больницу. Полагали, что отравление. Промыли желудок, а через час опять боли. Знакомый врач говорит, что, по-видимому, камни ворочаются в печени. Надо бы просветить печень. Но здесь нет таких приспособлений. Поехать в Москву пока нет возможности. Да и что получишь в Москве? Нужна та же протекция, чтобы попасть к хорошему врачу. А здесь прямо боюсь – угробят.

Хочется приучить себя к мысли, что скоро (или, во всяком случае, не так уж долго) придет конец. И с этой точки зрения хочется построить остаток жизни, хочется не размениваться на пустяки, успеть сделать, что поважнее и понужнее. И к людям хочется относиться иначе.

Будет. Опасаюсь, что наведу тебя на грустные размышления. Между тем, несмотря на превратности судьбы, на хворь, на лишения, я не теряю ни духа, ни настроения. С интересом прочел еще один том мемуаров Ллойд Джорджа – V-й. С отвращением прочел один том Маяковского. И этого поэта должны изучать ученики 7-го класса. И нескладно, и неостроумно, и грубо.

Желаю вам доброго здоровья. Все домочадцы присоединяют свои пожелания и приветы.

*Китицына Анна Сергеевна (Нюта), сестра Л. С. Китицыной.

19.III.40

Милый Миша. Из всех ваших злоключений самое горькое то, что сократили Наталью Викторовну. Ели бы это было здесь, это не представило бы сколько-нибудь заметного события: в каждом номере газеты объявления – требуются счетные работники. Жаль, что для приезжающих счетных и иных работников здесь совсем нет квартир. Неужели все же Н. В. ничего в Москве или под Москвой не сыщет подходящего?

Люмбаго мой (прострел тоже) прошел. Но остались ревматические боли. Перестал заниматься в холодном помещении музея – стало лучше.

Насчет платы за пимы ты, пожалуйста, не беспокойся. Я вовсе не пишу о цене не потому, что рассчитываю на компенсацию продуктами, а потому, что деньги здесь не нужны. С трудом добываем хлеб. Молоко еще достаем, картофель не каждый день бывает на базаре.

Какая-то закономерность в этой товарной депрессии: 20-й год (наследие буржуазного хозяйства), 30-й год (вредительство). 40-й год (?). Со страхом думаю о весне.

Собачьи пимы, когда я присмотрелся к ним и увидел, что лезут, отдал назад. Надо будет отыскать что-нибудь получше. Так ты меня извини, что обещал выслать и не послал.

Не знаю, получил ли ты мое письмо о смерти Даниила Осиповича. Хорошо было бы, если бы ты написал несколько строк убитой горем Марии Федоровне. Адрес: Актюбинск, ул. Дзержинского, 64.

Понемногу издыхает краеведение. И негде отметить эти утраты. Сейчас речь не об этом уж, а как бы выжить.

Хочется повидаться. Начинаю придумывать поводы к поездке, но, по совести говоря, ехать незачем, так как печатать не на чем. Сдал два выпуска трудов в здешнюю типографию, а бумаги нет. Сдал под обещанную исполкомом бумагу. Набирают, и, может быть, придется разобрать. Таковы дела. Завоевание Финляндии пока что не принесло облегчения.

Будьте здоровы. Наши шлют привет.

13.V.40

Милый Миша!

Давно собираюсь написать тебе, но то ли однообразны впечатления жизни, что не охота повторяться, то ли усталость, – взяться за перо не могу удосужиться.

Все помыслы сосредоточены на борьбе за существование. Очереди, как система, вошли в нашу жизнь. За сахаром я стоял номером 913-м. Один раз за несколько месяцев я выстоял 200 грамм масла. Давно позабыл вкус колбасы и рыбы. На рынке цены изумительные. В прошлый выходной три часа стоял за мясом, по 45 р. килограмм. Сегодня уже 50 р.

Поддержала Настя. Она приезжала повидаться; привезла два кило масла, немного крупы, белых сухарей, спичек. Последних у нас нет несколько месяцев.

Но хлеб (черный, белого не бывает) сейчас почти без очереди. Время от времени появляется водка или какой-нибудь ликер. Через несколько минут жаждущий Архангельск все это расхватывает.

В Костроме введены карточки. Там голодает семья Глеба.

На этом фоне даже потрясающие события международной жизни бледно выглядят.

Совершенно не представляю себе, как устроить семью на лето. В Архангельске летом прожить в нашей квартире невозможно. Ехать в деревню опасно уже по тому одному, что можно насидеться без хлеба. В деревнях общественные пекарни давно прекратили выпечку хлеба.

Надо бы ехать в Москву, но меня не командировуют, потому что командировочные деньги Управления все уже проехали. Не знаю, не удастся ли все же вырваться в конце мая.

Здоровьем не похваляюсь. Чувствую слабость, и все как-то из гриппа не удается окончательно вылезти.

Как Вы там, живы ли? Марья Федоровна Святская мне тоже ничего не пишет.

Будьте здоровы.

28.V.40

Милый Миша. Получил и открыточку, и письмо твое. Все мы жалеем бедную Наталью Викторовну. Не дай бог сейчас хворать. Здесь даже тяжелобольным в больницах не дают хлеба. Нет медикаментов, нет перевязочных средств. Попасть к доктору непростое дело. Очень много мрет народа, потому что самый организм, благодаря недоеданию, подточен.

Если болезнь Натальи Викторовны на нервной почве, не следует ли лечить нервную систему, а не жечься кварцевым светом? Все следовало бы ее показать врачу по нервным [болезням]. Спасибо за приглашение на дачу. Но воспользоваться этим приглашением мы не сможем. Не сможем уже по тому одному, что моя поездка в Москву в конце мая опять сорвалась по непредвиденным с моей стороны обстоятельствам. Значит, поискать что-нибудь подходящее на месте не придется. С другой стороны, ездить в далекие пути с семьей сейчас весьма рискованно. Новое расписание поездов, отмена некоторых – создали такое положение, что в Вологде сидеть приходится целые сутки.

Где-нибудь придется устраиваться на лето в Северном крае. Здешний областной музей предлагает сделать небольшие раскопки на Лаче озере близ Каргополя. Может быть, съездим туда. Списываюсь теперь насчет питания: есть ли хлеб, можно ли купить картошку и молоко. А рыбу буду сам ловить в озере и в Онеге.

Всецело занят очередями. Бабушка из-за Таньки, и потому что ее выпихивают из всякой очереди, благодаря ее тихому нраву, не может стоять. Лидия Сергеевна с утра до ночи занята экзаменами, консультациями (теперь учитель накануне экзаменов должен натаскать учеников – это называется консультацией). Приходится мне выстаивать. Иногда часов по 5–7. Вчера выстоял килограмм яшной крупы. Позавчера удалось купить килограмм трески и т.д. Иной раз займешь близкую очередь, но это не значит, что получишь что-нибудь. Возят обычно в магазины продуктов понемногу: человек на 80, на 100. Бывает – дают белый хлеб

(по 3 р.), но мне ни разу не посчастливилось купить. В очередях безобразия, драки, втискиваются к знакомым любители легкой <нрзб>. Кругом никакой милиции. Одним словом, даже очереди не можем организовать. Когда подумаешь, сколько часов теряет население в общей сложности, сколько народа простудится – становится страшно. А погода холодная. Порхает снежок. Деревья совсем голые, без листочка.

Надевают шубу, валенки, рукавицы. Дети бегают, дерутся, чтобы согреться. А учащиеся, кончив занятия, шайками врываются в длинные цепи очереди, совершенно деморализуя этими прорывами фронт.

Все приходится терпеть, так как базар с его ценами становится недоступным. Мясо 50 р., рыба, самая мелкая, 18–20, крупная 22–25, 28 р., масла в продаже по вольным ценам нет, круп нет. Картофель 4 р.

Радуюсь твоим литературным успехам. Между прочим, в некоторых издательствах гонорар сейчас 600 р. за авторский лист.

Вчера получил письмо от Марии Федоровны Святской. Она в Актюбинске. Ездил в Ленинград. Продает книги и рукописи Даниила Осиповича. Спрашивает моего совета, сколько ей запросить за астрономическую картотеку Даниила Осиповича, которую хотела бы купить Академия наук (4000 карточек). Ну, что тут посоветуешь, кроме того, что надо положиться на совесть покупателя. Это работа целой его жизни. А рукопись его по истории астрономии как раз поступила в печать, о чем, умирая, он так и не узнал. Чем живет М. Ф., она не пишет.

Ну, будьте здоровы. Спешу навеститься в очередь, которую занял, когда шел к бабушке завтракать (№ 874). Неизвестно, что привезут. Приходится эти экскурсии делать во время занятий, а получить, если удастся, только вечером.

Еще раз от всех приветы и пожелания здоровья и благополучия.

Вот у меня к тебе какая просьба: не пришлешь ли в письме британский ножичек. На здешнем рынке их нет полгода.

(Притисано на полях письма).

28.VI.40

Милый Миша, мое положение не так страшно, и на жизнь я не сетую. Получил на днях посылку из Костромы от свояченицы Нади, которая служит бухом в Военном Комиссариате. Один геолог привез из Ленин-

града 4 кило круп. Завтра приезжает другая свояченица, сестра Л. С., из Москвы – тоже привезет. Наконец, я изучил вопрос об очередях: сегодня, например, заняв место под № 565 в 12 ч., около 5 ч. вечера получил 10 яиц. За это время успел сходить на почту и немало переколол дров. С сегодняшнего дня в отпуске, значит, могу заниматься этими делами с утра.

Нет, за меня не беспокойся – с этой стороны. А вот иногда мне кажется, что я схожу с ума. Даже во сне нередко вижу себя сумасшедшим. И неудивительно: понять окружающее и совершающееся мудро. Не знаешь, о чем думать, кого жалеть. Франция и другие малые, очереди, переезд бабушки ко мне в комнату, цветы в Риге, задача – купить, а главное привезти дрова и т.д. В Финляндии, как я узнал на днях, убили того юношу, Вадима Беляева, у которого я останавливался в Ленинграде, которого любил, как сына, с которым разделял этапы и ссылку.* А сколько других знакомых, не таких близких, легло там ... И почему это человечество, достигшее таких вершин в науке и искусстве, давшее высокие образцы морали и политической и общественной мысли, вопросы международной политики не может еще разрешить без крови и самого подлого лицемерия? И долго ли будут продолжаться такие ужасы?

Бабушку пришлось перевести с Пермской ул., дом 8, где я прожил 5 с лишком лет, в мою комнату при Управлении. К хозяйке на Пермской должна приехать сестра, противиться ее желанию, чтобы мы вывезли бабушку, мы не в силах. Пришлось комнату в Тресте разделить перегородкой, перетащить сундуки, чугуны, ухваты, горшки, какие-то кадки и, черт знает, откуда, что взялось, когда мы успели обрасти разным хламом.

Лидия Сергеевна, кончив 10-го июня экзамены, уехала на 10 дней по путевке, которой ее премировали в дом отдыха в бывший Сийский Антониев монастырь. Пишет, что там очень хорошо, кормят, с ее точки зрения, весьма нетребовательной, неплохо: яйца, молоко, никакого мяса и рыбы. 23-го она приезжает.

Я поеду числа 28-го июня вместе с Лидией Сергеевной и Таней в Каргополь, где пробуду месяц. Писать туда можно по адресу: г. Каргополь, Архангельская обл., Музей, Вас. Ив. Смирнову, а сюда пиши теперь по адресу: Архангельск, П. Виноградова, 137, кв. 18, мне.

Я хочу тебя спросить, какой № ботинок или туфель носит Наталья Викторовна. Здесь нередко сейчас продают ненецкие домашние туфли. Недорого и красиво.

Будьте здоровы, мои родные

P.S. Спасибо за бритвенный ножичек. Больше не посылай – я знаю удивительный способ точить их. Если в Москве в продаже тоже исчезнут, секрет я тебе сообщу.

*Беляев Вадим и его брат Валерий, юные костромские краеведы-натуралисты, друзья семьи В. И. Смирнова, высланные в Архангельск. Вадим Беляев погиб на финской войне. О них см.: В. И. Смирнов. Народ в тюрьме (1930–1931). Сергиев Посад, 2011. С. 163–164.

5.VIII.40

Милый Миша!

В Каргополе не мог удосужиться написать тебе, хотя часто думал над этим и вспоминал тебя. Насмотрелся я теперь на провинцию Северного края досыта. И вместо отдыха во время отпуска замотался с раскопками и Лидию Сергеевну измучил. Может быть, уж и не по годам широкие предприятия. Но начну сначала.

По дороге в Каргополь осмотрел город Няндому, известный своим домом культуры и баней. В доме культуры половина стекол выбита и все балясины на балконах выломаны, а в бане три года не моются, потому что она заселена жильцами.

Каргополь хороший красивый город с широкими улицами, с садами из столетних берез, лип, лиственниц. А главное – с многочисленными древними храмами. Когда-то, и притом недавно, здесь были 36 церквей. Остались только те, которые охраняет Главнаука, которые, следовательно, никто не охраняет. Два собора, построенные при Грозном, нарядные, как игрушки, разваливаются, стекла выбиты, живут голуби, паперти превращены в уборные. Два собора и несколько церквей 17 в. В одной из них помещается музей, в другой – архив. Стекла все равно выбиты. Сохранились земляные валы средневековой крепости, в которых ловко приспособили овощехранилища*. Онега здесь представляет горло озера около полутора километров, а озеро Лаче имеет 35 км. длины и 13 км. ширины. Ходят пароходы, моторки, рыбацкие лодки. Весь город ловит рыбу, потому что ее много, а другого ничего нет.

В продовольственных магазинах только перец (здесь сейчас только сода и два сорта кофе). На базаре можно купить на хлеб или табак яйца и молоко. Но так как хлеба и табаку у обывателя нет, закупить молоко или яйца дело непростое. Много ягод – земляники, морошки, черники, голубики по 1 р. стакан. Грибы, которыми славится Каргополь, при мне еще не начинали родиться.

В музее, который собрал один антиквар-торговец, много интересных коллекций, но все преподнесено весьма убого. Заведует музеем партийный работник, потерявший на охоте ногу, которого и послали сюда на кормление. Но человек он приличный, а главное, хороший рыбак, что для нашей экспедиции имело существенное значение.

Архив громадный и, должно быть, интересный. Заведует им одна из домохозяек, умеющая подписываться и получающая за это 125 р. в месяц.

Четыре завода, обрабатывавшие всю белку России, в том числе и сибирскую, закрыты. Но Карлаг, помещающийся в монастыре, основанном Иоанном Волосатым, организовал лесозавод.**

В настоящее время край усиленно заселяется поляками.

Видел я несколько деревень. Примерно 30% домов заколочено. В полях много васильков. Церквочка, восьмериком рубленая, с шатровой колокольней 17 в. являет печальную картину. Внутри резные колонны в два обхвата из одного дерева, на полу иконы – квадратные Спасы с печальными глазами, новгородского письма деисусы и проч.

Копали мы без простоев, с остервенением, ел гнус, пекло солнце, и накопали четверть тонны, много костяных предметов, два погребения неолитических. Замечательный сосуд, украшенный лебедями, и т. д.

С нами был один комсомолец, которого прикомандировали, не знаю зачем. Отличник, сын художника, парень 17 лет. Так вот, если такие отличники, что же другие рядовые учащиеся из себя представляют. Это не беда, что он сморкался, приставив прямо к носу палец в лодке или за обедом, не беда, что, что бы ни поручил ему сделать, обязательно не сделает – забудет или перепутает. Беда случилась другая – он чуть было не утонул у меня на глазах. Дело было так. Ветер отогнал от берега нашу лодку. Тут недалеко мель. Говорю, ну-ка кто-нибудь сбегайте, вытащите лодку. Он бросился, сломя голову, а я спокойно занялся своим делом, зная, что тут мелко, а он хвастался своим умением плавать. Взглянул на реку, вижу, он, не торопясь, раздевается, а лодка отплыла уже подальше. Потом пошел

по бережку в другую сторону, очевидно, рассчитывая, что лодку погонит ветер к нему в сторону. А лодка пошла по течению в противоположном направлении. Плывет, а расстояние между ним и лодкой увеличивается. Бросился я сам в воду, кричу: «Воротись!». Слышу вопль: «Тону!». Можешь себе представить, что я пережил в этот момент. Подплыл к нему, не вижу в волнах его головы. К счастью, крик услышал удивший рыбу какой-то гражданин, вытащил его. Ведь я легко бы заработал за этого комсомольца пятилетку. Вот какие бывают случаи.

В Каргополе мы покушали досыта рыбки. Зав. музеем, пока мы копаем, каждый раз, когда приезжал, натаскивал на уху, на две окуней и шук. С остальными продуктами было слабо, а главное – не было овощей, даже картофеля, в Каргополе нет ни одной картофелины. Свежий еще только начинал цвести. Поэтому Лидии Сергеевне приходилось туго. Вообще ее здоровье неважно. Не знаю, как она сможет осилить предстоящий учебный год.

Я еще в отпуске и собираюсь завтра за грибами. На базаре десяток красиков стоит 7 рублей. Поэтому поход в леса имеет свой резон, помимо удовольствия общения с природой.

Пока я был в Каргополе, и пока шел ответ на мой вопрос относительно № туфель Натальи Викторовны, ненецкие туфли с горизонта исчезли. Придется подождать.

Мечтаю о продовольственной поездке в Москву, так как запасы сахара на исходе, пшено еще есть.

Будьте здоровы и благополучны.

*Вероятно, здесь жил и Даниил заточник, а также и Болотников, которого потом утопили в Онеге. – Прим. В. И. Смирнова

**Правильнее: Каргопольлаг – ИТЛ, организованный в 1937 г. в Успенском каргопольском монастыре. Во второй половине XVI в. старцем Иоанном Волосатым была основана пустынь, преобразованная в середине XVII в. в женский Успенский монастырь, который был закрыт в 1925 г.

30 сентября 1940

Милый Миша, только сейчас, когда я сижу в поезде на Ленинград, я, наконец, выбрал время написать тебе письмо. Днем обычно налит до отказа службой, а вечером, намотанный, помышляю только о том, чтобы поскорее улечься спать.

Жизнь катится в том же порядке. Преобладают помыслы о чреве. Даже во время промелькнувшего отпуска или добавил грибы с ягодами, или стоял в очередях. Становишься и не знаешь, что будут давать, и будут ли. Однажды днем простоял три очереди и ничего не получил: оказались пустыми.

У кого есть блат, знакомство, кто прикреплен к закрытым распределителям – живут сравнительно неплохо. Остальные должны довольствоваться очередями за свининой по 65 р. кило или кониной по 30 р. кило и т. д. Это колхозные цены на базаре.

Ты пишешь – приходится от многих привычек отвыкать. Печальная это штука, и я тебе сочувствую. Но когда приходится по совсем другим мотивам отдыхать от сахара, не говоря про табак и водочку, посочувствуй мне.

Уже не первый месяц сахару или конфет мы не видим, и кофейный напиток с черным хлебом или с черными сухарями не настраивает душу на возвышенный лад. Вчера Таня закончила сахар, который для нее был отложен, и к которому мы не прикасались. Теперь и ей придется равняться.

Последнее время мне и Л. С. стали выдавать на службе по две белых булочки или кренделька. Все это несем на Танин алтарь.

Как-то удалось за 25 р. купить два арбуза и еще раз за 9 р. (по 3 р. кило). Яблоко она не видала в этом году.

И все-таки вывертываемся кое-как. Это еще не голод, который мы видали. Хлеб черный (с порядочной, правда, очередью) можно получить.

Все эти жизненные неполадки не мешают размышлять о судьбах разгромленной Франции, родины нашей и других стран, о судьбах, уготованных им всей предшествующей их историей.

Радуюсь твоим литературным успехам. Попасть в нашем положении в большой журнал, это значит попасть в хорошие люди.*

Недоумеваю только, зачем ты берешься поправлять, хотя бы и за тысячи работу Иванова о Переславле. Пусть себе печатают, что хотят, под своей маркой. Каждому свое.**

Переславль в «На стройке СССР» видел. Хорошо. Но вот очереди не засняли – жаль.

Ты спрашиваешь, почему найденные погребения у Лаче-озера неолитические. По правде говоря, черт их знает. Костяки и орудия, найденные с ними, еще не говорят за неолит.

Что касается твоего вопроса относительно дьяковых городищ, обсудим при личном свидании. Я все же рассчитываю непременно заехать из Ленинграда в Москву повидаться.

Жалею, что не послал тебе денег купить что-нибудь для меня при случае, хотя я и сам в Ленинграде, может быть, успею что-нибудь купить. Дни там будут, правда, насыщены делами. Мне нужны только масло и сахар. Остальное неважно, и некуда класть. И вообще не надсаждайся покупками.

Поезд останавливается у каждого телефонного столба. Это дает возможность писать более или менее разборчиво. Опаздываем в Вологду на 3 часа. Там будем сидеть 8 часов. Есть время послать письмо, если найду в этом областном городе конверт. У нас их второй год не вырабатывают и не продают привозных.

Все вперед на курьерском идет культура. Может быть, поэтому с нами и не считаются теперь.

Будет. Поезд тронулся рывками. Утомительно писать, притом эзоповский язык, которым иногда пытаешься говорить, претит.

Целую Вас.

Числа 7–9 августа надеюсь расцеловать в натуре.

Из Ленинграда напишу, когда именно буду в Москве, или дам телеграмму.

* Речь идет о моей статье «Коломенская дворцовая волость XVII–XVIII ст.», сначала одобрительно принятой редакцией журнала «Исторические записки Академии Наук» и намеченной в декабрьскую книжку, а потом неожиданно возвращенной мне как «краеведческая». Дело в том, что я чужой для этой редакции, и не был никем поддержан. Примеч. М. И. Смирнова.

** Рукопись К. Иванова «Переславль-Залесский в его прошлом и настоящем» была просмотрена мною из желания помочь безграмотному автору дать о моей родине достойную книгу. Но ознакомившись с нею, я убедился в ее полной непригодности. Между тем, она уже печаталась. Дал о ней обций отрицательный отзыв и не требовал гонорара за рецензию.

Отзыв об этой анекдотической книге, вышедшей в самом конце 1940 г., см. в газете «Правда». Примеч. М. И. Смирнова.

9 октября 1940 г.

Милый Миша, никак не могу вырваться из Ленинграда и не знаю, когда удастся. Хотелось бы выехать 12 или 13 октября.

Не покупай мне масла, если еще не сделал этого. Я купил и опасаясь, что испортится. От сахара не откажусь. Здесь его нет. Не откажусь также от кило яблок. Больше не старайся – не довезу.

Возможно, успею еще написать, когда достану билет, или телеграфую.

Целую.

20.X.40

Милый Миша.

Добрался кое-как до Архангельска. Проводил меня, кроме Насти, Володя (Сергеич).^{*} На вокзале уже я почувствовал себя неважно – боли не то в пищеводе, не то в почках, понять не могу. Это третий раз у меня. В вагоне пролежал, не вставая, до самого Архангельска, а в Архангельске опять свалился, как только пришел домой. И только сегодня почувствовал себя сносно.

Написал Маркову сегодня.

Я взял у вас на дорогу масло и совершенно забыл отдать деньги. Занесите это в мой пассив, а пока что примите еще раз мою благодарность за заботы обо мне и извините за беспокойство.

Пока я ехал, случилось так, что тот вагон, о котором я так беспокоился, из Ленинграда отправлен. Значит, поездка в смысле дела выполнена, как следует.

Здесь одна только новость: исчез совершенно черный хлеб, выдают только белый (точнее – полубелый) и из того же теста калачи. От этого пострадали не только те, кто кормит скотину хлебом, не только беднота, но и прочие граждане, так как хлеба и калачей, в общем, выдают меньше, создаются очереди. Бывает, что бабушка встает с утра и получает только к ночи. Вчера я был свидетелем, как машинистка отпрашивалась со слезами у начальника Управления в очередь за хлебом, которого она не может достать несколько дней. Муж у нее служит, а сын учится, и все они сидят без хлеба несколько дней. Так-то, мой милый.

Будьте здоровы и прочее. Целую.

^{*} Смирнов Владимир Сергеевич, племянник В. И. Смирнова.

12.XI.40

Милый Миша, не то чтобы не было времени написать письмо, а скорее какая-то усталость является причиной того, что не отвечаю никому на ряд полученных писем. И то еще обстоятельство мешает писать, что противен собственный эзоповский язык письма и обычный его сюжет насчет жраниды. Чтобы покончить с последним вопросом, скажу, что теперь мы устроены с питанием хорошо. К праздникам нам выдали со своего склада вроде масла, сахара, конфет, колбасы, ветчины, селедок, чая. Это остатки продовольствия вайгачской экспедиции. Теперь обедаемся. И в магазинах давали разную снедь, но я ничего не выстоял и не стоял. Только один раз за вареньем попытался занять очередь (№ 402), но не выстоял.

От Маркова получил письмо, он собирается обязательно побывать у тебя, может быть, уже побывал.*

Теперь у нас еще забота. Город стал центром военного округа. Предполагается в начале 1941 г. провести паспортизацию. С июня составляются списки. Ходят мрачные слухи, что бывшие люди не получают паспорта – им будет предложено в 24 часа выбрать новое местожительство.

Можно хлопотать о снятии судимости на основании 55 статьи Уголовного кодекса. В дополнении к этой статье сказано, что снять судимость может или нарсуд, или тот орган, который судил. Необходимо представить 1) копию приговора, 2) справку домоуправления о том, где проживаешь, 3) справку учреждения, в котором служишь, в какой именно роли и сколько времени, 4) подписку о том, что за все время со дня приговора не привлекался к судебной и административной ответственности, 5) документ, удостоверяющий, что срок наказания отбыл.

Нам копий приговора не выдали и не выдадут. Таким образом, в нарсуде хлопотать не приходится. А обращаться в Ивановский ОГПУ – не знаю, даст ли какой-нибудь результат. Не решил еще – попробовать или не стоит.

Идут аресты среди учащейся молодежи. Между прочим, арестовали сына-студента А. П. Угрюмова, юношу 21 года.**

Здесь с 23 октября установилась теплая многоснежная зима. Занесенные снегом живем, как зайцы, озираясь и всего пугаясь.

Будьте здоровы.

Наши все здоровы, кланяются.

Забыл: твои конфетки – самые любимые у Тани. Выдаются ей раз в день, хотя она просит всегда повторения.

*Марков Сергей Николаевич (1906–1979), поэт, писатель, географ, этнограф, уроженец Костромской губернии. Арестован в 1932 г. Находясь в ссылке в Архангельске, познакомился с В.И. Смирновым.

***Урюмов Александр Павлович, переславец. Примеч. М.И. Смирнова*

15.XII.40

Милый Миша.

Сегодня узнал приятное известие: город Архангельск постановлением Правительства объявлен «нережимным городом». Это значит, что рассчитывать на улучшение продовольственного вопроса не приходится, но вместе с тем это значит, что паспортизация будет проходить обычным путем, и вся подготовка к ней, и все те анкеты, которые мы заполняли по этому случаю, идут насмарку. Мы вздохнули свободнее. «Режимными» будут города, которые имеют оборонную промышленность.

Все же у нас нет теперь очередей за хлебом, и появилась водка и вино всех цветов и сортов. Подешевела на базаре свинина (до 50 р. кило) и мясо (до 30 р., правда, самое постное имеет эту цену). Остальные продукты вроде яшной крупы, вермишели и даже конфет иногда дают, но такие очереди бывают, что нам еще ни разу не удалось получить что-нибудь.

Хорошо, что твоего Сергия напечатали, хотя и в искаженном виде. Все это дает тебе открытые двери и в другие органы. Между прочим, из сюжетов церковной жизни Севера, мне кажется, не был освещен нигде в широкой прессе вопрос о «Соловецком сидении». Между тем, эта четырехлетняя осада мятежной обители, имевшей столь жуткую судьбу, интересный факт русской истории.

Твоего Сергия я прочел с большим удовольствием.* Но, видимо, редакторская рука постаралась изобразить личность самого Сергия такой серенькой. В твоих рассказах он выглядел интереснее.

Не знаю, почему Марков до сих пор не побывал у тебя. Он писал совершенно определенно, что это сделает. Как-то еще раз получил от него письмо и выслал ему по его просьбе газеты «Северный краевед» и др.

Но ответа не получил. На всякий случай сообщаю тебе его адрес: Ст. Можайск западной железной дороги, 3-я Железнодорожная, 24, Сергею Николаевичу Маркову.

Милый мой, твое удрученное состояние по поводу всяких болей и неопределенности судьбы мне очень понятно. Но падать духом не стоит, потому что упадочные настроения только ускоряют развязку. Нам выпала судьба бороться до конца. Наше дело жить. Как-то перестанешь отличать прошедшее от настоящего, и частью – будущего. В конце жизни как-то яснее становится смысл ее. А сознание, что ты представляешь часть этой жизни, примиряет с нею. Мы с тобой не можем верить в переселение душ и не пришли к абсолютному координату, богу отцов Авраама, Исаака. Поэтому тот кусочек оставшейся жизни не будем проклипать, а будем радоваться.

Сообщаю тебе адрес А. А. Золотарева – он утешит, если случай даст возможность повидать его: Москва, Смоленская сенная площадь, д. 27, кв. 34.**

Спешу закончить письмо, так как через несколько минут уезжаю в Няндому брать пробу газа, от которого двое на тот свет пошли.

Еще новость: с меня сняли, как и всех прочих, совместительство (по издательству), самой работы не сняли, а только «излишний» заработок. Не знаю, чем кончится эта история.

Будьте здоровы. Наши все шлют привет.

Конфетки твои у Тани кончились, а у нас давно кончился сахар.

*В журнале «Антирелигиозник» (1940, № 5–6) «Культ Сергея Радонежского».

Примеч. М. И. Смирнова.

**Золотарев Алексей Алексеевич (1879–1950), краевед, председатель Рыбинского научного общества (1918–1930), публицист, религиозный философ. В 1930 г. был арестован и выслан на три года в Архангельск.

16.I.41

Милый Миша. Давно на моей совести лежит забота ответить на твое письмо. Так зашился с разными делами, что иногда забываю, как меня зовут. Сегодня подал рапорт об освобождении меня от издательских дел, тем более, что за них не платят. Тем не менее, на днях придется ехать в Ленинград по разным дурацким делам, в том числе и по издательским.

Последнее надо сделать только потому, что хочется помочь одному геологу выйти в свет.

Не знаю, удастся ли спланировать поездку так, чтобы заехать в Москву на обратном пути. А надо повидать кое-кого. И уж, конечно, вас.

Не знаю, почему Марков ни тебе, ни мне не пишет. Он так иногда работает, что потом садится на некоторое время в психиатрическую лечебницу.

Завтра иду просвечиваться рентгеном. Повторилась опять история с болями пищевода, которую я испытал в дороге из Москвы в прошлый раз. Исследование кислотности желудка, однако, дало нормальные показатели. Сейчас чувствую себя прилично.

В Архангельске стали кое-что делать. Правда, очереди не изжиты, но кое-что удалось получить (1,5 кг. сахара, 0,5 кг. конфет). Белый хлеб появился. Сегодня дают постное масло, но при том морозе, как сегодня, выстоять не придется. Вчера сыр был без очереди – 24 р. кило, давали по 200 г., но я «завернулся» 3 раза. Одним словом, жить стало все веселее.

В холода часто думаю о вас – согреет ли вас торф. У нас в квартире тепло. Но в своем музее я сижу в шубе, а Лидия Сергеевна замерзает в школе с разбитыми окнами.

Танька начинает почитать и тянется кверху.

Будьте здоровы в Новом году и благополучны.

22.I.41

Милый Миша.

С огорчением сообщаю тебе, что в Москву не попаду. Начальство решило, что заезд мой туда – излишняя роскошь. Ну, дело хозяйское, по-видаемому в другой раз.

Еду третьи сутки в Ленинград. До Вологды наш поезд запоздал на 10 часов, а сибирский поезд, который должен прицепить в Вологде наш вагон, опаздывает еще на 14 часов. Вагоны запущены, в уборную ходим, надевая по очереди резиновые сапоги одного топографа.

В Управлении работает шестая подряд ревизия – разбазарили государственное имущество, проворовались. Перед самым моим отъездом мне передали, что на собрании, устроенном одним гос. ревизором, собрании,

посвященном труддисциплине, один унтер Пришибеев обратил внимание на то, что В. И. Смирнов 3 часа в служебное время стоял за сахаром.

Действительно, был я на больничном листке, постельный режим не был мне предписан, возвращаясь из больницы, где у меня брали желудочный сок, я увидел небольшую сахарную очередь и полкило заработал без труда. Стояла в очереди сзади жена этого самого геолога. Но ведь не обязан же я докладывать всем, что я, товарищ, на больничном листке. По приезде надо будет парировать этот дурацкий удар.

Теперь и я наложил на себя всяческие табу – ни вина, ни сикера. Кстати, что такое сикер? Думаю, в переводе – пиво. Дело в том, что мои недуги объясняю именно этим самым сикером: как только выпью кружечку–две, на другой день мучительно расплачиваюсь. Хочу в Ленинграде умудриться побывать у хорошего врача.

В вагоне кругом пьяно. Едет компания киномехаников. Они, кончив 7-летку, прослушали 7 месяцев курсов, будут получать сразу 350 р. Это не то, что заработок Лидии Сергеевны, за 16–17 и более часов в день получающей 400 р.

Слышу разговор о деревне. Один говорит – деревня стала культурнее. Другие приводят цифры: в красном уголке в Глиннике в 1929 г. было 5000 книг, а в 40 г. их стало 98. И никто в красный уголок, кроме пьяных, не ходит.

Один из этих работников культуры ушел за пивом на станции и остался. Остальные поют песни. Вагоны качаются. Писать трудно.

Сообщаю тебе на всякий случай адрес А. А. Золотарева, который жалеет, что потерял тебя: Москва, Смоленская сенная площадь, д. 27, кв. 34.

Будьте здоровы. Всего, всего...

В Ленинграде пробуду до 1-го февраля.

16.II.41

Милый Миша.

По приезде из Ленинграда все собирался тебе написать, что там видел и высмотрел, но надо было закончить работу по кадастру газов, за которую получил деньги еще в декабре, и которая тогда не была заактивирована, как говорится. Только сегодня ее закончил. Подпирает отчет по рас-

копкам, за который деньги тоже получены почти полностью. Теперь здесь вошло прочно в обычай – денежки вперед.

В Ленинграде видел А. И. Андреева.* Он очень тепло тебя вспоминал, просил кланяться. Он цветет в архиве Академии. Нашел рукопись Ломоносова о лопарях и самоедах. И только за эти заслуги его не выслали из Ленинграда, как многих других, а уже сделали было предложение. Помог президент.

Видел С. Н. Чернова.** Также болтлив и мил, и также просил тебе кланяться. Советовал мне связаться с Институтом народов Севера и указал разные ходы. Но у меня не то что бы не было времени, а не было охоты затевать новые предприятия. Я сыт по горло Институтом истории материальной культуры и Этнографическим институтом, с которым тоже надо иметь силы и время «лячкаться», чтобы напечатали что-нибудь. Кое-что из мелочей сдал. Но был очень удручен, узнав, что в «Кратких сообщениях ИИМК» не платят. Для меня вопрос о гонораре давно перестал быть безразличным. Поэтому я откровенно сказал, что к Вам я больше не ходок. Между прочим, О. Н. Бадер посоветовал мне вступить в члены археологической секции Института краеведения и музейной работы, указать при этом в заявлении свое отношение к областному музею и темы, которыми собираюсь заниматься в 1941 г.*** В таком случае, говорит он, вернее, пишет, можно легко будет устроить археологические работы в трудах этого Института. Я видел 1-й том. Очень солидно сделан.

Насчет народного календаря:

Ермолов. Народная сельхоз. мудрость в пословицах, поговорках и приметах. 4 ч. СПб., 1901–1905. Т. 1. Всенародный месяцеслов.

Виноградов Г. Материалы для народного календаря Нижнедвинского у., Иркутск, 1918.

Калинский. Из истории церковно-народного русского месяцеслова. Душеполезное чтение. 1872. Кн. 1 и 2.

Его же. Церковно-народный месяцеслов на Руси. Записка по отделу этнографии Русского географического общества. Т. VII. 1877.

Коринфский. Народная Русь. М., 1901.

Крачковский. Очерки быта западнорусского крестьянина. Виленский сборник. Вильно, 1869.

Макаренко. Сибирский народный календарь. Записки по этнографии Русского географического общества. Т. 36. СПб., 1913.

Максимович. Дни и месяцы украинского селянина. Русская беседа. 1856, № 1 и 3.

Сахаров. Указания русского народа. Народный дневник. СПб., 1885.

Селиванов. Год русского земледельца. Сочинения. Т. II Владимир, 1902.

Скалозубов. Народный календарь Тобольской губернии. Ежегодник Тобольского музея. Вып. IX. 1896. Вып. XII, 1901.

Чубинский. Материалы и исследования. Т. III. Народный дневник. 1872.

Но я чувствую, что тебе, вероятно, нужна не столько эта литература и, во всяком случае, не одна она. Горячо поэтому рекомендую одно приложение к «Паломнику»: Тюменев И. Ф. На каждый день. Сказания святых русской и греческой церкви, народные повести и обычаи и т. д. СПб., 1897 и 1898, 2 тома.

Если только эта книга тебе нужна, незамедлительно вышлю. У меня эта редкая штука есть.

Сейчас нет под рукой бумаги, чтобы написать тебе о своих отношениях к начальству и о последнего ко мне (оно, кстати сказать, все пошло под суд за хищения и разбазаривание), о новых финансовых предприятиях, о посрамлении унтера Пришибеева.

Сейчас на оставшемся куске бумаги могу только изобразить приказ Тани насчет благодарности за «Мурзилку», которую мне и бабушке приходится читать непрерывно.

А меня так и не просветили. Но об этом в следующий раз.

Будьте счастливы, и по возможности меньше хворать. Наши кланяются и прочее.

* Андреев Александр Игнатьевич, известный архивист, работал в архиве Академии наук. Примеч. М. И. Смирнова.

Позднее А. И. Андреев исправил свою ошибку и согласился с тем, что французский перевод работы о лопарях и самоедах, найденный им в бумагах Вольтера, Ломоносову не принадлежит. (См. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири» «Наука», 1965).

** Чернов Сергей Николаевич (1887–1942), историк, доктор исторических наук. Был арестован в 1930 г. по «Академическому делу», после освобождения вернулся в Ленинград.

*** Бадер Отто Николаевич (1903–1979), известный археолог, в 1930-х гг. председатель Археологической комиссии Московского научно-исследовательского бюро краеведения.

27.II.41

Милый Миша. Вчера послал бандеролью простой тебе книги. Думаю, дойдут. Вспомнил еще, что для твоих житийных тем не худо почитать В. О. Ключевского – Древнерусские жития как церковно-исторический источник. И Голубинского Е. Е. История Церкви, т. I и др. Но полагаю, что ты и без того ими пользуешься. Есть у меня где-то список с рукописи Тверского музея – Житие Ферапонта Монзенского. Очень занятное с этнографической точки зрения. Его следовало бы издать, потому что списков известно только два или три. В свое время я списал его для Сережи.* Если надо, когда найду, вышлю.

Посылаю на отдельном листочке список своих библиографических работ. Вероятно, Турунову же нужны имя и отчество Шумского. Его зовут Иван Васильевич. Он в Карлаге на курорте. Заканчивает свой курс этой весной.

10000 экземпляров истории Переславля Иванова.** Вот куда бумагу не жалеют. А я свою последнюю книгу по библиографии геологии и полезных ископаемых Северного края мог издать всего в 200 экземпляров.*** Книга в 11 печатных листов сейчас уже библиографическая редкость. Ничего не попишешь: кто с ножом, тот и с мясом.

Отношения у меня с начальством, о которых ты как-то спрашивал, какие-то двойственные. С одной стороны, меня жмут, главным образом, по части заработка, говорят, такая установка сверху, с другой стороны, без меня не могут обойтись, приходится дать заработать, потому что даром я ломить не хочу. Вот и торгуюсь. А рядом за пустое дело, которое я же потом переделываю, рвут от казенного пирога свои люди. Какое разложение, гниль, не поверишь, всюду. Я прожил 1940 г. со своим музеем без ассигнований на него, потому что знают – вывернусь. Если бы был партийный, у него было бы 5 помощников и тысячи ассигнований. Достал бумаги и издал 4 выпуска Трудов и две красочных карты. А начальник Управления в качестве ответственного редактора, не читая работы, получил больше моего и не ударил пальцем о палец и т. д.

Посылаю портрет Танечки. Сняли ее в Областном музее (там теперь 14 научных сотрудников, в Вологодском 43), где она участвует на выставке работ юных краеведов своими гербариями.

Я изнываю сейчас над своим отчетом по раскопкам. Очень отстал от этой науки, в которой все перестраивают по-новому.

Будьте здоровы, <нрзб>потихоньку.

*Смирнов Сергей Иванович (1870–1916), профессор Московской духовной академии по кафедре Истории Русской Церкви, брат В. И. Смирнова. В. И. Смирнов, будучи студентом МДА, переписывал для его научной работы жития святых.

**Иванов Константин Иванович (1906–1970), директор Переславль-Залесского краеведческого музея (1930–1970), автор путеводителя «Переславль-Залесский краеведческий музей и его филиалы», издававшейся в 1939 и 1940 гг. Будучи секретарем комсомольской ячейки фабрики «Красное эхо» и кандидатом в члены ВКП (б), и имея образование в размере четырех классов фабричной школы, был направлен в краеведческий музей вместо М. И. Смирнова.

***Материалы по библиографии геологии и полезных ископаемых Северного края (кроме полярных островов) (Архангельская область, АССР Коми и прилегающие части Вологодской области). Архангельск, 1940. 168 с. Приведены библиографические сведения о 1298-ми работах с 1780 г. (Лепехин И. И.) до 1937 г. с их краткой аннотацией.

15. V.41

Милый мой! Написать письмо, а не просто отписаться, иногда дело не простое. 8 часов занят на службе, потом домашние дела и различные обязательства. Так и откладываю день за днем написать тебе. А чувствую, что давно пора. Но и на этот раз придется, видимо, написать только о том, что жив и здоров, чего и Вам желаю, да кое-что по вопросам метеорологии. Завтра писать будет некогда – читаю лекцию пионерам, послезавтра к зубной врачихе и т. д.

Начну с метеорологии, пока не позвали на техническое совещание. Двина и не думает тронуться. Ледоход где-то еще за 250 км от Архангельска. Лежат глубокие снега. Я рассчитывал первыми пароходами уехать в половине мая за нефтяными газами на Пинегу. Видимо, придется выехать только в начале июня.

Сейчас все здесь сходят с ума на нефти. Поддался и я этому течению. Проезжу дней 40.

Отсюда ты можешь заключить, что со здоровьем у меня более или менее благополучно. Воздержание (нарушенное лишь в день женщин, 8 марта) и строгая диета направили мои взаимоотношения с железом.

В музее у меня работа не тяжелая. Но сейчас, когда ко мне нагнали безработных (вследствие запоздания весны) полевых работников, стало куда тяжелее: надо всем дать работу, а главное, самому за всех работать. С издательством хуже. Напечатали 3-й выпуск «Трудов СГУпр.», поторговываем. Вдруг распоряжение – прекратить торговлю, сообщите список адресатов, которым книга выслана. Оказы-

вается, в одной из статей идет речь о геологии ст. Тундра (в 60 км. примерно от Архангельска), которая попала в засекреченную зону. Почти всего Севера геологию засекретили, благодаря надвигающейся войне. А у меня печатается еще 6 выпусков. Думаю, что некоторых даже не увижу.

Лидия Сергеевна по окончании экзаменов собирается с Таней про-вести где-нибудь лето под Архангельском. А я в отпуск думаю опять пошевелить покойничков на Лаче-озере. Не знаю, удастся ли. Отпуск урезали на 12 дней (было 36 дней). Рассчитывал на то, что использую 9 дней отпуска, недополученных мною. Однако и их сняли. Жмут и с заработками всячески.

От покойничков неолитических естественно было бы перейти на вопрос о некрополях, поднятый тобой живописно в прошлом письме, но не успею, зовут на совещание. Скажу только, здесь два кладбища рядом, через ограду: одно, так называемое английское – в полном и образцовом порядке, другое – православное, русское, являющее картину полного разрушения и поругания.

Затрудняюсь даже сказать – признак ли это прогресса науки или оди-чания.

Будь здоров. Невзирая на то, что я уеду, пиши, так как письма мне бу-дут пересылать

Наталье Викторовне привет от меня и всех прочих.

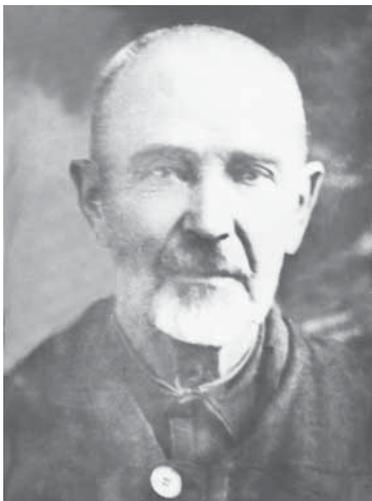
2.VII.41

Милый Миша. Благополучно возвратился домой. Получил твое пись-мо. Спасибо. Хотел было послать свои часы (раздавил в дороге стекло, а здесь сейчас нет подходящего) и сломанное пенсне с просьбой устраи-вить это дело в Москве. Но посылки, говорят, не принимают пока.

Будьте здоровы оба и благополучны. Семья шлет привет.

14.VII.41

Милый Миша. Спасибо за интересное письмо, на которое более или менее занимательным ответить не могу в силу известных тебе обстоя-тельств.

*Михаил Иванович
Смирнов*

Мы пока живы и относительно здоровы, если не считать адового бронхита и насморка, благоприобретенных во время поездки на реке Пинеге.

Очень не повезло Лидии Сергеевне. Ее сначала командировали со школьниками в колхоз «2-я пятилетка», недалеко от Архангельска, помогать колхозникам в их полевых работах. 50 малышей и два преподавателя добрались до колхоза. Здесь им сказали, что ни в какой помощи колхоз не нуждается, своих 40 ребят этого возраста шляют без дела, и что кормить вас нечем. Голодные и усталые возвратились назад.

Но кто-то твердо решил повторять этот опыт. Теперь с 80 школьниками Л. С. и еще трех педагогов отправили в Емецкий район. Как их там примут и примут ли, неиз-

вестно. Три дня тому назад они уехали, и я еще не получил письма или телеграммы. Л. С. – как тень, совсем измотана.

Есть вещи страшнее войны. Сейчас у меня был неизвестный из Горисполкома. Кто-то туда донес, что моя жена не работает. Так вот он проверял – работает или нет, кто она и кто я.

А у меня каждый день дежурства по дому, каждый день учеба по ПВО. И больше всего теперь меня занимает вопрос о пожарном деле, так как я назначен дежурным во время воздушных тревог на чердак. От копания щелей недавно меня освободили, кстати, они почти устроены. К сожалению, щелью я воспользоваться не могу.

Высоким настроением не похвастаюсь. Душа скорбит безмерно. И это не страх, не опасения за жизни и барахло, а горькая горечь за страдания страны и за полную беспомощность оказать ей помощь. Верю в хорошее будущее, но на ближайшее будущее смотрю довольно пессимистично.

Танечку я почти не вижу, потому что ухожу, когда она еще спит, прихожу – гуляет, вновь ухожу, и, когда возвращаюсь, она уже спит. Куда и когда она выедет, еще не знаю.

Бабушка трудится. Но человек она беспомощный, если что-нибудь случится, когда нужна находчивость и хотя бы малая доля мужества или нахальства.

Володе теперь, вероятно тоже не до «Мурзилки». Не шлет. Когда-нибудь сообщи мне его адрес. Хотя я и не рассчитываю теперь побывать скоро в Москве и вообще не рассчитываю, что когда-нибудь побываю, но на всякий случай: может быть, соберусь написать.

Будьте здоровы и поскольку возможно в современных условиях, счастливы.

1 авг. 41 г.

Дорогой Миша. Прожили мы с тобой большую жизнь, всего видели на своем веку. Только на наше счастье не воевали. А Володе приходится второй раз уже.* Он человек находчивый, и на этот раз, думаю, не пропадет. А вот Наташу жаль.** И помочь нечем.

Ленинградские племянники, конечно, воюют. Коля провоевал и всю финскую кампанию***. Правду ты пишешь, что целый батальон наш род выставляет на войну с немцем. Немцы, конечно, будут биты. Интересна статья Тарле в журнале «Большевик» № 11–12 (июнь 1941 г.) – «Начало конца». Он проводит параллель с Наполеоном, убийственную для Гитлера.

Жаль, что по многим волнующим сейчас вопросам и фактам писать неудобно. Поэтому перехожу к семейным делам. Лидия Сергеевна продолжает работать в колхозе. Питание – хлеб. Одна ученица дезертировала, но ее возвратили. В последнее время Л.С. расхворалась там. Сегодня пойду к директору школы просить, чтобы кем-нибудь ее заменили.

Я подготавливаю музей свой к свертыванию. По-видимому, здание понадобится для других целей. Сначала порасстроился, а потом взглянул на дело философически. Не я первый, не я последний. Центральный музей геологии в Ленинграде свернут. Эрмитаж тоже и т.д. И не первый раз музеи, созданные нашими руками, гибнут. Теперь одна задача – выжить, выжить, хотя бы затем, чтобы посмотреть, что будет в ближайшие годы, даже месяцы, и даже дни. Амнистия полякам, думаю, не последняя амнистия ...

Здоровьем не похвастаюсь. Все что-то с переборами. А главное – нет времени полечиться и, хотя бы немного, отдохнуть.

Прошел курсы ПВО, вооружен ведром, клещами, лопатой (можно сказать, до зубов). Буду на своем чердаке тушить бомбы, если упадут. И к этому отношусь философически. Так лучше, а то сам бомбой вылететь, если будешь возмущаться противопожарными неполадками

Будьте здоровы. Пописывай. Я очень люблю твои письма и берегу их. А что наши ученые труды некуда пристроить, так стоит ли огорчаться, когда ежедневно люди многими тысячами гибнут.

*Смирнов Владимир Иванович, брат В. И. Смирнова.

**Наташа, дочь Вл. И. Смирнова.

***Смирнов Николай Сергеевич, племянник В. И. Смирнова.

Милый Миша.

Твое письмо (с пометой «просмотрено военной цензурой»), как всегда доставило мне радость. Одновременно получил известие, что Настя с сыном Юрием, возраст которого 2 недели, переселилась из Москвы в Кострому вместе с Олей Смирновой и ребятами последней.* Им там дали комнату на 5 человек в 10 метров. Оля поступила диспетчером на ТЭЦ, а Настя еще не служит.

Музей свой перевез в Областной музей, где с грехом пополам часть его разместил. Наиболее ценную часть и издательство упаковываю для перевозки в Сольвычегодск. Когда выедем, не знаю еще, так как неизвестно, будут ли там изысканы квартиры (избы) для семейных. Не знаю, наконец, возьмут ли меня в Сольвычегодск, так как аппарат Управления сократят. На самых ближайших днях все это выяснится, а пока живем днем, не строя планов на продолжительное будущее.

Я никогда не был шовинистом. Но немцев я инстинктивно как-то недолюбливал. Это единственная известная мне нация, которая не поддавалась влиянию русской культуры и языка. Был у нас преподаватель немецкого языка Карл Карлович Дотцауер. Прожил он в России 35 или 40 лет и не научился до конца дней своих хотя бы плохо говорить по-русски.

Недавно я прочел Егорова – историю немецкой колонизации Мекленбурга в XIII в. Раньше, помню, читал Лавасса и Рамбо – Историю царствования императора Оттона Великого, историю завоевания, порабощения и онемечивания половских славян и, позднее, паторов. Ведь

земли по Эльбе, там, где теперь Берлин, – славянские земли. За 1000 лет своего движения на восток этот исконный враг славянства далеко успел отеснить славян. А история Польши, история Чехии – это история отеснения славян, постепенного онемечивания славянских окраин. Вот если бы ты написал для какого-нибудь толстого журнала или хотя бы не очень толстого, историческую справку насчет исконного врага славянства, ее бы обязательно напечатали.

Я бы мог тебе в качестве материала дать копию письма одного немца (ученого) к своему другу-офицеру, написанного в 1914 году после битвы у Танненберга. Письмо это было найдено на убитом офицере. Оно любопытно в том отношении, что прекрасно живописует взгляд интеллигента-немца на русский народ, как на самый презренный навоз для расцвета немецкой культуры.

Я не могу забыть немцам того зла, которое они совершили в разные царствования наших голштинцев.

Будьте здоровы, мои родные. Лидия Сергеевна возвратилась из колхоза: кожа да кости. Вам шлет привет.

*Смирнова Ольга Сергеевна, племянница В. И. Смирнова.

1941 г.

Милый Миша. Письма твои я получаю аккуратно. Но не могу вовремя ответить, так как занят непрерывной работой. Дежурства по дому и учреждению, 8 часов напряженной работы на службе, 3 часа лекций ПВХО, в воскресенье поездка на базар и в баню – не оставляют свободной минуты.

Так за непрерывным делом проходят дни и недели, а ночью вижу удивительные сны.

Я, кажется, писал тебе, что музей свой перевез в Областной музей и развернул там, заняв большие полтора зала. Часть упаковал для перевозки в Сольвычегодск. Упаковал тиражи наших изданий. Затем занялся упаковкой части библиотеки Управления. Половина библиотеки поехала тоже туда. Оставшуюся часть библиотеки привожу в порядок и вообще, временно, пока библиотекарьша работает на трудовой принудительной повинности, исполняю ее обязанности. Чем я буду, когда она возвратится, не знаю. На всякий случай решил подучиться шифровальному делу.

Чувствую себя довольно бодро, может быть, потому, что несколько похудел, воздерживался, по-возможности, от мучной пищи (больше 400 г. хлеба никогда не ем), не употребляю совсем круп и стараюсь как можно меньше есть картофеля.

Удивительно изворотлив человек стал. Когда трудно стало с молоком, мы ежедневно стали покупать мороженое. Килограмм мороженого только на 2 р. дороже литра молока, но оно зато сладкое, и Таня таким образом устроена. Жаль, что нельзя придумать заменителя мяса, рыбы и масла.

Здесь тихо, и даже тревоги носят больше учебный характер. Поэтому я пока не жалею, что меня не взяли в Сольвычегодск, куда перебралась половина нашего учреждения.

Лидия Сергеевна на разных работах со своими учениками старших классов в пригородном хозяйстве: заготавливает веточный корм, сенокосит (здесь сенокосят до заморозков), роет картошку, свеклу, работает на выкатке из Двины леса. Она тоже похудела. А сейчас на бюллетене: грипп. Простудилась.

От Насти получаю невеселые письма. Мужа взяли в армию, в Костроме, пишет, жить невозможно. Хочет приехать сюда. Это было бы лучше в бытовом отношении, так как молоко для ребенка она могла бы здесь получать в консультации. Сама она, видимо, истощала настолько, что кормить собственным молоком ребенка не может.

Получил открыточку от Марии Федоровны с дороги. Она едет в Алма-Ату. Жила в последнее время в Волховстрое. Пришлось бросить все и 60 км. отшагать по шпалам. Как хорошо, что умер Д. О., а то бы спал теперь с открытыми окнами или был раздавлен лесгафтом.

Забыл написать: я теперь имею несколько полезных специальностей. Освоил пожарное дело. Потом я назначен был начальником звена противоздушной обороны, прослушал уже 39 лекций, еще должен буду прослушать 41 лекцию. Не успел я закончить курс по этой специальности, меня назначили начальником звена связи.

Все это неплохо: знание за плечами не виснет. Нахожу какое-то место в обороне страны. А в конечной победе над немцами ни минуты не сомневаюсь

Будьте здоровы. Целую.

8.X.41

Милый Миша. Твоя открытка, адресованная в Управление, устыдила меня. Правда, я уже отправил тебе два дня тому назад письмо, но, признаюсь, стыдно, что непростительно долго тянул со своим ответом, заставив тебя беспокоиться.

Сейчас времени у меня достаточно, чтобы написать еще письмо и тем загладить свою небрежность. С 6 часов утра и до 9 дежурю эту неделю в Управлении. Сажу в библиотеке, под руками бумага, кругом книги. Топится сухими дровами печка, а за окнами порхает снежок. Один. Продумываю только что прослушанные последние известия по радио. Каждый раз, как и газет, жду их с нетерпением. Все кажется, что вот сейчас откроется то, что покажет будущее, что разрешит мучительные вопросы. Но ответ судьбы накапливается медленно ...

И это не мелкое желание новизны. Нам, знакомым немного с историей страны, хочется иметь полное представление о событиях самого драматического момента ее истории и истории человечества.

Я как-то тебе писал, что хорошо бы тебе заняться статьей об отношении немцев к славянам. Оказывается, этим уже занялись, судя по газетам, историки-академики Пичета и др. Лучше поздно, чем никогда.

Имеешь ли ты какие-нибудь сведения о Володе и его семье? Он мне как-то виделся целую ночь, и я с тоской думал, что, может быть, не увижусь с ним. А что с Лизой и ее семьей?*

Я тебе не писал в прошлом письме, что у Марии Федоровны, по ее словам, все сгорело, что она, просидев 10 дней по подвалам, без вещей бежала.

А я, братец мой, все тружусь. На днях получил из типографии 14-й выпуск Трудов СГУ, содержание которого составил Каталог фондового отдела на 8 печатных листов. Не посылаю тебе это описание рукописей, сделанное мною, лишь потому, что уж очень неинтересна книга. Хорошо, что напечатал ее только в 250 экземплярах: только для немногих геологов, занимающихся наукой, вернее, Северным краем.

Продолжаю писать разные мелкие вещицы, которые сейчас не устроишь ни в каком журнале. Занимает самый процесс писанья, как некоторых занимают занятия музыкой. Пишу и складываю в ящик, который

в случае пожара следует вынести в первую очередь, а в случае смерти моей содержимое попытаться продать. Может быть, что-нибудь и дадут.

Мало надеюсь, что я с тобой увижусь когда-нибудь. Поездки в Москву стали невозможны. Сильно сокращают штат, и я не очень уверен, что сохраниюсь на работе. А хотелось бы дотянуть до половины февраля 1942 г, когда мне стукнет 60 лет

Будьте здоровы и прочее.

*Смирнов Владимир Иванович, брат В. И. Смирнова.

**Святухина Елизавета Ивановна, сестра В. И. Смирнова.

15.X.41

Милый Миша! Теперь моя очередь беспокоиться о том, как Вы там живы? Каждый раз, как услышу по радио или читаю в газете сообщение относительно Ваших мест, меня охватывает беспокойство.

Здесь мы живем тихо, только душа скорбит безмерно в связи с войной. Однако никто кругом не унывает, и все готовятся. А здесь уже зима.

Будьте здоровы и благополучны.

Наши все шлют Вам привет.

[21.X.41]

Милый Миша.

Когда я читаю в газетах отрывки из писем жен немецких офицеров, в которых они просят прислать ботинки или пальто, я думаю – это немецкий народ. Когда я слушаю по радио сообщения о зверствах немцев на нашей территории – я говорю себе – это немецкий народ, это истинные виды его отношений к нам. И припоминаю историка Моммзена, который всегда ругательски ругал русских.

Вот тебе буквальный перевод письма, найденный на фронте в Империалистическую войну. Адресат – офицер, а автор – неизвестный мне историк.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л. С. КИТИЦЫНА

**ПИСЬМА
К М. И. СМИРНОВУ
О СМЕРТИ В. И. СМИРНОВА.
1941 г.**

23.X.1941

Дорогие Наталия Викторовна и Михаил Иванович, сообщаю Вам о своем горе: вчера, 22 октября в 11 ч. утра умер Василий Иванович. Умер совершенно неожиданно.

Был на службе, вечером ездил на лекцию по ПВХО, вернулся в 10 ч., ел, пил, читал и в 11 ч. лег спать. Тут начались приступы нечеловеческой боли, изжога, должно быть. Всю ночь он кричал. В 1 ч. ночи приезжала скорая помощь, но ничего не предприняла. Утром в 7 часов увезли в больницу. Там только в 9 ч. осмотрел врач, а в 11 ч. его не стало. После уроков я пошла его проведать и получила ошеломляющий ответ. Я не верила, думала, что это совпадение фамилий. Но пришлось убедиться. Он время от времени страдал приступами изжоги или боли где-то не то в желудке, не то в пищеводе. Приступы бывали ужасны, но потом все проходило, и он забывал о болезни. Брали ему как-то желудочный сок, просвечивали рентгеном, но ничего не увидели. На том и кончилось его лечение. Диету он не соблюдал. Ел все, и редьку в том числе, и лук (когда его можно достать), ел черный хлеб. В последние два дня он чувствовал отрывку и некоторую неловкость, но не обратил на это внимания. Умер без всякой медицинской помощи, да, может быть, и помочь было нельзя. Будут делать вскрытие, так как причина болезни неизвестна. Но вскрытие задержалось из-за несвоевременной доставки в анатомический отдел истории болезни. Вероятно, узнаю завтра. Сегодня получила его одежду и документы. Трудно поверить, что я лишилась самого дорогого в жизни. Я всю жизнь боялась этого.

Не забывают меня.

26.X.1941

Дорогие Наталья Викторовна и Михаил Иванович, пользуюсь тем, что письма в Москву доходят, пишу Вам еще раз.

Сегодня похоронили своего милого папу, самого, самого хорошего, самого дорогого, самого красивого из всех пап на свете. Так считали мы его с Танечкой и с бабушкой.

Вскрытием установлено, что умер он от разрыва сердца, в результате сердечной тампонады, то есть закупорки каких-то сосудов. Никакой язвы в желудке не оказалось. Очевидно, что все припадки, которые за последние два года изредка повторялись, были сердечными, а не желудочными. Установлен также универсальный склероз.

Может быть, если бы меньше работал, то и пожил бы подольше. Но ведь Вы знаете, что он никогда в жизни не отдыхал и, хотя очень уставал, но все работал и работал, используя каждую минуту.

Я все просила его: «Васенька, живи до 90 лет». Мне так хотелось, чтобы он вырастил Танечку. Он так ее любил, так много с ней занимался. Он ей в течение двух лет или более ежедневно рассказывал замечательную сказку о похождениях Мишки (Медведя) и Зайчика. Кроме того, они инсценировали ежедневно в постели этих мишку и зайчика. Причем, Мишка был папа, а Таня – зайчик. Так девочка и жила с сознанием, что она заяц, а папа медведь, и звала большей частью папу мишкой. Впоследствии она мечтает написать эту сказку и сделаться таким образом писательницей. Думаю, что со временем забудет сказку.

Хлопот с похоронами было очень много, два дня не ходила на работу, а мыкалась, получая разные справки, и организовывала все необходимое для похорон. Трудно с гробами, с могилой, с доставкой на кладбище. Казалось бы, все уладила, но без неприятностей не обошлось. Не приехала катафалка, прождали 2 часа, и, наконец, сотрудники Треста решили нести на руках. Не было приспособлений, было скользко, падал таящий снег или, скорее, дождь. С огромным трудом донесли до кладбища.

Все знавшие Василия Ивановича искренне о нем сожалеют. Сослуживцы, чтобы показать свое сочувствие, вопреки моей просьбе собрали 600 руб. на венки и пр. Еле уговорила не покупать железный венки. В. И. так страдал всегда за плохое состояние кладбищ, так презирал фанерные

пирамидки. Уговаривал знакомую скульпторшу организовать производство более пристойных памятников, хотя бы из цемента. И вот завтра я принуждена буду купить за 85 р. пирамидку или столбик из досок, красный или голубой (больше нет выбора), и поставить, с тем чтобы не затерялась могила.

В гробу В.И. был похож на заснувшего. Сохранился почти обычный цвет лица и губ, морщины разгладились, он выглядел моложе, чем в жизни. Вопреки моему желанию его фотографировали. Грустно было, что никто из родных не мог отдать ему последний долг.

Таня узнала от соседей. Но отнеслась к известию как-то рассудочно. Детский умишко не может охватить еще всего ужаса утраты. Она поняла не сердцем, а умом. На похороны ее, конечно, не водили. А моя утрата так велика, что я до сих пор как-то не могу даже осознать ее размеров. Не могу плакать и с удивлением вижу, как плачут о В.И. другие, посторонние ему люди. Пожалуй, о чужом я тоже могла бы плакать.

Беспокоюсь за вас, как вы переживаете тяжелую обстановку и опасности. Хочется думать, что Москва и вместе с ней вы останетесь невредима.

Простите за многословие, так хочется поделиться с близкими людьми. Но, может быть, вам сейчас не до писем, может быть, вы даже уехали куда-нибудь.

Буду ждать от вас весточки.

Ваша Л. КИТИЦЫНА

Накануне смерти, то есть 21.X, он начал писать вам ответ на ваше письмо. Пока не посылаю его, опасаясь, что не получите.

17.XI.41

Дорогой Михаил Иванович, наконец, получила Ваше письмо от 6. XI. 41 г. Наконец, Вы знаете о нашем горе. Вы не получили (а, может быть, теперь уже получили) моего первого письма, которое я написала, помнится, в день смерти Василия Ивановича. Не помню, что тогда я Вам писала. Теперь попытаюсь описать подробно день его кончины.

21 октября он пошел на службу, как обычно. Вернулся около 6 часов вечера и к 7 часам поехал на курсы ПВХО (на которые ездил через день). В одиннадцатом часу вернулся с курсов, ел редьку за отсутствием других

продуктов питания, и пил чай. Немного еще посидел, почитал по моей просьбе три маленькие пьесы, из которых я должна была выбрать одну для постановки в школе. Я просила его еще проконсультировать меня по ПВХО, так как должна была сдавать экзамен в школе. Но он сказал, что устал, ляжет спать, а в 6 часов утра встанет и все мне расскажет. Я, по обычаю, засела на ночь за тетради, а он лег. Но как только лег, так и начались страшные боли в груди. Он думал, что это катаральное явление, язва желудка и т. п. Причину болезни видел в редьке. Вспомнил, что в последние дни чувствовал внутри какую-то неловкость. Боли были ужасные. Он кричал всю ночь и метался по постели. Зяб, покрылся весь холодным потом. Эти боли случались с ним последние два года и повторялись время от времени, примерно через полгода. Потом все проходило, и он забывал осторожность в питании (все приписывалось желудку). Пробовал лечиться, прошел через все кабинеты поликлиники, но ничего ясного ему не сказали. Я думала, что и этот припадок пройдет, и клялась, что буду следить за его питанием. Наконец, в 1 час ночи вызвала скорую помощь. Врач ничего не предпринял. Предлагал в больницу, но В. И. не согласился (он опасался, что его на обратном пути из больницы арестуют за хождение в ночное время в связи с военным положением). Он извинился перед доктором, что побеспокоил его напрасно, спросил про диетическую столовую, а также тоном извинения за напрасное беспокойство спросил: «Значит, я не умру сегодня?». Меня удивило, что на такой вопрос, который был задан исключительно из вежливости, вернее, из любезности, докторша замялась и не ответила. Так прошло время до 7 утра. Я уже собиралась в школу. Боли все не утихали. Он попросил еще раз вызвать скорую помощь, с тем, чтобы она отвезла его в больницу, только опасался, что трудно будет одеться. Но все же оделся. Скорая помощь приехала, и он сам пошел с помощью санитарки к машине. А я (не могу простить себе этого) даже не проводила его, только попрощалась, подала пенсне и сказала, что из школы забегу, разыщу его. Не проводила, потому, что в виду такой ужасной ночи не подготовилась к урокам и дорожила каждой минутой, чтобы свести концы с концами. После школы побежала в больницу (больница через дорогу от нашего дома), захватила кусочек маслица сливочного с бутерброда, выданного в школе. Теперь самый жуткий момент. Пришла в то отделение, куда его поместили, спрашиваю гардеробщицу, куда идти, как узнать о здоровье.

Она велела раздеться и идти к старшей сестре, там все скажут. Я не обратила внимания на ее слова. Пошла. Спросила какую-то сестру, но она сослалась на то, что придет старшая сестра и все скажет. Наконец, пришла старшая сестра, я стала спрашивать, нельзя ли увидеться или хоть записку написать. Она сказала: «Он был доставлен в очень тяжелом состоянии», – «Но теперь ему лучше?» – спрашиваю я. И вот она тихо-тихо сказала: «Он умер». Умер в 11 часов утра. В 7 прибыл, врач осмотрел только в 10, а в 11 умер.

Я отнеслась к сообщению так, казалось, спокойно, что усомнилась, вероятно, что я жена, и опасалась выдать оставшиеся после него часы. Действительно, мой ужас был тихим. Только теперь я поняла сочетание этих двух слов – «тихий ужас». А потом пошли хлопоты, разные справки, бумажки, похороны. О горе некогда было и подумать, лишь бы хоть как-нибудь похоронить. Да и школа не ждала, нужно было работать. А теперь живу и не верю в его смерть, в комнате лежат все его вещи, вот-вот он вернется. В мыслях я ежечасно с ним, как будто бы он и не умирал. На ваши вопросы отвечу в следующем письме.

Л. КИТИЦЫНА

Пишите, не забывайте. Как здоровье Севы?* Я буду вам писать, зная, что все мелочи, касающиеся В. И., вам интересны и дороги.

*Смирнов Всеволод Михайлович (1910– 1941), сын М. И. Смирнова.

18.XI.41

Дорогой Михаил Иванович, только что послала Вам письмо с описанием дня смерти и пишу уже второе. Так много хочется сказать Вам, поделиться мыслями и чувствами, но длинные письма писать нельзя. Думаю, что и первое мое письмо не дошло до Вас из-за его больших размеров. Отвечу на Ваши вопросы.

Некролога не было, но было объявление в газете от дирекции, месткома и парторганизации. И то хорошо. В другие времена такого объявления не поместили бы. Сочувствие сотрудников выразилось в сборе денег на цветы (вопреки моим просьбам). Собрали 600 рублей. В сборе участвовали 60 человек, вероятно, все сотрудники. Были такие, что давали по 30 и 35 руб. – это геологи-специалисты. Мне чрезвычайно неприятен был этот сбор. При подобном пожертвовании, по-моему,

дело никогда не обходится без тайных проклятий покойнику. Но большинство были искренни в своих чувствах, в этом я уверена. На собранные деньги купили массу хризантем.

Нашлись и недруги. Благодаря им я две недели не могла получить из треста справку о его службе там. Пришлось дойти до высшего начальства. Подаю заявление на пенсию для Тани. Не знаю, чем это кончится.

Литературное наследство В. И. я берегу, как зеницу ока, и хорошо понимаю его ценность. Материала много, но он в сумбурном довольно виде лежит в письменном столе. Если только смогу выкроить хоть немного времени, начну описать сейчас же, но, может быть, придется закончить работу летом, если будем живы и если будут каникулы. И книги, и рукописи в надежное учреждение вроде музея можно будет поместить только после войны. Есть рукописи, готовые к печати, их не стоит сдавать в архивы, Вообще, Михаил Иванович, Ваша помощь мне тут понадобится, и большая. Только бы сохранить все до окончательного разгрома подлого врага. Еще мечтаю написать биографию В. И., не для печати, конечно, а для себя и близких. Но одной мне такая работа не под силу. Я ведь знала его только последние 17 лет жизни. Но и эти 17 лет я наблюдала духовный и нравственный рост. Я преклоняюсь перед его личностью, и хочется сделать все, чтобы увековечить его память. Пишите, не забывайте. Вы единственный из близких, кто еще может писать. Как Сева, как его здоровье? Целую Наталью Викторовну.

Ваша Л. Кितिцына

21.I.42 г.

Дорогой Михаил Иванович, вчера получила Ваше письмо от 11.I. Рада, что вы живы и здоровы и находите в себе силы заниматься литературной работой. О Сусанине в бумагах Васи ничего не нашла, да он и не собирал у себя исторический материал, если и было что, то осталось в Костроме, в музее. Но, несомненно, он много знал по этому вопросу. Письмо немецкого офицера времен первой империалистической войны пока не нашла, но где-нибудь оно должно быть. При беглом просмотре бумаг оно мне не попало. Есть целая работа «Письма с войны» и предисловие к ним. Но там содержатся письма русских солдат. Еще более тщательно пересмотрю эту папку, не найду ли нужного Вам письма. Свое

письмо, написанное Вам накануне смерти, он кончает как раз упоминанием об интересующем Вас письме, но думаю, что письма он не нашел, а только собирался искать.

К настоящему письму прилагаю последнее письмо Васи к Вам, которое он писал 21.X.1941 г. Еще раз перечитала это письмо и вижу, что может быть, письмо офицера было уже в его руках, раз он так уверенно собирается копировать его для Вас. Если это так, то надежды найти его меньше. Вероятно, он носил его при себе, может быть, оно было у него на службе и затерялось вместе со служебными бумагами.

Мы живем все так же, то есть так себе. О таком обеде, как у Вас, то есть о картошке, не мечтаем. Рынка здесь почти нет. Сейчас у нас 4-хдневные каникулы, и мне посчастливилось достать 1 килограмм мороженой рыбки, из-за этого я несколько часов мерзла на 32-хградусном морозе. Питаемся хлебным пайком. Танечка все нездорова. Лежит уже неделю: слабость, температура, плохо работает желудок. И все это, конечно, неудивительно. Она питается сухариками из черного хлеба, сделанными из ее пайка. Сегодня хочу вызвать для очистки совести районного врача. Пропишет хоть от гриппа что-нибудь.

Живу в постоянных трудах и хлопотах, даже на могилу к дорогому Васеньке не выберу времени сходить. Теперь наша школа будет учиться во вторую смену, так что если у меня хватит сил и времени выучить уроки, то есть подготовиться к урокам с вечера, я утром до занятий в светлое время смогу сходить на кладбище.

Изредка пишет Настя. Трудновато ей со своим Юрочкой. Хорошо еще, что Надежда Серапионовна служит в военном ведомстве, и Настя обедала с ней в их столовой.* Пишет, что ребенок все болеет гриппом. Прилагаю еще к этому письму фотографию Васеньки, сделанную мной в Костроме. Это приложение к его письмам, адресованным к Вам.

Как себя чувствует Наталья Викторовна? Наверно, все хлопочет по хозяйству и о питании. Целую Вас и ее.

Ваша Л. КИТИЦЫНА.

P. S. Есть еще снимок в гробу, но думаю, что Вас он не интересуется. Если же хотите, то пришлю (многие ведь не любят снимков с покойников).

Л. С.

*Надежда Серапионовна, сестра первой жены В. И. Смирнова.

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
В. И. СМИРНОВА**

Археология и этнография больше всего привлекали В. И. Смирнова как краеведа. Еще в 1915 г. он опубликовал первую статью этнографического характера: «Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губ.» // Отчет о деятельности КНОИМК (Костромского научного общества по изучению местного края). Вып. III. Кострома, 1915. В 1920-х гг. в Трудах КНОИМК вышли его работы «Похороны и причитания в Костромском крае», «Клады, паны и разбойники (Этнографические очерки Костромского края)», «Потонувшие колокола. Чорт родился (Этнографические заметки и записи)», «Народные гадания Костромского края», «Из вопросов и фактов этнологии Костромского края» и др. Но значительную часть материалов по Костромскому краю он не успел опубликовать в связи с арестом. Костромской краевед В. К. Сморгачев нашел в архиве и опубликовал один из очерков Смирнова: «От Молвитина до Буя» – описание двухнедельного путешествия во время отпуска 1928 г.

Попав в ссылку, В. И. Смирнов занимался изучением геологии Северного края, но не оставлял полностью занятий и археологией, и этнографией. Незадолго до своей смерти он передал две небольших статьи Д. К. Зеленину, известному этнографу. Статья «Севернорусское орудие для сбора ягод» была опубликована перед началом войны (Советская этнография. 1941, № 5), а рукопись другой – об архангельских туесах, как оказалось, осталась в архиве редакции этого журнала. И потом попала в архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. А. М. Решетов опубликовал ее в журнале «Живая старина» (2000, № 3).

Решение о републикации здесь очерка и этих статей объясняется желанием отметить несомненный литературный дар В. И. Смирнова и ярче представить его как ученого.

Т. Смирнова

ОТ МОЛВИТИНА ДО БУЯ
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КРАЕВЕДА

В 1928 году (а запись на полях последней страницы рукописи позволяет уточнить: с 6 по 20 июня) председатель Костромского научного общества и директор Костромского музея В. И. Смирнов совершил экспедицию, о которой идет речь в этих заметках.

Рукопись, хранящаяся в Государственном архиве Костромской области (Р-550. Оп. 1. Д. 13), черновая, с правкой и обширными вставками на полях.

В журнале открытого расширенного заседания Ленинградской части президиума ЦБК от 22 декабря 1928 года, где был заслушан доклад председателя КНО, в частности, записано: «В. И. Смирнов подробно остановился на своей собственной экспедиции туристического характера во время каникулярного отдыха по Буйскому уезду», а в постановлении отмечены «исключительный интерес исследовательских методов работы Этнологической станции КНО, а также ценность добытых ею материалов». Здесь настаивалось и на необходимости «увеличения средств станции и ее штата» (ГАКО. Р-550. Оп. 1. Д. 99. Л. 2 а–2 а об.). А между тем совсем скоро начался разгром и этнологической станции, и Костромского научного общества в целом. Вероятно, поэтому и не успел Василий Иванович закончить работу над своими заметками о буйской экспедиции и тем более их опубликовать.

При публикации максимально сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

Текст набран с машинописи, которая была напечатана с черновика и сверена Л. С. Китицыной.

Владимир Сморгков

Машинопись очерка находится в ОПИ ГИМ (Ф. 547. оп. 2. ед.хр. 32)

Впервые опубли. В. К. Сморгковым: Губернский дом. 1996, № 3. С. 24–32.

* * *

В районе Молвитина и далее к северу до Буя мне нужно было ознакомиться с крестьянской стройкой и получить сведения о здешнем плотницком промысле¹. Попутно с этой работой в моей записной книжке накопилось порядочно разных заметок о том, что встречалось на пути, около чего краевед не пройдет безучастно, хотя бы и шел он с определенно поставленной

целью. Об этих местах, о встречах и впечатлениях я и хочу здесь поделиться с читателями.

В селениях – будет ли то город, деревня или село – самое привлекательное для меня само население и архитектура. Последняя раньше бросается в глаза.

Село Молвитино, куда я попал летом 1928 года, почти город с населением более тысячи человек. Село расположено в несколько улиц на высоком холме, господствующем над долиной поймы рек Волочницы и Шачи.

Очень много каменных и полукаменных больших зданий и двухэтажных деревянных под железными крышами. На всех этих сооружениях лежит печать недавно разбогатевших их владельцев – крестьян, побывавших на заработках в Москве. При домах пошиба окраин больших городов сохранились хлевы, клетушки, амбарушки, так как население не расстается с земледелием и скотоводством. Прочно, хозяйственно построенные дома уродливой архитектуры выкрашены краской. На крышах дачного типа балкончики сплошь покрыты пиленой кружевной резьбой. За село вынесены амбары и верховые с печами овины.

Бросается в глаза – в Молвитине и в ближайших деревнях много заколоченных домов. Это значит, что владельцы вместе с семьями в отходе – делают шапки в Москве, в Ленинграде или в другом месте. Рядом видишь большие двухэтажные дома, которые зияют побитыми стеклами, выломанными рамами – то беспризорные дома бывших буржуев. За селом я видел новое каменное здание бывшей богадельни, пустующее, с начисто выбитыми стеклами. Можно заключить, что в Молвитине нет квартирного кризиса.

Среди села остатки памятника Александру II в виде гранитного пьедестала, который был поставлен «благодарными жителями Молвитина», как и теперь еще свидетельствует на нем надпись. Самый бюст смела могучая рука революции. Здесь служили первый благодарственный молебен по случаю революции, здесь теперь устраиваются первомайские и другие митинги, и тогда на пьедестал ставится на время гипсовый бюст Ильича. Сюда сходится молодежь грызть подсолнухи.

Когда-то в Молвитине писал свою известную картину «Грачи прилетели» Саврасов. Той кладбищенской колоколенки теперь нет, березы уже вырублены. Но грачи устроили новые шумные колонии во многих садах Молвитина. Такой же архитектуры высокая шатровая колокольня у здешнего собора, насчитывающего уже триста с лишком лет²...

Часть Молвитина замощена булыжником, в остальных улицах и закоулках – тогда была дождливая погода – липкая непролазная грязь. Разбитые тяжелые дороги и глинистая грязь объяснили мне смысл здешней телегикоряки.

Очень трудно в два-три дня, которыми я располагал, присмотреться к здешнему обывателю, нащупать пульс здешней жизни и понять интересы жителей. Я забежал во ВИК³, где можно было видеть в прокуренных комнатах с продавленным диваном и стульями, со старыми плакатами на стенах и стенгазетой напряженную работу, и где мне охотно дали нужные справки. Зашел в одну из чайных, мимо которых краеведу проходить, не заглянув, не следует. На дверях прочел объявление, что завтра будет гастроль известного атлета Бориссо, который исполнит «живой мост и живой скелет, конкурс красоты телодвижения и игры мускулов» и т. д. Больше я не видел в Молвитине ни одной афиши, ни одного свежего плаката.

В Молвитине любят чай: в чайную ходят три раза в день пить чай. Захватывая с собой из дома хлеб и другую снедь. Давно уже стала чайная центром общественной жизни деревни, как у древних таким местом была баня. Здесь можно узнать все местные новости и слышать обсуждение самых разнообразных вопросов.

В Молвитино говорят чрезвычайно много, как-то безудержно, не слушая собеседника и не давая ему открыть рта. В это время животрепещущей темой был вопрос о самообложении, по-видимому, не очень-то понравившийся некоторым молвитинцам. Некооперированный шапошник жаловался на недостаток материала. Ему пришлось распороть старую жилетку, сделать из нее три фуражки, которые он и принес в чайную продавать.

За чаем с пирогами меня познакомили с историей Молвитина, когда-то принадлежавшего барону фон-Кистеру⁴. Последним земля, застроенная селом, и площадь были проданы в восьмидесятых годах прошлого столетия одному купцу, взимавшему до революции обильную поземельную дань с молвитинцев.

В 1883 году был здесь открыт винокуренный завод, просуществовавший лет 10. Шапошное производство, которым жило и живет Молвитино, появилось здесь неизвестно когда и откуда. Называли, между прочим, Каргополь, из которого занесено шапошничество. В настоящее время шапошно-картузный промысел насчитывает в Молвитинском районе свыше 1500 человек. Теперь шапошничество начинает оттягиваться в центры сбы-

та, и шапошники на определенные сезоны уезжают в Москву и Ленинград. Часть их оседает там. Рассказывали о недавнем прошлом, когда крупные капиталы наживались несколькими фамилиями, державшими в своих руках рынок и в зависимости шапошников.

Попытка создать крупное шапошное дело на кооперативных началах в Молвитине, к сожалению, долго не удавалась. В 1920 г. сгорела государственная пошивная фабрика, на которой работало до 100 человек, шивших еще со времен Германской войны не только шапки, но и гимнастерки, белье и т. д.

Заглянул я также в одну из школ, чтобы потолковать об организации здесь краеведческого кружка. По усталому, рассеянному виду педагога я заключил, что попал не по адресу. Не удалось мне застать секретаря местной партячейки. Побывал у кое-кого из обывателей.

* * *

Хожу по окрестным деревням, раскиданным на противоположных сторонах долины. В Евлеве и Степурине я видел, как делаются деревянные игрушки – коньки с тележкой, которыми завален был раньше рынок Костромы, Буя, Судиславля. Когда-то здесь этот промысел был очень широко распространен. Теперь он умирает. Евлевский конек вытесняет нижегородская (семеновская) игрушка⁵. «В нашей игрушке никаких правил нет, не то, что в нижегородской. Мы не ученые. Работа топорная». Действительно, осиновый конек почти целиком делается топором и ножом. Молотки, скобель, шильце и желобчатое долотцо дополняют несложный инструментарий игрушечника. Красят мелом на клею. По белому фону сажей ставятся черные яблочки, кроном пятнают желтые и суриком красные. Для кружков на колесиках и яблочек есть особое приспособление вроде деревянного циркуля – «воробинка» и для раскраски – кисточка из щетины, вставленной в куричью «зорьку», т. е. в конец перышка, надетого на палочку. Промысел идет из старины, и стилизованный конек делается по старой традиции. Попытки учесть, сколько сработает и выработает кустарь, безнадежны. Из бязни налога вам скажут: «Раньше был расходишка игрушкам, а теперь ремесло падает, игрушка идет тупо, в магазины не берут – сера работа и цена дешевая (7 руб. за 100 штук)».

В д. Степурино игрушка делается иначе. Старик Павел Захарович Брусенин, маляр по профессии, «по зимам от безделья стал работать коней», а теперь только и занят этим. «Я на што посмотрю, все сумею сделать. Делал и куклы, и пряжи. Впервые сделал коня, присмотревшись к привезенной от Троицы

игрушке)⁶. Здешние кони и коляски других форм, красятся масляной краской, распятываются также разнообразных цветов яблоками и расписываются зубчиками. Трехрогая молвитинская пряжа широко распространяется отсюда во все стороны (я встречал ее и на р. Костроме, и в Галичском уезде около Игодова), делается к сезону – к Филипповкам и красится чаще всего красной краской. И в Евлеве, и в Степурине кустари мне сделали полный набор игрушек и их частей в процессе производства для музея.

Мне сказали, что у д. Бараново есть курганы. Оказалось, что по круче горы и ниже на самой подбережице, как здесь называют нижнюю террасу у реки, весенние и подземные воды сделали полушарые оползни.

Есть такой довольно крупный по числу занятых в нем лиц кустарный промысел, который, думается мне, никогда не будет механизирован, это плетение лаптей. Весь инструментарий лапотника состоит из кодочика и ножа. Нужна еще колодка (называют ее «дереву»), на правую и на левую ногу одна и та же.

Чтобы правильно описать какой-нибудь промысел, необходимо самому выучиться этому производству, так как во всяком деле, даже в плетении лаптей, есть своя суть дела, которую сразу нехватишь. С плетением лаптей я ознакомился у одного старика в д. Грибово. Сырье в виде трубок липовой коры покупают на Буйском базаре. Мера счета – «ноша» и «полуношка» (около полутора десятков). Довольно длительная процедура подготовки материала. Первое надо «навертеть» трубки (лыко). Вертят их в дыму, в печи распаривают. Затем мочат лыко – в прудовой воде или в квашоной – последняя предпочитается (съедает лучше). Далее чинят лыко, нарезают из трубок липовой коры ленты в 1 см шириной и ремешки. И, наконец, скоблят, выравнивают и мнут. Первая процедура делается ножом, вторая тупой стороной того же ножа. Закладывают лапоть с пяты на 6 лык, да 3 лыка потом вплетают в «рожу». Через оборник перегибаются пополам заготовленные лычки и потом переплетаются между собой. Вторая стадия плетения начинается после того, как весь лапоть сплетется в один ряд. В него вставляется колодка, и начинается «ковыряжье щен» – переплетение лыком при помощи кодочика второй раз. Сплетенный лапоть подрезается (подравнивают выставившиеся кончики лык) и опаливается на жару. Одним словом, лапоть может быть сделан чисто и аккуратно.

«Уседом сидеть, так три пары сплеть, проворный пять пар за день плетет». Из готового материала один лапоть плетется 1/2 часа.

Дедушка Василий бранит свое ремесло: «Работа непользительная. Петр плел, и тот проклет». Кто, говорит, это ремесло делает, тот не сыт, не голоден.

В доме гнетущая нужда, на всем печать бедности. Сам он в домотканине («за 9 лет одну рубаху купил»). Рваные хорошенькие двое внучат, больная жена, два года не слезавшая с кровати. Даже часы и те давно остановлены тараканами. Он был очень доволен, когда я закупил у него для музея кодочик, «дерево», чиненую и ношеную лутошку и лапти в разных стадиях производства.

В деревнях очень интересуются, кто и зачем ты ходишь, сколько за это платят жалованья?

Некоторую часть пути потом я сделал с другими краеведами: с П. А. Царевым⁷, (П. А. Царев – заведующий Галичским музеем, уроженец Молвитина), который в это время отдыхал и готов был идти куда угодно, и с Л. С. Китицыной, изучавшей горшечное дело в Молвитине, в Жданове, а потом в Петровском. Мы просто рекомендуем краеведами: надо вводить среди широких масс в употребление это понятие. Нужно сказать, что идея краеведения очень легко понимается в деревне. Здесь быстро какими-то неведомыми путями знают о каждом новом человеке всю подноготную. «Вон идут краеведы!», – говорили встречающие нас в деревнях и на дорогах крестьяне. Отношение к нам было неизменно приветливое.

Недалеко от деревни Григорово на лесной дорожке нам кто-то крикнул из кустов: «Обойдите стороной!» На дороге в колеях была положена солома. Из кустов вышел человек с ведром в руке, высокий красивый мужчина лет сорока, без фуражки, в белой рубахе без пояса, босой, в засученных высоко брюках. Черпая ведром, он переносил на дорогу муравейник со всем содержимым. Это оказался известный всем здесь в округе от мала до велика Полиевкт Иваныч, страстный любитель птиц. Для них он этим оригинальным манером собирал муравьиные яйца⁸. Первый раз я видел, как добывается этот экспортный товар. Высыпанные на дорогу муравьи спешат спасти яйца и быстро перетаскивают их в колеи под солому. Собранные отсюда яйца на противне замариваются в печи; потом подсушиваются на солнце. Сразу же мы узнали от Полиевкта Иваныча целый ряд естественно-исторических сведений по этой части. Оказывается, в году бывают два раза муравьиные яйца – первые притом бывают крупнее, вторые мельче. Муравей земляной больше кусает, нежели тот, который обитает в муравьиных кучах, и т. д. Тут же он показал нам сорочье гнездо с детками. Все живое в лесу и на лугу было у него на учете.

Мы условились с Полиевктом Иванычем, что переночуем у него – мне очень хотелось посмотреть его поближе. И я не пожалел, что остановился у него. Двор и дом у него полон животных: гуси, утки, голуби, куры, щеглы, зяблики, клесты. Семейство кошки и крохотные утята бегают вместе по полу. Со всеми он разговаривает, все его понимают. К окну подошла чья-то нищенствующая собака, П. И. бросил ей кусок хлеба. Удивляешься, сколько жизни и радости дает этот один человек кругом себя. Не раз он воспитывал зайцев, лисят и т. д. У него жили соловей, скворец с белыми пятнами, грач с белым пером. Между прочим, ему каким-то образом удалось сделать ручными тетеревов, долго живших у него в комнате, задача, до сих пор никем еще не решенная.

На столе у П. И. газеты, издания «Новой деревни»⁹. Он интересуется очень многими вопросами, спокойно и остроумно обсуждая их. П. И. – одинокий. Он волостной статистик, рассыльный, письмоносец и сторож при школе.

Его рассказы о птицах, о ловле рыбы чрезвычайно интересны. Например, от него я узнал, что самые заботливые, по его наблюдениям, о своих детях птицы – это гуси. Клестов зимой ловят таким манером: наваливают снежную кучу примерно в аршин высоты в еловом лесу; на кучу ставят дощечку с петлями из конского волоса, немного припорошивают снежком. Затем кучу обливают квасной гущей с солью. Клесты зимой двигаются громадными стаями по тем местам, где урожай шишек. Никто другой, думаю, не может отсюда послужить так делу фенологии, как он: надо связать его с «Мироведением»¹⁰.

* * *

Верстах в полтора от Григорова лежит усадьба Бочатино, принадлежавшая раньше Борщовым, а потом Кашпиревым. На редкость красивое местечко выбрали для усадьбы. Река Шача огибает часть холма, на котором расположена усадьба со старым запущенным парком, заросшим молодняком и частью вырубленным и искалеченным. С другой стороны живописные берега речки Станковки. С холма открывается далекий горизонт с массой дереvушек.

Здание усадьбы имеет ту же архитектуру, как и здание окружного суда в Костроме, по-видимому, устроенные одним и тем же архитектором по заказу Борщова, которому принадлежало когда-то и здание суда¹¹. Фасад с колоннами и очень красивой железной решеткой балкона обращен к долине Шачи. Усадьба интересна и с противоположной стороны, со стороны крас-

ного двора – здесь такая же колоннада в середине здания и под ними смелая широкая арка с круглыми окнами в глубине стены.

На красном дворе ряд каменных служб, построенных в ампирическом стиле, кухня, в которой теперь стоит корова хуторянина, и людская, в которой живет семья последнего.

Я не люблю смотреть на разрушающиеся здания, и вид этого хорошего образчика русского ампира с разрушающейся крышей, отваливающейся штукатуркой, с выбитыми окошками, выдранными скобами дверей и шпингалетами окон, был прямо удручающий. В дверях вырваны все замки, в красивых печах выломаны металлические вьюшки. В гостиной второго этажа – разбитый ампирического стиля большой орган палисандрового дерева, валяются его большие валы, сломанный диван, части разбитой хрустальной лампы. Всюду в комнатах хлам, обломки, всевозможный мусор.

Изящная орнаментальная живопись, покрывающая стены и потолки, в каждой комнате различная. В гостиной розовый по штукатурке фон стен расписан у дверей лозами винограда. По бледно-голубому фризу золотистой краской выполнены тонкие классические виньетки. В следующей комнате (малый зал) коричневатого тона фрески представляют сцены амуров. В одной комнате сохранилась кафельная печь. Осталось изящное обрамление камина с росписью. Оригинальны маленькие зеленые голландские печи. Особенно очаровательна живопись в одной из 36 комнат дома во втором этаже. Здесь нежными красками в виньетках фризов вписаны медальоны с музами. Вероятно, эта комната служила библиотекой.

Я очень пожалел, что со мной не было фотографии, которую обещался взять мой спутник. Вместо этого он ради особого шика бродил по деревьям с пустым футляром, служившим складом папирос и записных книжек. Пришлось заняться зарисовкой.

Кашпиревы¹², последние хозяева усадьбы, как передают, выселенные в 1925 г., оставили здесь довольно много имущества, которое продавали с торгов, тащили, особенно гуляющая здесь молодежь окрестных деревень. На курево и ради озорства расхищена была большая библиотека. В хламе на полу мы нашли несколько книжек: томик *De imitation Christi*, парижское издание 1744, *l'Almanach des muses de la République Française* (1801), *Le Miroir, ou contes moraux...* берлинское издание с прелестными раскрашенными иллюстрациями¹³.

В третьем этаже на полу завалился интересный портрет дамы масляными красками, судя по прическе и костюму, начала XIX ст. На чердаке мы нашли осколок мастиковой вазы с головкой сатира и бронзовую ампирную люстру. От хуторянина я узнал, что недавно отсюда были вывезены еще два портрета одним костромичом. Позднее мне удалось добыть их для Музея. Это отличный портрет неизвестной старушки в ковровом платке и портрет молодой дамы.

* * *

Из Григорова мы ходили еще в с. Ильинское на Шаче посмотреть на «Чортов камень» Нужно отметить живописность местности этого села. Кстати в церкви здесь есть две отличные картины («Мадонна» и «Мученица Варвара») из Бочатина, вероятно, того же мастера, который писал муз. Чортов камень приблизительно в километре от села в густом березовом лесу. Такой значительной толщины выход песчаника в здешних местах необычен. Обнажение имеет шесть метров высоты и сколько еще скрыто ниже под осыпью, заросшей травой и кустарниками. На камне вырос толстый густой лес. Рассказывают, что когда-то был виден вход в пещеру, постепенно осыпавшийся, что на стенах были видны какие-то знаки и рисунки. Во всяком случае, этот ландшафт скалы и леса с лесным ручейком забываем.

Я решил провести лишний день в Бочатине за зарисовками фресок и уголков усадьбы. Мои спутники разошлись в разные стороны: Л. С. Китицына в Петровское к горшечникам, П. А. Царева я попросил обойти Медвежье и Кишинское озера в бассейне Андобы в расчете обнаружить здесь следы доисторической культуры.

Вечером Лидия Сергеевна поделилась своими интересными наблюдениями над горшечным промыслом в Петровском. Здесь горшечники украшают свою налепную посуду, между прочим, штампами, очень напоминающими характер орнамента неолитической и палеолитической керамики: «узоры пищут писками» так называют они штампы.

На другой день пришел измученный, голодный, промокший под дождем П. А. Царев. Ему удалось натолкнуться на древнюю стоянку близ Медвежьего озера. Пришлось простить ему пустой футляр от фотографического аппарата и его круглые (для солидности) очки и перестроить намеченный мною маршрут.

Через с. Носково П. А. и я направились к Медвежьему озеру. «Боровинка», так называется это место, находится у юго-восточного конца озера. По-

следнее имеет километра полтора–два длины, сильно заболоченные берега с этой стороны. «Боровинка» представляет из себя старый песчаный берег озера, теперь метрах в 200 от воды поросший сосновым лесом. Пробный небольшой шурф (180х160 см), сделанный нами у лесной дороги, показал, что сверху до глубины 20–30 см залегает подзол, ниже до 60 см идет ровный желтый песок, в котором попадаются обломки керамики. Между прочим, был найден обломок кремневой стрелы и кусочек шлифованного из шифера предмета. В другом шурфе, заложенном к югу от первого, обнаружилась зольная прослойка на глубине 50 см, а ниже 60–70 см всюду подстилает материковый песок.

Этот пункт любопытен в том отношении, что здесь встречена однородная керамика с редко-ямочными и нежно-ямочными вдавлениями и другим нежным штампом. Эта особая культура попала к нам в «Подовьюкове» (стоянка у с. Шунги) и на стояке у д. Овинцы Костромского у. Если бы удалось когда-нибудь собрать керамики здесь побольше и изучить, ее легко бы можно было узнавать и выделять в сложных больших стоянках с несколькими перемешанными культурами.

* * *

В Борщине, Бабышеве, Федотове, Никольском, Починке, Худлове, Носкове, Синейникове, Селище и в других окрестных деревнях и селах были когда-то помещичьи усадьбы, теперь разваленные или совсем исчезнувшие. Кое-где увидишь остатки парка с одичалым колокольчиком¹⁴, с прудами и беседками, в другом месте старики расскажут о крепостном праве, озноб от которого далеко не забылся. В д. Фролово Малое, когда-то тоже бывшей усадьбе, бедный одинокий дед Степан Петрович, у которого я ночевал, рассказывал, как помещик Шипов, которому была проиграна усадьба, пригнал сюда из Куданова три семейства крестьян, как последним приходилось на барщину ходить под самую Кострому (в Елизаветино).

Иду и думаю, что дала краю культура дворянских гнезд. По деревням довольно часто видишь ампирные балкончики, ворота и крылечки с колоннами, выдержанные в том же стиле наличники окон – вот и все видимое воздействие в стройке помещичьей культуры. В избе встретишь интересный мотив скамьи, лесенки на голбец, спинку деревянной кровати, полочку и т. д. У председателя райсовета в с. Носково полон дом ампира. Меня удивило, что даже такие предметы, как полатный брус, причелины скамей, перегородки имеют ампирные золоченые окладки. Оказывается, он купил

старый церковный иконостас и остроумно приспособил его части для украшения своего жилища.

Одно интересное наблюдение можно здесь, кстати, отметить. Нигде в другом месте края мне не приходилось видеть столько народной росписи. Сказался малярный отхожий промысел. Опечек, голбец, посудник, филенчатый шкафчик, люлька и т. д. нередко расписаны цветами, вазами с цветком и птичкой, львами и проч. В одной деревне (Молочное Андреевской в.) имеются на воротах двора в четырех клеймах любопытные изображения львов и коней, а на двери крыльца фигура солдата с обнаженной шашкой с надписью: «Не ходи, зарублю». Встречается живопись, датированная: лев и виноград 1812 г. (в д. Молочное). Сюжет цветка с птичкой я встретил в д. Дубровка, в доме Д. В. Смирнова, дата живописи 1821. В д. Григорово: на шкафе ваза с цветами, исполненными желтыми, бледно-голубыми, коричневыми, белыми красками, и с птичкой имеет подпись: «1886». Расписывал, как объяснили хозяева, Перцев А. И. из Завражья. В д. Фролове – изображение льва на шкафе, дата 1898. Интересно расписанные дощечки 30-х годов от посудника и тябла мне подарил в д. Братиловое Р. Т. Смирнов (в Костромском музее). С большим вкусом сделанную роспись крылечка я видел на доме Билибина в д. Оклесово.

В этой деревне мне удалось приобрести для Музея целый резной фасад дома с подписью мастера, насчитывающий, по словам хозяев, 120-тилетний возраст. Помимо малярной профессии и независимо от помещичьего ампира, население хранит какие-то старинные художественные традиции.

* * *

«Заводопеешь ты у нас», – говорили мне в Юрине. Непрерывные дожди напоили до отказа луга и пашни. Везде хлюпает вода, непролазная грязь на дорогах. Я ходил босой, высоко засучившись.

Сижу в избе и записываю сказки, которые рассказывает за вязаньем венников больному горбатому мальчику девушка 17 лет. Одна за другой текут сказки про Василису Несчастную, про двух братьев, про то, как барин отелился.

«В одном городе жил-был барин с барыней. Жили богато. Барин ничего не работал – выпится, погуляет, поест и опять спать. Вот он все пил парное молоко и до чего сделался толстый...»

Сказочница Маня Логинова почти неграмотная, сказки она слышала от отца, рассказывает их гладко, как по книге. Сказки в деревне почти везде

еще найдешь. Мне называли нескольких известных здесь сказочников и особенно указывали на Никиту Тимофеевича Котова из деревни Коломино. Я разыскал Н. Т. Котова. Он, печник-самоучка, перекладывал печку в бане. От него я узнал некоторые интересные сведения по части патрубка, опечка, кожуха, о том, как можно по-разному нарядить печку пилястрочками, челночками, в щиточке устроить зеркальце и т. д. Но сказок я от него не записал. Он был занят своим делом и очень высоким стилем выражал свои мысли, вроде того: «из-за коммерческих долгов и война вспыхнула», «был такой период, все старнизовались»... Вообще, я заметил, что при встрече с нами, городскими людьми, в деревне начинают говорить иногда не тем языком, который употребляют в разговоре между собою. Когда заговорят таким манером с вами, перевести человека на надлежащие рельсы бывает уже трудно. Замечу, что Н. Т. Котов, как и подобает истинному артисту, а может быть, по другим причинам, начал отказываться: «пустое говорят, что я сказочник». А потом обещал рассказать, когда будет посвободнее, закончив философски беседу: «что ж, дни у нас не купленные, каждый день для нас подарок».

В том же Коломине гораздый был сказки сказывать Александр Васильевич, по прозвищу «Барин». Одевался и вел себя, как барин, и потешный был как шут, чудить любил. Об этой фигуре надо было бы собрать более подробные сведения, так как это представляет интерес для выяснения творчества Н. А. Некрасова, который вывел, думаю, этого «Барина» в «Кому живется весело...».

Все Юрино и ряд окрестных деревень когда-то занимались своеобразным промыслом: ходили «по грушу». Забирали в Молвитине, в Буе или в Костроме пряники, конфеты («с морхотком»), семечки, иголки, булавки, кружево, тесемку, пояски, мыло, чай, сахар, постом – веретена, челноки, прошвы – на это выменивали лен, щетину, шерсть и другой деревенский товар. Уезжали за сотни верст. В д. Сергеево Иван Афанасьевич и сейчас еще грушечничает. Один ведерник из д. Конюхово рассказал мне сказку, в которой герой «ходит по грушу» с приговором, не оставляющим никакого сомнения в том, что некрасовский образ Якова взят из здешних мест¹⁵.

Занимающиеся изучением творчества Некрасова, может быть, подробнее выяснят этот вопрос. Упомяну кстати, что Кашпировы, владельцы Бочатина, упоминаются в той же поэме Некрасова («Зузеньята с Кашпирятами»...).

В Юрине «орут на самолетах» (пашут сохой), в д. Филюшино – плугом, переделанным на манер косули. В деревне придумали приделывать к плугу

приспособление, называемое решеткой, благодаря которому регулируется глубина вспашки. Другая особенность этого земледельческого орудия, что рычаг опилен и приделаны две ручки.

Чаще, однако, здесь видишь косули, которые делаются в д. Сырневе.

* * *

Мне хочется посмотреть всю деревню, которую мы, городские, так мало знаем, заглянуть во все ее щели, в самую гущу. В Кокوشине выбираю самую старенькую избу самого бедного крестьянина. Захожу. Дом, построенный семь лет тому назад (двор глаголем), худой, с покривившимися полами. Куча рваных хорошеньких ребят ревет хором. Едят сочни из ржаной муки, окуная их предварительно в общую чашку с молоком. Картошки нет, капусты нет, пшеница нет и в лавке. Хлеба уже куплено 15 пудов, до нового еще понадобится 5 пудов, но муки трудно достать – кто имеет лишний хлеб, тот не продает или продает по высокой цене («неподмоготно купить»). Телку придется продать, потому что сена не хватит. Кроме нее, на дворе лошадь и корова – вся живность. Землеустройство еще не проходило здесь, и у него земли не вдоволь, по-старому душа с четвертью, и окортомить (арендовать) негде. Земля неродимая здесь. Стройка: дом со двором и сараюшка. Амбара и овина своего нет. Подсобный промысел у них ведерный. «Ремесло наше наподобие нишша-во (нищее). А кто его изобретал, и тому бы провалицца». (Промысел распространился на памяти; передавали, что его принес из Москвы некто Феофаньч). «Заработаю десятку в две недели, издыхаем на чужой стороне, а все нет ничего, а доход на меня исчислили 500 руб. Вот как у нас разбираются, ненависьво в деревне. Треплешься из года в год. Плотники лучше зарабатывают (в Вичуге по 5–6 руб. в день). Он домой от Пасхи за 8 недель принесет рублей 300–350. У него домашность, а исчисляют доходу столько же. Сейчас никому не охота быть богатым, все в бедные идем. Обстаиваем, которые за себя, горлом...».

Последнее он пояснил таким образом: «Плотник бывает разный – который “свершонки” (проценты) берет наподобие подрядчика. На собрании горлом врут (о своих доходах), а нас совесть убивает сказать бы – врешь».

Недоумеваешь, что может спасти положение, кроме коллективного хозяйства, о нем здесь тогда бедняцкая часть не слыхала еще или не понимала¹⁶.

Зажиточная часть населения – «есвенные», как они сами себя называют, хлебом не скучают. Но живут довольно грязно: вонь, тараканы. Жалобы на то, что налоги большие – не заведи лишнюю корову. Бранят бедноту, переделы: «бедняки, – говорят, – имели две–три десятины, и те были необ-

работаны. Что заработают шапками, то и пропьют. Рыло мокрое – вот и бедняки. Если порвется наше хозяйство, деревня им держалась, хлеба не будет, пропадет и город, и деревня»... Одним словом, мотивы очень известные.

* * *

Очень интересные сведения по плотницкому промыслу и по архитектуре избы дал мне в Кокошине старик плотник Гордей Иванович, ходивший работать и за Чухлому, и в Кострому, и к Серееде. Из разговоров с такими специалистами для меня понемногу выясняется эволюция избы и двора в здешнем крае. Когда-то здесь сплошь строились дома и дворы под разными крышами («дом с разжелобком» или «дом под двумя конями»). Двурядная связь потом (по экономическим причинам) заменена была домом с двором под полой. Более зажиточная часть строит и развивает тип дома с двором сбоку. Двор сзади более позднее явление, объясняемое тем обстоятельством, что с ростом населения двора становится меньше (по лицу 15 аршин).

Еще одно незабываемое воспоминание осталось у меня от д. Кокошино. Любезные хозяева, у которых я остановился ночевать, предложили мне по случаю субботы попариться в печи. Я проделал весь ритуал. Должен сказать – мыться в печи дело непростое. Нужен навык, большое искусство. Сидишь в печи на соложке, согнувшись и памятуя, что разогнуться нельзя, что размахивать руками тоже нельзя – ударишься о свод или о стены. С мылом, мочалкой и водой действуешь ошупью. Устье закрыто, и темно, как в душе грешника, лишь в углу (в задороге) светятся еще не затухшие угли. Чугун с горячей водой в печи и шайка с холодной на шестке, чтобы наполнить еще раз чистой водой. Если печка хорошо вытоплена, можно произвольно повысить температуру до любых пределов, поддавая с веника водой на свод и стены.

Несмотря на самую тщательную осторожность, я жестоко измазался в саже и вызвал самый искренний смех хозяина. Потом я «скачивался» во дворе чистой водой. Лошадь и корова равнодушно взирали на эту церемонию. Когда я вошел в избу, так же равнодушно смотрела на меня хозяйка, и, когда я одевался, делала замечания, что-то вроде того: «какой ты худущий».

* * *

Направляюсь через деревни в Железный Борок и везде встречаю что-нибудь любопытное, что оставляет след в моей записной книжке. У всех здесь какое-нибудь ремесло. Некоторые знают по два и по три ремесла или что-то знают примечательное. Когда разговоришься, расспросишь, окажется, каждый человек чем-нибудь да замечателен, что-нибудь да умеет делать: один умеет де-

лать борону, другой клещи для хомута, третий может склепать колесную железную втулку с перьями и врезать ее в ступицу. Ребята расскажут, как по весне они ходят сочать березу («сладко, жирно!»), едят кошачью ягель, песты и т. д. . .

Хуже, когда народа не застанешь или почему-нибудь не заладится надлежащий подход.

В селе Павловском народ ушел в крестный ход, «моление по случаю червя, лет 30 назад истребившего здесь хлеба». Когда я усумнился в целесообразности такого препровождения времени, баба, у которой я пил молоко, сразу перестала быть разговорчивой, промолвив лишь: «Дураки и теперь уже не молятся, а умные почитают».

В Дубровках все мужчины, справивши пашню, «ушли в плотники». Сел под окном, что-то зарисовываю. Слышу, в избе баба говорит про меня: «Вот, чего-то ходит по деревням, дома списывает – ему тоже надо заплатить, а с кого? Опять с нас». Брюхатые бабы, замазанные, с ребятишками, обступили меня. Спрашивают, не выдам ли способности. При таких условиях не так-то просто бывает развивать массовое краеведение.

* * *

Железный Борок – село, выросшее под оградой монастыря¹⁷. Рассказывают, что предки теперешних жителей были сосланными сюда на принудительные работы, когда монастырь добывал здесь железную руду.

Борок – большое селение с отличной стройкой – до 100 домов. Здесь плотники и хлебопашцы. Есть школа, библиотека, изба-читальня.

Монастырь представляет своеобразное учреждение. Часть монастырских корпусов занимает с/х артель, храмы остались за монахами, которые расселились по квартирам. Их около полутора десятка. Их бюджет составляется из доходов от богомольцев и из того, что дают ходы с иконой Иакова по Костромской и Ярославской губерниям.

В то время как раз игумен с иконой ушел в большое село Контеево.

Звонят колокола ко всенощной, группами из разных мест бредут в лаптях богомолки. Железный Борок привлекателен для них между прочим тем, что живет тут человек святой жизни, монах Осаф¹⁸. Он отчитывает от разных немочей и дает советы, вещает. К нему стекаются из далеких мест: из Чудцов, из Осека (Ярославская губ.), даже, говорят, из Перми, главным образом, старухи и старики, изредка приходят и молодые.

Богомольцы проживают здесь по неделе, работая из усердия на Преподобного. На этих «туристах» зарабатывал не только монастырь, но и чайные,

и граждане Борка. Может быть, поэтому они так крепко держатся монастыря. Нередко видишь здесь крестьянок, молодых девушек в монашеских костюмах – черное под ремень платье вроде подрясника и белая на кромку косыночка. Мне не доводилось нигде видеть ничего подобного. Я думал сначала, что это чернички. Оказалось, таково влияние монастыря, что некоторые крестьяне ходят в монашеских полукафтаньях.

Мне не приходилось еще видеть святых, и я отправился разыскивать отца Осафа. Мы встретились на узкой тропинке во ржи. Он шел от службы. Высокий, худой, широкое лицо, ничем не примечательное, полное крупных веснушек, с прямыми прядями черных волос, живые темные глаза. Типичный крестьянин-ярославец, одетый в скуфью и подрясник, подпоясанный широким кожаным ремнем. Я рекомендовался: краевед, интересуюсь разными разностями, в том числе и монастырем, который хотел бы посмотреть.

Прошел он со мной до монастыря, где сдал меня другому монаху, а сам ушел. Я не успел составить себе представление, откуда сила влияния на темные массы подобных людей.

Монастырь на берегу Тебзы, обнесен каменной стеной с хорошенькими башнями. В зелени ограды два белых старых храма и шатровая высокая колокольня¹⁹. В церкви хранится кольчуга Иакова, выходца из Литвы²⁰; вероятно, на чердаках еще можно было бы увидеть что-нибудь интересное. Но было уже поздно, и стесняли монах и пять послушников, молчаливо ходившие за мной, как тени.

В библиотеке монастыря я нашел восемь рукописей XVI–XVII веков, которые тогда мне не отдали. (Позднее Костромской музей получил их, а также икону благоразумного разбойника Хоздима и крылатого Предтечи) и сосредоточил внимание на живописи некоторых икон.

Монастырь вскормил Григория Отрепьева.

Когда я рисовал за оградой монастыря, ко мне подошел бледный чахоточный брат Яков. Разговорились. Он шапошник из-под Молвитина. Работал в Москве. Тип, описанный А. П. Чеховым в рассказе²¹...

* * *

Я шел в Буй, шагая за телегой, нагруженной наличникам, купленными в Борке, и другим музейным скарбом, шел среди хвойного леса с самым любимым мною крепким грибным ароматом, шел и думал – сколько интересного можно встретить, вот так шатаюсь по краю, за две недели.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Село Молвитино Буйского района Костромской области переименовано в Сусанино в 1939 г. Интерес к крестьянской стройке у В. И. Смирнова был давний: см. его статью «Крестьянская изба и ее резные украшения» (Труды КНОИМК. Вып. III. Кострома, 1915. С. 171–178).
2. Автор ошибся: на картине А. К. Саврасова изображена не кладбищенская церковь в Молвитине, а Воскресенская церковь (1670 г.). Она сохранилась, и с 1988 г. в ней находится Музей Сусанина. Ошибка В. И. Смирнова связана с тем, что Саврасов творчески переработал реальный пейзаж, внося изменения в композицию. Ошибка замечена Н. А. Зонтиковым: Символ России (О храме, изображенном на картине А. К. Саврасова «Грачи прилетели») // Костромка /Костромская земля/. Вып. 4). [Электронный ресурс]. Режим доступа: Kostromka.ru>Костромская земля> Символ России, свободный.
3. ВИК – Волостной исполнительный комитет.
4. Петербургский чиновник барон Карл Христианович фон Кистер купил село Молвитино в 1835 г. Вскоре оно перешло к его сыну гвардии поручику Василию Карловичу фон Кистеру.
5. Самобытный промысел нижегородской топорно-щепной игрушки сложился в конце XIX века в деревне Федосеево близ города Семенова: Дайн Г. Л. Русская народная игрушка. М., 1981. С. 68.
6. «Игрушка от Троицы» – игрушка из Сергиева Посада. См.: Дайн Г. Л. Сергиев Посад – столица русской игрушки. Хотьково, Сергиев Посад, 2011.
7. Царев Павел Александрович, заведующий Галичским музеем в 1926–1929 гг. (Сто лет служения музею. Кострома, 2014. С. 149). Кितिцына Лидия Сергеевна (1903–1990), научный сотрудник Этнологической станции КНО. Результаты ее работы по изучению гончарства опубликованы: Примитивные формы гончарства Костромской области // Советская археология. 1964, № 3. С. 149–164.
8. Муравьиные яйца (куколки) – корм для насекомоядных комнатных птиц. Сбор муравьиных яиц был в России промыслом многих деревень. В конце 1920-х гг. усилились нападки на краеведение, и в «Северной правде» появился фельетон Э. Ручинского «Шинтиберики» (№ 138 от 20.06.1929), в котором высмеивалась работа Этнологической станции КНО, особенно изучение обрядового печения, которым занималась Л. С. Кितिцына. Автор фельетона писал, что сейчас, когда каждый сознательный строитель социализма дол-

- жен собирать муравьиные яйца на экспорт, сотрудники станции занимаются “тюнниками и шинтибериками”. Работа Л. С. Кितिцной было опубликована: Хлеб (из материалов по народному питанию) // IV этнографический сборник «Труды Костромского научного общества». 1927. Вып. XLI.
9. В ведомственное издательство Наркомата земледелия «Новая деревня» с 1923 г. выпускало сельскохозяйственную литературу.
10. Русское общество любителей мироведения было создано в 1909 г. Имело своими задачами объединение любителей естественных и физико-математических знаний, содействие их работе, а также распространению этих знаний среди широких масс. В. И. Смирнов был членом общества и находился в дружеских отношениях с Д. О. Святским, активным участником этого общества и ученым секретарем Центрального бюро краеведения, а также редактором журнала «Мироведение».
11. Усадьбу Бочатино получил Семен Иванович Борщов (1712–1786) в качестве приданого за Е. А. Скрипицной. Строительство усадебного дома, как и дома в центре Костромы, известного, как «Дом Борщова», велось при его сыне Сергее Семеновиче (1754–1837), генерал-лейтенанте, с 1805 г. сенаторе. Л. С. Кितिцына, праправнучка С. С. Борщова, еще видевшая его могильную плиту на кладбище церкви соседнего села Ильинское на Шаче, оставила краткую запись о посещении усадьбы: «Я посетила Бочатино в 1928 г. Великолепный дом с колоннами и каменными надворными постройками пришел в полную ветхость. На всем печать разрушения и запустения» (Семейный архив). В 1939 г. усадебные постройки были окончательно разобраны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: cfo-info.com/okrug11e/rajonns/read7xuhcc/page3.htm, свободный.
12. Кашпировы (Кашпиревы), дворянский род Костромской губернии, дворянское достоинство которого восходило к допетровскому времени.
13. «О подражании Христу», «Альманах музеев Французской республики», «Зеркало, или сказки Мора».
14. Иногда место бывшей усадьбы можно узнать только по одичавшим садовым цветам, например, маргариткам.
15. Имеется в виду стихотворение Н. А. Некрасова «Дядюшка Яков».
16. Из письма-дневника В. И. Смирнова, написанного в заключении, видно, что его взгляды на коллективизацию существенно изменились: В. И. Смирнов. Народ в тюрьме (1930–1931). Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). Сергиев Посад. 2011.

17. Железоборовский монастырь основан в конце XIV в. Иаковом (Аносовым), учеником преподобного Сергия Радонежского. Окончательно закрыт в 1929 г. Восстановлен в 2004 г. (Зонтиков Н. А., Кочетов Д. Б. Железоборовский мужской монастырь во имя Святого Иоанна Предтечи // Православная энциклопедия, т. 19).
18. Иеромонах Осаф (Иоасаф Сазанов), в схиме схиархимандрит Серафим (1879–1931), был духовником окрестного населения Железоборовского монастыря.
19. Каменные храмы построены в середине XVIII в., а ограда с башенками – в начале XIX в.
20. Кольчуга принадлежала великому князю Московскому Василию Темному, который ходил войной на князя Галичского и расположил свой командный пункт в Железоборовском монастыре. Подаренная им кольчуга хранилась в монастыре долгие годы в качестве реликвии. [Электронный ресурс] Режим доступа: [Russian-church.ru > viwpage.php](http://Russian-church.ru/viwpage.php)... свободный.
21. Видимо, автор хотел уточнить название чеховского рассказа. Но не успел сделать этого – вскоре обстоятельства его жизни резко переменялись.

СЕВЕРНОРУССКОЕ ОРУДИЕ ДЛЯ СБОРА ЯГОД

Занимаясь изучением этих орудий, В. И. Смирнов сам сделал деревянную грабилку в 1940 г., во время раскопок на озере Лаче. Только одним бортиком он не был закончен резной узор. Грабилка была передана мной в Костромской музей-заповедник.

Т. Смирнова

Созревание дикорастущих ягод на севере совпадает со временем основных сельскохозяйственных работ, когда население не может уделить достаточного внимания ягодным сборам. Между тем, ягоды имеют здесь большое хозяйственное значение. Эти обстоятельства при обилии ягодных угодий породили в некоторой мере механизацию сбора.

Остроумное и весьма полезное приспособление для сбора дикорастущих ягод, позволяющее делать сборы в несколько раз быстрее, нежели руками, носит название «грабилки». «Грабить», по местному, значит – собирать, сгребать (грабят сено). В некоторых местах грабилку называют «гребнем», «ручкой», «набиркой», «побирушкой» (Пинежский район).

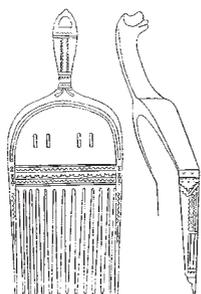

Рис. 1

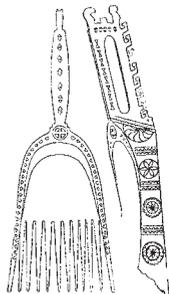

Рис. 2

Грабилка представляет собой деревянный совок с зубьями, подобие совка-гребня. При сборе ягод грабилкой и действуют как гребнем: проводят ею несколько раз по ягодным кустам, веточки кустарника проскакивают между зубьями, ягоды с них отрываются и остаются в совке. Из совка ягоды сыпаются в корзину или в фартук.

Грабилки обычно делаются из березы или из осины. Инструментами служат пила, желобчатое долото, деревянный молоток и нож.

Грабилкой собирают ягоды с низкорастущих кустов брусники, черники, голубики (гонобобля), морошки, вороники (водянки, психи, сихи), поленики, иногда клюквы.

Размеры грабилки разные. В длину от 25 см (детские) до 35 см вместе с рукоятью. Чаще наблюдается размер около 35 см, при ширине у рабочего края (в конце зубьев) – 12–15 см. У детских грабилки ширина 8,5–9 см.

Грабилка состоит из трех частей: зубьев («гребенка»), средней части («ложечка») и рукояти («ручка»).

Количество зубьев зависит от ширины грабилки: бывает и 8, и даже 15 зубьев, в детских 6–8. Расстояние между зубьями у рабочего конца шире – до 5 мм. Заостренные на конце зубья утолщаются к основанию, достигая толщины около 6 мм, и расстояние между ними здесь меньше (2–3 мм). В разрезе зубья у основания имеют форму вытянутого треугольника. Благодаря этому зубья приобретают устойчивость при работе, и ягоды не застревают между зубьями. Но вообще зубья снашиваются довольно скоро вследствие слабости дерева. Часто приходится видеть грабилки, починенные, с новыми, искусно приделанными проволочками или нитками зубцами.

«Ложечка», занимающая расстояние между зубьями и рукоятью, куда скатываются при сборе ягоды, обычно имеет в длину 7–8 см. Глубина ее определяется высотой бортов совка (около 3 см). В некоторых грабилках делается у плечиков совка углубление в виде чашки, в таком случае глубина ложечки достигает 7 см. Делается это для того, чтобы ягоды из совка не скатывались при каждом новом взмахе по кустам. Вероятно, утилитар-

ное значение имеют прорези на дне грабилки в виде дырочек, крестиков и т. д. В эти прорези должны вываливаться незрелые, сухие ягоды, мелкие листья и другой сор.

Ручка грабилки имеет длину 14–16 см; встречаются рукояти и в 7,5–8 см длины. Следует отметить еще одно усовершенствование, которое делается и в этой части грабилки. В ней устраивается прорезь для пальцев. Получается род эфеса, защищающего руку от кустов ягодника.

Боковые стенки совка с внешней стороны достигают 3–7,5 см; в направлении к зубьям эти бортики постепенно суживаются и заостряются.

Хорошая грабилка имеет изогнутую форму профиля; направление зубьев в отношении к линии рукояти представляет небольшой тупой угол. Благодаря этому взятая твердо в руку грабилка имеет несколько приподнятый рабочий край. Такая форма придает грабилке для того, чтобы при повторных взмахах ягоды из нее не скатывались.

Грабилки известны на севере не повсеместно. В южных районах Архангельской обл. их не знают, даже в центральных районах, как Шенкурский и Вельский, они редко встречаются. В Каргопольском районе, известном своими ягодными угодьями и большими сборами ягод, грабилки совсем не бытуют. Зато они всюду известны по взморью и в прилегающих к нему районах – от границы Финляндии до р. Печоры. На этой большой территории можно различать два типа грабилки: 1) грабилка в виде прямого с круглыми плечиками совка, часто с глубокой ложечкой (рис. 1), и 2) грабилки, расширяющиеся к рабочему концу, с плоским дном и высокими бортами (рис. 2). Первый тип грабилки наблюдается в районах, прилегающих к Архангельску, второй – на Печоре.

Грабилка интересна и как предмет народного искусства. Наряду с прялками и вальками это орудие преимущественно женского и детского труда покрывается резьбой и раскрашивается. Нередко резьбой покрыты бывают борта и рукоять, встречается резьба даже внутри грабилки на тыловой стороне. Резьба применяется выемчатая, контурная, сквозная и скульптурная. Рисунок – геометрический в виде зубчиков, треугольников, квадратов, ромбов, линий, поясков, елочек. Часто встречаются розетки (мотив солнца) – лучистые, лепестковые, вьющиеся.

Примечателен животный орнамент в виде мотива стилизованных конских голов на печорских грабилках (рис. 2). Геометризованные вырезанные головки коней, обращенные в одну сторону, образуют орнамент меандра.

Сопоставление этого мотива с некоторыми ткаными узорами северных полотенец и поясков, а также с резьбой выпускных, так называемых коневых бревен изб не оставляет сомнения насчет происхождения орнамента меандра. Интересна скульптурная обработка конца одной рукоятки (рис 1) в виде головы человекоподобного существа. Эта грабилка раскрашена синей, красной и желтой красками.

Приводимые рисунки сделаны с грабилки из коллекции Архангельского областного музея.

АРХАНГЕЛЬСКИЕ ТУЕСА

Наверное, мало кто задумается, увидев берестяной туесок в музее или магазине сувениров, насколько сложна технология его изготовления, задумается о том, что это не красивый, но бесполезный сувенир, а универсальная емкость, широко использовавшаяся в обиходе северного крестьянства. Как часто в музеях представляют предметы крестьянской утвари только, как произведения искусства, оставляя посетителя в неведении о том, какова технология изготовления их и каково применение. В. И. Смирнов же, как видим, досконально изучил процесс создания туесов.

Т. Смирнова

Береста издавна служит материалом для различных поделок у жителей лесистых местностей севера, отдаленных от промышленных центров. В домашнем быту здесь применение бересты очень разнообразно: из нее делали пестеры (ранцы), короба, корзины, лапти, ковши, игрушки, музыкальные инструменты, различные предметы домашней утвари, в том числе так называемые «туеса».

Туес, туис, туяс (мн. ч. туесья, туясья, туеса) – это цилиндрический с выемной деревянной крышкой сосуд из бересты для молока, сметаны, яиц, грибов, ягод, соли и других съестных припасов. На юге Архангельской области туес повсеместно носит название «бурак», на западе области – «порочка» (Приозерный район).

Туес – один из самых прочных, легких и удобных сосудов для хранения, собирания и переноски различного рода продуктов (грибов, ягод и т. п.). Делается он повсеместно. Для туеса срубают березу, когда она «соцеет» – в соку, до лета, примерно, когда цветет рожь. Весенняя береста имеет лучший цвет,

Василий Иванович Смирнов (1882–1941) и Лидия Сергеевна Кितिцына (1903–1990) стали мужем и женой в 1928 г. Разница в возрасте не повлияла на силу их любви. Расставаясь, они каждый день писали друг другу. Письма, посланные В.И. Смирновым из тюрем и ссылки, стали основой этой книги. Значительная их часть обращена одновременно к жене и дочери от первого брака Насте.

На этих снимках В.И. Смирнов и Л.С. Кितिцына, сфотографировавшиеся перед женитьбой (Кострома, 1928 г.), и В.И. Смирнов с Настей в садике возле своего дома в Костроме.

*В. И. Смирнов и уездные краеведы:
И. В. Шумский, П. А. Царев, Л. Н. Казаринов.
1927 г.*

В 1920-е годы краеведение было мощным общественным движением, по всей стране были созданы краеведческие объединения. Как писал С. О. Шмидт, «это были организации энтузиастов, людей сердечно заинтересованных и думающих, а не желающих подчиняться просто указу сверху». Одним из самых известных краеведческих объединений стало тогда Костромское научное общество (КНО), которым руководил В. И. Смирнов. Он был и директором Костромского краеведческого музея. Занимался этнографией, археологией, фольклором. Работа КНО проводилась под руководством Центрального бюро краеведения (ЦБК).

*И. П. Пауль (1884–1960),
библиотекарь КНО
и научный сотрудник
Костромского музея.
Рис. Н. Беляевой*

*Герб КНО –
ладья, плывущая
по волжской воде*

*По словам
В. И. Смирнова,
И. П. Пауль – «человек
редкой эрудиции,
скромный и честный».
Единственный
из сотрудников музея,
кто на допросах
не подтвердил никаких
обвинений по адресу
В. И. Смирнова. Выслан
в Тюменскую область,
г. Ишим. «Я семь
этапов прошел» –
слова, сказанные
им Т. В. Смирновой
незадолго до кончины.*

Л. Н. Казаринов (1871–1940), директор Чухломского краеведческого музея. Арестован в 1931 г., выслан в Северный край.

Там повредил ногу, началась гангрена. Комиссовали, ногу ампутировали.

Из последнего письма В. И. Смирнову:

«Дорогой Василий Иванович. Получил сто рублей. Сердечно благодарю, вспоминая, что ты всегда относился ко мне даже лучше моих собственных родных в тяжелые дни ссылки. <...> Обнимаю и последний раз крепко целую».

В. И. Смирнов и Д. О. Святский (1881–1940), ученый секретарь ЦБК. Их связывала многолетняя дружба. В обвинительном заключении по делу В. И. Смирнова Ленинградское ЦБК названо контрреволюционным центром, осуществлявшим идеологическое руководство КНО и Музеем. Д. О. Святский был направлен на строительство Беломорканала. Вернулся в Ленинград, но после убийства Кирова, вместе с тысячами жителей города выслан в Казахстан. В одном из последних писем к В. И. Смирнову писал:

«Много раз я думал над крахом краеведения и мироведения и задавал себе вопросы – неужели же они никогда не воскреснут в том виде, как мы их понимали. <...> А хотелось бы дожить и видеть воскресенье!».

Вгоды «великого перелома» по всей стране начались преследования краеведов. Почти все они были арестованы, обвинены в контрреволюционной деятельности и, как правило, получили трехлетний срок административной высылки (ст. 58–10 УК).

Те из них, кто выдержал это испытание, стремились вернуться к любимой работе, но краеведения, как общественного движения, в условиях усиления тоталитарного режима не могло быть. «Есть краеведы, но нет краеведения!», – восклицал солигаличский краевед И. В. Шумский в письме В. И. Смирнову.

Смирнов находился восемь с половиной месяцев в тюрьме, точнее – в тюрьмах Иванова, Владимира, Ярославля, Вологды. Ведь места заключения были переполнены – шла волна арестов крестьян в связи с коллективизацией, так что заключенных приходилось перемещать из одного места в другое.

В то время В.И. Смирнов писал в основном на открытках, проходивших через цензуру. Эти послания дают представление о чувствах человека, уверенного, что на нем «нет ни пятнышка», и оказавшегося вдруг в тюрьме, человека, который полагает, что недоразумение скоро закончится и успокаивает родных. Он весь еще полон забот о незаконченных научных трудах и просит присылать их для обработки. Беспокоится о жене и дочери Насте. Пишет, что ему надо передать.

Почтовые карточки 1930–1931 гг. призывали отдыхать на Черном море, дать отпор кулаку, улучшить снабжение рабочих мясом, вступать в ряды МОПР (Международной организации помощи борцам революции).

Фотографии В. И. Смирнова, 1927 г., Кострома

«... ääæá à ì è-
 í óòû òðááîæ
 è äîðÿ í á ì îáó
 îñòàáàòüñÿ
 ðááí îáóøí Ûì
 è í ðèðîíáá. Ñèæó
 è èðáóðñü ñàì Ûì
 èðàñèáÛì äáðáâî
 á ì èðá - ááðáçèé
 ñ áá í ðè-óáèèáÛì
 è ðàèèì í áæí Ûì
 óçíðí-üáì èèñòüáá.
 Ñì îðð è áñí í-
 ì èí àð óááÿ, ðà-
 éóð æá ÷èíóð
 è í áæí óð».
 /Ëç í èñü à
 Á. Ë. Ñì èðí îáá æáí á
 á ì áðèîá îð-áÿ í Ûò
 ì îèíèîá ì áñòà ðááíòû/.

В. И. Смирнов во время работы в фотографии. 1931 г.

Василий Иванович Смирнов был осужден на три года высылки в Северный край. Попал сначала на станцию Исакогорка под Архангельском, работал на ремонте железной дороги. Приютил его в городе на первых порах рыбинский краевед А. А. Золотарев (1879–1950), которому посчастливилось снять комнату в городе, переполненном ссыльными.

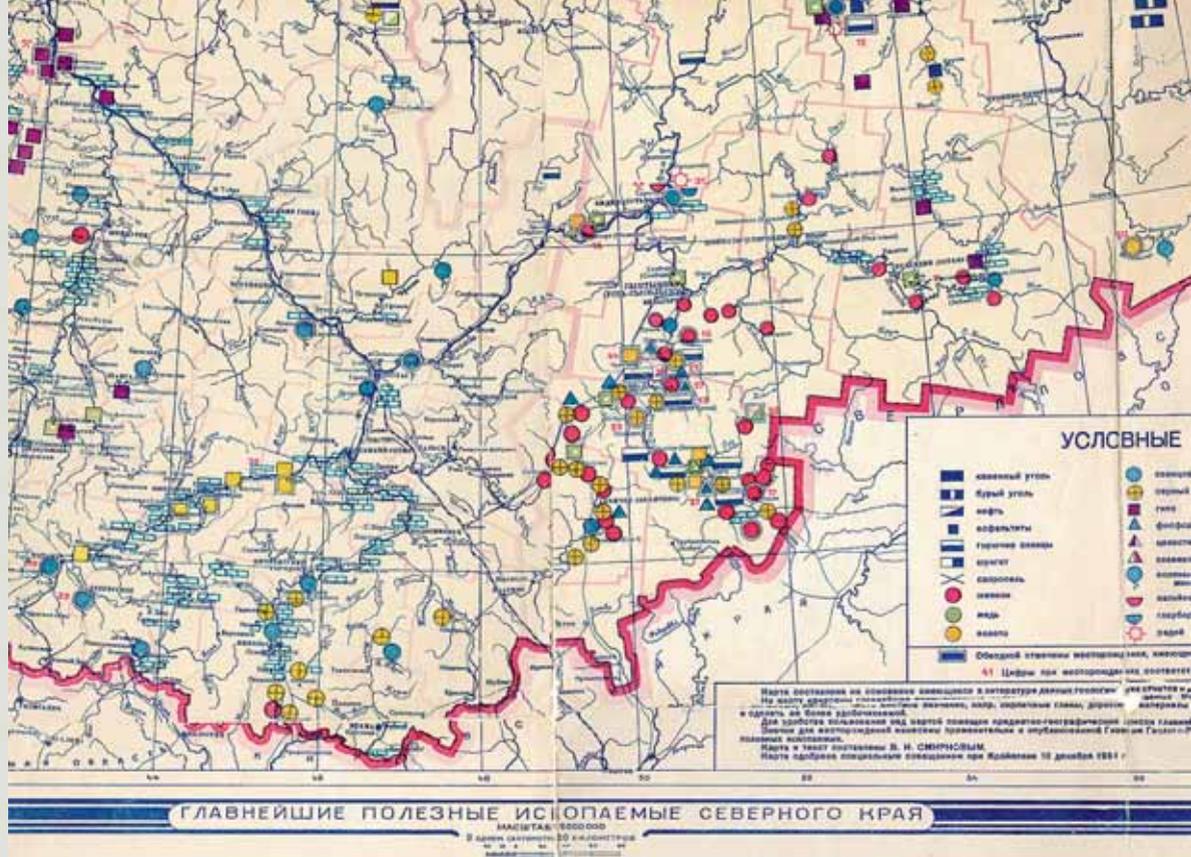
В одно из писем он вкладывает цветок клюквы и веточку карликовой березы – образцы северной флоры, которая еще незнакома его жене. В. И. делает все, чтобы им быть вместе. Ведь для воссоединения необходимо найти работу и жилье. После упорных поисков он смог устроиться сначала ретушером в фотографию.

В начале августа 1931 г. она приехала в Архангельск.

*«Ты как-то спрашивала меня, какие у меня отношения с А. А. Золотаревым. С ним не может быть других отношений, кроме хороших. Это человек евангельский. Во всяком другом человеке он находит обязательно что-то хорошее, частицу, так сказать, образа Божия»
 ./Из письма В. И. Смирнова/.*

«Ì èèáÿ, ì èèáÿ. Óæ, èííá-íí, ÿ íá ààì
 òááÿ á îæéó, ÿ, èíòíðüé áíðñü èíøáááé,
 èíðîá, ñîááé, í áðíáíçîá, èÿçáá ðæèñ, ÿ í æéó
 à ñááá ñèèÛ çàÛèðèèòü è í îææéáòü òááÿ».
 /Ëç í èñü à Á. Ë. Ñì èðí îáá/.

Вскоре В. И. Смирнова приняли научным сотрудником в Северный геологический трест. Там он и проработал 10 лет, до последнего дня жизни. Освоил новую специальность. Основал в Тресте геологический музей, готовил к изданию «Труды Геолтреста», опубликовал ряд работ о минеральном сырье края. В 1934 г. организовал массовый геологический поход. А на следующий год была напечатана составленная им настенная карта полезных ископаемых Северного края, с пояснениями и призывом включаться в поход. (Приводится фрагмент карты).

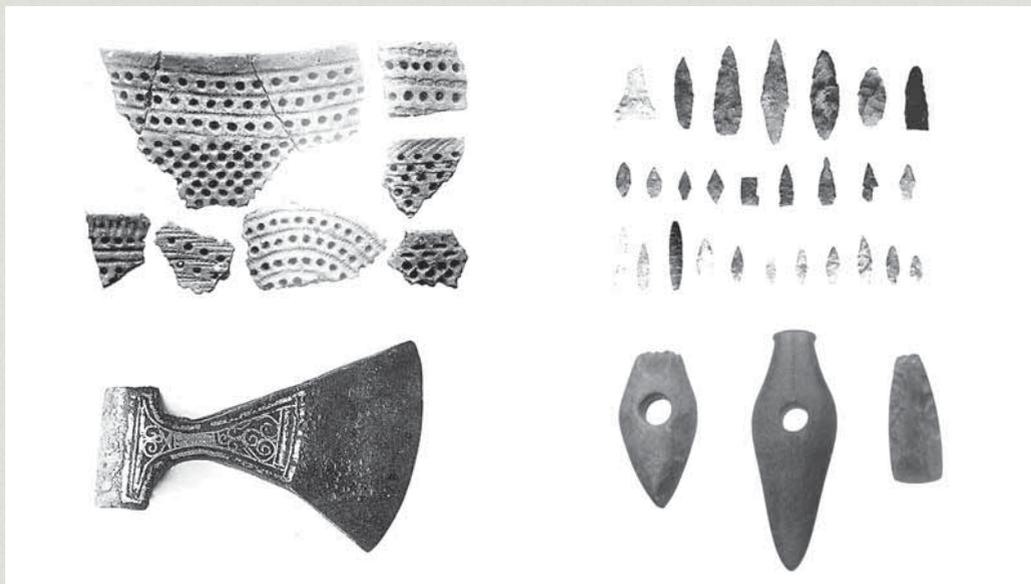
Василий Иванович Смирнов ездил также в экспедиции по изучению газифирующих ключей и минеральных источников. Война застала его в последней такой экспедиции на Пинегу. В одном из писем он нарисовал свой портрет с пробами газа и написал жене: «I íá î-âíú î íí ðáæééîñú ðáîîâ î íææèâ-íèâ, ÷ðîáú ý î ðíæèè áî 80 èâð. Í îñðàðâñú».

У краеведа В. И. Смирнова в центре интересов всегда была археология. Раскопки он начал вести с 1921 г., в то время, когда еще очень мало кто этим занимался. Проводились археологические разведки и раскопки на весьма скромные средства КНО, иногда на средства Музея, а бывало и так, что на средства самих исследователей.

В результате этих работ был открыт целый ряд новых памятников. Материалы раскопок и разведок поступали в Костромской музей. Уже находясь в тюрьме, В. И. Смирнов заканчивал отчет по археологическим разведкам на Сахтыше, которые проводил он во время последнего летнего отпуска.

*В. И. Смирнов и Л. С. Китицына.
Раскопки
на Половчинском озере.
Костромская обл. 1929 г.*

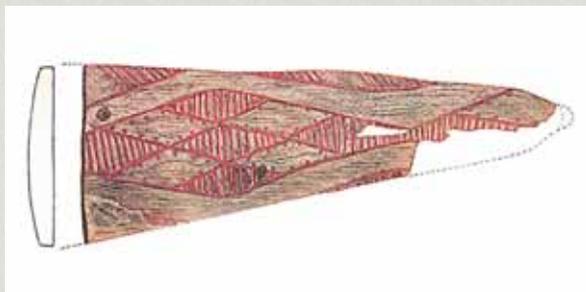
Раскопочный материал. Костромская обл.

В Архангельске с 1934 года свой отпуск он использовал для археологического обследования Зимнего и Летнего берега Белого моря. Написал работу «Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области» («Советская археология», 1937). В 1938-м закончил работу «Материалы для археологической карты Северного края».

Когда поступила информация об открытии неолитической стоянки при рытье котлована на окраине города, В. И. Смирнов в трудных условиях провел там раскопки. В частности, была сделана редкая находка: фрагмент доски с орнаментом, нанесенным красной краской.

В 1940 г. Архангельский областной музей предложил сделать раскопки на озере Лаче под Каргополом. Там найдено было два неолитических погребения, много костяных вещей, керамики, в том числе замечательный сосуд, украшенный лебедями.

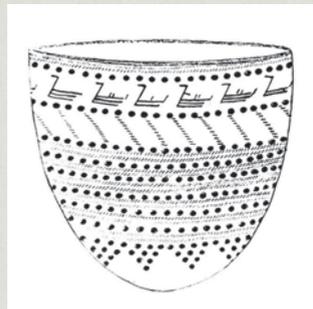
Работу на найденных им стоянках впоследствии продолжали другие археологи. Д. А. Крайнов несколько лет раскапывал стоянку Сахтыш. А. А. Куратов – стоянку на Кузнечихе.

*Фрагмент доски (весла?) с орнаментом, нанесенным красной краской.
Стоянка на Кузнечихе*

Раскопки на озере Лаче под Каргополом. 1940 г.

Реконструкция сосуда из раскопок 1940 г. под Каргополом

Этнография и фольклор также очень привлекали В. И. Смирнова. Еще в 1915 г. он опубликовал первую статью этнографического характера: «Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губернии».

В составе КНО было организовано несколько отделов, называвшихся станциями. Этнологической станцией руководил сам Смирнов. В 1920-х гг. в трудах краеведческого общества вышли несколько его работ по этнографии и фольклору Костромской области. Но большую часть материалов, как и по археологии, он не успел опубликовать в связи с арестом.

*На фотографии
В. И. Смирнов
с сотрудниками
Этнологической
станции
Л. С. Китицыной
и Е. М. Полянской*

Лидия Сергеевна Китицына изучала примитивную технику ткачества узорных поясков-«тесемочек» в Костромском районе. Собрала для музея коллекцию поясков, научилась расшифровывать надписи на них. Статью о поясках, опубликованную в 1940 г. в «Советской этнографии», попросила подписать мужа – опасалась обратиться на себя внимание органов из-за дочери.

Один поясок она приобрела для себя. В 2015 г. Т.В. Смирнова передала его в Музей «Костромская слобода».

Василий Иванович Смирнов в первые же дни, когда у него еще не было жилья, не выдержал и купил два ветхих тусека. Позже написал статью об архангельских тусеках. Ее не успели опубликовать в журнале – началась война. Работа была опубликована только в 2000 г. в журнале «Живая старина».

Чтобы сделать жене памятный подарок, Василий Иванович в Архангельске заказал для нее брошку. И как истинный этнограф попросил, чтобы известный мастер холмогорской резьбы по кости В. Гурьев выгравировал на обратной стороне свою фамилию и год.

В феврале 1935 г. родилась дочь, названная в честь пушкинской героини Татьяной. На многих любительских фотографиях она запечатлена с папой или с мамой.

Фотография «На солнышке с М. А. Амосовой» сделана у флигеля, где снимали комнату В. И. Смирнов и Л. С. Кितिцына, а потом жила бабушка Тани Е. М. Кितिцына. Мария Александровна Амосова спасла во время войны тяжело болевшую девочку.

Танина бабушка Елизавета Михайловна Кितिцына приехала в Архангельск в 1937 г. С тех пор девочка была с ней целыми днями.

*Бабушка и Таня.
1939 г.*

Портрет Л. С. Кितिцной сделан скульптором Анной Сергеевной Комеловой (Б., карандаш). Они познакомились на Музейных курсах в Москве в 1926 г. Анна Сергеевна работала тогда в Царскосельском музее. Снова они встретились в Архангельске. Будучи административно высланной А. С. Комелова имела неосторожность подать прошение о досрочном освобождении. В результате была отправлена вглубь Северного края на лесоразработки. Надорвалась там, но выжила и вернулась в Архангельск. Портрет Л. С. Кितिцной был сделан в 1935 г. вскоре после рождения дочери Тани. А. С. Комелова рисовала мать, склонившуюся над колыбелью ребенка. Перед войной художница вместе с мужем уехала в Ленинград и, видимо, погибла во время блокады. Портрет находится теперь в Музее Общества «Мемориал».

Во время раскопок на озере Лаче В. И. Смирнов с дочерью сделали три гербария. Осенью 1940 г. они были представлены на выставке работ юннатов в Архангельском краеведческом музее. Там девочку и сфотографировали.

В. И. Смирнов скоропостижно скончался 22 октября 1941 г. Это стало страшным потрясением для его жены.

Фотография Тани сделана в марте 1941 г. и стала последней, которую В. И. Смирнов сам поместил в альбомчик и подписал: «Зимой»

Отец, вставив карточку в альбомчик, подписал под ней: «Юный краевед»

«Сиротка». Под этой фотографией подпись сделана Л.С. Китицыной

Лидия Сергеевна Кितिцына продолжала водить дочку в фотографию и вставлять карточки в «Танечкин альбом», подписанный так мужем. Сама она не фотографировалась.

Второклассница

Во время войны семья погибала от голода, так что Л.С. Кितिцына говорила дочери: «Хорошо, что папа во время умер. Он бы только дольше мучился, глядя на то, как голодаем мы». Сама она страшно распухала от голода, но ей нельзя было опускать руки. Надо было работать и спасать семью.

Выжить удалось благодаря тому, что в Архангельск начала поступать продовольственная помощь из США.

*Девочка острижена
под машинку
перед отправкой
летом в лагерь*

*Неизвестный художник. Портрет неизвестного.
Италия. XVI в.*

Старинный итальянский портрет молодого человека работы неизвестного художника служил маленькой дочери В. И. Смирнова объектом поклонения. Портрет сохранялся при всех переездах. Был утрачен в 2012 г. Некий Сергей Васильевич Чичков-Баженов, называвший себя президентом Сергиева Фонда, мошенническим путем, под предлогом реставрации, взял портрет и не вернул. Так пропала последняя памятная вещь семьи.

она более плотная и крепкая, тогда как летняя береста мягка и непрочна, а осенняя и зимняя имеет более бледную окраску. Выбирается молодая береза с прямым без сучьев стволом, без «лопунов» (трещин) и «рушечек» (изъянов) толщиной в зависимости от того, какого диаметра предполагается поделка. Бывают теса 12 см в диаметре, 8 и 4 (детские).

На срубленном бревне березы делаются ножом два пояска на расстоянии один от другого по высоте будущего теса. Чтобы снять берестяной цилиндр «дупельшко». «дупльшко», «дупле» (род. п. дупля), употребляется еще одно орудие, которое в некоторых местах называется «пазило», в других – «катач», «катачок». Оно делается или тут же в лесу из твердого дерева, или дома из кости. Орудие представляет собой острие, с одной стороны плоское, с другой – горбиком. Просовывая пазило в надрез между корой березы и древесиной, причем плоской стороной пазило обращено к дереву, осторожно и постепенно растягивают кору настолько, что пазило свободно просовывается по тому или другому надрезу кругом.

Затем постукиванием палки сколачивают «дуб» (нижнюю часть коры) и, сжав в руках снимаемый цилиндр, быстро повертывают в одну сторону. После этого цилиндр легко снимается. С одной срубленной березы снимают до 5 дупелков. Нижнюю часть коры легко очищают, дупелки складывают один в другой, сушат в прохладном месте – или в «голобце» (подвале), или на повити (чердаке). В сырое место их ни в коем случае класть нельзя.

Дупельшки представляют собой внутреннюю часть теса, для наружной стороны добывается весной же или в начале лета «скала» – листы березы. Для скалы выбирают чистую часть ствола березы, надрезают легким нажимом ножа бересту вдоль ствола и поперек кругом на требуемый размер, затем с помощью пазила скала отдирается от ствола слева направо. Заготовленные листы бересты укладываются на ровном месте – таким образом, чтобы листы были обращены внутренней стороной один к другому. На пачку листов кладется доска и еще какая-нибудь тяжесть, чтобы береста при высыхании не коробилась.

Процесс просыхания скалы длится около двух недель. Чаще, однако, заготовленное весной сырье обрабатывается («гоношится») уже зимою. В том случае, когда береста пересохнет, ее смачивают тепловатой или горячей водой.

Внешняя сторона теса также обворачивается берестой гладкой стороной наружу.

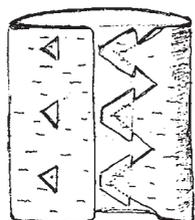

Рис. 1

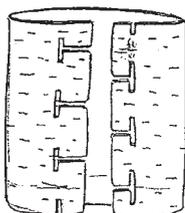

Рис. 2

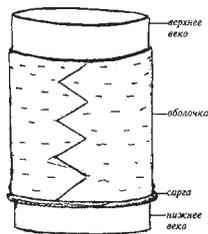

Рис. 3

Самая трудная работа – «сростить» верхнюю покрывку туеса, сделать «замок» обочелки, чтобы плотно закрепить ее на дупельшке. Береста обочелки сначала огибает-

ся вокруг цилиндра, так чтобы один конец заходил за другой (см. рис. 3). На том и другом крае загнутой вокруг цилиндра обочелки проводится ножом легкая черта. Отступая от этой черты на один сантиметр, проводят с той и другой стороны еще по черте. Последние служат границей для «язычков» и «прорезей». Язычки имеют форму треугольников на трапеции. Прорезы на другом конце чаще имеют вид треугольников, но меньшей величины. Язычки сгибаются по краям и вставляются сверху в прорезы (рис. 1).

Реже встречается другой способ скрепления (рис. 2).

Верхний и нижний конец цилиндра больше обочелки на сантиметр или два с каждой стороны. Делается это затем, чтобы оставалось «веко», которое вверху туеса загибается на обочелку. На последнюю при этом кладется тонкий ободок из черемухового прутика (лички), из так называемой «сарги». Сарга – собственно лучинка в одну треть прута толщиной в карандаш. На саргу легко загибается веко – свободная часть распаренного цилиндра. Распаривание происходит посредством опускания в кипяток.

В некоторых местах верх туеса обшивается корнем или той же саргой.

Дно туеса делается таким образом: измеряют окружность, вырезают деревянный кружок, который и вставляют, после того как распарят нижнее веко. Несколько ниже уже вставленного дна надевается ободок из сарги. После этого натягивается на обочелку нижнее веко (см. рис. 3).

По мерке дна изготавливается деревянная крышка. Ручка крышки делается иногда из можжевельника, потому что он хорошо гнется и имеет приятный запах, чаще – из осины, которая, будучи распарена, также хорошо гнется. На внутренней стороне крышки концы ручки, просунутые в два отверстия, скрепляются колком.

Туеса, как и другие предметы домашнего обихода, часто очень любовно украшаются прорезью, чеканом и росписью. По Северной Двине и в бассейне реки Пинеги часто встречается роспись туесов. Украшения проре-

зью и чеканом наблюдаются к югу. По всей видимости, художественное гнездо, откуда распространились раскрашенные туеса, находится в районе Черевкова.

Роспись туесов, делаемая масляными красками, поражает своей узорчатостью и цветистостью. Фон для росписи на туесах, почти, как правило, кладется ярко-киноварно-красный, реже – синий или белый. Раскраска чаще ведется полными тонами, впрочем, подбор цветов зависит от наличия красок и от вкуса живописца.

Принятые обычаем сюжеты росписи – петухи с пестрым оперением, сирины, фантастические цветы и травы. Среди нескольких десятков раскрашенных от руки туесов мы ни разу не видели изображений жанровых сцен или пейзажей, которые, вообще говоря, нередко встречаются на предметах. Раскрашиваемое поле туеса обычно расчленяется на две части двумя линиями из разноцветных лепестков и завитков, которые идут сверху вниз. На одной стороне изображается символический мотив – петух или сирина, на другой – цветок. Встречаются росписи с одной расчленяющей линией лепестков, положенной до линии замка верхней оболочки туеса. В таком случае сирины, петухи, травы, растительные разводы и завитки связываются в одно целое, декоративно заполняют собою всю свободную площадь цилиндра.

Самые приемы росписи, передававшиеся из поколения в поколение, создали определенные художественные навыки. По определенному обычаю контур петуха наносится тонкой черной линией, после этого ведется его раскраска и живопись трав. Последней, однако, опять-таки кладется черная краска: при помощи тонкой кисточки ею наносятся завитки в травах и в хвосте петуха, вырисовываются его гребешок и борода. Этот живописный прием наблюдается широко в народной живописи севера и центральной части РСФСР, на мезенских коробьях и нижегородских прялках.

Другая школа тоже северодвинской живописи сказала в раскраске туесов с белым фоном. Правда, сюжеты живописи те же, но уборка травами другая, напоминающая приемы раскраски некоторых заставок древних рукописей и росписей царских палат Кремля. Возможно, сказала здесь строгановская школа с ее центром в низовьях Вычегды.

Приложение

*Т. В. Смирнова***ДЕТСТВО В АРХАНГЕЛЬСКЕ**

1935–1945

«Итак, она звалась Татьяной»

Мама рассказывала, что больше всего боялась, чтобы меня не перепутали в роддоме, и все вглядывалась в лицо. А обрадованный папа поспешил к врачу узнать, что можно принести маме, можно ли яблок. Врач сказал:

– Можно, если Вы можете себе это позволить.

Тут папа сообразил, что на дворе февраль, и какая цена на яблоки в это время в Архангельске.

Как-то в детстве я спросила маму, кого она больше хотела: девочку или мальчика. Она ответила, что девочку. Насчет имени они с папой договорились: Татьяна в честь пушкинской Татьяны. А вот из-за имени мальчика вышли бы разногласия. С фамилией же получилась такая история. Регистривать меня пошел папа. Из уважения к маме он хотел записать меня на ее фамилию. Но девушка-регистратор никак не могла написать правильно: Китицына. И он махнул рукой:

– Пишите – Смирнова!

У этого решения есть свои плюсы и минусы: написать фамилию легко, но сочетание столь распространенной фамилии с таким обычным именем не раз приводило к путанице, и приходилось сожалеть, что не дали мне более экзотическое имя.

Имена я вижу окрашенными, так же, как это было и у мамы. В имени Таня я вижу красные лепестки или красные языки пламени, а Татьяна кажется мне бледно-красной и с более округлыми лепестками. Но вот на пушкинскую Татьяну, я вряд ли была похожа, по крайней мере, внешне.

Когда подросла, оказалось, что лицом похожа на папу.

«Коза рогаётся!»

Первые мои достоверные воспоминания относятся к лету в Трепузове. Выбор места для дачи был предоставлен почему-то мне. И его определило понравившееся название. Родителям он был не очень удобен из-за транспорта. Они пытались склонить меня к чему-либо более близкому к городу. Но безуспешно.

И вот мы в Трепузове. То есть, я и мама. Какой-то дачник спрашивает, сколько мне лет.

– Половина четвертого, – отвечаю я. То есть, три с половиной года.

Как хорошо летом! Одежды – всего трусики и платье с «крылышками». А зимой-то в Архангельске сколько надо всего надевать!. Утром бежим к реке. Крутой спуск. Земляника. И вдруг на меня надвигается коза. Ужас! Крик:

– Мама, коза рогаётся!

Мама почему-то остается спокойной. Я поражена ее равнодушием к опасности, казавшейся мне смертельной.

Купанье

Всегда любила купаться. В Трепузове не вылезала из воды до тех пор, пока мама не вытаскивала силой. А я кричала:

– Ой, мирая мама, буду купаться по часам и по минутам.

А вечером мы с мамой на берегу, на песке, делаем маленький костер. Я собираю бересту – сдираю ее с бревен, выброшенных при сплаве на берег. Песок уже прохладный, и тени длинные-длинные.

Детский дом

Каждый день я видела в Трепузове девочек, живших в летнем лагере детского дома. Они были старше меня, и я ими восхищалась. Особенно интересны были их сложные спортивные игры: надо было и бежать, и плыть, и даже скакать на одной ножке. Увидев картину Александра Дейнеки «Раздолье», я сразу же вспомнила Трепузово. Он написал бегущих девочек уже в 1944 году, но в ней, как и в других его полотнах, например «В будущих летчиках» есть это ликующее юное, спортивное настроение. Мне кажется, что оно было характерно для предвоенного времени.

Девочки хорошо относились ко мне, не раз брали в свой лагерь. У них было много игрушек, даже были театральные куклы, надевавшиеся на руку. Много было и заводных игрушек. Мышка бегала совсем как настоящая.

У меня таких дорогих игрушек тогда не было. Но уже во время войны мама купила мне заводной танк. Ей понравилось, как он в магазине ползал по тарелкам. А мы с девочками все пытались заставить его влезть на стену. И еще когда-то мне купили птичку, металлическую, расписанную красками, а хвостик у нее был из вишневого фетра. Во время войны мама отнесла ее на толкучку. Мама рассказывала, что покупатель сказал:

– Так много за такую маленькую птичку?

Но все же взял.

Про медведей

Почему-то я любила закапывать игрушки в песок или снег. Был у меня любимый мишка. История его появления такая. Кто-то из родителей купил его в универмаге. Взглянув, я заревела:

– Нос нехороший!

Ревела до тех пор, пока папа не пошел опять в магазин. Продавец не считал причину для обмена уважительной, но все же, в конце концов, обменял. С этим мишкой я купалась в Белом море. Был он со мной и в Трепузове. И вот там, на берегу Двины, я закопала его в песок. Найти так и не удалось.

Письма об этом «событии» понесли к родным. Нюточка, моя тетя, прислала маленького мишку в голубом комбинезоне. Он как-то не имел успеха, и судьбу его не помню. А сестра Настя прислала «настоящего» мишку из коричневого вельвета. Бабушка сшила ему курточку, красную, с золотыми пуговицами. Есть даже моя фотография с этим мишкой.

А с зайцем, которого я закопала зимой в сугроб, ничего интересного не произошло. Бабушка тогда сразу спохватилась, и мы выкопали его. Он только немного отсырел. Заяц был в розовых сапогах, вышитых черными нитками.

Ель

Маленькая я рисовала ель со стволом, который становился толще сверху. И уверяла, что видела такую ель по дороге из Трепузова в Лявлю.

Запах

У мамы было летнее платье с анютиными глазками, темно-фиолетовое с желтыми серединками цветов. Как-то она ушла, бросив его на спинку стула. Я понюхала. Платье пахло нежно и ласково. Пахло мамой.

Сны

Я прочитала, что обычно люди видят черно-белые сны, а цветные являются редкостью. Как это странно! Я ни разу не видела черно-белого сна. Один из первых детских снов, который запомнился: зеленые крокодилы, но не такие, как в зоопарке, а как на рисунках к стихам Корнея Чуковского «Ваня и крокодил». Зеленые – на желтом полу. И я с ними разговариваю, хотя и побаиваюсь.

Если снился страшный сон, я просыпалась и не могла заснуть. Просила маму дать мне палец. Зажав палец в кулак, засыпала.

Колыбельные

Три колыбельных пела мне мама. Одна, бесконечная, неизвестного автора такая:

*Повар пеночку слизал
И на кисаньку сказал.
Вышла кисанька из кухни,
У ней глазыньки запухли.
– О чем, кисанька, плачешь,
О чем, милая, рыдаешь?
Повар пеночку слизал...*

И так далее.

Другая:

*Спи, дитя мое, усни,
Сладкий сон к себе мани...*

Уже взрослой узнала, что это «Новогреческая колыбельная» А. Майкова. Замечательная! Ведь это же придумать надо:

*В няньки я тебе взяла
Солнце, ветер и орла...*

А третья была на стихи Саши Черного:

*Мишка, мишка, как не стыдно,
Вылезай из-под комода.
Ты меня не любишь, видно,
Это что еще за мода?
Весь в пылинках, в паутинках,
Со скорлупкой на носу.
Так рисуют на картинках
Только чертика в лесу...*

Милые стихи. Они были опубликованы в приложении к «Ниве», которое издавал Корней Чуковский.

Через много лет, взявши в Ленинской библиотеке журнал «Жар-птица», издававшийся в эмиграции, я увидела открывавшие первый номер стихи Саши Черного:

*Без слов Христа, поэта из поэтов,
Без слез Бетховена, без Фидиевых грез
Одни холмы бесчисленных скелетов
Сковал бы смертью мировой мороз.
.....
Цветут цветы. Томясь, шумят деревья.
Пока у нас не выкололи глаз,
Мы, забывая горькие кочевья,
В ладье мечты утешимся не раз.*

Слезы хлынули прямо в библиотеке.

«Кішка» в штаниках

В игрушечном магазине я увидела чудо. Крик на весь магазин:
– Кішка в штаниках!

Потребовала купить. Мама пыталась отговорить, предлагала выбрать другую игрушку. Напрасно. Наконец, кішку принесли домой. Она белая, в розовых шароварах. Сзади в штанишках прореха, через которую торчит хвост. Мася заявила, что это неприлично. Отрезала хвост ножницами и зашила прореху.

Это я помню по рассказу мамы.

Бесхвостая кішка обзавелась постепенно гардеробом, жила и жила. Пережила войну. Уехала с нами из Архангельска. Кажется единственная игрушка, проделавшая такой долгий путь.

Пупсик Танечка

Мне купили маленького целлулоидного пупсика. Родителям казалось, что похожа на него, и его назвали моим именем. Постепенно они стали чуть ли не олицетворять этого пупса со мной. Однажды я вынесла его во двор, положила на дорожку и стала гонять деревянной лопаткой, как хоккеисты гоняют шайбу. Голова разбилась. Родители пришли в отчаяние, почти, как если бы разбита моя голова. К тому же со страхом ждали моей реакции, так как пупсик считался моей любимой игрушкой.

Маму потрясло то, что на пупсика я больше и не взглянула, хотя он и прожил среди игрушек еще какое-то время с забинтованной головой.

Как-то, когда я уже стала взрослой, мама сказала, что основные черты характера сформировались у меня в раннем детстве. Привела несколько примеров, в том числе и с пупсиком Танечкой.

Мася

Ее звали Мария Александровна Амосова. Маленькая я не могла правильно выговорить ее имя и отчество. Говорила: Мася. Так и осталась для меня она навсегда Масей. Как-то купили мне трех фарфоровых свинок и нескольких поросят. Я распределила роли: папа, мама, бабушка, дети.

– А где же Мася?!

Пришлось срочно покупать еще одну свинку. Семья без Маси – не семья.

Она была по национальности коми. Но по-русски говорила, как русская. Только иногда называла меня «ычитык ныл» – маленькая девочка. Она жила одиноко и сдавала нам одну из двух своих комнат. Вернее, сначала сдавала папе с мамой, а потом, когда мы получили казенную комнату, сдавала бабушке. Несколько раз в год она пекла удивительно вкусные шанежки и посылала их в тюрьму своему мужу Тосе. Не знаю толком, почему его арестовали. До революции он служил управляющим у какого-то иностранного торговца лесом. Приговор был: «без права переписки». Когда срок кончился, на масины запросы ответили, что срок продлен за попытку бегства. Только когда началась реабилитация, она узнала, что много лет посылала посылки уже мертвому человеку.

Мася часто рассказывала мне о своем детстве. На севере было принято строить домики для детских игр, как настоящие избушки, только маленькие. Такие домики были не редкостью во дворах на окраинах Архангельска. В них делали окна и двери, но украшений не было. По-видимому, такого же типа была в детстве избушка у Маси. Она рассказывала, что девочки делали занавески на окна, украшая их старыми кружевами.

И до сих пор страна коми представляется мне цветущим лугом с капельками росы, под синим-синим небом с ослепительным солнцем.

Лет через тридцать после масиных рассказов мне пришлось на сутки задержаться в Сыктывкаре из-за нелетной погоды. Осень, все серо и грязно. Холодно. Знаю, что Мася переехала из Архангельска в этот город. Нахожу ее дом, но он заколочен. Соседи говорят, что она уехала погостить в дерев-

ню, на родину. Там-то, наверное, и есть тот цветущий, несмотря на время года, луг и всегда синее небо.

Собаки

У соседей Масы были две собаки: Бобка – гладкий, черно-рыжий, очень добрый, и Кадошка – рыжий, лохматый, дикий. Бобка был привязан возле масинового сарая, а Кадошка рядом с курятником. Он рвался на цепи и лаял, когда кто-то проходил мимо, а мне соседи доверяли собирать яйца в курятнике. И каждый раз Кадошка при этом из себя выходил.

Когда началась война, Кадошка вскоре исчез, а Бобка еще жил некоторое время, но хозяева его не кормили. Много позже я узнала, что мама каждый день носила ему от своего хлебного пайка кусочек.

Потом и его не стало. Наверное, хозяева его съели.

Кукла в голубом платье

В раннем детстве любимым цветом у меня был голубой. Голубым казалось мамино имя – Лидия. Принцессы в сказках бабушки были в голубых платьях. И вот мне подарили роскошную куклу – большую, в атласном голубом платье, а главное – с закрывающимися глазами. Родители такую купить не могли. Подарила Масы. Владела я этим сокровищем лишь несколько секунд. Положила куклу на кровать, чтобы закрыла глаза, и тут же она соскользнула на пол. Голова разбилась.

Папа потом склеил кусочки, но глаза уже не закрывались. Через несколько дней папа застал меня за странным занятием: я чертила по склеенным трещинам простым карандашом.

– Бьючки закрашиваю, – объяснила я.

Ночные занятия

Ложилась спать я очень рано. Так что маме было горе ходить со мной на елку. Я засыпала на руках. Днем не спала. А выспавшись с вечера, вставала часа в три ночи и требовала света. Родителям приходилось включать электричество. Они продолжали спать, я оставалась предоставленной самой себе. Но не скучала. Меня, например, привлекали папины рукописи. Он работал допоздна. Рукописи оставались на столе. Как-то утром обнаружилось, что я, обмакнув палец в чернильницу, на оставшемся чистым пространстве листа проводила волнистые линии, время от времени прерывая их и ставя круглые пятнышки.

– Зачем ты это сделала?

– Папа писал, а я дописывала.

– А это что за пятна?

– Это мячики. Папа тоже их делает, – сказала я, показывая на точки.

В дальнейшем очень затруднила мне жизнь эта склонность к раннему засыпанию.

Олень трехногий

Сколько себя помню, у нас в комнате всегда висел черный силуэт оленя – картинка в размер открытки, в черной рамке. Олень не нарисован, а вырезан из черной бумаги, – такую раньше применяли для конвертов с фотографиями, – и наклеен на белую бумагу. Аппликация или декупаж, как сейчас говорят. Я знала, что это работа Фурсея. Художник какое-то время работал вместе с папой в Геолтресте и подарил

ему этого оленя. Мама вспоминала строчку из стихотворения Бориса Зубакина: «И стоит олень трехногий...». Зубакин, поэт-импровизатор, как-то приходил в гости и сочинил длинное стихотворение. На самом деле олень не трехногий – просто передние ножки у него плотно составлены.

Сама я ни Фурсея, ни Зубакина не видела – должно быть, они бывали у моих родителей еще до моего рождения. Оба они были ссыльными. А общаться таким людям между собой становилось все опаснее.

Как-то надо было вырвать мне зуб, еще молочный. Мама привела меня в поликлинику. Там на стенах были нарисованы красками сцены из басен Крылова: «Ворона и лисица», «Журавль и лиса» и другие. Было очень интересно рассматривать. А мама сказала, что это тоже работа Фурсея.

При всех наших скитаниях, путешествовал с нами и олень. Прошло много лет. И вот однажды во время отпуска я приехала в Архангельск. Пошла в Художественный музей. И увидела в витринах работы Фурсея: тончайшие пейзажи из черной бумаги, а один – из серой. В них была душа Севера.

На этикетках после имени художника была только одна дата – дата рождения. Так пишут, если автор жив. Без памяти от радости я бросилась к научным сотрудникам. Какое разочарование ... Обычная небрежность музейщиков.

Только с появлением интернета я узнала судьбу художника. Николай Андреевич Фурсей (1897–1942) родился на Украине, в Черниговской губернии. С 1922 г. жил в Москве, начал сотрудничать в художественных журналах. А в 1927-м его арестовали и как бывшему офицеру дали три года лагеря и три года ссылки. Отбыв срок на Соловках, он оказался в Архангельске. Еще на Соловках познакомился со своей будущей женой Верой Герман. В Архангельске они поженились.

Фурсей был разносторонне талантливым человеком, не только художником, но и музыкантом – играл на скрипке в оркестре Архангельского театра.

А в феврале 1941 года его арестовали «за антисоветские высказывания по поводу союза СССР с гитлеровской Германией». Приговор: 10 лет лагерей. Был на лесоповале в Архангельской области. А там новый приговор за то, что «восхвалял вражескую культуру и немецких композиторов Баха, Бетховена, Моцарта называл гениями». 12 сентября 1942 года его расстреляли.

Расстрелян был и Борис Зубакин, строчка которого так запомнилась с детства.

А «Олень трехногий» теперь в Музее «Мемориала».

Моя тайна

В глухом углу двора Геолтреста, где были свалены буровые трубы, я нашла одуванчик с особенно крупными листьями и очень высоким стеблем. Одуванчики еще не цвели. Я решила, что у этого растения цветок будет громадный, да и расцветет он первым. Никому я про него не говорила – это была моя тайна. Я разрыхлила вокруг него землю, вылолала траву. Как-то начался сильный дождь. Я так боялась, что с моим одуванчиком что-нибудь случится, что под дождем побежала к нему. Думала чем-то помочь.

Но в один прекрасный день, выйдя из дома, увидела массу золотых одуванчиков. У них были мелкие листья, короткие кривые стебли. Их топтали ногами, но они цвели ... Бросилась к своему одуванчику, а у него бутон и не начал раскрываться. Он расцвел через несколько дней. И цветок оказался самым обычным, даже, пожалуй, бледным.

Разочарование

Наверное, тот одуванчик просто вырос в затененном месте.

Бабочки

В дровяном сарае папа нашел две куколки бабочек. Они были прикреплены к стене. Мы положили их в круглую банку из-под какао. Не знаю, как можно было узнать, когда бабочки выведутся. Но однажды, открыв банку, мы обнаружили на дне двух необыкновенно ярких бабочек – оранжево-черных крапивниц. Выпустили их солнечным утром в садике у Маси.

Может быть, такими яркими они были потому, что пыльца на их крыльях еще совсем не успела стереться.

Папины рассказы

Запомнились два папиных рассказа. В детстве они семьей ездили копать куда то далеко. Раз вернулись домой, а Жучки нет. Как потерялась, не заметили. Дня через два приехали опять на то место. Жучка сидит возле забытой сумки, а в сумке ватрушка. Охраняет.

Другой рассказ относится ко времени, когда папа был взрослым. Он присел на пенек на полянке. Вдруг кто-то бросил в него шишкой. Оглянувшись – никого. И опять шишка. Видит – белка. Играет с ним: бросит шишку и за дерево спрячется.

Папины сказки

Папа часто рассказывал мне на ночь сказки. В отличие от сказок бабушки сюжет был всегда один. Основных персонажей – трое: Мишка – папа, Зайчик – я и Кошка завтрашняя – мама. «Завтрашняя», потому что путала «вчера» и «завтра». И сказала так однажды вместо «кошка вчерашняя», то есть та, что была в сказке вчера. Четвертым персонажем был кто-то, попавший в беду: Цыпленок, Божья коровка и т.п. Мы всегда мыли этого несчастного, кормили, лечили, например, Божьей коровке делали ножки из проволоки взамен поломанных. И укладывали спать. Тут и я засыпала.

Слышала потом от мамы, что животные относились к папе особенно. К нему ласкались незнакомые собаки и кошки. Он ничего для этого не делал.

А иногда он рассказывал про свое детство. При этом утверждал, что, рассказывая, видит это во сне. Мне как-то встретилось в рассказе незнакомое слово (что-то из крестьянской утвари). Я спросила. И рассказ прервался, а папа расстроился, сказал, что я прервала его сон. Не понимаю, как он мог рассказывать во сне.

Тинатин – царевны имя

Мама сказок не рассказывала. Наоборот, я ей пересказывала длинные бабушкины сказки и почему-то неукоснительно требовала, чтобы она мне их сразу же пересказывала. Мама, полусонная, измученная бесконечной проверкой школьных тетрадей, вынуждена была повторять, и иногда засыпала на полуслове. Однажды она ошиблась, сказав, что мебель в замке была обита желтым бархатом.

– Зеленым! Как могла ты сказать: желтым?!

– Ну, мне показалось, что так будет красивее, – миролюбиво сказала мама. Я была безутешна. Исказить такую важную деталь! Так испортить сказку!

Но мама занималась моим литературным образованием. Читала на память, когда мы куда-нибудь шли, стихи Пушкина, Фета, Майкова. Стихи я запоминала легко. Но для капитального изучения ею были выбраны два произведения: «Евгений Онегин» и «Витязь в тигровой шкуре». В пять-шесть лет я знала наизусть значительную часть пушкинского романа. Не смущали меня непонятные слова. Ведь это же стихи! Вот в прозе я настойчиво добивалась полной ясности. Конечно, в детстве я не понимала строчку:

Вина кометы брызнул ток ...

Только много позже я узнала, что речь идет о вине, сделанном из винограда, который был собран в какой-то определенный год, когда была видна на небе большая комета. А в том году были особо благоприятные условия для винограда, и потому вино того урожая особенно ценилось.

Весьма критически относилась я к поведению Татьяны. Была убеждена, что ей следовало выйти замуж за Онегина, когда он ее полюбил. И никакие мамины разъяснения не могли заставить меня изменить позицию.

Марина Цветаева тоже очень рано услышала «Евгения Онегина» и, к неудовольствию своей матери, твердила, что роман ей очень понравился. Уже тогда она сказала: «Мой Пушкин». Я, хоть и читала и перечитывала собрание сочинений поэта, так сказать все же не могу.

А «Витязя в тигровой шкуре» помню плохо. Все время повторялись там имена Тинатин и Нестан-Дареджан. Тинатин была так красива, что витязи, увидев ее лицо, падали в обморок. Слушая в который уж раз про Тинатин, я не выдержала, разревелась и закричала:

– Гадкая Тинатинка! Я красивей ее!

Так и кончилось мое знакомство с великим грузинским эпосом

Звезда Алмазочка

Нет, это не совсем верно, что мама не рассказывала мне сказок. Вспомнила: была одна мамина сказка – про звезду Алмазочку. В ней рассказывалось, что последняя звездочка в хвосте Большой Медведицы так прыгала и вертелась на небе, что упала на землю, в сугроб. И превратилась в девочку. Не помню, какие события происходили с ней на земле. Помню, что как-то она вернулась на небо.

Помню, что мама везет меня на санках. Тихо. Только снег скрипит. Небо черное. Звезды яркие-яркие. И в Большой Медведице все семь звезд на месте.

Может быть, сюжет сказки был навеян маме пьесой Блока «Незнакомка». Она когда-то увлекалась его поэзией.

Сказка

Лет четырех или пяти и я сочинила сказку:

Жила-была муха. И съела муха зайца. Живот у нее расширился и лопнул. И муха умерла. И закопали муху в яму. Сидит муха в яме и плачет: нет ни пищи, ни питья.

Нищие

На Поморской возле рынка до войны всегда сидели нищие. В памяти что-то серое, серая одежда. Я не спрашивала взрослых, почему эти люди нищие. Они воспринимались просто как часть жизни, также, как люди, торговавшие на рынке, как прохожие, как мы с бабушкой. Бабушка им подавала, они благодарили.

Но однажды я пошла на рынок с мамой. Она, уже перейдя улицу, стала искать в сумочке мелочь. Мелочи оказалось только три копейки. Мама дала мне монетку и велела перебежать улицу, подать нищему и извиниться перед ним. Извиниться за то, что так мало, пояснить, что сейчас нет больше мелочи. Я отдала монету молча.

– Ты извинилась? – спросила мама.

– Нет.

Мама долго сурово меня отчитывала. Ей было стыдно подать так мало. А мне было невыносимо стыдно извиняться за это. В тот момент я остро ощутила, что нищему не нужны, не нужны наши извинения и объяснения. Мы ему чужие.

Забавы

Папа всегда умел занять меня. Одной из наших с ним тайных забав было проводить «опыты», как это почему-то называлось. А состояла она в том, чтобы в топящуюся печку бросить маленький обмылок. Получался прямо фейерверк. А тайной забава была потому, что мама нас за это ругала. И мы старались проделать это потихоньку.

Весной, когда так хочется пускать кораблики, папа сделал мне пароход, с трубами. Целиком из дерева. И покрасил в желтый и красный цвет. Жаль, что акварель сразу слиняла, как только мы пустили пароход в лужу.

А в начале войны я увлеклась игрой в медсестру. И по просьбе папы стеклодув Геолтреста сделал мне несколько крошечных пузырьков для лекарств и даже градусник с настоящей капелькой ртути.

Роза на снегу

Снег. Дорожка среди сугробов. Из ворот выходит на демонстрацию черная колонна служащих Геолтреста. Я стою сбоку. Кто-то роняет красную бумажную розу. Папа идет в колонне и показывает мне на розу глазами. Жду, когда все пройдут, чтобы подобрать ее. Но вот кто-то из идущих в конце замечает розу и поднимает ее. Стою огорченная.

У Александра Блока есть строки:

*И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу.
Сквозь мглу, и метель, и морозы
На белом, на легком снегу.*

Читаю эти стихи, такие настоящие, и вижу ту розу на снегу.

Майка

Моим большим желанием в детстве был костюмчик матросского типа, модный в то время. Обычно из темно-синего сатина с нашитыми полосками белой тесьмы. Матросский воротник спереди завязывался вроде галстука. У девочек была юбка, а у мальчиков – штанишки. Надежды, что мне купят такую дорогую вещь, было мало. Но все же я попросила папу, когда он собирался ехать в командировку в Ленинград, купить ее. Неожиданно он охотно согласился.

Как только папа вернулся, я бросилась к нему с вопросом:

– Купил?

– Даже две!

– Две?!

И тут он вынул из чемодана две трикотажных рубашонки без рукавов, белую и сиреневую.

– Да это же не майки!

– Как не майки?

Я объяснила.

– Так ты говоришь о матроске, а не о майке.

Безмерное горе. Мне казалось, что те чудесные платица называются по имени весеннего месяца мая. Никогда бы не назвала так жалкую безрукавку.

Прошло много лет. Первое заказанное мной в ателье платье было, правда, не синим, а в красную, белую и синюю полоску, но с матросским воротником. Но скоро я поняла, что все хорошо в свое время.

Миклухо-Маклай

Папа как-то неосторожно рассказал мне о Миклухо-Маклае. И я стала постоянно требовать рассказов про папуасов. Было мне лет пять. И читать самой сочинения этого знаменитого путешественника и этнографа мне не дали. Бедный папа вынужден был каждый вечер освежать их в памяти, чтобы потом пересказывать мне. На какое-то время интерес к дикарям заглохнул все остальное. В конце концов, я заявила:

– Почему говорят, что я должна любить свою родину?! Я люблю дикаринскую родину.

Много позже, прочитав дневники этого ученого, не поняла, что же так привлекло меня в детстве. Был ли папа таким хорошим рассказчиком? Или так же, как в чреве матери ребенок проходит стадии развития рыбы, земноводного только потом млекопитающего, ребенок в детстве проходит стадии развития человечества? И у меня наиболее ярко проявилась «дикаринская» стадия, как иногда роятся дети с хвостом вместо ног. В Кунсткамере есть такие экспонаты.

Папины картинки

Папа был талантлив в разных ремеслах. Он мог вылепить для меня маленький кувшинчик и, украсив его неолитическим орнаментом, обжечь на костре. У нас долго хранилась сделанная папой деревянная грабилка для

сбора черники, покрытая резным узором. Но больше всего запомнились картинки из листьев. Листья мы собирали осенью. Особенно красивы были листья кленов, желтые и красные. Молодые клены росли возле театра, и мы туда специально ходили. Из листьев папа вырезал детали будущей картинки. Их наклеивали на цветной фон. Размер картинки всегда был 9х12 см – в размер фотостекла.

Помню картинку с грибами-подосиновиками. И еще ночную картинку на темно-синей бумаге с лебедями, плывущими по озеру, и звездочками в небе, сделанную по моему настоянию. Этот сюжет был моим любимым, хотя настоящего лебедя я увидела уже взрослой. А самой прекрасной была такая: утренняя заря, стог, изгородь с воротцами, стерня. А ведь это была просто розовая промокашка, лист березы – стог и т. п.

Первый снег

Как радостно было, когда выпадал первый снег! Казалось, что уже никогда не будет печального настроения.

В этот день мама или бабушка говорили:

*Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
По утру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор...*

Из первого снега можно было лепить снежных баб.

Но однажды на этом чистом, на этом белом снегу во дворе Геолтреста мальчишки написали какие-то слова. Девочки очень возмущались, а я не поняла, чем именно. Думала, тем, что те портят такой чистый снег. И тоже стала упрекать мальчишек, произнося написанные слова. Смысла слов не знала. Девочки захихикали. Они были постарше, и сказали, что слова – нехорошие, не надо их повторять.

Первый лед на реке манил необыкновенно. Особенно нравилось, что он трещал под ногами. На льду обязательно были пятна фиолетовых чернил – рядом большое кирпичное здание школы, которое я иногда вижу во сне. В войну пятна уже не появлялись – в школе устроили госпиталь.

Зеленая кровать

Во время выборов в Архангельске устраивали на избирательных участках на один день детские комнаты с игрушками, играми и книжками. Де-

журили там какие-то женщины. В такой комнате мы с девочками таскали магнитным крючком из аквариума картонных рыбок. И веселились, когда на крючок попадался рваный ботинок или чайник. Потом я читала книжку «Дом переехал». А затем увидела среди игрушек зеленую кроватку, такую, как я представляла по стихам Саши Черного про Мишку:

*Я куплю тебе верблюда
И зеленую кроватку...*

Я хотела положить на эту кроватку куклу. Тут ко мне подошла дежурная и строго сказала:

– Девочка, зачем ты взяла сразу две игрушки? Взяла кроватку и играй кроваткой.

Я безропотно отдала куклу.

Но скажите: как можно играть одной кроваткой?..

Птичка Буффаго

Птичка сидела на спине бегемота и выклевывала насекомых из складок его кожи. Бегемот большой, серый. Птичка маленькая. Буффаго – что это? Название птицы или ее имя? Не знаю. У Брема птицы с таким названием нет. Это диафильм. А мы в гостях у Оли Матюшиной. Какой-то праздник. Много детей. Смотрим диафильм на большом экране – простыне, прикрепленной к стене в квартире. Кроме «Птички Буффаго», других фильмов не помню. Вся во власти этой первой.

Потом мне купили аппарат, чтобы смотреть диафильмы, но смотреть не на стене, а приставляя глаз к окошечку в аппарате. Изображение маленькое, но все можно различить и подписи прочитать. Был у меня фильм «Том Сойер» и еще какие-то. Но как-то было это не так интересно, и почти не запомнилось. Такого большого аппарата, как у Матюшиных, мне купить не могли.

Красное платье

Мамина сестра Нюта приехала к нам, в гости, когда мне было пять лет. Это было в летнее время. На ней было красное платье в мелкий белый горошек. Я стала добиваться, скоро ли она его износит – привыкла, что мне в основном перешивали из старого.

И вот пришла от нее из Москвы посылка: отрез красной материи в цветочек мне на платье. Года через три мне сшили платье, парадное, с обороч-

ками. И в нем сфотографировали. Но белые цветы на ткани были с неприятными острыми лепестками. Совсем не то, что горошек.

Животные

Диких животных в Архангельске мне видеть почти не пришлось. Были, конечно, лошади, собаки, куры.

Кошку видела только в цирке. У нее был несложный номер. Она просто перепрыгивала с тумбы на тумбу. При ТЮЗе летом была клетка с медведями. А как-то раз приехал зверинец, со слонем. Слон бил ногой в барабан. Мне чужды были эти звери. Может быть, потому, что в клетках. А читать рассказы про животных, особенно экзотических, очень любила. И еще у меня были резиновые печатки. Намажешь чернилами, хлопнешь по бумаге и получается, например, леопард! В старых детских журналах раскрашивала картинки со зверями. Был даже коричневато-бурый карандаш, который называла «звериным», считая, что у большинства зверей примерно такого цвета шерсть.

Единственные дикие звери, которых я часто видела вблизи, были мыши. Была у нас мышеловка в виде клеточки. Пойманная мышь сидела там наутро, живая и здоровая. Мы с папой ходили выпускать ее на волю, то есть, на берег реки, где стояли какие-то склады. Папа говорил мне, что мыши будут тут хорошо жить.

Приходил к нам знакомый занимать мышеловку. Я так и стала его звать: дядя Мышеловка.

В самом конце войны одна мышь часто сидела на половичке у двери. Не убегала, видя меня. Я клала ей крошки хлеба. В то время почему-то мышей стало очень много. Они скребли по ночам, грохотали посудой. Когда включали свет, разбегались, а одна обычно выскакивала из половника, и он раскачивался. Я думала, что это игра у них, как качели. Не понимаю, как можно бояться мышей. Они ведь такие пушистые, черноглазые.

В Архангельске помню только самых обычных птиц: ворон, галок, сорок, воробьев. А вот весной появлялись трясогузки. Весело перепрыгивали с камешка на камешек, с бревна на бревно, трясли своими хвостиками. Это означало – весна пришла!

Но рисовала я почему-то всегда одну и ту же птицу – кулика на дереве. Изображала его простым грифельным карандашом: овал – туловище,

от него прямая линия вниз – хвост, круг – голова, от него прямая линия – нос. В круге точка – глаз.

И ни разу в жизни кулика я так и не видела. Но любимой стала строчка Фета:

...то кулик простонал или сыч.

Арочкина елка

Во дворе Геолтреста, во флигеле, жили девочки Инна и Ариадна. С Арочкой я играла, хотя она была постарше. Она пригласила меня и еще нескольких детей к себе домой на елку. Во время беготни возле елки в их тесной комнате один мальчик разбил зеркало. Хозяйка очень расстроилась и все повторяла:

– Ах, Володя, Володя ...

То ли это была дурная примета, то ли зеркало было трудно достать или дорого купить. Потом я узнала от мамы, что они были очень-очень бедные. Мать их работала, кажется, чертежницей, отца не было.

Ничем другим эта елка мне бы не запомнилась – бывала я на елках и у других детей, – но когда мы уже одевались, нам дали подарки. Раньше я получала новогодние подарки только на елках по месту работы папы и мамы. Даже в состоятельных семьях подарков не было.

Мы все получили маленькие щепные корзиночки, ярко раскрашенные. А в них было несколько конфет и, что я ясно помню, сухарики. Не покупные, а насушенные из белого хлеба. Не могу вспоминать это без слез.

Не знаю судьбы Арочки. Они эвакуировались с Геолтрестом и не вернулись в Архангельск.

Природа

Как и всякий ребенок, я воспринимала природу лишь в деталях. И первый пейзаж, увиденный мной, запомнился. Мы с бабушкой вышли из дома. Кругом лежал снег, было светло. Может быть, начало весны. И, подняв голову, я вдруг увидела на синем небе розовую утреннюю зарю, березы, все опушенные инеем, слепящую белизну снега и темные дома... Все сразу.

Яхтклуб

Украшение Архангельска – набережная Северной Двины. А украшением набережной был яхтклуб. Он был как праздник. Он как-то парил над рекой.

Мы с бабушкой несколько раз приходили туда. Смотрели яхты на реке. Заходили в кондитерскую клуба. Там были пирожные, там были пончики, которых я нигде больше в Архангельске не видела, там было какао. А однажды мы увидели на столиках стаканы из-под обычной сметаны. Это как-то удивило, как будто принизило такой необыкновенный яхтклуб.

Я увидела набережную снова в 1970-х годах. Она прекрасна, но как ей недостает белого здания яхтклуба! Его снесли при реконструкции.

Окна Архангельска

В Архангельске моего детства было много деревянных домов. На окнах обычно стояли горшки с цветами, большей частью красными. Таким образом цветы украшали дом и внутри, и снаружи.

Зимние окна я помню почему-то лучше, чем летние. Зимой, когда вставляли рамы, было интересно рассматривать, что находится между рамами. Обычно клали вату, посыпанную мелко настриженной цветной тканью или бумагой, искусственные цветы или кисти рябины. Идешь, как мимо застекленных музейных витрин. Но иногда встретится окно с большими кусками угля. Голая польза: уголь впитывает влагу. Так скучно ...

Воздушные шарики

В Архангельске возле рынка иногда продавали воздушные шарики, зеленые и красные. Я всегда хотела красный, а бабушка покупала зеленый – зеленый полезнее для глаз. Тогда ведь и настольные лампы выпускали только с зеленым абажуром.

Бабушка прикручивала шарик к пуговице моего пальто. Но так идти мне было неинтересно. И раз я открутила ниточку, чтобы держать шарик в руке. А он вырвался ... Нет, он не полетел в небо. Огромными прыжками он помчался по мостовой среди людей, лошадей и машин по самой оживленной тогда улице – Поморской. Мы с бабушкой бежали за ним.

Жизнь шара в комнате была недолгой. Да и играть с ним дома было не очень интересно. Шар мог жить только на улице, на свободе.

Загадка

Маленькая я обычно ходила, глядя вниз. Мама на меня сердилась. Но зато я видела на земле много интересного. Я часто находила мелкие монеты, больше всего медные. Хотелось их копить. Мама разрешила при условии, что я буду их мыть с мылом.

Еще попадались кусочки проволоки, всегда одинакового размера. Проволока очень жесткая, совсем не гнулась. При этом один конец проволоки был гораздо светлее, чем другой. Выбросить их было жалко, а куда применить – непонятно. А главное – откуда они брались? Я никого не спрашивала. И происхождение этих проволочек оставалось для меня загадкой много лет.

Уже в студенческие годы в Москве, ожидая, когда можно будет перейти улицу, я засмотрелась на машину, чистившую снег. Вот она – разгадка! Такие же щетки, как на машине, в Архангельске были на специальных трамваях, очищавших рельсы. Как просто ...

Бани

Говорят, граждане, что
в Америке бани очень отличные.

М. Зоценко

Не знаю, были ли у кого-нибудь в Архангельске ванны. Никогда не слышала. Были только маленькие ванночки для купания детей. И весь Архангельск ходил в бани. Были бани Успенские, бани на Быку и бани Макаровские. Мы ходили в Успенские, самые близкие. Вернее, мы с бабушкой ездили в них на трамвае.

Скамейки были деревянные. Сверху дерево от влажности и частого мытья разделялось на тоненькие волокна. Много позже в каком-то городе я увидела в бане «каменные» скамейки и удивилась. Почти все приносили с собой из дому эмалированный таз, хотя были и казенные шайки. Я брала целлулоидные или резиновые игрушки. Многие дети в бане плакали – мыло попадало в глаза. Со мной это редко случалось – бабушка мыла осторожно. Никаких шампуней тогда не было. Но вода в Архангельске речная, мягкая. В ней мыло прекрасно мылилось. Выпускали тогда детское мыло в виде рыбок и других животных. Мыться им было особенно интересно. Теперь такого мыла не вижу.

В бане было хорошо, весело. Но что ждало после бани!.. Ужасно хотелось пить. И в буфете при бане бабушка покупала две кружки морса. Тому, кто не пил настоящий архангельский клюквенный морс, да еще после бани, никогда не понять то необыкновенное ощущение легкости во всем теле и настоящего утоления жажды.

В войну бани работали нерегулярно, приходилось стоять в большой очереди. Мыло было только вонючее, черное, называлось сульфидным. Морса не было. Но все тот же жар, и шум, и деревянные скамейки, обданные горячей водой. Не может быть бань лучше архангельских, думаю я. Даже в Америке.

Сундук

В один из солнечных летних дней бабушка открывала два сундука: большой, обитый жестью с узором «мороз», и маленький, обтянутый материей. Оттуда она доставала и вывешивала на веревке во дворе пальто и другие шерстяные вещи. Как мне нравился тогда запах нафталина! В сундуках хранились также разные интересные вещи. Например, павлинье перо. Что может сравниться по красоте с павлиньим пером? Как оно переливалось! И сколько раз потом, уже взрослой, видела я павлинов, но они таскали хвосты по земле. Ни разу не видела хвост раскрытым. Еще было несколько страусовых перьев, не таких красивых, но тоже интересных – мягких и как будто загадочных.

Вынималась зеленая, ослепительная в своих шелковых всплесках мамина шаль. Ее подарил ей папа, но она ни разу не носила – считала, что такая шаль подойдет разве что цыганке. Так мне жалко, что через несколько лет мама выбросила шаль, истлевшую от лежания. Еще вынималась шапочка, плетенная из какой-то травы. Она не была особенно красива – тускло-оранжевая и темно-синяя с двумя ягодками сбоку. Но трогать ее было необыкновенно приятно. Плетение, сухое и упругое, дарило ни с чем несравнимое блаженство осязания. Шапочку мама носила на курорте в Евпатории.

В сундуке был веер из серых перьев. Когда его раскрывали, оказывалось, что на нем нарисованы птички с красными грудками, сидящие на ветках. Веер потом потерялся. Никогда в музеях я такого веера не встречала, и так и не знаю, что это был за веер. Была ли это безвкусная поделка или наоборот такие веера встречались слишком редко. Или, наконец, это было

какое-то местное производство. И потому такие веера не попали в столичные музеи. Так и останется навсегда загадкой. Утрата этой прекрасной, по моим детским представлениям, вещи мучительна для меня до сих пор.

Раскопки

Счастливые лето 1940 года. Мы едем в экспедицию, в Каргополь. У папы и мамы отпуск. С нами еще двое: Иван Ермолаевич из Архангельского краеведческого музея и молодой человек Тоня. Экспедиция археологическая. Главный – папа. В Каргополе мы поселились в пустовавшей летом школе. Раскопки на другом берегу озера Лаче. Туда и обратно нас каждый день доставлял на лодке заведующий местным краеведческим музеем. Так досадно, что я забыла имя и отчество этого человека. А фамилию – Евстафьев, знаю потому, что она подписана под фотографией, где мы с ним сняты у костра рядом с местом раскопок. С детской бесцеремонностью я допытывалась у этого добродушного человека, почему у него нет одной ноги.

В то время в Каргополе почти не было в магазинах продуктов. Евстафьев ловил рыбу. Не знаю, был ли он очень хорошим рыболовом, или озеро кишело рыбой, только каждый день привозил он огромный улов. Мы варили на костре великолепную уху и наедались до отвала. Впрочем, это не совсем верно: мы, кроме мамы. Уже лет восемь мама была строгой убежденной вегетарьянкой. Она как-то потом призналась, что порой смотрела на меня с отвращением, когда я ела мясо. Но папа не разрешил ей сделать из меня вегетарьянку. Бедная мама весь день работала голодной. А вечером в школе варила себе на плитке какую-то кашу, кажется, даже без масла – масла в городе просто не было.

На раскопках мне все было очень интересно: плавание на лодке, костер, голубой сачок ... Сачком можно было накрыть бабочку и рассматривать. Брать в руки строго запрещалось. А мальки в прозрачной воде! А цветы, цветы на лугу! Но первом месте была работа. Глиняные черепки, найденные при раскопках, надо было мыть. Казалось бы не трудно – рядом озеро. Но вот вымыть черепок с ямочным орнаментом не так-то просто. Кто-то из взрослых сделал мне несколько заостренных палочек, чтобы выковыривать землю из ямок. Но они быстро тупились, кончики разломачивались. Да еще комары заедали, чуть отойдешь от костра.

Я слышала, что у археологов большой удачей считается находка черепка с изображением животного. И на этой стоянке нашли один черепок с лебе-

дем. Я тогда стала мечтать, что мы откопаем не черепок, а целый горшок – представляла обливной, какой был у нас дома. А на нем будет нарисована яблоня с яблоками. (Яблоню я тогда видела только на картинке в книге). Конечно, позже я узнала – ведь наши книжные полки набиты археологической литературой, – что в эпоху неолита люди занимались охотой, и, естественно, изображали животных. Стилизованные изображения растений появляются только с развитием земледелия.

Помню еще наш поход в село Большая Шалга. Мы побывали там в деревянной церкви – сторож открыл нам. На полу стояла большая икона, прислоненная к стене, совсем черная. Папа заинтересовался ею, смотрел и о чем-то расспрашивал сторожа. На обратном пути я устала, и Тоня понес меня на «закукорках». И вот тогда я впервые увидела закат. Прежде я всегда рано засыпала. Такого заката мне больше видеть не пришлось. Небо полыхало розовым, красным и золотым. Все небо от края до края. И длилось это долго. Мы шли километров пять, а небо все горело и горело.

В 1970-х годах я приезжала в Каргополь. Наш милый перевозчик и кормилец В. Ф. Евстафьев умер, покончив с собой. В музее все было покрыто слоем пыли.

И места раскопок я не нашла.

Церковь в Шалге сохранилась. Я ее нарисовала. А заката не было. Был заброшенный, пахнувший помоями город. Я пожалела, что приехала и испортила то детское впечатление от «Карбоколя», как я тогда говорила.

Ботаника

В детстве меня манили две профессии: астронома и ботаника. Ну, первая, наверное, из-за сказки о звезде Алмазочке. От нее отговаривала мама: – Для этого надо хорошо знать математику.

Судила по себе. У нее никаких способностей к математике не было.

А ботаникой увлек папа. Когда перед войной мы ездили на раскопки, я делала с папой гербарий, а началось, по-моему, еще раньше. Были сделаны три или четыре солидных альбома с растениями, наклеенными на плотную серую бумагу. Названия подписал папа. Он подошел к этому серьезно, сверял с определителем растений. А когда он был в командировке под Ленинградом, то привез оттуда две засушенных орхидеи «Венерин башмачок».

Рассказывал, как они красивы в лесу. Но, к сожалению, в засушенном виде их красота не сохранилась.

В 1940 году мои гербарии были на выставке юннатов в Архангельском краеведческом музее. Когда мы с папой туда пришли, музейный фотограф захотел меня снять. Задался целью сделать фотографию улыбающейся девочки. А я не умела тогда улыбаться по заказу. Со мной долго возились. Получилась карточка, которая всем нравится, а мне она противна: насильственно растянутые губы и серьезные глаза.

Во время войны я съела часть растений из гербариев. Сначала ягоды брусники, черники, потом их листья. Потом и многие другие растения, не зная, съедобны ли они.

Впоследствии несколько раз я порывалась сделать гербарий, засушивала растения. Даже купила «Определитель растений». Но дальше этого дело так и не пошло. Может быть, потому, что рядом не было папы.

Иногда я замечаю, что знаю названия цветущих растений лучше, чем окружающие. Многие не знают таких, как мышинный горошек, чина луговая, кукушкины слезки ... Но некоторых, которые растут в средней полосе, не могу назвать – их не было на севере.

«Наша Таня громко плачет ...»

При мне нарочно часто начинали говорить эти стихи. Я обижалась. Стихи Агнии Барто знала и любила, плакала над стихотворением «Зайку бросила хозяйка...». Но сколько же можно дразнить меня этой Таней, которая громко плачет?! У меня был сходный случай с мячиком, но я не плакала, хотя мячика было очень жалко. Многие игрушки во времена моего детства были как-то не продуманы. Главными игрушками для улицы были мячик и скакалка. Мячи были двух размеров: большие и маленькие. Большие слишком велики для детских рук. Такой мячик неловко ловить. А маленькие были чересчур легкими. Такой мячик нельзя высоко подбросить, при игре в «воздушные лунки» (штандер). И еще эти черные мячики легко прокалывались. А каждый скажет, что, хотя таким мячиком и можно играть, но это уже игра.

Так вот у меня был великолепный мяч – теннисный. И почти всегда играли моим мячом. Он был идеального размера – удобный для рук. И в то же время достаточно тяжелый, что давало возможность даже в ветреную погоду попасть в человека, замеревшего после крика «Стой!». И мяч был очень

прочный, ни разу не прокололся. А какой приятной была у него поверхность! Белая, с нежным пушком и коричневой канавкой, образующей загадочную фигуру. Я мыла мячик с мылом, а иногда даже рисовала на просохшей поверхности картинки цветными карандашами.

И вот однажды мяч закатился под наш дом во дворе Геолтреста. Дом стоял на сваях, под ним всегда стояла вода. И мячик уплыл. Подлезть под дом было невозможно. Мы смотрели в темноту, ложась на живот, пытались достать палкой. Ничего не получалось. А на следующий год весной уровень воды поднялся, и мячик выплыл. Ему даже ничего не сделалось!

А еще скажу о скакалках. Покупные никуда не годились. Ими мы не пользовались никогда, хотя многим родители их купили. Чтоб скакать, нужна толстая тяжелая веревка, а не шнурочек с ручками. Это знал каждый ребенок и добывал веревку, как мог.

Сейчас я почти не вижу, чтобы девочки играли на улице в мячик или прыгали через скакалку. А жаль!

«Клады»

Владимир Солоухин хорошо написал, как привлекали деревенских ребят черепки. У архангельского коллекционирования были некоторые особенности. Во-первых, у нас черепки собирали только девочки. Во-вторых, эти коллекции назывались почему-то кладами. Существовал обмен черепками, но никому не приходило в голову менять черепки на другие предметы, как это было на родине писателя. И еще – он не написал, какие же черепки больше всего ценились. У нас на первом месте были черепки с изображениями животных. Так, попался раз осколок детского блюдца с мишкой в голубом фартучке. А еще был роскошный фрагмент вазы двухслойного стекла – белого и матового с лиловыми и зелеными птицами.

На зиму мы спрятали «клады» под одним из домов. Дом стоял на сваях, и там была оторвана одна доска из обшивки, загораживающей пространство под домом. Заложили все черепки вместе. Весной стали искать клад. Но черепки затянуло глубоко в болото. Мы отчаянно рылись, погружая в вязкую грязь руку до плеча. Копать каким-нибудь другим способом мешала обшивка. Спасти удалось лишь небольшую часть

Не раз я потом замечала, что нарушение полноты коллекции приводит к потере интереса к ней. Так случилось и в тот раз.

Дуги и «козули»

Во времена моего детства магазинов сувениров, где под видом народного искусства продается всякий хлам, я не видела. Но застала некоторые виды живого народного искусства, русского и ненецкого.

Когда мы с бабушкой выходили зимой на улицу, то и дело навстречу попадались лошади, запряженные в санки. (Машин-то в городе было мало). И вот мы смотрели на дуги лошадей. Дуги были ярко расписаны цветами на синем или красном фоне. Удивительно красиво смотрелись лошади с такими дугами в белом зимнем городе! Но иногда попадалась лошадь с коричневой дугой, на которой скучная надпись белой краской – название учреждения, которому принадлежала лошадь.

Странно, что побывав потом во многих музеях, я нигде не встретила коллекции дуг.

А перед Новым годом покупали особые пряники-козули – темные, с белыми или бледно-розовыми узорами. Пряники имели форму коней, львов, оленей, только очень стилизованных. Покупали их, чтобы вешать на елку вместе с игрушками, конфетами, мандаринами и крымскими яблочками. Не знаю, где их продавали: на рынке или в магазине. Наверное, меня из-за сильных морозов в это время за покупками не брали.

Исключительно красивыми произведениями искусства были туеса. К ним, конечно, относились не как к предметам для украшения комнаты. Родители, понимавшие их художественную ценность, держали в них муку, крупы. Подлинные произведения прикладного народного искусства умирают, когда их выставляют на серванте или полированных книжных полках.

Туески у нас были двух видов: крашенные красной или синей краской. С одной стороны – птица, с другой – цветок. Красные на синем или синие на красном. А использование белой краски смягчало резкость контраста. Был еще туес, большой, должно быть, более древний, из некрашеной бересты. По ней рисунок был выдавлен. Родители привезли его из Зимней Золотицы. Уезжая из Архангельска, мама часть туесов отдала в музей, а остальные пропали в наших скитаниях.

Как-то давно в ГУМе на прилавке, торгующем всякой дрянью под названием «Сувениры», увидела туес и чуть не заплакала. В этом уродливом сосуде вместо соединения зигзагом был край бересты толсто завернут и чем-то прошит. Береста не была окрашена, зато посередине красовался цветок,

изображенный ядовито-фиолетовой краской с ядовито-зелеными листьями. И стоило это чудо недешево. Я поспешила уйти.

Помню в Архангельске еще один вид уже чисто городского народного искусства – бумажные цветы. Нигде больше не встречала я такой техники. Цветы совсем не стремились к сходству с настоящими. Особенно трогал белый набрызг на концах лепестков темно-фиолетовых цветов. Не могу описать их. Ни разу не видела бумажных цветов ни в книге по народному искусству, ни в одном из музеев. А вот художники – Сапунов, Лебедев – любили вводить их в свои натюрморты. Промысел изготовления бумажных цветов существовал долгие годы. Он жил в годы войны. Я встретила их на архангельском рынке, приехав в город в 1960-е годы. Очень жалею, что тогда не купила – предстояло длительное путешествие, да цветы бы и поломались в рюкзаке. В 1970-е, оказавшись в Архангельске, первым делом бросилась на рынок ...И увидела ужасные искусственные цветы, пытающиеся приблизиться к живой природе и не имеющие ничего общего с искусством.

Как жаль, что никто во время не заметил этот художественный промысел, не описал. Он исчез навсегда.

Хотя ненцы в Архангельске и не жили, в городе можно было встретить и произведения ненецкого искусства. Прежде всего, на ногах геологов, бывавших в местностях, где те жили. Это роскошные пимы до самого паха. Помню, как в гастрономе я рассматривала такие пимы, пока человек в звонил по телефону. Сама я была ростом как раз с такой пим. Эту обувь шили из оленьей шкуры, а спереди украшали сложным узором из красных и зеленых кусочков сукна и шкуры другого цвета. Позже и мне купили пимы, но из нерпы. Мои пимы тоже были расшиты разноцветным сукном и по красоте не уступали оленьим, ведь нерпичья шкура золотая. Но они были дешевые – шкура нерпы пропускает воду, потому их носят с калошами, а внутрь надевают липты – чулки из собачьей шкуры мехом внутрь.

Странно, что никаких экспонатов народного искусства в краеведческом музее города я не помню. Правда, последний раз я была там в шестилетнем возрасте – с началом войны музей закрылся. А бывали в музее мы с папой нередко. Я сразу бежала к любимой витрине с волками – мне нравились спрятанные в траве муляжи грибов. А в следующем зале было так интересно сравнивать, кто длиннее: акула или палтус.

Написала про грибы в музее и вспомнила очаровательные игрушки, которые продавали при входе на рынок: круглые деревянные коробочки с маленькими точеными грибочками в ярко-зеленом мху. Красные шляпки грибочков сверкали лаком. Как мне хотелось, чтобы купили эту вещицу! Думаю, что это тоже, как и бумажные цветы, был один из городских художественных промыслов.

Начало войны

Дня, когда началась война, не помню. Позже, в пионерских лагерях, девочки часто вспоминали этот день. Даже девочки младше меня.

Но я помню день, когда узнала, что идет война. Папа летом 1941 года находился в геологической экспедиции. Потребовалось несколько дней, чтобы смог вернуться – он находился в каких-то глухих местах. Это я уже много позже узнала, прочитав его письма.

И вот мы идем с папой по набережной. День солнечный-солнечный. На тротуаре узорные тени молодых деревьев – густой листвы еще нет. Идем, и мне так радостно, так празднично на душе. Папа говорит мне о войне.

На этой прогулке я потеряла желтую атласную ленточку, почти золотую. Ленты привез папа из Ленинграда – лиловую и желтую. Я носила их по очереди, а вечером, намочив, наматывала на прут спинки кровати с блестящими шишечками, чтобы разгладились.

И о потерянной ленточке говорю я дома маме, а не о войне.

Очереди

Редко, пожалуй, можно встретить человека, который бы любил стоять в очередях. Но в шесть лет мне стоять в очереди очень нравилось. Родители днем были на работе. Бабушка занята по хозяйству. В очереди стояла я. Вернее, все мы, девочки с нашего двора. Узнав, что в магазин напротив что-то привезли, мы бросали игру и изо всех сил бежали к магазину занимать очередь. Я к финишу приходила последней – была меньше всех в той группе. Становилась последней. Но вот девочка, стоящая впереди, пропускает меня на свое место, то же делает следующая, и, в конце концов, я впереди всех. Все радостно смеются:

– Была последней – стала первой!

В одной из тех «добрых» очередей передо мной оказалась незнакомая девочка, стоявшая со своей мамой. Я ее притиснула, сначала, должно быть, нечаянно. Девочка сказала:

– Мама, мне тесно стоять.

Мать ответила:

– Ничего, дочка, учись в очередё стоять.

Я притиснула девочку уже нарочно. Она также жалобно сказала матери. Так же обреченно и понуро мать ответила:

– Учись, дочка, в очередё стоять.

Почему я теснила эту девочку? Злобы не было. Может быть, я ждала какой-то разрядки, какой-то реакции со стороны ее матери? Не знаю. Мать монотонно повторяла одни и те же слова. Она не сделала мне замечания, даже не взглянула ни разу. И ведь могла же она просто взять и поставить дочку рядом. До сих пор у меня в ушах этот голос, эта фраза безнадежного терпения: «Ничего, дочка, учись в очередё стоять».

Но вот в один прекрасный день мы обнаружили: хлеб есть, а очереди нет. Я ворвалась домой с торжествующим криком:

– Бабушка, очереди за хлебом нет!

В тот день ввели карточки.

«Катюша»

Лето 1941 года. Красноармеец сидит во дворе и играет на гармошке. Мама спрашивает меня, что он играет. Не могу ответить.

– Но ведь эту песню все знают! Как ты ее не узнаешь? Ведь это «Катюша»!

Слова песни, я конечно, знаю. Но ведь человек не поет. Он только играет. Так случайно выяснилось у меня отсутствие музыкального слуха. Дефект этот принес мне массу огорчений в жизни. Я не могла петь, когда все пели. Даже, когда пели гимн, я только открывала рот. Не научилась танцевать. Если у человека плохая дикция или вокруг шумно, я с трудом понимаю, что он говорит. Жаль, что тогда не было возможности заниматься со мной специально. Да мама и не обращала на это внимания. Со временем в какой-то степени слух улучшился. Я узнаю мелодию «Катюши», но спеть все равно не смогу.

Бутылки

В начале войны к нам зашел какой-то мужчина и предложил сдать бутылки. У нас бутылок не было. Он пошел дальше, по соседям. А потом бабушка понесла на помойку ведро. Тот мужчина как раз выходил из нашего дома. Он увидел в ведре горлышко бутылки и выхватил ее прямо из помойного ведра. Бабушка стала говорить, что такие бутылки из-под томатного сока нигде не принимают. Но он все равно бутылку взял.

Уже взрослой я догадалась, зачем были тогда нужны бутылки. Должно быть, в них заливали горючую смесь – «коктейль Молотова» – и бросали их в танки. Для этого годились и нестандартные бутылки.

Щели

Летом 1941 года во дворе Геолтреста стали рыть щели. Было это по вечерам, если можно назвать вечерами время после конца работы в летний полярный день.

У папы была необычная лопатка – с короткой ручкой.

– Саперная, – с гордостью сказала я девочкам.

Папа тщательно делал своей лопаткой земляные ступени. Но потом привезли лестницы из свежих досок. И папины ступеньки оказались ненужными. И было как-то немножко стыдно за папин напрасный труд.

В эти щели мы ходили во время бомбежек два или три раза. Помню, что когда мы с бабушкой выходили после отбоя, милиционер, стоявший у выхода, легонько подтолкнул меня в спину. Чувства оскорбления я не забыла до сих пор.

А потом вода затопила щели, и при бомбежках никуда не ходили.

Смерть папы

Я проснулась ночью от какого-то стога. Папа сидел на постели и стога, держась за грудь.

– Папка, что с тобой?

– Ох, Танечка!

Это были последние его слова, слышанные мной. В дверь вошла мама с какими-то чужими людьми. Не помню, унесли папу или увели. Знаю только, что это была «Скорая помощь».

Утром мама, взяв у меня из игрушечного набора две голубые кастрюльки, наполнила их сливочным маслом. С продуктами было плохо – осень

1941 года. Мама сказала, что понесет масло папе в больницу. Меня кольнула ревность – раньше лучшая еда доставалась мне. Простить себе этого не могу.

Не помню, чтобы я спрашивала об отце. Ничего не замечала. Потом мама отвела меня в гости к дочери завуча той школы, где она работала. Ту девочку я не знала. Мне было шесть лет, а она была старше: школьница и даже октябренок – на коричневом платье у нее была нашита большая красная звезда. Светлана хорошо меня встретила. Пришла еще соседская девочка. И мы играли, читали смешную книжку про Макса и Морица. Вечером мама взяла меня домой.

Только на следующее утро мама, встав лицом к окну, так что я видела только ее спину, сказала, что папа умер, и вчера его похоронили. Я не заплакала, не почувствовала горя. Не было ощущения, что изменилось что-то. Пришли девочки-соседки. Одна из них с некоторой даже завистью сказала:

– Ты и не от мамы могла узнать, а из газеты.

Она имела в виду некролог.

У нас долго хранилась справка о смерти папы. В ней сказано, что В. И. Смирнов умер от разрыва сердца. Наверное, так называли инфаркт. Мама мне потом говорила, что папа очень переутомлялся, особенно в последнее время, когда он готовил эвакуацию трестовского геологического музея, каждый день должен был после работы ходить на занятия по местной противовоздушной обороне, а ночами часто дежурить на чердаке на случай бомбежки зажигалками. Да и сводки Совинформбюро отец принимал близко к сердцу, хотя не сомневался в нашей победе.

Шел октябрь 1941 года.

В следующие годы мы с мамой несколько раз ходили на папину могилу. На ней стоял деревянный памятник-пирамидка, крашеный голубой краской. Потом памятник украли. Перед отъездом из Архангельска мама выкрасила в белый цвет гладильную доску и сделала на ней надпись черной краской. Мы вкопали доску у могилы. В 1970-е годы я попыталась найти место, где похоронили папу, но на кладбище все так изменилось ...

А мама не раз говорила, что и хорошо, что папа во время умер. Он не пережил бы голода в войну. Только бы мучился, тем более что на его глазах голодали бы и мы.

Тоня

– Там кормят творогом и блинами, – говорю я двум девочкам, повторяя мамины слова. Мы стоим на палубе. Середина августа 1942 года. Едем в лагерь. Кто-то сказал маме, что в лагере есть место, можно взять путевку.

Мама сомневалась, отпускать ли меня. Я еще дошкольница – тогда учились с восьми лет. И я никогда еще не оставалась без родных. Но чьи-то слова о твороге и блинах решили вопрос. (По-моему, ни того, ни другого нам в лагере не давали). А потом – это же всего на две недели.

Мы, девочки, едем с одной из лагерных руководительниц девушкой Галей. Но в одной каюте с ней только я и Рая – дочь школьной буфетчицы. Рая довольно толстая белобрысая девочка с редкими зубами. У нас считается верным признаком, что если зубы редкие, значит, врунья. Рая даже не возражает, когда ей об этом говорят.

Тоня едет почему-то внизу, отдельно от нас. Мы с Раей разыскиваем ее на пароходе. Не знаю, как называется место, где она находится, может быть, это трюм. Окна – иллюминаторы. Все выкрашено в мрачный коричневый цвет. Тоня сидит на коричневой лавке, зажатая взрослыми людьми. Тесно. Атмосфера какой-то неясной угрозы. Торопимся уйти и увести Тоню на палубу.

Мы радуемся путешествию. Знакомимся получше. Тоня одета во что-то красное, кажется, красную кофточку и защитного цвета юбку. Она черная, смуглая и очень худая. Я не обращала тогда внимания на формы тела, смотрела лишь на лицо. Но тут заметила, а, может быть, это Рая заметила, что у Тони чрезвычайно кривые ноги.

С детской бесцеремонностью, которая не ранит, спрашиваем, почему ноги кривые. Тоня рассказывает. Отец у нее пьяница. Когда мать была еще жива, он часто, придя ночью, начинал избивать ее и мать. Они убегали из дому, полуодетые, даже зимой, просились к кому-нибудь из соседей. Однажды девочка проснулась ночью и увидела, что отец занес над лежащей на постели матерью топор. Она страшно испугалась, закричала ... Больше ничего не помнит. Когда пришла в себя, обнаружила, что руки и ноги у нее сделались кривыми «от страха». Руки потом выправились, а ноги так и остались.

Думаю сейчас, что все же ноги у Тони были такими из-за рахита. Может быть, после сильного нервного потрясения она впервые обратила внимание на это.

После того случая тонина мать скоро умерла. Появилась мачеха. Относилась к Тоне плохо. Почему ее послали в лагерь так поздно, не знаю. Также не знаю, почему она ехала в трюме, а мы в белой каюте. Сначала думала, что Галя в этом виновата. Теперь полагаю, что, скорее всего, мачеха дала денег только на самый дешевый билет.

Пароход нам очень нравился до тех пор, пока при очередном путешествии с Тоней наверх, на палубу, какая-то женщина, работавшая на пароходе, не стала выяснять, что это мы туда-сюда ходим. Тут обнаружилось, что Тоня не имеет права быть на палубе. Такой у нее билет.

Думаю, что это одно из самых позорных явлений нашей жизни. Не знаю, как обстоят дела теперь. Но даже если по правилам пассажир не должен выходить на палубу при каком-то определенном билете, как же было бесчеловечно гнать ребенка – Тоне было лет 8 или 9 – ребенка, который никому на палубе не мешал, в душный полутемный трюм. Ведь видела же она, что мы вместе, а Тоня там одна. Нет, это не женщина, не мать, не человек.

Мы всячески старались провести опять Тоню на палубу. Иногда удавалось. Но все было отравлено ожиданием очередного крика, скандала и очередного выдворения Тони с палубы.

Так я впервые встретилась с понятием **НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ**.

Мы спим в белой каюте на чистых постелях. Тоня сидит в коричневом трюме.

Так я впервые встретилась с понятием **НЕРАВНОПРАВИЕ**.

В лагере нас сразу повели на осмотр к врачу. Она обнаружила у Тони чесотку. Достала какую-то черную вонючую мазь. Тоне велела раздеться совсем, а мне – мазать ее всю. Помню худенькую, покорно согнутую спину, торчащие лопатки. Потом врач велела мне намазать руки. Руки стали как в темных перчатках. И так спать. Думаю, что она просто брезговала мазать Тоню сама или боялась заразиться.

Мы попали в разные группы. Я жила в здании сельской школы, на полу. Только изредка видела Раю и Тоню. Но потом судьба снова свела меня с Тоней. Город тогда сильно бомбили. И городские власти запретили возвращать детей из лагеря. С 1 сентября в школе должны были начаться занятия, и нашу группу переселили в здание каменной церкви. Там было сделано

два этажа: внизу столовая, а сверху мы спали. И я оказалась в одном помещении с Тоней. Тоня ночью писалась в постели. Это возмущало других девочек. Они строили фантастические предположения, что «это» попадет в бидоны с альбуцидом, стоявшие на первом этаже. Не знаю толком, что такое альбуцид, видимо, какой-то молочный продукт.

Тоня одевалась все так же: в красное и защитное. Но вот девочки обнаружили в ее вещах два или три платья, совсем новых. И настояли, чтобы Тоня надела платье. Хлопчатобумажное, бело-синее, со слежавшимися складками – оно было безобразно велико ей. То ли куплено «на вырост», то ли просто без примерки. На нем ярлык. Кто-то его отрывает. Тоня горько плачет:

– Мачеха бить будет!

Считает ярлык частью платья.

Больше мы с Тоней в жизни не встретились, но запомнила я ее навсегда. Других девочек в этом лагере помню смутно или не помню совсем. Встреча с ней открыла мне существование другого мира, о котором я раньше не подозревала.

Колоски

Первый мой лагерь. Рядом со школой, в которой мы живем, поля ржи. Строго запрещено есть зерна. Но мы тайком делаем это. Мне попала в горло ость. Все время царапало в горле. Боялась, что это навсегда, сказать тоже боялась – ведь сделала запрещенное.

Потом хлеб убрали, а нас стали посылать собирать колоски. Шли шеренгой. Как набирался снопик, отдавали мальчишкам, которые носили эти снопики в кучу. Меня все время ругала руководительница – я шла последней. Потом я поняла, что старшие девочки берут только колоски с длинным стеблем. Я же собирала и без стебля. Таких было много. Но хоть и поняла, в чем дело, твердо продолжала собирать так, как считала правильным, то есть все колоски. Была меньше всех. Руки маленькие. Неудобно держать этот ворох одной рукой, а другой подбирать. И все время позорят, что отстающая. Но не сдаюсь, не стала делать красивые снопики только из колосьев со стеблями.

В дальнейшей жизни, когда стали посылать с работы помогать колхозу, заметила: если нужно качество, я последняя или почти последняя, напри-

мер, на прополке. Правда, моя полоса образцовая. Если нужно только количество, например, при выдергивании свеклы, я не отстаю от других.

На пароходе

Осень 1942 года. Детей отправляют из лагеря несколькими партиями. Наша партия последняя. Директор лагеря объясняет, что все, кто имеет раскладушки, должен их бросить. Только у кого металлические кровати, можно взять, но нести самим. Приводит в пример двух мальчиков из предыдущей партии, которые упорно пытались отвезти домой свои раскладушки, но так и бросили их по дороге. Дорога трудная.

У меня проблемы нет – я спала просто на полу.

Каждому в дорогу дают круглый каравай хлеба. Кладу его в рюкзак с одеждой. Несу за спиной. В руке большой узел с постелью. Идем долго. Земля мокрая, увязаем в грязи. Наконец, пристань.

Пароход переполнен. Руководительницы рассовывают детей, как могут. Меня одна из них втокнула под круглый стол в пароходном салоне, сказала:
– Сиди.

Сижу. Кругом ноги сидящих за столом. Захотела есть. Сняла рюкзак, отщипываю маленькие кусочки хлеба, жую. Какая-то ласковая старушка, сидящая за столом, говорит, чтобы я поднялась, села за стол – она подвинется. Молчу. Потом старушка предлагает соли. Молчу. Потом у старушки начинается рвота. Ее рвет прямо под стол. Сижу. Молчу.

Наконец, меня находят старшие девочки. Им удается убедить, что уже можно выйти из-под стола. И вот я с ними на палубе. Одна из девочек говорит:

– Смотри, на тебе вошь.

Вижу на воротнике моего коричневого демисезонного пальто серое насекомое с перебитыми хромыми ногами.

Мама отправила меня в лагерь с косичками. Когда обнаружилось, что я обовшивела, как и большинство девочек, меня собственноручно обстригла красавица Мила с огромными золотыми косами, дочь директора лагеря, уже старшеклассница. Но и это не помогло.

Не помню, сколько дней мы ехали, ничего больше не помню. Только сырой холодный ветер на палубе и хромую вошь на воротнике коричневого пальто.

Следующее воспоминание: мы идем с мамой по городу. От пристани до дому очень далеко. Но мы почему-то идем пешком. Наверное, не ходят трамваи. Мама несет мой узел. Я иду за ней. Кто-то из прохожих говорит маме, что веревка у нее болтается. Веревка, которой связан узел с моей постелью. Мама поправляет веревку и набрасывается на меня:

– Неужели ты не видела? Ты же идешь сзади! Почему не сказала?!

Видела, всю дорогу видела я эту болтающуюся веревку. Почему-то смотрела именно на нее. Но и в голову не приходило сказать об этом. Болтается – значит, так надо.

После этого первого в моей жизни лагеря я вообще почти не говорила.

Мама при мне сказала кому-то:

– Послала ребенка, а получила звереныша.

Сыромятные ремни

Еще до войны родители решили учить меня какому-нибудь иностранному языку. Со мной стала заниматься немецким языком пожилая учительница, работавшая с мамой в одной школе. То, что это было именно до войны, можно установить потому, что раз после одного из уроков домашние учительницы оживленно обсуждали, как назвать котенка, которого собирались взять, и я приняла в этом участие. Котенка не помню. Может быть, его раздумали брать.

Учительница при мне говорила маме, что мы скоро будем писать ручкой. Запомнилось это необычное для меня выражение, потому что дома говорили «писать пером». Грамматики мы с ней не проходили, но, в общем, учение шло успешно. Какое-то время после начала войны уроки еще продолжались. Потом стало не до того. Мама рассказала дома, что эта немецкая учительница научилась варить студень из сыромятных ремней с добавлением столярного клея.

Через некоторое время мама сказала, что учительница умерла от голода.

Шанежка

Хлеб в войну в Архангельске пекли не только буханками, но и шанежками, и пирожками. Шанежки – хлебцы овальной формы с зубчиками. Вес шанежки 100 граммов. А пирожки были с двумя видами начинки: с несколькими каплями соленой воды или разведенного водой повидла. И заранее

неизвестно, что внутри: сладкое или соленое. Шанежки были темные, а пирожки серые. Вес пирожка тоже 100 граммов.

Стоит длинная тоскливая очередь за хлебом. Сбоку, как всегда, несколько женщин образуют вторую очередь, маленькую. Умоляют отоварить карточки следующим днем. Ни разу не видела, чтобы продавщица сжалилась. Это ведь было строго запрещено. Но эти люди не уходят, надеясь на чудо.

С другой стороны прилавка показывается старуха, мать продавщицы, подходит к ящику с шанежками, берет одну и начинает жевать. Молчаливая очередь взрывается криками негодования. Общий смысл: хлеб воруют.

Напрасно продавщица уверяет, что они тоже получают по карточкам. Говорит, что вырежет из карточки матери талон. Утихомирить озлобленных голодных женщин трудно. Продавщица говорит матери тихо:

– Мама, ну зачем ты так сделала?..

Камчатная скатерть

Это было зимой, должно быть, 1942 года. Мы с бабушкой одни. Мама ушла на толкучку. Есть нечего. Дров нет. Я сижу в сумерках у холодной плиты, Бабушка лежит. У нее сломана нога, и никак не срастается. Бабушка стонет:

– Холодно, холодно!

Наконец, приходит мама. И тут же начинает нас ругать. Не помню, за что. Наверное, вообще за скулеж.

Она променяла камчатную скатерть, огромную старинную скатерть за буханку хлеба. Вижу эту буханку. Дальше не помню.

Часто думала потом, что это были за люди, скупавшие вещи за хлеб. Откуда брались эти излишки хлеба? В книгах про войну я не нашла этому объяснения.

Что мы ели

Про людей, которые жили совсем плохо, говорили:

– Они лебеду едят.

Мы ели не лебеду, а какое-то другое растение. Не знаю, как оно называется. Листья у него, как у моркови, а корень, как у петрушки. Вкусом сладковатый и противный. Росло оно на берегу реки, на склоне. С корнем мне удавалось вырвать редко. Собирала траву. Ползая так по склону, не поднимая головы, наткнулась раз на кучу грязных бинтов, гипсовых рук

и ног. Выбросила все собранное. Рядом было здание школы, занятое с началом войны под госпиталь.

Бабушка сушила эту траву и потом делала как-то из нее котлеты.

Раз я нашла на берегу, у воды, мертвого окуня. Он подсох, но не испортился.

А мама съела свой мигреневый карандаш.

«Светлячок»

У нас был переплетенный дореволюционный детский журнал «Светлячок». Я его много раз перечитывала. И во время войны стала подчеркивать «съедобные» слова. Встречались слова «сахар», «изюм», «какао». Но подчеркнуты были и слова «медведь», «конь», «заяц», хотя речь шла о плюшевом медведе, деревянном коне, кукольном зайце. Но я знала, что эти животные съедобны. Так жаль, что этот журнал у меня украли, когда я принесла его в Сергиево-Посадский музей-заповедник.

Еще тогда любила читать «Поваренную книгу» и раздел «Кушанья» в «Настольной книге» 1885 года. Не надоедало читать про еду.

Щи с капустным листом

Как-то летом открыли детскую площадку. Как лагерь, но в городе. Обедать нас водили в общую столовую. Был, наверное, уже 1944 год.

Раз в обед дали нам щи из зеленого капустного листа. Многие не доели. Какой-то старичок ходил между столами и сливал в бидончик из тарелок остатки. И вдруг одна девочка, а за ней и другая заявили, что они еще не доели, а он взял и вылил. Это было неправдой.

Старичка погнали из столовой.

Поэзия

С водой было плохо. И вот в весеннюю оттепель мама поставила под капель с крыши ведро. Маленькое зеленое ведро. А меня поставила сторожить. Было мне лет восемь. Вода капала медленно.

Я стала вспоминать стихи из книжки «Лирика». Теперь знаю, что этот сборник был составлен Корнеем Чуковским. Я читала одно стихотворение за другим, делая несколько шагов возле ведра в одну и в другую сторону. Когда я дошла до моего любимого тогда пушкинского:

*Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...*

вернулась мама. И спросила:

– А где же ведро?

Увлечшись стихами, я не заметила, как из-под самого моего носа ведро украли.

Дрова

С дровами в войну было очень трудно. В самом начале войны было распоряжение сломать сараи из-за пожарной опасности. Дрова хранить стало негде. Да и купить негде. Не знаю, почему город, имевший огромные запасы леса, сплаваемого по реке и оседавшего штабелями на ее берегах, был без дров. А ведь не только в долгую зиму нужны были дрова. Плиту надо было топить и летом, чтобы хоть что-то сварить.

Маме удалось договориться с женщиной, которая жила напротив нас и работала в каком-то учреждении уборщицей. За деньги она приносила нам охапочку дров. Но это было так мало!

Видно, не все жили все же так плохо, как мы. Какие-то соседи кололи дрова возле дома. Потом я собирала все щепочки. Все до самой малюсенькой. Они желтели на белом снегу. После моих сборов оставался чистый снег.

Потом я обнаружила, что какие-то люди выплескивают с помоями головешки. Но обнаружилось одно неприятное обстоятельство. Дело в том, что в начале войны середину нашего длинного дома с коридорной системой заняла какая-то воинская часть, отгородившись наглухо с одной стороны от оставшихся жильцов, в основном работников Геолтреста, с другой – от медицинского училища. В результате не только коммунальная кухня, но и общественная уборная остались на территории воинской части. А гражданским лицам надо было или ходить в общественную уборную к трамвайной остановке, или пользоваться известной посудой.

Лазая по помойке и выковыривая из льда головешки, я убедилась, что большинство граждан предпочитает второй путь. Пришлось этот промысел бросить: мокрые головешки гореть не хотели, а сушить их в комнате было невозможно.

Но порой мне везло. Так, однажды с проезжавшей машины свалилась небольшая доска. А летом иногда удавалось найти на берегу подходящее топливо. Там были большие штабеля бревен. Но бревно из штабеля могли бы поднять только несколько взрослых мужчин. Трудно было найти ма-

ленькое бревнышко. Раз мне так удачно попались два таких бревна: одно короткое, другое – немного подлиннее. И тут на берегу появились два парня с той же целью.

– Возьмем у нее, – сказал маленький.

Но старший великодушно вымолвил:

– Не надо.

В один из неудачных дней я никак не могла найти подходящего бревнышка или доски. Наконец, вытащила из воды какую-то корягу, черную и сучковатую. По размерам она показалась мне посильной. Но я не учла удельного веса дерева, долго пролежавшего в воде. До дому я ее дотащила. Но надорвала живот. Несколько суток лежала с адской болью.

Опасность бомбежек, наконец, миновала. Многие вернулись из эвакуации. Приехали и поселились по соседству люди с оккупированных земель, русские и украинцы. Понастроили они новых сараев, запаслись дровами. А мы уж ничего не могли построить. Папы не было.

Спички

В детстве я очень любила чиркать спички. Но сразу же бросала их, испугавшись огня. У меня был красный сарафанчик с заплатой тоже красной, но другой материи, с другим узором. И бабушка рассказала, в чем дело: когда мне было года два, я влезла на табуретку и бросила зажженную спичку, так что загорелся сарафанчик.

Позже мне очень хотелось самой зажечь свечки на елке. Но чиркнув спичку, сразу бросала ее.

А в войну со спичками стало плохо. Многие обзавелись зажигалками. У нас зажигалки не было. Иногда давали по карточкам спички из фанеры. Они были похожи на гребешки. Их надо было разламывать. Были они, должно быть, невысокого качества, так что разжечь огонь такой спичкой было непросто.

А сейчас, оказывается, посетителям в ресторанах предлагают подобные плоские спички-гребешки.

Глиняный хлеб

В войну у нас во дворе вырыли зачем-то канавы. И не засыпали. Горам громоздилась выкопанная рыжая глина. Я мяла ее до состояния теста и лепила плюшки, булочки, крендельки. Хотелось вылепить все варианты

завитушек, какие только придут на ум. Аккуратно раскладывала их на ровном месте.

Иногда подходил Борька Голубев, жившей в том же доме, что и мы. Он смахивал мои «печенья», сминал их. Я даже не возмущалась. Снова начинала лепить весь набор завитушек. Борька, должно быть, тоже хотел есть. И его раздражали эти глиняные изделия. Он раздражался и на то, что крендельки все одни и те же. Снова сминал все. А я снова и снова лепила свои мечты.

Ученье

Учить читать меня начал папа. Года в четыре. Он произносил названия букв «бэ», «вэ» ... И я не могла понять. Тогда учить стала мама, произнося твердо: ббб, ввв... Скоро научилась читать и писать печатными буквами. Но, видимо, вспомнив папины уроки, оставила однажды записку: « Мы ушли на бзр», то есть «на базар». Писать в тетради с линейками учила бабушка. Чистописание давалось с трудом. Кто учил счету, не помню. В первый класс пошла в семь лет, в деревне, когда детей из-за бомбежек не разрешили везти из лагеря в город. Учились мы вместе с деревенскими ребятами. В первые дни учительница больше обращала на правила поведения в классе. Мальчикам она велела или подпоясывать рубашки или заправлять их в штаны. Недовольна была мальчиком Гогой, жившим со мной в одном дворе. Он был не в рубашке, а в курточке, немного длиннее пояса. Когда он ее засовывал в штаны, она тут же вылезала. Подпоясать было вообще невозможно.

Еще мы писали палочки. И на дом учительница задала писать палочки. На следующий день оказалось, что я не выполнила домашнего задания. Почему и сама не знала. Конечно, не было у меня ни стола, ни стула, чтобы писать. Но дело было даже не в этом. Я как-то не соображала, когда же я должна делать это задание. День пролетел так быстро. И меня учительница еще с несколькими детьми, также провинившимися, оставила в наказание после уроков. Вместо того, чтобы писать, я плакала в этом каком-то очень деревянном классе. Это было настоящее горе. Я ведь не нарочно не сделала урок!

Когда мама привела меня в первый класс уже в городе, было гораздо легче. Посадили меня тогда рядом с Тамарой Каракчеевой. Она тоже почему-то была в школе первый день и в тот же день описалась на уроке.

Преподавала у нас старенькая учительница Зинаида Николаевна. Она никого не наказывала. Помню, мальчик опоздал, вошел с опухшим от слез лицом и подал учительнице записку. Она прочитала и тихо сказала:

– Иди на место.

Так было еще несколько раз. Шел 1942 год. Этих ребят мы ни о чем не расспрашивали.

Зимой мы шли в школу в крошечной темноте: полярная ночь и затемнение. И часто в школе не было электричества. Тогда первым уроком она устраивала устную арифметику: у одного мальчика было 3 морковки, у другого – 2. Сколько всего морковок? Все почему-то о съедобных вещах были задачки. И вот в полной темноте мы никогда не шалили, не шумели. Ко второму или третьему уроку немного светало и начиналось чтение или письмо.

Училась я хорошо. Только за одну работу по чистописанию получила «посредственно».

С Зинаидой Николаевной связано тяготящее меня до сих пор недоразумение. Как-то через год, когда у нас была уже другая учительница, я встретила на улице Зинаиду Николаевну. Обрадовалась, поздоровалась чуть ли не за квартал. А она остановила меня и спросила, почему я с ней не поздоровалась. Она не увидела и не услышала моего «Здравствуйте». Я очень огорчилась. С тех пор с людьми, с которыми хочу быть особенно вежливой, я здороваюсь в два приема: сначала издали наклоняю голову, а подходя ближе, здороваюсь.

Второй класс памятен тем, что мы сидели по три человека за партой, потому что часть школ была занята под госпитали. Электричества тоже часто не было. Но у нас училась дочь электромонтера Зоя Котельникова. Я запомнила ее еще и потому, что на вопрос: «Кем ты хочешь стать?», ответила:

– Поваром!

Учительница обращалась к этой девочке, когда не было света. И Зоя голыми руками соединяла какие-то провода. Свет иногда загорался. Слава Богу, обошлось без несчастного случая.

Мне плохо давалась арифметика. Странно, что все остальные разделы математики в дальнейшем я понимала без труда. Думаю, что большую часть арифметических задач гораздо легче решать алгебраическими методами. А тогда я билась над задачей до тех пор, пока не наступал какой-то предел.

Я бросала на пол задачник, тетрадь ... Все попытки мамы и бабушки помочь отвергала наотрез. Считала, что это будет нечестно.

И позже я никогда не списывала, не пользовалась подсказками, шпаргалками. Один только раз мы все девушки, когда учились на втором курсе в институте, договорились на зачете положить в столы три воинских устава, которые требовалось знать наизусть. Никто не мог их запомнить. И преподаватель это понимал. Он видел, что мы пользуемся книгами, но не сделал ни одного замечания. Одна из нас – Галя Фролова – рассказала об этом Августу Сименидо, студенту, которого называли «совестью группы». Каким презрением он обдал меня за эту нечестность. Больше я такого уже никогда не допускала. Сейчас, как я понимаю, у молодежи другой взгляд на шпаргалки.

А арифметика мне в жизни и в работе оказалась очень мало нужна. Только первые четыре правила, таблица умножения да правило пропорций.

В начале третьего класса (я ходила только первые две недели) возникла проблема, как изучать новые предметы: историю, географию, естествознание. Учительница не объяснила. Мама на мой вопрос посоветовала подчеркивать при чтении красным карандашом главное. Никто не подсказал естественный способ при изучении этих предметов, по крайней мере, в начальных классах. Я имею в виду пересказ вслух прочитанного материала.

Может быть, не только из-за длительного пребывания в санатории, а потом тяжелой болезни, но и из-за непонимания, как надо изучать новые дисциплины, я не стала ходить в третий класс. Это, впрочем, не помешало мне хорошо учиться в четвертом.

Вадим

В первом классе я сначала сидела рядом с Тamarой Каракчеевой, но потом учительница рассадил нас так, чтобы девочки сидели с мальчиками. Это, чтобы не разговаривали на уроках. Кстати, слова «мальчик», «девочка» в Архангельске не были в употреблении. Они встречались только в сладких детских книжках. А в действительности только «парни» и «девки». Пусть ему два года, но он – парень. С парнями можно было драться, можно дразнить их, но разговаривать, тем более, дружить – величайший позор. Может быть, такие суровые правила объясняются давним обычаем на Севере из-за боязни ранней любви. Любопытно, что на мальчиков в полтора-два раза старше девочек, это не распространялось.

И вот в первом классе я бросила вызов общественному мнению – подружилась с Вадимом, которого учительница посадила за одну парту со мной. Мы вместе ходили из школы домой – жили в одном дворе. И дразнили нас немилосердно, особенно Тамара, с которой я сидела раньше. Раз, возвращаясь домой, мы случайно ее нагнали. Вадим отдал мне подержать свой портфель и стукнул девчонку по спине. А я подначивала:

– Дай еще, дай еще!

На другой день мы предстали перед учительницей. Она нас ругала и была, конечно, права. Но и я себя чувствовала правой – пусть не дразнится!

С Вадимом связан один из самых тяжелых эпизодов моей жизни. Я была у него в гостях. Придя домой, стала стучать в дверь. А мама мне не открыла, сказала из-за двери, что я вернулась слишком поздно. Я кричала во весь голос, рыдала. Как могла мама подвергнуть меня столь тяжелому наказанию? Отчаяние. Мысль, что мне не откроют дверь никогда. Что делать?! Стучу снова, бьюсь в дверь руками и ногами, воплю так, что выскакивает соседка. Думает, что моя мама уснула, не слышит. Стучит, говорит что-то. Мама открывает дверь – вмешивать в скандал соседей не хочется.

До сих пор мне не все в этом эпизоде ясно. Часов у меня, разумеется, не было. Определить, насколько поздно, по солнцу невозможно – полярная ночь. Странно, что и родители Вадима мне не сказали, что пора домой. Мама, наверное, волновалась из-за моего отсутствия. Может быть, оттого и эта жестокость.

Военное дело

Учиться военному делу мне пришлось с семи лет. В первом классе мы изучали устройство противогаза и то, какие бывают бомбы. Наша старенькая учительница говорила, что трубка противогаза называется гофрированная. Считаю, что такое слово нам трудно запомнить, предложила:

– Говорите: мятая.

И тут кто-то спросил, зачем она такая. Зинаида Николаевна растерялась:

– Ну, тут воздух тоже очищается.

Правильный ответ я узнала, кажется, только уже в институте.

Еще учительница сказала, что мы все должны купить себе противогазы. Этот товар я никогда в жизни в продаже не видела. Никто их, конечно, не приобрел. И бывают ли детские противогазы? Жаль, что и в институте, изучая все тот же противогаз, я не узнала этого. Вот о противогазах для

лошадей читала. Видеть, правда, не пришлось. В какой-то книге американского автора, сочетавшей детектив с идеями борьбы за мир, прочла, что дети не могут пользоваться противогазами. И матери в противогазах будут смотреть, как их дети с кровью выхаркивают свои внутренности. Правда ли это? Не знаю.

Но страшен был не противогаз, не вбитое в голову: бомбы бывают трех типов: фугасные, зажигательные и осколочные. Страшной была строевая подготовка. Мы, дети семи-восьми лет, часами, как мне казалось, ходили строем в большом, слабо освещенном зале. И все время страх позора, если по команде повернешься не через левое, а через правое плечо. Или допустишь лишний шаг после команды: «Стой! Ать-два!».

Уже не в Архангельской школе, а позже, уроки физкультуры у нас обычно заменялись военным делом. И еще военное дело в институте – четыре года. И позже какие-то сборы и лекции. И я – лейтенант запаса. Но что значит равняться на грудь четвертого человека, так и не знаю.

Щавель

Пионерский лагерь. Мы должны собирать щавель для госпиталей. Собираем в свои панамки. Руководительница ругает тех, кто приносит их к ней редко. И тут одна девочка делится со мной своим «изобретением»: она проминает панамку снизу, и та очень скоро наполняется листьями щавеля.

Первый пример очковтирательства ...

Заблудились

В пионерских лагерях мы ходили за ягодами. Иногда за черникой, но больше за сихой. Ее еще называют воронихой. То ли она ближе росла, то ли раньше поспевала.

И вот в одном из походов мы, младшие девочки, заблудились. А старшие с пионервожатой ушли вперед. Мы долго брели по дороге, надеясь их догнать. Потом решили пойти назад. Шли долго. Лес, как нам казалось, становился все глуше, деревья выше. Мы опять повернули. Кое-где дорога раздваивалась. Запутались совсем. Было нам лет по 8–9. Все городские девочки.

Повезло, что увидели двух старушек, собиравших ягоды. Бросились к ним:

– Как пройти в деревню?

– В какую вам?

Опешили. Только тут поняли, в какую даль зашли. Не слышали, что поблизости от деревни, где был наш лагерь, существовали какие-то другие деревни.

Приключение это кончилось благополучно. По указаниям старушек мы вышли на дорогу к нашей деревне.

Обед в лагере давно кончился. Мы получили замечание за опоздание. Никто нас не искал, никто не беспокоился. Никто и не разделил нашей радости возвращения.

Мода

Странно, что и во время войны существовала мода. Мода в одежде. И, может быть, не столько у взрослых, сколько у детей. Была, например, мода на муфты. Носили больше маленькие меховые муфточки. Мне тоже хотелось иметь муфту. И бабушка нашла в сундуке широкую бархатную муфту, опушенную мехом и державшуюся на бархатном шнуре. Я была очень довольна. Наверное, было смешно смотреть на меня с этой муфтой прошлого века.

Были в моде помпончики. Делали их из ниток. Особенно увлекались этим девочки в туберкулезном санатории. Я знала технологию изготовления, но у меня ничего не вышло.

А уже в конце войны возникла мода приклеить вырезанного из бумаги и раскрашенного цыпленка с внутренней стороны обложки тетрадки. К клюву приклеивали промокашку.

Удивительно, что такой ерундой занимались.

Луиза

Так звали девочку с нашего двора. Их квартира отличалась тем, что на окнах висели шторы, синие шторы с серебряными звездами.

Луиза иногда приходила ко мне. Как-то еще до войны пришла со взрослым ридикюлем. Когда она собралась уходить, мама спросила:

– А что же у тебя в сумочке?

Луиза открыла ридикюль. Он был наполнен брусникой, а сверху лежали два белых фарфоровых слоника, бывших когда-то мамиными, а потом перешедших ко мне. Слоников Луизе предложили вынуть и положить на место.

После этого мне, кажется, не велели играть с Луизой. Но уже во время войны, когда у луизиной матери родился ребенок, и мать оставила Луизу

нянчиться с ним, я с другими девочками почему-то пришла в квартиру к Луизе. Она стала с нами разговаривать, отвлеклась, а ее маленький брат в это время разодрал хлебные карточки пополам.

Луиза была совсем растеряна. Девочки советовали склеить карточки. Клея не было. Кто-то предложил склеить картошкой. Луиза взяла длинную полоску кожуры от сырой картофелины и стала тереть ею карточки. Ничего мы не соображали.

Тут пришла ее мать. Узнав, в чем дело, изо всей силы ударила Луизу по щеке. Та упала на пол. Ребенок заплакал. Мы скорее ушли...

Волшебный балкон

Как-то я шла по проспекту Павлина Виноградова к центру. Квартала через два от нашего дома в глубине двора на противоположной стороне улицы мелькнул балкон весь в цветах. Цветы темнорозовые, красные, лиловые, оранжевые ... Не разглядела я этих цветов, только видела красочные пятна. Почему-то тогда не могла задержаться, подойти поближе.

Через несколько дней пошла тем же путем – нет балкона. Уже взрослой поняла, что видела я балкон осенью. Иначе я, пожалуй, и не обратила бы такого внимания на него. А тут – дома деревянные, темные от дождей. Зелени нет. И вдруг такой яркий балкон. Доцветали, наверное, астры, настурции. Конечно, удивительно, что кто-то во время войны сажал на балконе цветы.

А исчезновение балкона с цветами можно объяснить тем, что цветы побил морозом или их срезали. Но тогда я этого не понимала. И должно быть, месяц ходила. Все пыталась вспомнить, между какими же домами я его видела. Я никому не сказала о нем. И все надеялась найти.

До сих пор осталось у меня ощущение, что тот балкон был волшебным: показался и исчез.

Что-то сходное в рассказе Уэллса «Зеленая калитка». Воспоминание о чем-то неизъяснимо прекрасном и потерянном ...

Письмо

Я была, наверное, во втором классе, когда получила письмо от неизвестного мне бойца, лежавшего в госпитале. Писал он мне так, как писал бы девушке. Особенно напирал на то, что если я хочу узнать, откуда он узнал мой адрес, то должна ему ответить.

Я написала: «Дорогой дядя Петя! Сколько Вы убили фашистов?» И так далее. Получила еще одно письмо. Он предположил, что я с ним шучу и настаивал, чтобы написала, «с какого я года».

Я снова добросовестно ответила. Было мне 8 или 9 лет. Спрашивала бабушку:

– Разве он не видит по почерку, что маленькая?

Бабушка ответила:

– Другая барышня еще хуже тебя пишет.

Переписка на этом закончилась. Так я и не узнала, где этот «дядя Петя» взял мой адрес. Может, из подарка? Мы посылали подарки на фронт. Полагалось написать обратный адрес, фамилию и имя.

Иногда, читая о военных годах, я встречаюсь с тем, что боец получил от неизвестной ему девушки плитку шоколада или пачку махорки. Мне кажется это невероятным. Откуда мог быть у нас шоколад или табак? Мы посылали совсем ненужные, как я думаю, вещи, например, вышитый кисет для табака или деревянный лакированный мундштук.

В консультацию

У моей подруги Гали Кудрявиной родилась во время войны племянница. Каждый день Галя ходила для нее в консультацию. А галина бабушка говорила просто:

– За молоком.

Я часто сопровождала Галю. Пока она стояла в очереди, я ждала на улице. Рисовала на снегу Бабу-Ягу. Чтоб было страшней, делала ей не круглое лицо, а угловатое.

Наконец, Галя выходила. Пока мы шли обратно, она не выдерживала и несколько раз отпивала из бутылочек, но так, чтобы было не очень заметно.

«Скоро война кончится?»

Как-то зимой в темноте мы увидели, что на Пермской улице остановилась легковая машина. Машина тогда была редкостью. Из нее вышли какие-то люди. Машина, должно быть, застряла в сугробе или сломалась.

Мы подошли. Это оказались военные. С нами был Слава Буторин, уже такой большой парень, лет 14–15-ти, что он водился с нами, девчонками, не боясь насмешек. Слава, как старший, спросил:

– Скоро война кончится?

Один из военных ответил очень серьезно:

– Нет, ребята. Много еще немца гнать осталось.

Какой же это был год? Может быть 1943-й?

Страх

Долгое время я боялась оставаться дома одна. Боялась не чего-то конкретного – это был страх вообще. Потом заметила, что когда читаю, не боюсь. Отключаюсь от действительности полностью. Никакое другое занятие не отвлекало. Например, как-то раз попыталась снимать с елки игрушки, когда бабушка ушла. И не смогла – страх. Скорее стала читать.

Помню такой случай. Водопровод во время войны часто переставал действовать, и бабушка ушла на водокачку. Я читала, потом оторвалась от книги. Показалось, что бабушки нет уже давно. Возможно, что это так и было: водокачка была не близко, и очередь там была порой большая. Мной овладел страх. Я схватила топор и стала рубить дверь. Представляла, что вырублю четырехугольное отверстие, вылезу и побегу на водокачку. Но на белых крашенных досках двери оставались только зарубки. Тогда я стала спрашивать:

– Идет кто-нибудь?

Наконец, из коридора женский голос мне ответил. Я просила отпереть дверь. Как это мог сделать посторонний человек, не задумывалась.

– Отопру, отопру, – ответила женщина и ушла. Не помню, как дождалась бабушку.

Второй страх, который меня терзал, когда я стала чуть постарше, это смерть мамы. Или ее уход из дома навсегда, которым она грозила мне, измученная тяжелой жизнью во время войны и, видимо, каким-то моим непослушанием. В чем оно заключалось, совсем не помню. Помню только, как бежала по двору за мамой, боясь, что она уйдет. Страшно была напугана, когда раз мама вернулась очень поздно. Просто в ужасе была. Это, кажется, произошло летом, когда маму посылали на какие-то сельскохозяйственные работы. Она же вернулась раздраженная на то, что мы с бабушкой так ее ждали.

Мечь

К какому-то празднику в школе велели выучить стихотворение по собственному выбору. Его надо будет прочитать на утреннике. В «Пионерской

правде» я нашла подходящие, на мой взгляд, стихи и с упоением декламировала их перед бабушкой. В них все время повторялись слова «мечь», «Мстить». И вдруг бабушка сказала:

– А ведь мечь это нехорошее чувство.

Я опешила. Ведь стихи напечатаны в газете! Возразить не умела. Собственно не очень-то и понимала, что такое мечь. Но стихи дышали таким пафосом борьбы с немцами! Другие девочки тоже читали «военные» стихи. И только одна – Алла, красивая брюнетка со стрижкой «фокстрот», в пушистой белой шубке, – мы все были в пальто – прочитала стихотворение «Бабушкин буфет». В нем говорилось о том, сколько варенья, печенья, конфет в бабушкином буфете. Так неожиданно было это выступление. Гордо, не стесняясь, говорила эта девочка такие «довоенные» стихи, что никто ее не высмеял за неподходящую тематику.

Поэтические достоинства прочитанного мной в тот раз стихотворения были, наверное, невелики. Ведь я не помню из них ни одной строчки, хотя легко могу прочитать и сейчас на память несколько десятков детских стихов, которых не учила, с которыми не выступала, а просто читала.

Но вот вопрос о том, хорошее ли чувство мечь, долго беспокоил меня. Помню, что в конце войны мама взволнованно читала бабушке вслух из газеты, что мы пришли в Германию не мстить, что мы не будем разрушать домик Гете в Веймаре и могилу Канта в Кенигсберге. Привожу эти слова по памяти. Уже взрослой я встретила их еще раз, читая И. Эренбурга.

Но и сейчас, пожалуй, вопрос о мести я для себя не разрешила.

«Помер!»

Со второго класса у нас было отдельное обучение. Милая старенькая Зинаида Николаевна перешла в мужскую школу. А нашей учительницей стала молодая женщина Мария Васильевна. Она ходила по классу в какой-то куртке или шубке из модного тогда ярко-оранжевого меха. Его почему-то звали обезьяним. Вероятно, искусственный мех.

Мне не хочется писать об этой особе. Напишу только о том, как она провела среди нас опрос, где у кого отец. По алфавитному списку выкрикала она каждую девочку. Надо было встать и сказать одно слово, чтобы она могла заполнить соответствующую графу. Ответы были: «На фронте», «Убит», «Умер». Сидевшая рядом со мной девочка сказала:

– Погиб.

- Помер, – равнодушно поправила учительница.
  - Погиб! – трагически зазвенел голос девочки.
  - Помер, – безапелляционно решила Мария Васильевна.
- Я ни о чем не спросила эту девочку.
Дошла очередь до меня.
- Умер.
  - Помер, – привычно поправила учительница.
- Молчу.

Зеленый шарик

Учительница велела всем принести по две игрушки для елки, которую будут делать в госпитале. Я, конечно, решила выбрать самые лучшие. Ведь елка для раненых! С одной игрушкой было ясно все сразу: зеленый шарик. С другой было труднее. Зеленый шарик был настолько красивей остальных, что пары ему не находилось. Спросила совета у бабушки. И вдруг ...

– А почему зеленый шарик? Он же почти не виден на зеленой елке. Возьми лучше серебряный.

Как же так?! Как можно предпочесть глупый серебряный шарик этому, таинственно мерцающему в зелени ветвей зелеными отблесками?

Мой зеленый шарик, надо сказать, совсем не был похож на обычные разноцветные игрушки, продававшиеся и до войны, и сейчас. Он не был окрашен цветным лаком по серебру. Нет, он был сделан из зеленого стекла. Скорее, зеленого бутылочного стекла. Он был единственным ... Он просвечивал, чуть-чуть.

Не помню, чем кончилась эта история. Кажется, я заболела и вообще не смогла принести в школу игрушку.

«Воровка»

Это случилось во втором классе. У одной из девочек что-то пропало. Какой-нибудь пустяк. Ценного-то у нас ничего не было. Подозрение пало на Лелю С., смуглую, черноволосую школьницу. На перемене девочки проверили ее портфель. Не помню, то ли они велели ей раздеться, то ли она стала раздеваться сама, чтобы снять с себя подозрение.

Она раздевалась и раздевалась. Ведь в классе было холодно. Наконец, она стоит босыми ногами на холодном полу. На ней только штанишки, тонкие белые трикотажные штанишки до колен. Сквозь них просвечивает ее

смуглое тело. Лелю бьет дрожь. Слышно только ее всхлипывание. Все молчат.

И вот через много лет в толкучке магазина я, протискиваясь к кассе, ясно вижу, что в моей сумке чья-то рука. Мгновение – рука исчезает. Я успеваю заметить, что на той женщине ярко-зеленый, модный тогда платок. Могла я схватить ее за руку. Даже когда она вынула руку, могла закричать, схватить за пальто.

Но я не могла этого сделать. Вдруг рука попала в сумку случайно? Или даже не случайно, но женщина не успела взять деньги? Я протиснулась к окну. Разобралась в сумке. Моих денег не было. Был только ненужный теперь уже чек на новое платье.

Не знаю, удалось ли времени зарубцевать рану в душе Вали С. Но из моей памяти этот случай не изгладится никогда.

Жостка

В 1942 году в жостку играли, наверное, все школьники Архангельска. Я не встречала в литературе упоминания об этой игре. Жосткой назывался маленький кусочек какого-то тяжелого металла, скорее всего, свинца, с прикрепленным к нему кусочком меха, обычно с длинным ворсом, например, кусочек овчины. Игра заключалась в том, что, стоя на одной ноге, другой подбрасывали и подбрасывали жостку.

В школе играли на переменах. И эта игра считалась самым большим преступлением. Учителей обязали отбирать жостки. Замеченных в игре вызывали чуть ли не к директору. Грозили исключением.

У мамы скопилась небольшая коллекция жосток, которые она вынуждена была отнимать у школьников. Я как-то раз тайно попробовала подбросить жостку. Ничего не вышло – нужна была хорошая координация движений. Почему эта игра да еще в такое тяжелое время казалась педагогам врагом номер один? До сих пор не понимаю.

В следующем году школы разделили. Так что не знаю, продолжали ли мальчишки в нее играть.

Золотая рыбка

Новый год, 1944-й. Я на елке в Клубе водников. Дают подарки. И дают еще дополнительные подарки тем, кто выйдет к елке и станцует, споет или расскажет стихотворение. Я, конечно, на это не решаюсь. И не понимаю,

как могут давать дополнительные подарки. Откуда? Все получают продукты по карточкам, а на Новый год всегда дают одинаковые подарки всем детям.

Но самое интересное было дальше. Нас ведут в другую комнату смотреть кино, Фильм американский. Какая-то женщина представляет нам американца. Должно быть, он привез этот фильм. Фильм на английском, Но женщина, вероятно, учительница английского, переводит. Это мультипликация. Про золотую рыбку, которая жила в аквариуме. Но вот однажды, когда аквариум наполняли свежей водой, рыбка попала в трубу, а затем в море. Ослепительные краски – кораллы, водоросли, морские звезды. И вдруг на нее нападает какая-то большая рыба. Сейчас проглотит! И тут рыбка просыпается. Оказывается, она просто заснула в своем гроте из камешков, и все это ей приснилось.

Спасибо тебе, американец. Воспоминание об этом фильме я сохранила навсегда.

Карточки потеряла

Летний день. Я беру в магазине хлеб и кладу его в холщовый мешочек. Вижу, что какая-то девушка мне улыбается. Я ее не знаю. Но она, улыбаясь, подходит ко мне. Говорит, что знакома с моей мамой, что может отovarить мне карточки белыми булками. Предлагает сделать это сейчас же, если я с ней пойду. Соглашаюсь. Идем мимо моего дома. Проходим три квартала, до здания поликлиники на углу Ломоносовской и Павлина Виноградова. Одно из самых больших зданий города – трехэтажное. Заходим. Пройдя несколько метров, девушка берет у меня мешочек с хлебом, спрашивает, в нем ли карточки, и велит ее ждать.

Жду. Жду долго. Потом начинаю плакать. Бегу в том направлении, куда она ушла. Но здание, как лабиринт. Какие-то женщины расспрашивают: что случилось. Понимаю, что надо идти домой.

Мама не ругала меня. Она только спрашивала, как я не догадалась зайти домой, прежде чем идти дальше.

– Ты же проходила мимо!

Вероятно, она думала, что, зайдя я домой, бабушка бы все поняла и не пустила меня.

Заявили в милицию. Оказалось, что я плохо запомнила лицо мошенницы. Когда я шла рядом с ней и начинала на нее смотреть, она так пристально

глядела на меня, что я смущалась и переводила взгляд на ее большую стеклянную брошь.

Куда-то ходила я с милиционером. Он оставлял меня сидеть на мостках, на краю канавы, следить за каким-то домом. Все это было зря.

Но через месяц мы получили вызов в суд. Я с мамой не ходила. Поймал мошенницу один мальчик, пострадавший так же, как и я. Видя, что милиция найти не может, он стал каждый день ходить в тот магазин, где эта особа к нему подошла. Стоял там с утра до вечера. Рассудил, что рано или поздно она в том магазине появится. В конце концов, так и вышло. Увидев ее, он бросился, закричал. Люди помогли задержать.

В зале суда было довольно много пострадавших. У всех она выманивала карточки одним способом. Только у кого-то украла белье с веревки. Судья или кто-то из членов суда читал длинный список лиц, которых обокрала эта женщина. Но многие не пришли на суд.

Заседание суда было коротким. Подсудимая ничего не говорила. Ей дали два года. Ни карточек, ни денег никому не вернули. Сказали, что при обыске у нее ничего не нашли. Я и сейчас этого не могу понять. Она же физически не могла съесть такое количество хлеба. Скорее всего, продавала карточки. Но тогда у нее должны быть деньги или вещи.

И почему только два года. Потеря карточек была почти равносильна смерти. Сколько сил потратила моя мама, чтобы мы тогда выжили. И все думаю: почему многие не пришли на суд. Неужели?..

Брусника

В конце лета маме изредка удавалось уехать куда-то под Архангельск за брусникой. Вообще-то летом она занималась ремонтом школы, приходила домой с окрашенными, неотмывающимися руками. Посылали ее и в колхоз. Отпусков тогда не было. Но все же иногда давали выходной.

В эти поездки мама меня никогда не брала. Видимо, они были очень утомительны. Мама привозила целую бельевую корзину брусники. Я перебирала ягоды. Иногда при этом попадался грибок.

А как-то раз мама решила продать корзину брусники. Мы пошли к мосту через Кузнечиху. Продавали по 10 рублей стакан. (Сто грамм хлеба стоили тогда, кажется, 20 рублей). Брала ягоды охотно. В мою обязанность входило получать деньги. И тут маме показалось или это вправду было так, что я с кого-то не взяла денег за два или три стакана. И так малопрятная

торговля стала совсем скверной, когда мама стала меня попрекать этими деньгами.

Больше в жизни мне заниматься торговлей не пришлось
Санаторий

Осенью 1944 года мне дали путевку в туберкулезный санаторий. Как потом оказалось, у большинства попавших туда детей было затемнение в легких. У нескольких – костный туберкулез, – их потом перевели в другое место. У меня же было что-то с бронхами. Помню, когда мне делали рентген, врач сказал маме:

– Посмотрите сами, мамаша, на бронхи Вашей дочери.

По-моему, болезнь моя была не туберкулезного характера. Может быть, путевку дали потому, что у меня был еще туберкулез лимфатических узлов в легкой форме.

Как бы то ни было, мы едем в Залахотье. Эта деревня не так далеко от Архангельска, но переехав Двину на пароходе, надо было дальше идти пешком. В городе я к этому времени не могла пройти один квартал, чтобы не остановиться отдохнуть. Мама из-за этого выходила из себя. Она двигалась стремительно, несмотря ни на какое нездоровье.

Теперь предстояло проделать этот путь, когда ноги увязали в осенней грязи. Взрослых – двое, детей – трое. Мать девочки, больной костным туберкулезом, почему-то не смогла ее проводить. А девочка идти не может совсем. Ее тащат по очереди на плечах моя мама и другая женщина. Мы, родные дети, бредем рядом. Хорошо, что все на свете кончается. Дошли и мы как-то до Залахотья.

Мама успевает еще договориться с одной хозяйкой, у которой есть корова, что я буду приходить к ней каждый день и выпивать стакан молока. Деньги платит вперед. Маме еще возвращаться в город. Но я уже так устала, что не могу думать о ней.

В санатории нет школы. Есть только две руководительницы. Они дежурят поочередно. Молодая Нина и пожилая Надежда Андреевна. Старшие девочки тянутся к Нине. Мне она кажется какой-то бесчеловечной. Впрочем, и другая немногим лучше.

Никакого медицинского персонала в санатории нет. И лекарств нет. Никогда не измеряют нам температуру. В общем, никаких лечебных мероприятий, если не считать призыва Нины мыться по утрам до пояса. Никто

не моется – тесно, холодно, вода ледяная. И скоро Нина перестает об этом напоминать.

Санаторий расположен в нескольких избах, которые находятся довольно далеко друг от друга. В одной избе мы спим, в другой едим, а в третьей – красный уголок, то есть несколько старых книжек и несколько стульев. Нет ни одной игры или игрушки. Большую часть времени мы предоставлены самим себе. Первое время нас еще водят на уборку турнепса. Потом, когда с полей все убрано, мы часто ходим на «промысел». Часами ковыряемся в липкой, мокрой земле на полях, под дождем. Надеемся найти что-нибудь съедобное. Иногда удается отыскать маленькую редечку или турнепсинку, иногда картошинку размером чуть больше горошины. Брали мы порой и картошку-матку, не зная, что ее нельзя есть. Собранное отдавали на кухню, каждый отдельно. Добрые поварахи нам не отказывали. На следующий день каждый получал свои «овощи» в пареном виде. Помню их почему-то нестерпимо горький вкус.

Иногда мы ходили по деревне с просьбой продать турнепса или редьки. У меня денег не было, и я ходила просто за компанию. Помню ожесточенный торг между одним из наших мальчиков и крестьянкой. Он настойчиво уговаривал ее добавить к проданному хоть самую маленькую редечку.

Я ходила пить молоко, но почти сразу поняла, что мне дают стакан воды, чуть забеленной молоком. Сказать стеснялась. С тех пор, как только в книге или в разговоре начинают идеализировать деревенских жителей, я вспоминаю этот стакан молока.

Вообще мы могли бывать, где угодно. И делать, что угодно. Нужно было только вовремя придти в столовую. Часов не было, но вот на обед, кажется, никто никогда не опаздывал. Только раз опоздала я. С раннего детства я погружалась в книги так, что не замечала ничего вокруг. В тот раз у меня оказалась совсем неинтересная книжка о посадке во дворе смородины. Что-то среднее между художественным произведением и инструкцией по посадке и уходу. Но так тяжело было мне, привыкшей к чтению, без книг, то я оторвалась только, когда дочитала до конца. Оглянулась вокруг, – в красном уголке никого. Испугалась, что стала одна, что не знаю, надо ли запираť дом, когда все уходит. Бросилась бегом в столовую. Оказалось, что опоздала немного. Спросила у девочек, с которыми была в наиболее близких отношениях, почему они ушли, не позвав меня. Оказалось, что они звали,

но я не отвечала. Не знаю, почему они все же не дозволили меня, не толкнули. Какое-то равнодушие было.

Иногда нас мыли в бане, но белье стирать было нельзя. Родители должны были привозить чистое. Почти никому не привозили. Мама была у меня несколько раз. И чистое белье было, но я как-то не могла найти его в тумбочке. Словом, была так же инфантильна, как и в семь лет. И, конечно, я обовшивела. Мама перед санаторием вместо того, чтобы подстричь под машинку, сдалась на уговоры парикмахерши. И та сделала мне польку, то есть вся голова стрижена под машинку, а впереди челочка. Но и другие все были вшивые. наших руководительниц это не смущало, хотя у Надежды Андреевны дочка тоже жила с нами.

По вечерам мы при свете маленькой коптилки – электричества в деревне не было – играли. Игры были почему-то только спокойные. Чаще всего играли в испорченный телефон.

Некоторую активность проявили руководительницы только перед октябрьскими праздниками. К этому дню полагалась самодеятельность. Мы разучивали хоровод цветов – пели и танцевали. Потом нескольким девочкам, в том числе и мне, сказали, что мы не будем участвовать в выступлении – у нас хуже получается. Руководительнице не пришло в голову, как больно она сделала. Мы хуже других ... Выступлений на празднике я не запомнила, но запомнила что всем дали по одному прянику. Единственная сладость, которую получили за три месяца.

Произвела на меня впечатление еще борьба с мышами. Их развелось много в том доме, где мы спали. Был среди нас мальчик лет пятнадцати, очень практичный. Он, например, хвастался, что сделал сам зажигалку, «кремешков подбросил» и продал за 50 рублей. Так вот этот парень соорудил мышеловку и демонстрировал ее нам, подсовывая в нее очистку от турнепса. Она была моментально разрублена пополам. Это было что-то вроде гильотины. Мыши попадали, но я не смотрела на их трупы. Однажды мышь ушла, но вся шкурка с ее мордочки, может быть, даже с глазами, осталась в мышеловке. С содроганием я думала об этой мыши. И до сих пор, хотя отказалась тогда смотреть, вспоминая, вижу перед собой окровавленную мордочку этой несчастной мыши, чувствую ее страдания. Как это не похоже было на нашу с папой мышеловку-клеточку.

Можно вспомнить еще несколько эпизодов из жизни этого санатория. Так, однажды, проснувшись, я почувствовала, что-то в носу. Стала чистить

платком. Платок становился черным. Проснулись остальные девочки. Они быстро поняли, в чем дело, и стали меня ругать за то, что я не сказала про копоть. А я просто не поняла. Оказалось, что руководительница ушла, не погасив коптилки, а та без присмотра наполнила копотью весь дом. Вообще-то руководительницы, видимо, не считали нас больными. Хорошо помню, как Нина громко сказала на улице какой-то женщине, указывая прямо на меня:

– Ну, вот она разве больная? Вон щеки какие красные. Конечно, по благу устроили. Да они все здесь такие.

Иногда я искала одиночества, бродила одна. И нашла на озере плотик. Нашла и палку, чтоб оттолкнуться от берега. Была поздняя осень, лед еще не стал. Я поплыла на плоту. Не понимала, что погибну, если свалюсь в воду – плавать тогда не умела. Да и вообще в ледяной воде можно продержаться только несколько минут. Мне было хорошо. Чувствовала себя мореплавателем. Потом удалось причалить. Вымокла я вся, бежевые мои варежки были, хоть выжми. Никто не сделал мне замечания за эту прогулку. А, может быть, никто и не знал. Через несколько месяцев услышала от мамы, что в этом санатории утонул мальчик. Было судебное дело.

У меня тогда пропало много мелких вещей. Об этом было положено сообщать руководительнице, что я и делала каждый раз. Особенно беспокоило меня исчезновение жестяной коробочки с нитками и иголками. На крышке была изображена девушка в желтой шали. Мама называла ее Дуняшей. Руководительница, наконец, сказала, что я ей надоела.

– Почему именно у тебя вечно все пропадает?

Я не могла ответить. Наверное, мама дала мне много мелочей, которые не облегчили, а осложнили мне жизнь.

Пробыла я в санатории две смены – три месяца. Вошла туда слабым, больным ребенком. А выйти своими ногами не смогла. В последний день произошло сильнейшее пищевое отравление. Думаю, что виновата была солонина, из которой на прощанье сварили суп. Раньше нам мясного не давали. Руководительницы отрицали роль солонины, ссылаясь на то, что суп все ели. Но и в дальнейшем я сохранила печальную особенность отравляться несвежими продуктами, когда другие оставались здоровы. Сотрудницы санатория, указывая на то, что накануне я отдавала в кухню парить какой-то турнепс, считали виноватой в отравлении меня.

Мама всю дорогу везла меня на санках. Двину мы преодолели по льду. Помню радость возвращения домой. Мама мыла меня в тазу, ужасаясь ко-

личеству вшей. Потом мне дали какую-то специально приготовленную к моему приезду еду. Но оказывается, что есть я не могу совсем – сразу возникает рвота. Так с середины декабря началась моя тяжелая, моя смертельная болезнь.

Турнепс

Вот еще воспоминание об осени 1944 года в санатории. Руководительница перед тем, как привести нас на поле для уборки турнепса, строго предупредила, чтобы мы не смели брать с собой ни одной турнепсины – ущерб для колхоза. После работы она выстроила нас в шеренгу по одному и велела по очереди подходить к ней с поднятыми руками. Словом – «Hande hoch!». Она обшаривала, нет ли чего за пазухой, в штанишках. У двух или трех мальчиков обнаружила турнепс, разрезанный на мелкие кружочки. И вот эти грязные бледные кружки в торжественном молчании бросила в выдерганную нами большую кучу турнепса.

А на обратном пути оказалось, что одна из девочек несет довольно большую турнепсину.

– Как ты ее спрятала?

– А я не прятала. Подняла руки над головой вместе с турнепсом, и все.

Марат

Детей, больных костным туберкулезом, из нашего санатория перевели в какой-то другой. А на их место прислали больных туберкулезом легких. Для одного мальчика не хватило места в мужских комнатах. И его положили на кровать в нашей комнате. Звали его Марат. Он сказал, что здесь кормят хорошо. В том санатории, где он был раньше, давали только одну мучницу, то есть муку, сваренную с водой. Он был такой слабенький, что мы как-то не ощутили его «парнем» и не стеснялись, что он ночует в одной с нами комнате. Но вот в первую же ночь раздался голос Марата:

– Я писать хочу. Я не знаю, где уборная.

Он повторил это несколько раз в полной тишине и темноте. Наконец, одна самая смелая девочка встала и проводила его. Наутро выяснилось, что почти все девочки проснулись и слышали, но было стыдно пойти провожать. Насмешек над Маратом и над той девочкой, сумевшей преодолеть ложный стыд, не было.

Мои сказки

Много сказок мне рассказывала бабушка. Запомнилось название: «Ослиная шкура». Там было что-то про заколдованную принцессу. И вся сказка сверкала золотом, серебром и драгоценными камнями. Странно, что эту сказку я так никогда и не встретила напечатанной, хотя большинство других бабушкиных «сказок» оказались потом произведениями Андерсена, Свифта, даже, кажется, Жюль-Верна и Дефо.

Рано научившись читать, я прочла, наверное, несколько сотен сказок, благо родители интересовались фольклором, и на полках стояли тома не только русских сказок, но и сказок разных народов. Надо сказать, что все народные сказки казались мне страшно скучными. Особенно нуден этот неизбежный тройной повтор каждого действия. В сказках всех народов были одни и те же сюжеты. Это, вероятно, интересно и ценно для исследователей народного творчества, но ребенку читать «Аленький цветочек» в ненецком варианте – с национальным колоритом: малицы, пимы – это уж слишком.

Да еще я добралась до какого-то издания русских народных сказок, явно не адаптированного для детей. И стала приставать к великому неудовольствию мамы с вопросами о значении некоторых встреченных там слов. Мама посоветовала эти слова никогда не произносить. А книга куда-то исчезла.

Мне нравились совсем другие сказки. Они были напечатаны в приложении к журналу «Нива», которое называлось «Для детей». По-видимому, большую роль в этом издании играл Корней Чуковский. Там печаталась и его поэма «Ваня и крокодил». Многие иностранные сказки давались там в его переложении. В них были зеленоволосые красавицы, золотая чаша, прикоснувшись к которой, человек превращался в статую, принцесса, заколдованная в крысу и т. д. Была и чудесная сказка Александра Грина о слепой рыбе. Я никогда не могла читать ее без слез.

В туберкулезном санатории поздней осенью мы ложились рано – света не было. Только маленькая коптилка в комнате дежурной руководительницы. Рассказывали по очереди сказки. Вернее, очереди нет. Просто рассказывает, кто хочет. Все сказки я знаю, и они мне неинтересны. Однажды рассказывать вызвалась я. Выбрала на мой взгляд самую интересную из того же приложения к «Ниве» сказку шведского писателя «О ведьме, укравшей золо-

той наперсток». Там есть все: графиня, молодая и прекрасная, разумеется, в голубом платье, ведьма Сута-Рута, Злой Северный ветер, Сорока, укравшая золотой наперсток по наущению ведьмы. И, наконец, Жучка, задержавшая ведьму. В итоге все счастливы: наперсток найден, Суты-Руты больше нет, и повар раздает всем ломти белого хлеба, густо намазанные медом.

Когда я кончила рассказывать, царила полная тишина. Я растерянно спрашивала:

– Правда, сказка интересная?

Молчание.

Когда через несколько дней я снова заявила о своем желании рассказать сказку, все дружно запротестовали. Но я, решив учесть интересы аудитории, несмотря на шум и протесты, начала рассказывать сказку «Девочка и медведь». Кажется, это народная сказка в изложении Льва Толстого с нудными повторами:

– Высоко сижу, далеко гляжу.

Девочки были в восторге и часто потом просили меня рассказывать. Память у меня тогда была исключительная. Сказки я рассказывала практически слово в слово. Выбирала самые, по-моему, скучные – русские народные. И имела неизменный успех.

Но почему, почему они не приняли сказку о графине в голубом платье и золотом наперстке!?

Иллюстрация к сказке Мартины Вальквист «О том, как ведьма украла золотой наперсток» в приложении «Для детей» к журналу «Нива»

Болезнь

Отравившись чем-то перед отъездом из санатория, я не могла есть. Длилось это не меньше месяца. Даже кусочка сухарика из белого хлеба, который раз как-то достала мама, не могла съесть – сразу же начиналась рвота. Могла только пить воду. По-видимому, это и привело к тому, что я заболела бронхоэктатической болезнью. Много лет спустя, мне попал в руки справочник 1940 года издания, в котором была описана эта болезнь. Лечение не указано. Заключительная фраза: 100%-й летальный исход.

Но тогда ни я, ни мама этого не знали. Врачи никаких лекарств не прописывали. Лежала. Лежала и кашляла. У нас было очень холодно, с дровами было плохо, да еще печка стала дымить. В это время Маса вернулась из эвакуации. Маса – Мария Александровна Амосова, наша бывшая квартирная хозяйка. По национальности – коми. И она сразу взяла меня к себе. У нее было тепло. Какие-то бревна лежали в саду под снегом. И Маса с моей мамой вытаскивали их и пилили. Я рвалась помогать. Меня не брали. Потом я уже не вставала. Лежала я на масиной кровати. Она спала рядом со мной. Мама спала тут же на кушетке. Потом пришлось перевести к Маса и бабушку, потому что печка у нас пришла в такое состояние, что топить было нельзя. Где спала бабушка, не помню.

По-видимому, у меня все время была повышенная температура. Маса наивно говорила, что, может быть, это потому, что слишком долго держим градусник. Мама попросила врача Копытову, мать моих подруг Мили и Эли, жившую в доме рядом с масиным, посмотреть меня. Она посмотрела и не сказала ничего. А потом мама случайно встретила бабушку Мили и Эли. Та простодушно стала говорить:

– Уж как мы Таню-то жалеем, уж так плачем по ней...

Я узнала об этом разговоре много позже, мама тогда мне ничего не сказала.

То, что сделала Маса, было подвигом, следствием исключительной доброты сердца. Если кому-то придется читать эти слова, подумайте, кто из вас, имеющих квартиры со всеми удобствами, взял бы сейчас больного ребенка, постоянно откашливающего гной, да еще часто мучительный кашель вызывал рвоту. Представьте, что за водой надо ходить на водокачку, что нет возможности ребенка вымыть, а ребенок спит тут же, на одной по-

стели с вами. И его родные живут тут же, в комнате. Так вот доброта опровергла медицинскую статистику – я выжила.

Весной стала выходить на улицу. В школу ходить не захотела, а мама и не заставляла. Может быть, думала, что все равно умру. Я старалась избегать встреч с одноклассниками – было как-то неловко, что не хожу в школу. Играла с девочками разного возраста с того двора, в котором стоял масин флигель. Однажды мама увидела, что я прыгаю в «классики» в одних носках. Классы мы чертили на деревянном тротуаре. Доски были уже сухие, теплые. Но мама меня очень ругала. И действительно, на другой день я снова слегла. Однако и во второй раз я поднялась. Врачи назвали это чудом. Сказали маме:

– Ну, уж следующей зимы здесь не перенесет. Уезжайте куда-нибудь на юг.

Надо сказать, что родные отнеслись к нам в то тяжелое время очень хорошо. Волею судьбы мой дедушка (мамин отец) оказался в одной из станиц Сталинградской области. Жил там на квартире в частном доме и позвал нас приехать. Тогда очень трудно было уволиться. Маму не отпускали, несмотря на медицинскую справку о том, что я нуждаюсь в перемене климата. Наоборот, уговаривали ее поехать еще дальше на север, обещая выдать дочери валенки. Ей, в конце концов, все же удалось уволиться по тому самому благу, который мама всегда так ненавидела. Мы уехали, болезнь больше не повторялась, но бронхи остались расширенными, и я часто болею бронхитом.

Как-то раз, выходя из Русского музея, я спросила молодого человека, как пройти куда-то. Он охотно вызвался проводить. Был грустен и как-то потерян. Разговорившись, узнала, что он болен бронхоэктатической болезнью. Заболел в армии. Его демобилизовали, дали инвалидность. Он не работает и не учится. Штудирует медицинскую литературу в библиотеке, решая, делать ли ему операцию. Как раз в тот день он захотел отвлечься и пошел в Русский музей. Расспросив, поняла, что болезнь у него в меньшей степени, чем была у меня. Он почти не кашлял при мне. Удивилась, что болезнь эта, несмотря на такой прогресс медицины, по-прежнему настолько грозная, что дают инвалидность. Мне показалось, что самым тяжким для этого человека была неопределенность. Он не знал, решаться ли на операцию. Говорил, что по статистике из десяти оперированных выживают шестеро. И тогда я «открылась»:

– Посмотрите на меня. Можно ли поверить, что я перенесла эту болезнь, только в обстановке войны, голода? Мне помогла перемена климата.

И я увидела, что этот мальчик светлеет у меня на глазах. Может быть, я взяла на себя слишком много: советовала не делать сейчас операцию, а попробовать сменить сырой ленинградский климат на степной. Он согласился, решил уехать в Калмыкию или еще в какую-нибудь степную местность. Мы попрощались возле Морского собора Чевакинского, который я хотела посмотреть.

Жалею, что постеснялась спросить его адрес.

Масин дом

Люблю я его, этот мешанский уют.

В. М. Конашевич

Масин дом был даже не дом, а флигель. И не флигель, а половина флигеля. В другой половине жили Пестовы. Я была у них несколько раз. Запомнились полаты, на которых спал старик Иван Васильевич. Никогда я больше полатей не видела.

В масиной половине были две комнаты, кухня и кладовка. Мася работала бухгалтером и получала, должно быть, немного. Одну из комнат она сдавала. В качестве квартирантов сначала жили мы. Потом получили казенную квартиру в доме Геолтреста. Приехала моя бабушка, и у Маси стала жить она. Кто жил в доме, когда Мася уезжала в эвакуацию, не знаю. А потом жила Ида Иосифовна, эвакуированная из Риги.

В комнате были бледно-голубые обои, и стоял удивительный шкаф. Вверху у него было стекло и, как витраж, но в какой-то другой технике сделаны красные цветы с зелеными листьями. Не могу сообразить, что это был за стиль. Еще одной достопримечательностью комнаты была форточка: круглое отверстие высоко над окном. Она затыкалась деревянной втулкой с ручкой. Никогда я таких форточек больше не видела.

А в комнате, где жила Мася, стоял большой многоугольный стол, покрытый светло-коричневой клеенкой, и большой высокий буфет. Из него вынимали чашки и блюда с черными черешенками, а до войны еще и продолговатые стеклянные блюдечки для варенья. И была там подставка для трех бутылок. Поддонья были расписаны цветами на кремовом, сиреневом и зеленоватом фоне. Мама как-то пыталась объяснить мне, что эта подставка дурного вкуса, но я с ней не согласилась.

Стоял, конечно, непрременный тогда комод. На нем были два маленьких белых бюста – Льва Толстого и еще какого-то писателя, лежала большая розовая раковина, и стоял флакончик с духами. Запах тех духов кажется мне лучшим на свете. Два или три раза в жизни мне посчастливилось ощутить этот запах, но неловко было спросить, что за духи.

В комодe хранились маленькие круглые салфетки, обвязанные кругом шелковыми нитками, так что получались кружева полукруглыми выступами. Особенно красивы были салфеточки, у которых густо-вишневый цвет кружев постепенно бледнел и переходил в розовый, потом – в бледно-розовый и, наконец, в белый цвет. Они были как-то очень уютны.

Еще у Масы была короткая кушетка и широкая кровать под белым пикейным покрывалом, и подушки с накидушкой. Был еще и кружевной подзор. Теперь люди стараются вынести кровати в маленькую комнату, куда никто из посторонних не заходит, а если это невозможно, покупают тахту, софу, диван-кровать и т. п., и прячут постельное белье в тумбочку. Во времена моего детства никто не стремился замаскировать кровать. Такое желание показалось бы таким же нелепым, как если бы кто-то сейчас попытался замаскировать стол.

На стенах у Масы висели три картины. Две одинакового формата висели над кроватью. На одной лесной пейзаж с оленем, на другой горный поток. Третья картина висела на пятой стене. Да, да, на пятой. На Севере особым шиком считалось иметь дом с одним срезанным углом. Но благодаря картине, размером чуть ли не во всю эту стену, эта особенность комнаты была как-то незаметна. На картине было изображено что-то из боярского быта на ярко-желтом фоне. Еще в комнате стояло большое трюмо, и на стене был ковер с розами на черном фоне.

Как я теперь понимаю, комната была тесно заставлена вещами. «Но не тесно в этой тесноте...»

Наверное, ни один предмет в масиной комнате, в отличие от нашей, не имел ни малейшей художественной ценности. Но все вместе они создавали стиль. Каждому тут захочется сказать: мещанский стиль. Пусть так, Но, попав в эту комнату, человек ощущал тепло, постоянство, какую-то неподвластность этой комнаты ходу времени. А разве это так плохо?

Однако было и два изменения, коснувшиеся на моей памяти масиной комнаты. Должно быть, из-за меня была убрана с комода заспиртованная

ящерица под стеклом. И поставлен маленький тряпичный клоун, подаренный Идой Иосифовной.

Обогревалась комната черной голландкой, которая топилась из коридора. Другим боком эта печка выходила в кладовку. А в кладовке висела красивая плетеная выбивалка для пыли.

Важное место занимала в доме кухня. В ней была русская печь, в которой Мася пекла свои несравненные шанежки и посылала Тосе. А рядом – плита. В конце плиты был вмурован котел для воды с медной крышкой, которую чистят гущей, и она всегда сияет. Точно не знаю, что такое гуща. Кажется, это хлебные корки с дрожжами. Гуща, конечно, была до войны. Углубления, где стояла гуща, я почему-то боялась.

В кухне висела лампочка с удивлявшим меня абажуром матового стекла, вверху белым, а внизу голубым, похожим на колокольчик с оборками.

В 1945 году на кухне переклеили обои. Я и не подозревала раньше, что такое возможно: из холодных голубоватых стены покрылись темно-красными розами.

В конце 50-х масин дом сломали.

Пасьянсы

У нас были карты, и мы с бабушкой иногда играли. Игр две: в дурака и в пьяницу. Других бабушка не знала. И дурак был какой-то особенный: в пять карт. Освоить подкидного дурака мне в последствии так и не удалось. Еще бабушка знала пасьянс «часы». Но он никогда не выходил, может, один только раз из сотни. Потому не интересен.

Но когда Мася вернулась из эвакуации, у нее поселилась женщина из Риги – Ида Иосифовна. Мужа ее почему-то арестовали, когда они приехали в Архангельск. О нем она никогда не говорила. Но часто говорила со мной о племяннице, которую очень любила. Она не знала, что с той случилось. Они все вместе должны были эвакуироваться из Риги, билеты были на один поезд. Ида Иосифовна с мужем ждали на вокзале своих родных до последнего, но те так и не появились. Это был последний поезд. И десятки раз Ида Иосифовна, разговаривая со мной, задавала себе один и тот же вопрос:

– Почему они не приехали на вокзал?

Днем Ида Иосифовна работала в какой-то артели или мастерской. На мой вопрос, что она там делала, отвечала, что мастерская выпускает кло-

унов. Одну такую маленькую игрушку она подарила Маше. Один шар – туловище, другой, поменьше, – голова. На голове колпачок, а на шее зубчатый воротник. Рук и ног не было. И все из ткани защитного цвета. Я недоумевала, кому нужны такие игрушки, когда идет война.

По вечерам, переодевшись в довольно экстравагантную одежду: широченные шаровары из тончайшего шелка лимонного цвета в мелкий цветочек, она раскладывала пасьянсы. Знала два: «косынку» и «восьмерку». Я сидела рядом и советовала, куда переложить карту. Но Ида Иосифовна протяжно говорила:

– Подожди, подожди, только не и спиши.

И обычно находила более удачный ход.

Милая, бедная Ида Иосифовна! Не знаю, как дальше сложилась Ваша жизнь. Но мне так хочется думать, что Вы, так добро, так ласково относившаяся ко мне, тогда тяжело болевшей, нашли свою племянницу. Хотя знаю, что евреи в Риге были уничтожены. Но ведь бывает же в жизни чудо!

Чеснок и сало

Родные наши не забыли нас во время войны, хотя им тоже пришлось нелегко. Дядя Миша, кадровый военный, был на фронте с первого до последнего дня войны. Он прислал документ, по которому бабушку, его мать, прикрепили к специализированному военному магазину. Потом на какое-то время и мы с мамой были к нему прикреплены. Там отоваривали карточки получше. В обычных магазинах порой, кроме хлеба, ничего по карточкам не давали. Помню, что у нас были эти «пропавшие» карточки на жиры, на сахар. В следующий месяц по ним уже ничего не давали.

Нюточка, мамина сестра, присылала нам какие-то продуктовые посылки в конце войны. Прислала она для меня и новое лекарство – сульфидин, целую банку. Но никто не знал, сколько его надо принимать. Так и стояла эта банка зря.

А сестра моя Настя прислала нам из Молдавии, куда она попала в конце войны, посылку с чесноком и салом. Запомнилось, потому что такие продукты я попробовала впервые в жизни.

«Жизнь кончилась!»

Основным, вернее, единственным видом общественного транспорта в Архангельске был трамвай. Ну, за исключением летнего времени, когда

был еще пароход. Трамвайная линия тянулась по проспекту Павлина Виноградова через весь город. Но так как сам город был тогда вытянут вдоль реки, этой линии было достаточно.

На праздниках курсировал детский трамвай, в котором были подвешены игрушки, наклеены картинки. Ни разу не слышала, чтобы где-то еще додумались до такого подарка детям. Мама рассказывала, что когда она вошла в такой трамвай со мной на руках, я сказала:

– Какой необыкновенный трамвай!

Чем поразила пассажиров.

Но это было до войны. А в войну трамваи ходили редко. Порой человек, влезши в трамвай, спрашивал сидевших пассажиров:

– Докуда едете?

Отвечали. И вошедший становился рядом с тем, кто ехал недалеко, чтобы потом занять его место. Это не считалось невежливым.

Нет, наверное, я приняла желаемое за действительное: спросить хотелось, но не спрашивали.

Как-то совсем рядом с нашим домом трамваем задавило мальчика. Мы, дети, прибежали, когда тело уже убрали. Но возле рельсов лежал какой-то внутренний орган. И мы спорили: печень или сердце.

Еще раньше, видимо, до войны, я видела попавшую под трамвай собаку. У нее была окровавлена грудь и повреждена передняя лапа. Собака бросалась на грудь мальчику, визжала. А он отталкивал ее. Она падала на траву, вскакивала и снова падала. Я убежала тогда от этого страшного зрелища.

Во время войны я мало пользовалась трамваем. В школу ходила пешком. Но потом меня прикрепили к столовой для больных туберкулезом. Столовая была почти в центре города, а мы жили ближе к окраине. Если я шла пешком, то возвращалась домой поздно, в полной темноте. И я стала ездить на трамвае. Туда ехать было не так трудно. В крайнем случае, можно было сначала проехать в противоположную сторону до кольца – всего одну остановку. А вот обратно... Вагоны брали штурмом. Я не могла пробиться и пропускала трамвай за трамваем. В конце концов, приходилось идти пешком.

Но потом я сообразила, как быть. Трамваи тогда были без автоматических дверей. Садиться и выскакивать можно было и на ходу. Я отходила от остановки на некоторое расстояние, так чтобы, когда трамвай уже начинал замедлять ход, вскочить на подножку, схватившись за поручни.

Однажды я встретила на остановке свою одноклассницу Музу. Она не знала, как сесть в трамвай. Я предложила продемонстрировать свой способ.

Известно, что на первой публичной демонстрации опыт часто не удается. Возможно, я отошла от остановки дальше, чем надо, чтобы показать лихой прыжок. И оказалась под трамваем. Прыгала я в заднюю дверь первого вагона. Лежа на рельсах, за какие-то секунды или доли секунды, поняла, что мне не отрежет ноги, а трамвай проедет колесом выше пояса – я глубоко проскользнула под вагон.

– Вот и жизнь кончилась, пронеслось у меня в голове.

Страха я испытать не успела.

В этот момент, лежа навзничь, увидела стремительно приближающиеся ярко начищенные сапоги. Резкий рывок под мышки. И я на булыжной мостовой. Кругом толпа. Подбегает женщина-милиционер, поднимает меня. Но я стоять не могу, сажусь на мостовую. Она думает, что я ранена. Спрашивает что-то, задирает пальтишко и платье. Я стыжусь этого – ведь вокруг люди.

Видно, у меня была судорога, которая не позволяла стоять. Она проходит. Чувствую только ушибы. В толпе говорят:

– Это моряк! Это моряк ее спас.

Но моряк сразу ушел. Я даже не видела этого человека, которому обязана жизнью. Восхищает его поразительная реакция: он выхватил меня из-под двигавшегося трамвая за тот миг, пока я лежала между последними колесами первого вагона и передними колесами второго.

Убедившись, что серьезных повреждений нет, милиционер предлагает посадить меня с передней площадки. То же предлагает и женщина-водитель. Отказываюсь наотрез. Пойду только пешком.

Дохожу, наконец, до дальнего края нашего длинного дома и вижу, что навстречу, что есть сил, бежит мама. Оказывается, в толпе была мамина ученица-старшеклассница, знавшая меня в лицо. Приехав в школу, она сказала маме, что я попала под трамвай. Больше она ничего не знала, даже не поинтересовалась, жива ли я.

Мама бросилась к телефону. Обзвонила все больницы, лишь до одной не дозвонилась. В морг звонить не стала. Решила бежать на место происшествия в безумной надежде что-то узнать там. Почему она побежала через пол-города, а не поехала на трамвае, не знаю.

На другой день я спросила в классе Музу, куда же она делась. Муза ответила, что, когда все люди бросились ко мне, она спокойно села в тот трамвай и доехала до дому.

А мама меня все спрашивала:

— Неужели ты в тот момент обо мне не подумала?

Было неловко. Но я отвечала правду. Подумала:

– Вот и жизнь кончилась.

Больше ничего.

Деньги

Весной возле нашего дома на тротуаре расположился чистильщик обуви. Это было так необычно! С тех пор, как началась война, чистильщики исчезли. Его появление было как бы предвестником конца войны и уж несомненным предвестником лета.

Девочки решили почистить свои туфли и ботинки. У меня не было денег. Одна из девочек одолжила мне два рубля. Не понимаю, почему чистильщик брал так мало. Может быть, это была государственная цена. Военный, чистивший перед нами сапоги, дал пять рублей и не взял сдачи.

И вот я явилась домой в башмаках, сиявших на солнце. Но вечером, когда я попросила у мамы два рубля – сумму, на которую ничего тогда нельзя было купить – шанежка в 100 граммов стоила на рынке двадцать рублей – мама страшно рассердилась. Ей казалась эта чистка ботинок у чистильщика, когда можно почистить их дома, крайней степенью морального падения. Она обвинила меня в том, что я еще ничего не заработала, а трачу. И денег не дала.

Положение мое было отчаянное. Я, во что бы то ни стало, должна была отдать долг. Ужас, что не смогу расплатиться. Мама не понимает, почему я почистила ботинки. Безвыходное положение ... До сил пор не могу забыть.

Через несколько дней мама все же дала два рубля.

Рукоделие

В 1943-м было введено раздельное обучение мальчиков и девочек, и у нас появился новый предмет – рукоделие. Чему учили мальчиков, не знаю. Рукоделие превратилось в обучение вышиванию. Зачем вышивать!? Еще идет война. Еще голод и холод. Может быть, хотели в преддверии конца войны создать уют в домах? Мебели, украшений для интерьерера

тогда не выпускали. И мода на вышивки продолжалась довольно долго. Сначала в почете была гладь, потом – ришелье, а в начале 1950-х годов вся Москва вышивала чехлы диванных подушек болгарским крестом. Мода ушла, когда был налажен выпуск тканей, мебели и т. п. Потом она довольно робко возрождалась в одежде.

Летом 1945 года я побывала на выставке лучших школьных работ. Больше всего было вышивок с изображением корзин вычурной формы, переполненных фруктами, ягодами, цветами, валившимися через край. «Художественная» гладь! Может быть, здесь сказалось влияние дурного вкуса немецких открыток и других вещей, приходивших в посылках из Германии?

Меня во втором классе тоже учили вышивать. Но ни гладь, ни ришелье я не освоила. Научилась стебельчатому шву и вышивке крестиком. По рисунку учительницы я вышила контур груши желтой ниткой и контур зеленого листка. Края были обработаны мережкой. Это называлось – салфетка. Учительница сказала, что вышитые салфетки надо вешать дома на стену. И я потребовала повесить это произведение искусства на стену. Мама тактично пыталась отговорить меня, ссылаясь на то, что салфетки по стенам не развешивают.

– Но ведь учительница сказала!..

Моя груша, мягко выражаясь, была чужеродным элементом. Тем не менее, я добилась, чтобы ее повесили над обеденным столом. Грустно смотрел на нее Пушкин – его бюст подарила маме ее знакомая А. С. Комелова, ссыльная художница. По-моему, мама страдала из-за этого, пока мы не уехали из Архангельска. На новом месте я эту «салфетку» не повесила. Но она еще долгие годы хранилась у мамы.

В последний раз я видела настенную вышивку в 1950-е годы. Студентка Зоя Флаксерман, любившая Маяковского, вышила его портрет крестиком и повесила в общежитии над кроватью. Маяковский, наверное, застрелился бы вторично, увидев это.

Первый поклонник

Знакомство с тем, кто стал моим первым поклонником, состоялось рано. Под его предводительством мальчишки били нас, девчонок. Я подобрала старую метлу и спряталась за входной дверью в наш дом. Когда мальчишки пробегали, преследуя девочек, я выскочила и ударила Борьку метлой

по лицу. Папа вечером ходил извиняться за меня к его матери. Неприятно было, что я попала Борьке в глаз. Но все обошлось. Было мне тогда лет пять, а Борька был года на два старше.

Потом, когда мне было лет восемь или девять, Борька стал часто попадаться на пути. Однажды, когда я входила в дом, он прокричал вслед:

– Танька, я тебя люблю, люблю!

Эти же словами, написанные аршинными буквами, появились на следующий день на стене дома. Я очень стеснялась, боялась, что мама заметит. Но она умудрилась ничего не увидеть.

Виделись мы с Борькой от случая к случаю, хотя он жил в том же доме, только на втором этаже. Как-то он попросил что-нибудь почитать «про любовь». Я предложила «Евгения Онегина». А временами мы дрались, как раньше. Как-то раз мы с Галей Кудрявиной, спасаясь от Борьки с его ватагой, бросились к ней в дом. А галина бабушка мыла пол. И мокрой тряпкой шлепнула Борьку, ворвавшегося на чужую территорию.

Последний раз я видела его в начале лета 1945-го. Мама тогда перед отправкой в лагерь, наученная горьким опытом, обстригла меня под машинку. Борька был ошеломлен моим видом, сокрушался, что у меня нет волос.

На стадионе

В детстве мне очень нравился футбол. Стадион был недалеко от нас – в конце Пермской улицы, где стояли казармы. Когда бабушка подавала билет контролеру, я, сидя у нее на руках, спрашивала, играет ли сегодня такой-то футболист. Он был смуглый и черноволосый. И чем-то прельстил меня его стиль игры.

Много лет спустя, я пошла в Москве на матч на стадионе «Динамо». Ничего не понимала, спрашивала своего спутника. Он, стесняясь моего невежества, отвечал шепотом. Больше на футбол не ходила.

Во время войны никаких футбольных матчей на стадионе, конечно, не было. Стадион находился на территории казарм, то есть казармы и стадион были обнесены забором и колючей проволокой. А у проходной стояли часовые.

Но нам ужасно хотелось попасть на зеленое поле стадиона, полазить по пустым трибунам. И вот, должно быть, летом 1944-го мы отыскали ход. От довоенных времен осталась будка кассы. В ее окошко мы и пролезали, подставляя всякие камни для одной ноги, чтобы задрать другую до уровня

этого окошка. Видимо, были мы очень худы, так что, извиваясь, пролезали. Потом надо было преодолеть два ряда колючей проволоки. Но это уже легко – подползали под нее по-пластунски.

И вот мы на зеленом поле. Так хорошо! Играем в воздушные лунки. Лазаем по деревянным трибунам. Немного устав, идем смотреть гигантские портреты. Портреты величиной с дом. Это возле казарм. Маршалы Жуков, Конев, Рокоссовский ... Потом тем же путем выбираемся обратно.

И ни разу никто нас не задержал, не прогнал. Наверное, дело было в том, что мы не таились, держались свободно. Взрослые, видимо, уверенные, что ограда крепка, считали, что у нас есть какое-то право находиться на запретной территории.

Один раз, к своему удивлению, мы встретили там девочку, нам немного знакомую. Оказалось, что она приходила к своему отцу, который жил в казармах. От нее узнали, что выйти можно свободно через проходную. На выход пропуска не спрашивают. Мы с ней и вышли. Но стало как-то скучно. И больше мы, кажется, на стадион не лазили.

Толкучка

На толкучке я была только раз, уже в конце войны. Помню, что старуха продавала золотистое ведерко, сделанное из большой банки из-под американских консервов. А мама за время войны продала на толкучке все, что можно тогда было продать или обменять на хлеб. Кончились хорошие вещи, – продавала открытки и фотографии. Большинство открыток были с обратной стороны записаны, и мы с мамой заклеивали их белой бумагой. Находились покупатели и на фотографии красавиц. Но раз кто-то сказал маме, что она, должно быть, продает фотографии самой себя в молодости. Это ее как-то очень огорчило.

Раз или два была я с мамой в комиссионном магазине. После войны, перед отъездом из Архангельска, мама что-то продавала там. Помню ее рассказ, как за две конфетницы старинного хрусталя ей предложили 40 рублей. Она не согласилась. Тут же к ней подскочила какая-то женщина и предложила те же деньги, но тогда комиссионных платить не надо. И вдруг та женщина заплатила не 40, а 80 рублей – не поняла оценщицу: подумала, что по 40 за каждую. Шанежка в 100 граммов стоила тогда на рынке 20 рублей.

Как-то мама продавала на толкучке портсигар то ли карельской березы, то ли капа. Просила 5 рублей. Купил иностранец. Дал 50 по незнанию языка. Мама лишних денег не взяла. Объяснила ему ошибку.

Из того, что обменяла мама, мне тогда было больше всего жалко тонкий матовый шелк кремового цвета с мелкими разноцветными розочками, который ей привез папа из Ленинграда, и духи, тоже подаренные папой. На футляре тоже были мелкие розочки, разбросанные по кремовому полю. До сих пор такой узор кажется мне идеалом женственности и изысканности.

Сады-огороды

У Маси был сад. Мне он казался большим. В нем росли два толстых тополя, между ними вешали гамак. Еще был куст красной смородины, хмель, который полз по стене дома, и две треугольных клумбы с маргаритками и анютиными глазками. Но все это занимало не более трети этого великолепного сада. Остальное – болото. Мне говорили:

– Трясина!

От этого сад становился жутким и загадочным. Стоит сделать несколько шагов дальше разрешенной границы, и засосет с головой. Вряд ли бы та трясина засосала, но тогда я в это верила.

Разные воспоминания связаны с этим садом. Там меня купали летом, нагревая на солнце воду в ванночке. Там я искала дождевых червей, переверачивая все доски и камни. Родители ужасались. Сейчас я бы ни за что не взяла в руки червя. Тогда же чистые, розовые, некоторые с с пояском посередине – они совсем не казались мне противными. А червей я собирала не просто так, а для Маси. Она страдала ревматизмом. И растирание, приготовленное из червей, делало чудеса.

В этом саду был у меня очень неприятный случай. Осенью меня послали срезать хмель. И я ножницами нечаянно расстригла огромного комара – карамору. Не столько испугалась чудовищным размерам насекомого, сколько тому, что убила его. С плачем и криком бросилась домой.

У Маси был еще пустовавший клочок земли в другом месте – у дровяного сарая. Там папа стал разводить помидоры. Какой-то особый сорт, не то французские, не то итальянские. Они не успевали созреть и лежали потом в ящиках папиного письменного стола, становясь постепенно красными. Наверное, в детстве все кажется вкуснее. Так было и с теми помидорами.

Другой сад был у масиной соседки Ирины Ивановны. Она жила во второй половине дома. Тот сад был маленький, и трясины в нем не было, а было много цветов. Как-то эта соседка позвала меня в сад, или, может быть, я пришла сама. Там был какой-то ее знакомый. Она сорвала несколько мелких цветов, сделала маленький букетик и кокетливо сказала:

– Это я не для Вас, и не для тебя, а для себя.

Я обиделась и ушла.

Отец этой дамы, Иван Васильевич, тоже выращивал помидоры во дворе. Сохранилась фотография, где я, полутора лет, у него на руках и держу помидор, не сорванный с куста. Старик был добр ко мне, но маме говорил:

– Больно умна. Не будет жить.

Но его пророчество не оправдалось.

Самыми прекрасными в их садике мне казались астры. У них такой печальный, слабый запах. Астры цвели до поздней осени, когда все уже кругом было черно и голо. Цвели даже, когда по утрам на них оседал иней.

Это все было до войны. А во время войны у меня появился свой сад-огород, какого ни у кого не было. Благодаря моей привычке смотреть вниз, под ноги, я видела много интересного. А во время войны интересовали меня растения, дающие съедобные плоды. В щелях между досками тротуаров – по-архангельски, мостов, встречались растеньица гороха, подсолнуха, яблони (из семечка). Запомнив место, я потом приходила и осторожно, чтобы не повредить корней выкапывала растение. И пересаживала его. Надо было найти укромное место для пересаживания. И я нашла его под домом. Дом, где мы жили, стоял на сваях. И насколько могла протянулась моя рука, я сажала под него яблони, картошку и горох. Агрономических способностей у меня явно не было. Странно, что не помню гибели этих растений. Был мне тогда лет семь или восемь.

В войну все жители города разводили огороды. Мы с мамой тоже сделали две грядки на дворе Геолтреста. Посеяли репу – картошки для посадки не было. Ничего не выросло.

Потом учителям стали давать участки под огороды возле Архангельска, где-то в районе Черной речки. Там мы посадили картошку и, кажется, посеяли морковь. Относительно посадки картошки велись оживленные дискуссии. Одни считали, что сажать надо «головками», другие – глазками. Никто целой картошкой, конечно, не сажал. Осенью картошку копали и еще перекапывали, чтобы ни одна картошина не пропала.

Урожай у нас были небольшие, но все же что-то выросло. А людям, у которых был хороший урожай, больше угрожала опасность, что кто-нибудь выкопает их картошку. Такие случаи бывали – сторожей-то не было.

Совсем не помню своего участия в окучивании и прополке огорода. Зато помню, что рядом был лес с невероятной массой грибов. Мы с мамой их собирали. Я скоро уставала. Тогда мама показывала мне кочку и говорила, например, что на этой кочке семнадцать грибов. Оставляла меня собирать, а сама уходила. Я собирала штук десять, а остальные не находила. Аукалась с мамой. Наконец, она возвращалась, собирала незамеченные мной семь грибов, и мы шли домой.

В каком-то военном году, должно быть, в 1944-м, осенью была устроена в здании бывшего универмага на углу Поморской и Павлина Виноградова великолепная выставка овощей. В витринах лежали овощи огромных размеров. Все было такое яркое, все залито ослепительным светом. Это был праздник красок. Запомнилось, что была там и кучка картошки, выращенная каким-то школьником из «глазков». Кучка довольно убогая рядом с остальным великолепием.

В городе были общественные сады и скверы, но я воспринимала их как-то иначе, чем описанные здесь сады-огороды.

Ночная красавица

Дома у нас было несколько комнатных растений. И они прожили всю войну. Только олеандр, нецветущий – стебли с жесткими темными листьями – мама срезала и положила в гроб папе. Самым интересным для меня растением была ночная красавица. Во-первых, из-за названия, а, во-вторых, из-за легенды, что она расцветает только ночью раз в несколько лет, Я все ждала этого случая, но при мне она так и не расцвела. А с виду была совсем некрасивая: отростки мясистые, похожие на толстые граненые карандаши. И колючки. Да еще в горшок пришлось воткнуть палочки, чтобы это странное сооружение не падало.

Был еще столетник, довольно большой. Теперь говорят: алоэ. Когда было совсем голодно, я жевала его мясистые, нестерпимо горькие листья. Почему жевала именно его – не знаю. Может быть, инстинкт. Был же у меня такой случай, когда мы потом уже жили в сельской местности. Я пожалела привязанного к плетню телянка. Он стоял в таком месте, где травы не было.

Нарвала я охапку сочной зелени и принесла ему. А он есть не стал. Потом выяснилось, что принесла я ему белены.

Еще у нас было какое-то лилейное растение. Я теперь нередко вижу его, но не знаю точного названия. Впервые этот цветок расцвел вскоре после Победы – удивительно красивые, просвечивающие на солнце розовые цветы. Хорошо помню, как мама его летом пересаживала. Эта процедура происходила в садике у Масы. Мама не только меняла землю, но обрезала почти все корни, оставляя только луковицу. Мне же больше всего хотелось, чтобы луковица перед пересадкой была вымыта. Приставала с этим к маме и испытывала удовлетворение, когда чистую розовую луковицу сажали в свежую землю.

И, наконец, о растении, которое называли почему-то пальмой. Но полагаю, что оно тоже было из вида лилейных. Оно было такое большое, что стояло не на подоконнике, а на специальной подставке и росло не в горшке, а в деревянной кадке. Никогда не цвело. И выглядело как-то мрачно – много длинных темных листьев.

Было еще одно растение – временный жилец. Сосед, человек одинокий, во время войны, уезжая несколько раз в командировки, оставлял нам его, так же, как потом соседи, уезжая в отпуск, оставляли нам своих кошек. Растение это называлось «елочка». Кажется, это один из видов аспарагуса. Подбор растений, очевидно, был случайным. Родители не придавали этому значения. Да и завели они их потому, что когда еще жили у Масы, знакомые замечали им, что из окон трамвая видна в освещенных окнах вся их жизнь. Почему они не сделали занавесок, а предпочли загородиться цветами, мне неясно. Может быть, тогда было трудно с тканью для занавесок.

А у настоящих архангелогородцев росли обычно другие цветы, и относились к их подбору с большим вниманием, осознавая их важной деталью интерьера. Но об этом в другой раз.

Американская банка

Какая-то часть американской помощи продовольствием шла через Архангельск. Пока ее не было, отоваривали порой только хлебные карточки. Остальные приходилось просто выбрасывать. Но появились американские продукты, и на карточки стали давать непривычный жир – лярд, невиданный раньше яичный порошок, сахарный песок из тростника, казавшийся не очень сладким. Пусть эти продукты были невкусными или непривычными, они

означали жизнь. Но изумительным американским продуктом были мясные консервы. Мне пришлось попробовать их всего два или три. Ничего вкуснее не ела. Были и более удачливые семьи, поглощавшие огромные количества этих консервов, судя по кучам выносимых на помойку банок.

Консервы были иногда в круглых, но большей частью в прямоугольных банках со скругленными углами. Открывались не обычно, а специальным ключиком, приложенным к банке, вырезалась, накручиваясь на ключик, полоска жести. И верхняя часть банки снималась, как крышка.

Пустые банки везде валялись, и мы играли ими. Почему-то в тот период мы разделились на две группы – старших и маленьких. Мне было уже десять лет. Подруга Миля, моложе меня на два года, тоже была среди старших, а ее сестра Эля оказалась в группе маленьких. Раньше я играла с обеими сестрами, но тут из-за чего-то между группами разгорелась ссора. И Эля бросила в меня американской банкой. Попала в висок. Лицо сразу залила кровь. Я бросилась домой, через улицу, почти ослепленная кровью, не обращая внимания на уличное движение. Бабушка сразу стала мыть мне лицо под умывальником. Кончилось все благополучно, но на всю жизнь на виске у меня остался шрам в форме полумесяца. Теперь он уже слабо заметен, этот след скругленного угла американской банки.

Мороженое

Летом 1945 года на улицах города появились голубые тележки с мороженым. Его продавали порциями по 50 и по 100 граммов, накладывая ложкой в круглые формочки, а сверху и снизу были вафельные кружочки. Часами мы стояли возле мороженщицы и смотрели. Рассказывали про военного, ставшего легендарным, – он купил порцию в 100 граммов. А ведь она стоила 100 рублей! Покупателей было мало. И через некоторое время стали продавать порции по 25 граммов.

Незабываемый день, когда мама дала мне 25 рублей. Собралось пять или шесть девочек, и мы, обнаружив, что мороженщица, торговавшая рядом с нашими домами, ушла, отправились квартала за два к другой торговой точке. В это время к моим подругам Миле и Эле Копытовым как раз пришла в гости какая-то Лера. Их бабушка умоляла остаться ради гостыи. Но это было совершенно невозможно, когда впереди была процедура покупки мороженого. Мороженое мы купили и положили на блюдечко, предусмотрительно захваченное из дома. Мысль съесть мороженое там же, где купили, никому

даже не пришла в голову. Мы несли его торжественно домой. Но оно быстро таяло. Плоское блюдечко переполнялось, и нам приходилось схлебывать. Не помню, чем же это кончилось. Наверное, так все и растаяло.

А мама сердилась, узнав, что я купила мороженое там, где на голубом ящике белыми буквами было написано «Молочное». На некоторых ящиках была надпись «Сливочное». Думаю, что мороженое было одинаковое, ведь и цена была одна и та же. Как мама этого не понимала?

Кстати, пожалуй, неправильно назвать эти сооружения ящиками. Это были именно сооружения. Само вместилище мороженого и льда было высотой с прилавок, внизу колеса, а над ним тент.

Дети-нищие

Их было двое. Братья. Старший лет девяти, маленький лет шести. Ходили они врозь. Старший, видимо, тяготился своим положением, особенно при нас, детях такого же возраста. Кричал нам что-то, обзывал. Мы решили его не жалеть. Вся наша любовь обратилась к маленькому. Отдавали ему мелочь, какая была. Бабушка Мили и Эли давала этим детям да порой и нам сушеную свеклу. Ее можно долго жевать. Сначала она сладкая, а потом тошная. Моя мама, конечно, позвала ребенка в дом. Мальчик сел на диван и стал раскладывать то, что ему за день подали, сортировал. Мама увидела совершенно позеленевшую лепешку.

– Что это?

– Тяпушка, – ответил он.

Мама убеждала выбросить, чтобы не отравился. Дала хлеба. Отец у них был то ли на фронте, то ли убит. Мать положили в больницу. Дети приносили ей часть собранного. Жили они где-то недалеко от нас.

Это было сразу после войны.

А какой-то военный один раз дал маленькому целую горсть мелочи.

Религия

Религия совсем не обязательна для человечества – так утверждал преподаватель философии при подготовке к кандидатскому экзамену. Но чем же тогда объяснить, что на земле не было народа, у которого бы не было религии в той или иной форме?

Думаю, что каждый человек проходит историю, общую с историей человечества. Я не была исключением – мне надо было поклоняться чему-то.

Дикари вырезали своих идолов из дерева или высекали из камня, а мне пришлось довольствоваться тем, что было в квартире. Я выбрала объектом поклонения портрет юноши в одежде пастуха с дудочкой в руках. Лицо его, ярко освещенное, выступало из густой тьмы. Черная шляпа почти сливалась фоном. Это итальянский портрет XVI века в великолепной позолоченной раме.

Я поклонялась ему. Поклонялась в буквальном смысле, становясь на колени, когда бабушка уходила за перегородку. Я была очень гордым ребенком. Если бы в мое время существовала процедура при вступлении в пионеры преклонять колени и целовать знамя у всех на виду, я, наверное, не стала бы пионеркой. Я поклонялась портрету тайно, одна. И, должно быть, подсознательно нагнетала страх, вглядываясь в портрет, сгущая тьму, окружавшую лицо.

В 2012 году этот портрет вместе с рамой под предлогом, что надо его отдать в реставрацию, взял у меня Сергей Васильевич Чичков-Баженов, рекомендовавший себя президентом Сергиева фонда. Милиция не стала заниматься мошенником.

Около двух тысяч лет назад язычество стало уступать свои позиции христианству, которое и распространилось среди наиболее развитых народов. И мой языческий период прошел. Я тоже «перешла» в христианство.

В Архангельске действующих церквей не было. Среди окружавших меня людей верующих было незаметно. Бабушка в гимназии изучала Закон Божий. Иногда она рассказывала мне библейские истории, например, про Адама и Еву. Но они воспринимались так же, как рассказы о стране, населенной лилипутами. Но наступил момент, когда я стала просить бабушку научить меня молитвам. Она помнила только две: «Отче наш» и «Богородице, дево, радуйся». Я ощутила красоту этих молитв и прониклась религиозным духом.

Нашла я среди бабушкиных пуговиц и прочих мелочей сломанный настенный крестик с цветной эмалью. Сумела-таки с помощью медного колечка для занавесок подвесить его на шнурок (висел косо) и стала носить.

Помню, как в войну мы с мамой были в бане, и я с крестом на груди пошла мыться.

Бабушки и мама мне замечаний по поводу крестика и молитв не делали. Война кончилась!

Того, что война кончится 8 мая, ждал весь город, примерно за месяц до этого. И 8 мая мы были весь день наэлектризованы. Прошел слух, что

на американском и английском торгпредствах уже вывешены флаги. Мы, девочки, побежали смотреть. И действительно увидели разноцветные флаги. День был солнечный-солнечный. И так радостно на душе.

Каждый час ждали сообщения по радио. Проносится слух, что объявят в 4 часа, потом – в 5, в 6 ...Каждый раз бегу к бабушке и прошу ее слушать у репродуктора. Приходит с работы мама, я прибегаю с улицы, чтобы сообщить очередной час известия о конце войны. Мама смеется надо мной:

– Ты-то откуда знаешь?

Очень обидно. Наконец, засыпаю, так и не дождавшись сообщения.

Узнаю утром 9-го. Бегу на улицу. Встречаюсь с девочками. Они сегодня не идут в школу. Некоторые утром пошли – не знали, что объявлен выходной – и вернулись. Спешим сообщить всем прохожим. Действительно, многие не знали. Вот встреченная девочка начинает подбрасывать и ловить свою шапку, когда мы говорим ей. Вот мы обрадовали женщину в белом платке, которая копает возле дома грядку. Все рассказывают друг другу, как и когда узнали о конце войны. Некоторые матери или бабушки разбудили детей ночью.

Мне казалось, что о конце войны было объявлено именно 8-го мая в 23 с чем-то часа. А потом прочла, что объявление сделано в 2 часа ночи. Во всяком случае в Архангельске праздник растянулся на эти два дня: 8 и 9-е.

Мы ходим по улицам. Небо синее, солнце. Можно разговаривать с незнакомыми. Вот две девочки торопятся, тащат какой-то жбан.

– Что у вас?

– Бражку несем!

Не помню слез. Сколько читала воспоминаний, всюду и радость, и слезы. Но не видела я слез. И слова «победа» не слышала. Говорили просто:

– Война кончилась!

Конфеты

Мама говорила, что я, как пьяница, не могу пройти мимо ни одного ларька. Требую, чтобы в каждом мне купили конфету. В ларьках до войны тогда продавали морс кружками и конфеты поштучно. Папа считал, что много сладкого есть вредно, но сам привозил мне из ленинградских командировок коробочки ирисок и мармелада. А у Масы на середину стола, когда мы приходили в гости, ставилась ваза с необыкновенно нарядными конфетами.

Фантики были с геометрическим рисунком из разного размера прямоугольников золотого, красного и синего цвета. Было похоже на лоскутное одеяло.

В маленьком полутемном магазинчике на Пермской продавались шоколадные бутылочки. Их никогда не было в других местах, например, в гастрономе. Эти бутылочки были наполнены какой-то острой, превкусной жидкостью, может быть, ромом или ликером, и заткнуты серебряными пробочками из фольги. Взрослой я их никогда не встречала.

В гастрономе тоже были интересные вещи: бисквитные пирожные с розочками, плюшки, обсыпанные сахаром и главное – ромовые бабы, настоящие, с ромом, не то, что сейчас.

А в конце войны в столовой, к которой мы с мамой были прикреплены, один раз дали пирожные. Чудо! На вид совсем, как довоенные, с розочками. Мы с мамой бережно старались уложить их так, чтобы не помять цветочков. А тут же на моих глазах женщина с нашего двора, из эвакуированных с Украины, деловито шлепнула два пирожных друг о друга, так, что все смялось, и положила в крышку бидона. Дети этих приезжих отличались от нас. Помню, как они, правда, уже довольно большие девочки, презрительно смотрели на нас, ходивших в ТюЗе хороводом вокруг елки с пением «В лесу родилась елочка ...». Молча, неподвижно стояли они у стены. Получив подарки, сразу же ушли.

Но я отвлеклась. Надо рассказать еще, что когда перед войной прибалтийские республики были присоединены к СССР, кто-то из папиных сослуживцев ездил в командировку в Прибалтику и привез оттуда конфет. Мне было подарено немного конфет и очень много фантиков, которые были совсем не похожи на наши. Казались необыкновенно красивыми. И сейчас помню фантик с чайной розой, как будто проступавшей из коричневатого тумана.

Конфеты снова появились в 1944 году. Какие-то люди торговали на рынке самодельными липучими очень маленькими конфетками. Продавали их поштучно. Мама иногда покупала мне одну или две. А раз, когда я пошла с ней на рынок, видела, как к такому продавцу подошел милиционер и молча протянул руку. И тот насыпал ему целую пригоршню конфет. Без денег. Было в этом что-то неприятное, подозрительное. И сами эти бело-красные конфеты были подозрительные.

А в начале 1945 года в Архангельске открылся коммерческий магазин. Он был не близко к нашему дому, но мы, девочки, бегали к нему через полгорода, чтобы посмотреть. Нас не гнали, хотя было понятно, что мы ничего

не купим. Покупателей вообще было мало. В этом магазине продавались, кажется, все конфеты, какие только душа пожелает. Было много шоколадных наборов в роскошных коробках, например, «Золотой олень». И на коробке действительно был золотой олень на красном фоне. Такие наборы выпускали долгое время и после войны. В 1955 году, когда я болела (в Москве), одна женщина, лежавшая со мной в одной палате и выписавшаяся раньше меня, принесла мне такой набор. Думаю, что и для того времени это был дорогой подарок. Вкуса конфет не помню.

Однажды, когда мы глазели на конфеты в коммерческом магазине, вошла дама и спросила, есть ли ванильный шоколад. Ванильного не оказалось. Дама повернулась и ушла. Мы с недоумением смотрели ей в след: почему обязательно ванильный? В магазине был десяток сортов шоколада в плитках. Только через много лет мне пришло в голову, что у нее не было денег, и она тоже пришла только посмотреть, да неловко было просто так уйти.

А девочки мечтали, что вот они накопят денег и купят то, и то, и то. Вопрос, как накопить, не обсуждался. Очень серьезно обсуждалось, что именно покупать. У всех были разные вкусы. Я сообщила об этих планах бабушке. Ее сразу заинтересовало, как могут девочки накопить такие деньги. Я ответить не могла. И бабушка сказала, что, значит, они будут красть деньги у родителей или оставлять себе сдачу, когда родители пошлют в магазин за хлебом. А это тоже воровство. Стало неприятно от таких слов. Красть никто не собирался. Мечты были чисто платонические.

И сейчас не понимаю, откуда взялся этот шоколад. Ведь еще война шла!

А в магазине торговля шла вяло. Диких денег у людей или не было. Если у кого и были, так, видно, придерживали. И тогда возле магазина возник лоток, торговавший поштучно сравнительно дешевой карамелью в бумажках. Когда летом 1945 года мы уезжали из Архангельска, Маша, провожая нас, купила мне с этого лотка одну карамельку «Малина» за 50 рублей. Милая, милая Маша!

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя. Т. Смирнова	4
Письма о любви. Л. Сизинцева	6
В северном крае. М. Смирнова	7
Открытки, письма и телеграммы из тюрем. 1930–1931 гг. с 16 сентября 1930 г. по 20 мая 1931 г. (через цензуру)	10
Письма и телеграммы из ссылки. 1931 г. с 26 мая по 6 августа (через почту)	44
Город Архангельск в начале 30-х годов XX ст. Из записок иностранца	136
Письма из геологической экспедиции. 1941 г.	168
Письма к брату М.И. Смирнову. 1938–1941 гг.	200
<i>Приложение. Л.С. Китицына.</i>	
Письма к М.И. Смирнову о смерти В.И. Смирнова. 1941 г.	259
Этнографические работы В.И. Смирнова	266
От Молвитина до Буя. Из записной книжки краеведа. 1928 г.	266
Севернорусское орудие для сбора ягод	285
Архангельские туеса	288
<i>Приложение. Т.В. Смирнова.</i>	
Детство в Архангельске. 1935–1945 гг.	292

Василий Иванович Смирнов

**Цветок клюквы
и веточка карликовой березы**
Судьбы краеведов

Технический редактор

Е. Кузнецова

Дизайн и компьютерная верстка

Т. Фролова

Контакт с автором книги по e-mail

smirnowatw@mail.ru

Подписано в печать 17.08.2016.

Формат 70x84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman Суг. Печать офсетная.

Объем 24,5 печ. л.

Тираж 150 экз.

Заказ № 872_16.

Допечатная подготовка ООО «Все для Вас Сергиев Посад».

Отпечатано в типографии ООО «Тверской Печатный Двор»,

170000, Тверская область, г. Тверь, пос. Никольское, 26.